

ПРАКТИКУМ ПО ПСИХОЛОГИИ

П. В. ЯНЬШИН

**ПРАКТИКУМ
ПО КЛИНИЧЕСКОЙ
ПСИХОЛОГИИ**

методы исследования личности

Яньшин П. В.

Я67 Практикум по клинической психологии. Методы исследования личности. – СПб : Питер, 2004. – 336 с: ил. – (Серия «Практикум по психологии»).

ISBN 5-469-00158-X

В практикуме освещаются общие вопросы психодиагностической методологии, особенности клинического подхода к психодиагностике личности, теория проективных психодиагностических методов. В нем представлены полные описания клинических диагностических методов, которые используются при решении дифференциально-диагностических и психолого-коррекционных задач, а также в практике индивидуального психологического консультирования.

Цель практикума – максимально полно отразить все этапы психодиагностического процесса и, в первую очередь, процесс интерпретации и написания психологического заключения. Большинство разделов снабжены примерами обработки результатов и заключений. Практикум содержит наряду с описанием методик материал по их валидации. Практикум адресован студентам факультетов психологии, обучающимся по специальностям 020400 «Психология», 022700 «Клиническая психология» и по специализации «Клиническая психология» в рамках дисциплин «Психология личности», «Дифференциальная психология», «Психодиагностика», «Методологические проблемы клинической психологии», «Проективные методы в клинической психологии».

Я бесконечно благодарен своей жене Елене за ее неиссякаемое терпение к моим профессиональным увлечениям.

Я приношу мою глубокую благодарность моим учителям Блюме Вульфовне Зейгарник, Майе Захаровне Дукаревич, Сусанне Яковлевне Рубинштейн, Юрию Федоровичу Полякову и всем преподавателям факультета психологии МГУ за тот дух исследования и творчества, который они несли своим ученикам и студентам. Я с благодарностью и скорбью склоняю свою голову перед памятью двух замечательных людей – Яна Абрамовича Вулиса и Льва Григорьевича Блейхмана. Под отеческим началом первого и в дружеско-отеческих отношениях со вторым прошли мои годы профессионального становления как клинического диагноста в 1-й областной психиатрической больнице г. Куйбышева (Самары).

Я приношу мою благодарность моим коллегам И. М. Кычановой, Е. В. Сениной, Е. Ю. Кастроль, Е. В. Карбышевой, С. Гусаковой, Н. В. Плужниковой, Ю. Захаровой, Е. Ю. Воиновой, чьи дипломные работы я использовал при написании этого учебника. Я благодарен всем моим студентам, любезно предоставившим свои учебные заключения для использования в этом учебнике. Не в меньшей степени я приношу свою признательность всем без исключения моим студентам, чьи недоумевающие вопросы в ходе обучения внесли неоценимый вклад в совершенствование содержания учебника.

Несколько слов об этой книге

Сегодня нет недостатка в печатной продукции практически по любой теме, связанной с вопросами управления компанией. При этом, как и следовало ожидать, качество издаваемой литературы очень сильно различается. Именно поэтому мне хотелось бы выделить данную книгу особым образом.

Тема книги – коллегиальная работа, в действительности охватывает существенный пласт жизнедеятельности любой компании. Компании проводят совещания, планерки, рабочие встречи, конференции и т. п., и все это относится к коллегиальной работе. Можно сказать, что коллегиальная работа – это процесс, связывающий отдельных индивидов в группу, коллектив, совместными усилиями движущийся к намеченным целям. Люди находят оптимальные решения возникающих проблем, консультируются и учатся именно в процессе коллегиальной работы, что и определяет то значение, которое в реальности она имеет.

Качество коллегиальной работы зависит от многих факторов и в значительной степени от того, насколько ее участники понимают те скрытые от поверхностного взгляда процессы, которые ведут группу либо к успешному решению стоящих перед ней задач, либо к бесконечным дебатам и конфронтации.

Предлагаемая вниманию заинтересованного читателя книга позволяет увидеть и существенно глубже понять сущность процесса коллегиальной работы. Автору удалось проникнуть под покров тех видимых обычному наблюдателю явлений и феноменов, которые сопутствуют обычно групповой работе. Например, задумывались ли вы когда-нибудь о том, какая связь существует между стадиями коллегиальной работы и «духовными» иерархиями? Или о том, как взаимосвязаны между собой стадии коллегиальной работы и четыре типа эфирных сил?

В действительности, любое наблюдаемое явление имеет в своей основе некий архетип, который определяет сущность данного явления.

И то, благодаря каким силам можно вызвать изменения этого явления в нужном направлении. Так же, как естественные науки стремятся вывести закономерности возникновения и развития физических явлений, социальные науки должны стремиться не только к фиксации неких феноменов, например, коллегиальной работы, но и к глубокому познанию тех оснований, которые их определяют. И если заинтересованный читатель стремится обрести именно глубокое понимание рассматриваемого вопроса – эта книга для него.

По ходу изложения темы автор часто использует примеры из практического опыта различных организаций, а также ассоциации с живой природой и христианским учением. Это «оживляет» изложение и позволяет простым и доступным языком говорить о достаточно серьезных вещах.

Книга ценна также тем, что автор приводит ряд упражнений, которые могут помочь каждому человеку впоследствии более осознанно и вовлечено участвовать в коллегиальной работе, помогая также и другим участникам вносить в нее конструктивный вклад.

Возможно, заинтересованный читатель помимо полезных советов и знаний увидит также, как много вопросов еще предстоит исследовать в развитии данной темы. Но именно это и радует, поскольку каждый новый вопрос порождает новые поиски, новые ответы и новые возможности.

Алехина О. Е., к. э. н., консультант по управлению и организационному развитию, один из ведущих экспертов в области обучения и развития персонала

Тема 1. Методологические аспекты клинической психодиагностики личности ***Личность как объект клинического исследования***

Главное содержание этого учебного пособия составляют диагностические методы, которые возникли и используются в клинической психодиагностической практике. Ценность разработанного в клинике подхода к пониманию личности доказана уже тем, что в его усовершенствовании принимали участие такие блестящие исследователи, как З. Фрейд, К. Г. Юнг, А. Адлер, С. Граф, А. Р. Лурия, А. Маслоу, К. Роджерс, К. Левин, Г. Мюррей, Б. В. Зейгарник, С. Я. Рубинштейн, и многие другие теоретики и практики психологии. Клинический подход прослеживается и в предложенном в свое время Л. С. Выготским методе выделения единиц анализа психических явлений. Согласно авторам одного из переводных учебников по психологии личности, ни одна теория личности не может считаться полной, если не позволяет создать на ее основе действенного метода психотерапии, т. е. метода клинического анализа и коррекции нарушений в функционировании личности.

По сути, клинические методы идиографичны, предназначены для воссоздания целостной картины личности или субъективного образа ситуации «изнутри», с уникальной точки зрения субъекта (пациента, клиента). Термин «клинический» указывает на то, что этот стиль психодиагностики тяготеет к способам и методам постановки диагноза, которые на протяжении тысячелетий оттачивались в медицине. Здесь важно осознание того, что постановка медицинского диагноза подчинена четкой логике, понимание которой желательно и для психолога, работающего с излагаемыми в данном учебнике методами. Поскольку в психологических учебниках этот подход освещается крайне редко, остановимся на нем несколько подробнее.

Клинический диагноз

В основе постановки клинического диагноза положены три приема: наблюдение, сравнение и классификация. Цель постановки медицинского диагноза – предсказание развития событий (течение болезни) и результата (выздоровление, хронизация, смерть). В основе классификации лежит принцип типологизации: поиск устойчивых признаков и типичных их сочетаний. Логическая схема типологизации тоже, на первый взгляд, достаточно проста: симптом – синдром – нозология (название болезни)¹.

Синдром – это совокупность симптомов, при чем одни и те же симптомы в разном сочетании могут формировать совершенно различные синдромы. Пользуясь психологической терминологией, синдром – это гештальт, здесь и теперь формирующееся целое. Следовательно, синдром – это образ состояния пациента, складывающийся в сознании врача. Его «кирпичиками» являются симптомы, т. е. более дробные, изменчивые признаки. Как и в теории гештальта, синдром (целое) не сводится к простой сумме частей (симптомов) аналогично тому, как готовый дом не сводится к куче кирпичей, из которых он построен. В свою очередь характерное сочетание и смена синдромов во времени позволяет их объединять в более крупные классификационные единицы – «нозологии», т.е. названия болезней. Так же, как и симптомы, сходные (но не идентичные!) синдромы могут встречаться при разных болезнях. Несколько упрощая, можно сказать, что синдром – это характерное болезненное состояние, в то время как болезнь – это характерная совокупность разных состояний, смена которых определена спецификой именно данной болезни.

Существование синдромов как регулярно наблюдаемых сочетаний симптомов отражает объективные закономерности, лежащие в основе возникновения и течения болезни, что позволяет их изучить и предложить адекватные меры лечения. В основе подбора лечения лежит так называемый этиопатогенетический принцип. Он предполагает закономерную связь двух рядов событий: этиологии (т. е. происхождения, причин) болезни и фактов ее развития (патогенеза). Так от классификации мы переходим к цели любой зрелой науки – объяснению причин и закономерностей наблюдаемых фактов, динамики развития объекта изучения. В медицине цена знания этих причин и закономерностей часто равна цене человеческой жизни.

В завершение этого краткого экскурса в методологию постановки клинического диагноза следует сделать существенную оговорку. Ни симптомы (например, болевое ощущение), ни синдромы (например, болевой синдром, включающий, помимо болевого ощущения, ряд

¹ По аналогии с неврологическим диагнозом А. Р. Лурия ввел в нейропсихологии следующий принцип: симптом – синдром – фактор, понимая под последним локализацию поражения в коре больших полушарий головного мозга.

сопутствующих признаков: сердцебиение, потоотделение и т. п.) не идентичны для разных нозологии (болезней). Даже разные зубы у нас болят по-разному, а боль в голове или колене – два совершенно разных ощущения. Это значит, что, сколь бы логична ни была используемая методология и классификация, окончательный диагноз возможен лишь при сопоставлении большого количества фактов и условий, причем в основе всегда лежит понимание внутренних закономерностей их сочетания (инсайт). Такое понимание формируется с годами практики по мере накопления клинического опыта. Каждый пациент – это уникальный случай, требующий индивидуального изучения. Невозможно изучить медицину только по учебникам, поэтому и не существует заочных медицинских факультетов. Обучение происходит методом указания, т. е. при непосредственном общении между учеником и учителем.

Это совершенно справедливо и для овладения клиническими методами психодиагностики личности. В клинической психологии описанная выше методология приспособлена для нужд психодиагностики. В разделах клинической психологии, близко стоящих к медицине, эта связь более очевидна. Мы говорим о «патопсихологических» или «нейропсихологических» синдромах, понимая под этим закономерное сочетание выявленных в исследовании пато- и нейропсихологических нарушений. Относительно личностных характеристик подобные закономерности не столь заметны, но столь же существенны.

Клинический стиль мышления в противовес психометрическому

В психологии клинический метод и стиль мышления традиционно синонимичен идиографическому подходу. Антонимом является дифференциально-психологический (номотетический, психометрический) подход. Соответственно, для клинической методологии более органичен метод психодиагностического эксперимента и проективные методы, а для дифференциально-психологического – стандартизованные анкеты и опросники личности. Однако используемая диагностическая техника – важный, но не основной отличительный признак. Главная черта клинического стиля мышления – приоритет индивидуального случая над статистикой.

Клинические и психометрические методы обслуживают различные диагностические задачи. Психометрический тест – это (в идеале) именно тест в узком смысле слова. Он должен соответствовать строгим требованиям валидности, достоверности и надежности, предъявляемым к стандартизованным процедурам измерения. При этом валидность теста, согласно А. Анастаси¹ – это, в первую очередь, прогностическая валидность: способность предсказывать будущее поведение на основе поведения в тестовой ситуации.

Помимо прямого предсказания поведения применение психометрической процедуры направлено на классификацию испытуемых на группы по психологическим признакам. Цель такой классификации – тоже предсказание, например – эффективности обучения, выполнения определенного рода деятельности и т. п. Таким образом, в основе психометрического подхода лежит негласное убеждение в допустимости предсказания Поведения либо классификация на основании единственного психологического свойства (интеллекта, тревожности и т. п.). В противоположность этому клинический диагноз основан на синтезе совокупности признаков, и его цель иная.

Вот простой пример, иллюстрирующий разницу между клиническим и дифференциально-психологическим подходом. Однажды преподаватель предмета «Психодиагностика и психокоррекция в школе», отправляясь на свою лекцию, задала мне вопрос: «В каких случаях следует применять опросники, а в каких – проективные методы?» Ответ очевиден: если Вам нужно рассортировать детей по психологическим признакам, например – уровню тревожности, темпераменту, школьной мотивации, интеллекту и т.п., то Вы примените стандартизованный опросник или иную, но обязательно стандартизованную, процедуру оценки интересующего признака. Такие исследования, как правило, проводятся групповым методом. Однако после этого возникнет естественный вопрос: что делать с выявленной группой риска? Хорошо известно, что ни одна стандартизованная процедура, за малым исключением², не позволяет дать ответ о причине того или иного ее выполнения.

Можно ручаться, что причины повышенной тревожности каждого ребенка будут индивидуальны и потребуют сбора индивидуального и семейного анамнеза, сопоставления

¹ Анастаси А. Психологическое тестирование. – М, 1982. – Т. 2.

² Редким исключением являются критериально-ориентированный опросник MMPI или интеллектуальный тест Д. Векслера, которые разрабатывались психологами клинического направления.

множества характеристик, проверки гипотез о причинах и следствиях, понимания закономерностей нормо- и дизонтогенеза и т.д. Тревожность в нашем примере – лишь «вершина айсберга», внешний индикатор психологического неблагополучия, причины которого кроются в особенностях личности данного ребенка. Для правильного подбора психокоррекции необходимо точное знание причин (этиологии) и закономерностей развития («патогенеза») выявленных отклонений. Для этого наилучшим образом подходят техники, принятые на вооружение клинической психодиагностики. Клинические методы применяются только индивидуально, причем диагностика начинается уже с момента появления клиента на пороге Вашего кабинета.

Для нас, как клинических психологов, безусловной ценностью является уникальная индивидуальность клиента, отражающая неповторимую историю формирования его личности и телеологию его судьбы. Наша цель гораздо сложнее, нежели констатация индивидуальной комбинации стандартных черт характера или темперамента. В клинической психодиагностике задача классификации и предсказания поведения не является первостепенной, а подчинена цели, недостижимой для психометрических диагностических процедур. Эта цель – выявление причин и закономерностей наблюдаемых особенностей поведения или психического состояния. Основой такого понимания служат знание объективных закономерностей формирования личности (этому служат теории личности) и собственный опыт психодиагностики и психокоррекции. При этом клиницист основывает свою работу на убеждении, что человек («клиент», «испытуемый»), его личность является уникальной целостностью.

Понятие «личность» в клиническом подходе

Единого общепринятого определения понятия «личность» не существует. Это положение вещей справедливо, к сожалению, и для клинической психологии. В нашу задачу не входит доскональный обзор всех подходов к определению этого понятия. Мы сосредоточимся только на том, которое наиболее органично клиническому направлению. Изложенная методология исследования естественным образом формирует свой объект.

Какое же понимание термина «личность» наиболее органично для клинического подхода?

Каким образом и в каких случаях клинический подход применим к исследованию «нормальной» личности?

«Личность» рассматривается не как перечень психологических характеристик (темперамент, характер, мотивация, способности) субъекта, а как «психическое новообразование», психический орган интеграции поведения субъекта. Личность есть уникальный многомерный психический «орган» высшего порядка¹, запечатлевший неповторимую историю развития конкретного субъекта.

Как показывает опыт, несмотря на разнообразие определений, наиболее общие характеристики без труда укладываются в известную схему². Характеризуя личность, мы обязаны раскрыть:

- ♦ предпосылки ее развития (как правило, под ними понимаются врожденные индивидуальные характеристики: задатки, естественные потребности, свойства ВНД и т. д. и закономерности их созревания в онтогенезе);

- ♦ источники ее развития (вся совокупность условий индивидуального воспитания, «вращения» в человеческую культуру, как однажды выразился Л. С. Выготский);

- ♦ движущие силы (например, внутренние конфликты, миссия) ее формирования;

- ♦ структуру личности.

Такой подход требует знания механизмов регуляции поведения, закономерностей мотивации и целеполагания, структуры сознания и самосознания, закономерностей формирования структур и подструктур личности в норме и патологии.

Личность в клиническом подходе представляется сложно и закономерно взаимосвязанной системой длящихся во времени процессов. Эти процессы описываются как «механизмы» и «структуры» или взаимосвязанные цепочки причин и следствий, управляющих, контролирующих и интегрирующих деятельность субъекта. В этой ситуации «все связано со всем», и только глубокое понимание сути и закономерностей этих связей помогает определить, в какой степени и почему возник этот симптом (характерный диагностический

¹ Имеется в виду приоритет относительно физических и психофизиологических процессов в нервной системе и организме в целом.

² Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М, 1975.

признак). Какие бы категории ни использовались клиническим психологом: «психический процесс», «психическая функция», «психическая деятельность», он предполагает, что каждый частный симптом есть проявление целостной ситуации субъекта.

Как правило, конкретное психологическое наполнение это общее определение получает в связи с той или иной частной теорией личности, положенной в основу конкретной психодиагностической техники. В силу известных исторических причин большинство объяснительных схем тяготеют к психодинамическому направлению. Вместе с тем, многие проективные техники, такие как ТАТ, Тест Роршаха, Тест Сонди, Тест Люшера, основываются на оригинальных теориях личности их авторов и теории К. Левина. Конечным итогом клинического исследования личности, как правило, является целостное представление о структуре индивидуальных особенностей субъекта, их специфическом сочетании и о механизмах и причинно-следственных цепочках (потребностях, мотивации, структуре ценностей и когнитивных установках и искажениях, формирующих субъективный образ актуальных ситуаций, защитах и т.д.), обуславливающих актуальное состояние и поведение. Это, в свою очередь, служит основанием для формирования правдоподобных гипотез о причинах актуального состояния испытуемого как вероятной мишени психокоррекционного воздействия. К сожалению, ввиду сложности объекта исследования и отсутствия единой теории личности, к предсказаниям в области психодиагностики следует относиться с большой осторожностью.

Личность психодиагноста

Процесс диагностики – это живое взаимодействие психолога и испытуемого. Он плохо алгоритмируем и включает интуицию психолога как инструмент психодиагностики. Обследование, за малым исключением, проводится индивидуально, «с глаза на глаз», в атмосфере полной конфиденциальности. Это требует от психолога умения налаживать с испытуемым продуктивный контакт и поддерживать его в течение всего обследования. Клинический подход требует развития наблюдательности, гибкости и Точности реакций, сензитивности и способности психолога к самонаблюдению и рефлексии.

Идеалом и целью клинической психодиагностики является понимание глубинных причин психологического неблагополучия, истинного источника проблем, психических нарушений или дисгармонии личности испытуемого.

Объект и предмет здесь уникален, поэтому к результату (экспертному заключению психолога) неприменимы требования стандартизации и надежности, разработанные для «тиражированных» образцов поведения. Более того, ни один клинический метод не работает без психолога-эксперта. Следовательно, валидность здесь – характеристика не столько методики, сколько тандема «метод – эксперт». Проблема валидности клинической психодиагностической методики – это вопрос об обоснованности процедуры и качества психологической подготовки психолога.

Клиническим методом исследования личности очень трудно овладеть самостоятельно без помощи наставника. В этом – ответ на вопрос, почему авторы большинства популярных сборников психодиагностических «тестов» обходят вниманием эти процедуры либо излагают их лишь в общем виде.

В форме текста учебного пособия возможно изложить лишь общую теорию метода и объекта диагностики. Все многообразие вариантов сочетаний диагностических признаков остается «за кадром». Оно может быть воспроизведено в процессе практического знакомства с тем или иным методом, причем желательно – в сопоставлении ряда примеров, например, данных по самооценке нескольких испытуемых. Столь же важно сравнение результатов нескольких психодиагностических процедур, направленных на исследование сходных психологических феноменов, например, самооценки по Дембо-Рубинштейн и уровня притязаний по Хоппе. Сочетание множества диагностических показателей, предоставляемых большинством клинических методик, очень многообразно, но далеко не случайно. Оно имеет свою логику и отражает скрытые закономерности функционирования личности. Понимание этой логики приходит лишь с опытом, но без него невозможен валидный клинико-психологический диагноз.

Для облегчения усвоения материала в текст настоящего учебного пособия включены образцы заключений. В конце разделов, посвященных описанию диагностической методики, помещен реферативный материал наших исследований по ее валидизации.

Феномен проекции и проективная техника

Большинство методик, содержащихся в нашем учебном пособии, являются проективными или полупроjektивными. Применение проективной техники – исключительная прерогатива клинического подхода. Феномен проекции до сих пор является интригующей загадкой для психологов, серьезно задумывающихся о теоретических основаниях подобных диагностических инструментов. Данное обстоятельство побудило меня включить в учебное пособие отдельную статью, посвященную этому вопросу.

Проективный метод – это не тест

Большинство авторов связывают возникновение проективной техники с закономерной реакцией определенной части психологов на методологические установки бихевиоризма, психометрической тестологии, а также на академизм официальной «университетской» психологии. Это объясняет, почему большинство проективных методик возникло в результате практических клинических наблюдений и только потом стало объектом экспериментального изучения. Вместе с тем в течение всего существования проективной техники (начало 20-х годов) наблюдается постоянный взаимообмен между «клиническим» и «академическим» направлениями, и проективные тесты довольно часто используются в качестве исследовательского инструмента.

Концепция любого психодиагностического метода всегда включает в себя две относительно независимые группы теорий: теории объекта исследования и теории измерения. Для проективных методов к первой группе относятся различные теории личности, а ко второй – собственно теории проекции.

Первые определяют структуру и специфику объекта, формируя психологический словарь того или иного исследователя. Например, это может быть психоаналитическая теория личности, теория личности Г. Мюррея, С. Розенцвейга, Л. Сонди, М. Люшера, Г. Роршаха и т. д. Подчеркнем еще раз: каждый авторский тест (как все перечисленные только что) имеет в своей основе оригинальную теорию личности, одноименную с фамилией своего автора. Кроме этого многие знаменитые тесты, такие как тест Роршаха, ТАТ, рисунок человека имеют по несколько теоретических «подкладок», поскольку их интерпретация совершенствовалась многими талантливыми исследователями.

Вторые (теории измерений) определяют набор диагностически важных признаков интерпретации, а также сообщают конструктивную (теоретическую) валидность заключению психолога. Так, существует несколько теорий, пытающихся объяснить феномен проекции. Точка, в которой, подчас парадоксально, соединяются обе группы теорий, – сам проективный метод. Отсюда вытекает важнейшее требование к специалисту, применяющему его: он должен ясно понимать, в русле какой концепции личности он работает и какова психологическая природа связи выводов его заключения с особенностями поведения испытуемого в экспериментальной ситуации.

В психологической энциклопедии под редакцией Г. Айзенка «проективные методы» определяются как «...группа психологических техник, претендующих на раскрытие скрытых базовых структур личности и мотивации субъекта с помощью организации ответов или оперирования материалом в свободной неограниченной манере без оглядки на заранее предложенную систему правильных или неправильных ответов» (Encyclopedia of psychology, 1975). Подобный намек на претенциозность (и неадекватность) проективных «тестов» – весьма распространен в среде тестологов-психометристов (см., например: А. Анастази, 1982), совершенно справедливо указывающих на их несоответствие по основным параметрам (конструктивная, теоретическая, прогностическая валидность; достоверность, алгоритмизируемость процедуры проведения и обработки) требованиям, предъявляемым к современным тестам. Проективный метод почти непригоден для прогнозирования поведения, часто субъективен, не допускает группового проведения. Все это совершенно справедливо, и этому есть логичное объяснение.

Одна из главных особенностей любой проективной методики состоит в клинической ориентации результатов исследования. Известно, что такие распространенные понятия, как «валидность», «достоверность», «стандартизованность» впервые появились и теоретически оформились в рамках дифференциально-диагностического, или психометрического, направления психодиагностики. Все закономерности, изучаемые психометрией, носят статистический характер и основаны на предположении о повторяемости изучаемых

закономерностей. Эта психометрическая гипотеза находится в явном противоречии с центральным положением клинической психологии – о человеческой душе как уникальной и неповторимой целостности. Это противоречие и лежит в основе когнитивного конфликта между представителями психометрического и «проективного» подхода в психодиагностике. Проективный метод, в идеале, предназначен для воссоздания образа некой уникальной целостности под названием «личность», что в принципе не позволяет применять к нему в полном объеме категории анализа, имеющие статистическое содержание. Можно сказать, что в психологии, как и в квантовой физике, существует парадокс измерения: мы либо можем получить достаточно точные знания об ограниченном аспекте личности (психометрия, тесты), либо не слишком отчетливые и, в принципе, не верифицируемые знания о целом (клиника, проекция).

Теория измерения: краткий обзор теорий проекции

Механизм функционирования проективной техники до сих пор до конца непонятен, иными словами, нет полной определенности в понимании термина «проекция».

Впервые для обозначения определенной группы методов термин «проекция» в 1939 году ввел американский психолог Л. Франк (Frank, 1965), хотя приоритет использования этого понятия для процесса, происходящего при интерпретации стимулов, принадлежит Генри Мюррею. Согласно мнению Л. Франка, проективные методы объединяются взглядом на личность как на процесс организации и структурирования жизненного пространства. «Личностный процесс» – одно из ключевых понятий его концепции – можно представить в виде резинового штампа, который индивид ставит на ситуацию и с помощью которого придает ей уникальную конфигурацию. Человек обречен отчасти игнорировать, а в остальных случаях – иерархизировать различные аспекты ситуации по значимости, соответствующим образом реагируя на них. «Экраном» для проецирования «жизненного мира» индивида (всего того, что можно вложить в понятие «личность») является «жизненное пространство». Аналогом жизненного пространства в проективном эксперименте выступает проективный тест (например картинки ТАТ). «...Таким же образом, как при рентгене, мы можем подойти и к личности, заставив индивида раскрыть его способ организации опыта, дав ему поле (объекты, материал, ситуацию) с относительно малой структурированностью и культурной «клишированностью» так, чтобы личность могла спроецировать на это классическое поле свой способ видения жизни, свои значения, значимости (смыслы), образцы поведения и особенно – свои чувства» (Frank, 1965, p. 13). Иными словами, в основу объяснения феномена проекции Л. Франк кладет постоянное активное взаимодействие субъекта с окружением, характерное для гештальт-психологии (К. Левин) понимание единства человека и среды и гипотезу о «структурировании» личностью среды наподобие фигуры и фона. Путем проекции «личный мир» проявляется вовне, «экстер-нализируется».

Известным представителем психоаналитического подхода к объяснению феномена проекции является Леопольд Беллак. Согласно мнению этого специалиста, сутью диагностики конкретной личности является осознание того, что «...существует активный процесс, состоящий в изменении мира ситуаций и людей в формы, значения и ценности, которые индивид научается избирательно воспринимать, ориентируясь в обращении с ними на смысл, который они для него имеют» (Bellak, 1950, p. 7). Влияние этой совокупности факторов на восприятие Л. Беллак обозначил известным термином «апперцепция», подразумевая под этим «значимую, многозначительную перцепцию». Первоначально термин «проекция», как известно, был использован З. Фрейдом для обозначения открытого им защитного механизма. В случае конфликта между сознанием и вытесняемыми в бессознательное неприемлемыми для личности побуждениями этот механизм искажал восприятие ситуации таким образом, что индивид мог «с чистой совестью» позволить себе действовать в направлении удовлетворения первоначально вытесненных побуждений. Собственные эксперименты Л. Беллака продемонстрировали несостоятельность этого «узкого» определения, объясняющего феномен проекции в психодиагностике. Но в то же время он находит у З. Фрейда более подходящее определение, впоследствии получившее обозначение «широкого», в котором отмечается, что проекция не создана специально с целью защиты, она проявляется и тогда, когда нет конфликта. Проекция внутренней перцепции вовне является примитивным механизмом, который влияет на наши ощущения и восприятия, принимая участие в оформлении образа внешнего мира.

Положения Л. Беллака нашли развитие в работах Давида Рапапорта. По его мнению, «...психоаналитическая теория проекции включает параноидальную проекцию, инфантильную проекцию, проекцию в феномене трансференции. Этот феномен... скорее является континуумом, который становится все более осознанным начиная с экстернализации специфического типа напряжения в параноидальной проекции, к некоторому напряжению в инфантильной проекции, далее – к целой системе аттитюдов и напряжений в феномене переноса, где он неосознанно переходит в экстернализацию в форме «личного мира», определяемого посредством организующих принципов личности» (Rapaport, 1952, p. 270-271). Таким образом, в термине «экстернализация» сходятся теории, в остальном весьма различные: концепция Л. Беллака и Л. Франка. Легко также заметить, что определения «личностного процесса» и «апперцепции» почти дословно перефразируют друг друга.

Следует указать на три наиболее общих тезиса, в отношении которых совпадают мнения всех исследователей проекции вне зависимости от более частных теоретических школ.

Первый тезис – это активность субъекта в его взаимодействии с внешним миром.

Второй – положение о целостности (буквально – индивидуальности) субъекта во всех его проявлениях. В психоаналитической школе эта идея содержится в постулате «психического детерминизма», у Л. Франка – во взгляде на личность как непрерывный процесс организации опыта, что объясняет закономерную связь «личного мира» с разнообразными формами его проявления в проективной ситуации. В исследованиях, опирающихся на «Новый Взгляд» (New Look)¹ в понимании механизмов восприятия, также отрицаются качественные различия (изолированность) между восприятием и другими видами познавательной деятельности (памятью, вниманием, мышлением).

Восприятие и организуемое на его основе поведение определяется не столько формальной физической стимуляцией, сколько механизмами категоризации и всей структурой и содержанием прошлого опыта, включая и его эмоциональную и мотивационную (личностную) составляющую (И. Г. Беспалько, И. Н. Гильяшева, 1983; Е. Т. Соколова, 1980). Третьим тезисом, тесно связанным с идеей целостности человека во всех его проявлениях, является положение о «личности» всех человеческих проявлений, какое бы содержание ни вкладывалось конкретным исследователем в понятие «личность». На сегодняшний день эти основные тезисы многократно подтверждены и составляют «золотой фонд» положений, разделяемых большинством психологов. С этих позиций использование проективных техник вполне обосновано.

Теории объекта: эволюция взглядов на объект проективного исследования

К настоящему времени психоаналитическая теория, дав начало широкой волне исследований так называемого «динамического направления» в психологии, в значительной мере переориентировалась с проблем инстинктивного и инфантильного бессознательного на проблемы «Эго-психологии». Считается, что вытеснению подвергаются не только представительство инстинктов, но и все, что вообще угрожает опасностью разрушения или изменения «Я-образу». В связи с этим высказываются мнения, что адекватным полем исследования проективной психологии являются не традиционный «Ид», а «Эго-формации» и «Эго-манifestации», динамические образования Эго, системы «Эго-защиты» и т. п. С этих позиций пытаются объяснить и известный факт зависимости информативности проективного исследования от доброжелательности и сотрудничества экспериментатора и испытуемого. Прежде чем становится возможным проникнуть к глубинным формациям Эго с помощью проективной техники, необходимо расслабление контролирующих систем и частичная капитуляция вторичного процесса Эго, что можно обозначить как «регрессию обслуживающих систем Эго» (Rabin, 1960).

Согласно мнению В. Г. Клопфера, метаморфоз проективной техники заключается в переориентации установок от использования неструктурированного материала для стимуляции символической продукции в психоаналитическом ключе к акцентированию многоуровневости тестового поведения. Предметом интереса современного клинического психолога является прежде всего «публичный образ» субъекта, определяемый стилем его влияния на окружение и его личной историей; внутренние основания его когнитивных оценок; скрытая или осознаваемая мотивация (Klopfer, 1968, p. 404).

¹ Исследования Дж. Брунера и др., 1977.

А. Ф. Корнер в четырех базовых утверждениях формулирует «компетенцию и ограничения» проективной техники (Когпег, 1965).

1. Все поведенческие манифестации, включая важные и малосущественные, выражают целостную личность. Здесь следует уточнить, что большинство современных специалистов, в том числе и Г. Мюррей, отрицают избыточность протокола исследования.

2. Достоинство теста зависит не только от степени его изученности, но более от опыта, мастерства и клинической интуиции интерпретатора. В любом случае мы измеряем поведение индивида, только введенное в рамки теста так, чтобы с ним легко было работать. Отсюда – необходимость в теории личности, к которой в конечном итоге обращается экспериментатор. Главное преимущество теста состоит в том, что он представляет собой стандартизованный набор стимулов. На этом стандартном «экране» ярко выделяются любые особенности поведения, которые в другой ситуации легко теряются.

3. Испытуемый предоставляет такой материал, который он либо не хочет, либо не может дать другим путем. Когда субъект затрудняется определить, что является объективным содержанием стимульного материала, он теряет из виду тот факт, что в своих интерпретациях он раскрывает свои проблемы, желания, опасения и надежды.

4. Предполагается реальность психического детерминизма, что не дает рассказу или реакции быть случайными. Каждый ответ рассматривается как следствие определенной внутренней причины.

Вместе с тем, подобно многим исследователям, А. Ф. Корнер указывает, что проективная техника показала себя валидной в основном в изучении «фантастической жизни». Она не предсказывает реального поведения, и подобное предсказание не входит в компетенцию проективной техники. Последняя может быть использована как ценный инструмент в исследованиях эго-психологии: как «...кратчайший путь к фантазиям и идеаторной жизни, которая потом может быть сопоставлена с прошлым и актуальным поведением».

Остановимся несколько подробнее на проблеме предсказания поведения. Ограниченность предположения о параллелизме между поведением в проективной ситуации и реальной ситуации в реальной социальной среде уже давно признана большинством специалистов по проективным методам.

Например, в исследовании соотношения агрессивных фантазий и агрессивного поведения выявилось практическое отсутствие такового, когда эти фантазии изучались тестом Розенцвейга и ТАТ. Только картинка 18М ТАТ и метод Роршаха выявили статистически значимую связь между открытой агрессией и фантазией (Coleman, 1967). Аналогичные результаты были получены при проверке фрустрационного теста Розенцвейга, когда тестовые реакции сравнивались с характером поведения испытуемых в специально подстроенных ситуациях (Melhman, Witeman, 1955). Наши собственные исследования, изложенные в разделе, посвященном методу С. Розенцвейга, дали аналогичные результаты относительно предсказания агрессивного поведения. По мнению К. Маховер, тест «Рисунок человека» тоже непригоден для измерения степени социальной дезадаптации и постановки психиатрического диагноза (Machower, 1950).

Объяснение этого лежит на поверхности и становится понятным при внимательном взгляде на условия проведения проективного исследования. Любой психометрический тест, предназначенный для предсказания будущего поведения в типичных ситуациях, основан на моделировании значимых параметров этих ситуаций в стандартной процедуре обследования.

Например, это достигается созданием набора интеллектуальных задач, определенных жизненных ситуаций и т. п., в которых испытуемый должен дать объективные результаты или возможно более точные характеристики своего поведения. В результате в руках экспериментатора остается протокол, в основных чертах отражающий характеристики поведения испытуемого в моделируемой ситуации.

Проективная ситуация требует от испытуемого прямо противоположного: отвлечься от объективных характеристик стимульного материала (который заведомо многозначен), активизировать фантазию, воображение, ориентироваться на «свой вкус», а не на объективные параметры ситуации.

Например, в цветовом тесте М. Люшера требуется не дать точную характеристику цветов или расклассифицировать их, например, по степени насыщенности, а расположить в порядке субъективного предпочтения. В методе «Рисунок несуществующего животного» требуется не

точное изображение, например, кошки или кролика, а ровно противоположное. Это происходит на фоне максимально предупредительного поведения экспериментатора, избегающего любой критики (нет «правильных» и «неправильных» ответов) и провоцирования тревоги либо враждебности. Все, что бы ни делал испытуемый, принимается с похвалой и благодарностью.

Характерна ли такая ситуация для повседневной жизни, требующей, как минимум, отслеживания объективных характеристик ситуации? Естественно, нет. Зато она позволяет актуализировать латентные мотивы и контролируемые в обычных условиях установки испытуемого. Предполагается, что именно эти, не актуализируемые в «предметно-ориентированном» поведении испытуемого содержания его фантазий могут быть ответственны за его психологическое неблагополучие и внутриличностную дезадаптацию. Как из клинической практики, так и из повседневной жизни известно: страдание человеку доставляют не объективные обстоятельства его жизни, а их субъективная интерпретация, т.е. тот самый «личный мир» значений и смыслов, являющийся объектом проективной диагностики.

Подводные камни интерпретации проекции

Неопределенность ситуации испытуемого закономерно превращается в неопределенность ситуации самого интерпретатора проективного протокола. В своем обзоре Дж. Маслинг (Masling, 1965) приводит исследование, установившее, что степень тревожности, приписываемая интерпретатором испытуемому (при «слепом» анализе рисунков человеческой фигуры), сильно коррелирует с уровнем тревожности самого психолога-интерпретатора. Повышенная тревожность самих психологов приводила к тому, что они чаще «видели» признаки повышенной тревожности в рисунках. Это – эффект встречной проекции, которому могут быть подвержены даже опытные психологи.

Следующий подводный камень – неопределенность проецируемого испытуемым содержания. Поведение, чувства, потребности персонажей рассказов ТАТ, характеристики проективного рисунка, особенности восприятия пятен Роршаха могут выражать различные аспекты внутреннего мира испытуемых. Это может быть образ желаемого или, напротив, нежелаемого будущего; ряд формально усвоенных клише социально-нормативного поведения, не свойственного испытуемому; присущие реально субъекту потребности и чувства, но «закамуфлированные», искаженные работой защитных механизмов личности и «цензурой» самоконтроля. Во многих случаях интерпретация основана на интуитивном угадывании или условном «соглашении» между психологами, что периодически приводит к диагностическим ошибкам и искажениям.

Исследования «Нового Взгляда» с использованием тахистоскопа и списков обычных и табуированных слов привели к формулировке гипотезы о трех механизмах, определяющих селективность (избирательность) восприятия (см.: Е. Т. Соколова, 1980):

1) принцип резонанса: стимулы, соответствующие потребностям и ценностям личности, воспринимаются правильнее и быстрее других;

2) принцип защиты: стимулы, противоречащие ожиданиям субъекта или несущие информацию, потенциально враждебную Эго, узнаются хуже и подвергаются большему искажению (в сторону приемлемости для личности);

3) принцип сенсильности: стимулы, угрожающие целостности индивида или серьезными психическими нарушениями, узнаются быстрее всех прочих.

Эти механизмы могут определять неоднозначность связи между содержанием потребности, ее интенсивностью и проективным выражением:

◆ потребности, не несущие угрозы «Я» (т. е. социально одобряемые или не противоречащие личным ценностям), но в силу обстоятельств не находящие удовлетворения в открытом поведении, могут непосредственно проявляться в проективной продукции. Их легко заметить в протоколе исследования и просто интерпретировать. Однако о них можно узнать у испытуемого и не прибегая к проективной технике;

◆ латентные (скрытые) потребности, разрядка которых блокируется цензурой личности, в проективной продукции опосредованы механизмами защиты. Аналогичным образом механизм защиты включается и в тех случаях, когда интенсивность потребности, до этого выражавшаяся беспрепятственно, достигнет уровня стресса. Эти мотивы и потребности проявляются в протоколе «иносказательно», что требует владения техникой интерпретации. Есть русская поговорка: «Кто о чем, а вшивый – о бане». Она прекрасно иллюстрирует работу защитных

механизмов при проекции данного типа. То, о чем говорить стыдно (вшивость), выразится через то, о чем говорить допустимо (баня, чистота);

♦ чрезвычайно сильная потребность выступает только в той или иной защитной форме.

Условия, влияющие на проекцию

Знание того, какие характеристики личности и при каких обстоятельствах следует приписывать испытуемому – непереносимое условие качественной подготовки проективного диагноста, основывающегося свои выводы на многоуровневом анализе поведения испытуемого, что, как правило, приходит в результате определенного опыта. В этой связи Дж. Маслингом был опубликован обзор литературы (Masling, 1965), в котором проекция рассматривалась в четырех аспектах, влияющих на результат исследования:

- 1) способ предъявления теста;
- 2) характеристика тестовой ситуации;
- 3) поведение экспериментатора;
- 4) установка испытуемого.

Относительно способа предъявления было выявлено влияние инструкции на характер ответа. Выяснилось, что чем более стандартизован тест, тем более результат подвержен фальсификации; прямое сообщение цели исследования («исследование личности») провоцирует «закрытые» ответы и повышенный самоконтроль; принудительное сокращение времени, отпускаемого на ответ, способно настолько повысить тревожность, что ее уровень значительно превысит допустимый даже для патологических ответов.

Влияние ситуации обследования изучалось с помощью «стрессирования» испытуемых тем или иным способом (приемом психотропных препаратов, гипнотическим внушением различных состояний, положительным или отрицательным подкреплением). В целом Дж. Маслинг не склонен придавать большого значения подобным ситуативным факторам. Значительно большее влияние на результаты оказывают поведение экспериментатора и установка испытуемого по отношению к обследованию. Например, в исследовании С. Люфт (С. Luft, 1953) моделировалось «теплое» и «холодное» поведение экспериментатора при обследовании. Испытуемые должны были расклассифицировать пятна Роршаха на «приятные» и «неприятные». В случае «холодного» поведения было выбрано в два раза меньше «приятных» стимулов, чем в случае «теплого». В исследовании Е. Лорд (Е. Lord, 1950) при обследовании с помощью теста Роршаха использовались три стиля поведения экспериментатора: «теплый», «холодный» и «нейтральный». При «теплом» стиле поведения ответов было больше, они были более «интеллектуальными», разнообразными, наблюдалось большее количество контактов между испытуемым и экспериментатором.

Главный вывод, сделанный Дж. Маслингом: «...Процедура, которая многими клиницистами представлялась подобной «X-лучам», при ближайшем рассмотрении оказалась зеркалом, беспристрастно отражающим испытуемого, экспериментатора, саму ситуацию и их взаимодействие». Поэтому вместо попыток исключить межличностное и ситуативное влияние, экспериментатор должен более внимательно наблюдать за своими собственными установками и за установками испытуемого по отношению к тесту и ситуации.

Таким образом, приведенный анализ позволяет констатировать наличие двух тенденций в изменении взглядов на проекцию и объект проективного исследования.

Первая выражается в отказе от манипулятивного отношения к испытуемому и переходе к анализу живого его взаимодействия с экспериментатором в ходе обследования.

Вторая выражается в переносе интереса с исследования бессознательного в духе классического психоанализа на область проблематики Эго, т. е. на сферу мотивации и механизмов регуляции поведения и социальных взаимоотношений испытуемого.

Кроме того, нелишне еще раз подчеркнуть, что проективная техника не предназначена для предсказания поведения испытуемых. Она – при всех ее ограничениях – до сих пор служила и служит основным исследовательским приемом реконструкции уникального внутреннего мира образов и фантазий испытуемых.

Рекомендуемая литература по теме

Анастаси А. Психологическое тестирование. – М., 1982. Т. 2. – С. 114-119, 182-183, 192-210.

Беспалько И. Г., Гильяшева И. Н. Проективные методы // Методы психологической диагностики и коррекции личности. – Л., 1983. – С. 116-144.

- Блейхер В. М. Клиническая патопсихология. – Ташкент, 1976. – С. 6-12.
- Бурлакова Н. С, Олешкевич В. И. Проективные методы: теория, практика применения к исследованию личности ребенка. – М., 2001. – С. 8-29.
- Бурлачук Л. Ф. Введение в проективную психологию. – Киев, 1997. – С. 5-39.
- Бэллак Л. О проблемах концепции проекции // Проективная психология. - М., 2000. - С. 10-29.
- Франк Л. Проективные методы изучения личности // Проективная психология. - М., 2000. - С. 68-83.
- Корнер А. Ф. Теоретические исследования пределов возможностей проективных методик // Проективная психология. – М., 2000. – С. 84-93.
- Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. - СПб., 1997. - С. 19-51.

Тема 2. Исследование самооценки по Дембо-Рубинштейн с элементами клинической беседы

Вводные замечания

Тамара Дембо (Dembo), сотрудница Курта Левина, предложила использовать эту методику для исследования представления о счастье (В. М. Блейхер, 1976). Сусанна Яковлевна Рубинштейн, классик отечественной патопсихологии, модифицировала методику Дембо для исследования самооценки. В 70-м году был издан ее учебник по экспериментальным методам патопсихологии и опыту их применения в клинике с кратким описанием этой психодиагностической процедуры. В данном пособии приводится процедура исследования, которой Сусанна Яковлевна обучала студентов на своих семинарах на факультете психологии МГУ им. М. В. Ломоносова. Следует отметить, что в предлагаемом учебном пособии диагностические возможности методики значительно расширены по сравнению с оригинальным вариантом интерпретации С. Я. Рубинштейн. В основе расширенной интерпретации лежит опыт собственного клинического использования и преподавания методики в психологическом практикуме.

Несмотря на то, что эта методика – одна из самых простых, у нее есть интересная особенность. Психолог, проводящий исследования самооценки по Дембо-Рубинштейн, вынужден одновременно контролировать несколько процессов. Необходимо поддерживать и направлять беседу и одновременно анализировать ответы, и думать о том, какой вопрос задать дальше, и протоколировать то, что происходит между вами и вашим пациентом. Благодаря этому методика позволяет получить важный навык концентрации на клиенте.

Клиническая беседа – беседа, которая имеет диагностические цели. Этот термин пришел в психологию из психиатрии. В ходе такой беседы допустимо говорить на любые темы. Если послушать, как беседует с пациентом опытный психиатр, то бывает трудно понять, что вы присутствуете при серьезном обследовании. Лишь при подробном анализе становится понятным, что все вопросы, которые задает опытный клиницист, имеют совершенно определенную диагностическую цель. В случае методики Дембо-Рубинштейн целью диагностики в клинической беседе являются характерные для испытуемого способы формирования «Я-концепции», ее особенности, степень сформированности и реалистичности, типичные искажения и «болевы́е точки».

Самооценка и защитные механизмы личности

Возможность сознательного и неосознанного искажения результата в субъективных методах, к которым относится и данная процедура, традиционно считается их слабым местом, поскольку различить исследуемое качество личности и привносимые защитными механизмами произвольные и непроизвольные его искажения, как правило, весьма сложно. Но, как показывает наш опыт, это не всегда так. Предлагаемая в методическом пособии концепция позволяет ответить на эти вопросы.

Хотя данная процедура исследования самооценки основана на прямом самоотчете испытуемого, способности сознательной рефлексии, целый ряд диагностических параметров относится к мало осознаваемым аспектам Я-концепции. Как следует из теории защитных механизмов Я-концепции, традиционно относящихся к неосознаваемым аспектам Эго, с большой долей вероятности можно полагать, что именно искажения¹ самооценки в наименьшей степени доступны осознанию со стороны испытуемого.

Мы исходим из предположения, что в ходе обследования мы фиксируем не столько готовый, сформированный образ самооценки, сколько сам процесс его «здесь-и-сейчас» формирования. Следует также понимать, что предлагаемая испытуемому процедура самооценивания не является для него ни привычной, ни естественной. Ведь в повседневной жизни мы редко столь явно используем свою способность к самооценке. Задаваемые испытуемому в процессе диагностики вопросы для него неожиданны, а сама внутренняя работа, требующаяся для ответа на них, – непривычна. Помимо этого, следует учитывать ситуацию обследования, накладывающую свои ограничения на результат. Таким образом, диагностическая процедура отражает процесс самооценивания, а не «домашнюю заготовку» самооценки, и это делает возможным изучение самого этого процесса.

¹ При условии адекватного отношения к обследованию! (Примеч. авт.)

Сопоставление большого числа рисунков самооценки позволило выявить ряд характерных паттернов соотношения ее основных показателей. Эти паттерны, на наш взгляд, доступны логичной психологической интерпретации. Основой интерпретации служит феноменологическая теория К. Роджерса в той ее части, где характер «Я-концепции» прямо связывается с участвующими в ее формировании защитными Механизмами личности. В настоящее время у нас нет достаточных оснований связывать выявленные паттерны самооценки с известными защитными механизмами.

Типичные сочетания признаков самооценки позволяют выявлять шесть вариантов работы защитных компенсаторных механизмов в процессе самооценивания:

1) компенсация частной проблемы (единичного западения самооценки) чрезмерным завышением самооценки по отдельной шкале («парциальная компенсаторная потеря критичности»);

2) компенсаторное снижение идеальной самооценки с целью повышения удовлетворенности собой при пониженной в целом актуальной самооценке («механизм борьбы с депрессией»);

3) компенсаторное снижение идеальной самооценки с целью повышения удовлетворенности собой при повышенной в целом актуальной самооценке (гипотетически соответствует вытесняемой неудовлетворенности собой);

4) несоответствие результатов косвенной и прямой оценки оптимизма и удовлетворенности собой («дезинтеграция осознанного и неосознанного уровней самооценки»);

5) смещение отметок идеальной самооценки на уровень отметок оценки своих возможностей («инфляция мечты»);

6) неадекватно завышенная самооценка с признаками нарушения критичности.

Таким образом, в предлагаемой интерпретации результатом исследования самооценки становится не столько «измерение» высоты самооценки, сколько оценка степени и способа ее искажения со стороны защитных механизмов Эго.

Процедура проведения

Цель исследования – психологическая диагностика состояния самооценки по следующим параметрам:

- ◆ высота самооценки (фон настроения);
- ◆ устойчивость самооценки (эмоциональная устойчивость);
- ◆ степень реалистичности и/или адекватности самооценки (при ее повышении);
- ◆ степень критичности, требовательности к себе (при понижении самооценки);
- ◆ степень удовлетворенности собой (по прямым и косвенным индикаторам);
- ◆ уровень оптимизма (по прямым и косвенным индикаторам);
- ◆ интегрированность осознанного и неосознаваемого уровней самооценки;
- ◆ противоречивость/непротиворечивость показателей самооценки;
- ◆ зрелость/незрелость отношения к ценностям;
- ◆ наличие и характер компенсаторных механизмов, участвующих в формировании «Я-концепции»;
- ◆ характер и содержание проблем и их компенсаций.

Прежде чем начинать исследование самооценки, испытуемый должен быть психологически подготовлен в ходе предшествующей беседы, а психолог – достаточно осведомлен в его проблемах и причине обращения к психологу. С испытуемым должен быть установлен хороший контакт и сформирован мотив экспертизы. Все исследования проводятся с глазу на глаз, поскольку присутствие других людей оказывает отрицательное влияние на результаты. Для исследования понадобятся карандаш и бумага.

Инструкция. Инструкция задается в свободной форме и определяет переход от предварительной беседы к обследованию: «Попробуем поговорить с помощью карандаша и бумаги». Рисуются шкала, которая имеет два полюса и середину (обязательно отмечаются на шкале). Называем первую шкалу, к примеру, «здоровье» и говорим: «...Представим себе такую условность: на верхнем полюсе находится самый здоровый человек в мире, внизу – самый больной человек... а между ними – все остальные люди, в том числе и мы с вами». Далее следует просьба к испытуемому «перечеркнуть» шкалу в том месте, «где он сейчас находится»

(как он сам это понимает или чувствует), затем отметить кружком то место, «где бы он мечтал оказаться» и, наконец, галочкой – «то, чего он реально сможет достичь, объективно оценивая свои возможности».

В дальнейшей беседе в непринужденной форме выясняется субъективное содержание полюсов очередной шкалы.

Легче всего сделать это, задав вопросы о «человеке, помещенном на полюс»: как еще можно охарактеризовать его? Например, «Что делает человека на верхнем (нижнем) полюсе самым здоровым (больным) и т.д. на свете?» Под видом выяснения и уточнения этих характеристик вы исследуете представление о здоровье и болезни, «уме», характере и т.п. самого испытуемого. В дальнейшем будет видно, что у разных людей эти представления могут сильно отличаться. Вы поймете, когда эти характеристики продуманы и «выстраданы» самим испытуемым, а когда они просто бездумно «присвоены» им как формальные знания о ценностях. Необходимо замечать, насколько значимы обсуждаемые темы для испытуемого, насколько формально или заинтересованно он участвует в их обсуждении. Это не только индикатор возможного неблагополучия в затронутой сфере, но и показатель зрелости отношения к самому себе.

По окончании основного опроса можно ввести еще одну инструкцию, которая улучшает ваше представление о самосознании испытуемого: «Отметьте крестиком по всем шкалам, каким (какой) вас сейчас читают другие».

Основы интерпретации

Что такое шкала? Шкала имеет два полюса и середину. Середину нужно обязательно указать, это такое же «магическое» место, как и полюса. Шкала – это то, что позже Дж. Келли (см.: Ф. Франселла, Д. Баннистер, 1987) назвал «индивидуальным конструктом» или «личностным конструктом». Это своего рода «доморощенные теории» по поводу себя и всего остального мира. Каждый человек имеет массу та-ких конструктов, так или иначе связанных друг с другом. Их предназначение – структурировать образ мира, «Я-концепцию» и межличностное восприятие. Их искажения и ошибочность нередко приносят вред как их «владельцу», так и окружающим. Для выяснения структуры индивидуальных конструктов, даже в первом приближении, нужно использовать предложенные Дж. Келли алгоритмы, и без компьютера это сделать сложно. Методика Дембо-Рубинштейн позволяет сделать это (в ограниченном масштабе), не прибегая к алгоритму Келли.

Как правило, индивидуальные конструкты имеют форму двухполюсных шкал. Однако бывают шкалы и не двухполюсные, а, скажем, трехполюсные. Трехполюсная шкала – шкала, отметка идеальной самооценки (кружочек) на которой падает в середину. Это наблюдается, когда испытуемый считает, что идеал – это «золотая середина», отклонения от которой нежелательны. Тогда оказывается, что полюсов три. Откуда берутся шкалы? Они возникают из содержания клинической беседы и, главным образом, из ответов испытуемого на ваши вопросы о полюсах. Как правило, вопросы задаются о положительных полюсах, иногда – об отрицательных. Иногда смысл одного полюса не вполне антонимичен другому. Это отражает субъективный характер индивидуальных конструктов испытуемого, и может быть диагностически важным обстоятельством.

С. Я. Рубинштейн рекомендует четыре обязательные шкалы: «здоровье», «ум», «характер» и «счастье». По всей видимости, они отражают четыре основных сегмента человеческой реальности или самооценки, которые есть у каждого человека. Я предлагаю давать две дополнительные шкалы: «удовлетворенность собой» и «оптимизм». О них речь пойдет ниже. Все остальные шкалы «извлекаются» из ответов испытуемого. Если беседа идет неформально, если испытуемый достаточно откровенен, а вы достаточно опытный, в ходе общения интуитивно рождается новая шкала, которую вы предлагаете испытуемому. В ней, возможно, заключена проблема испытуемого. Вы поймете это по снижению самооценки, невербальным признакам или из признания самого испытуемого.

Шкал может быть столько, сколько посчитаете нужным, содержание полюсов – любым. Рекомендуется время от времени просить испытуемого самого придумать шкалу, которая отражала бы его проблему или поясняла бы содержание его слов. Вы можете использовать любые приемы диалога (например из арсенала метамоделей НЛП – см.: Д. Гриндер, Р. Бэндлер, 1995), чтобы узнать о человеке как можно больше.

Полюса – это ценности: то, что человек декларирует как желательное или нежелательное состояние. На верхних полюсах находятся положительные ценности (к этому следует стремиться). Если шкала «перевернута», перед интерпретацией ее нужно сориентировать так, чтобы положительный (для испытуемого) полюс оказался вверху. Внизу находятся отрицательные ценности – то, чего человек старается (или, по крайней мере, декларирует свое желание, или верит в то, что он старается) избежать.

Ценности – это то, в долженствование чего человек верит, но что далеко не всегда становится мотивом поведения испытуемого. К примеру, мы можем поступать зло и несправедливо, хотя столь же часто произносим слова «добро» и «справедливость». Не следует путать ценности с мотивами. Ценности – это жизненная ориентация, а не предмет удовлетворения потребности.

В данной методике полюса задаются как абсолютные величины. Полюс должен быть представлен одним человеком (в смысле человеком в единственном числе, а не: «люди» – см.: «Инструкция»). Если полюс представляют, к примеру, «самые здоровые люди», интерпретация станет невозможной.

Другая особенность полюсов – они задаются неопределенно, в общих Терминах, допускающих субъективную интерпретацию со стороны испытуемого. Конкретным содержанием шкалу наполняет сам испытуемый. В этом состоит элемент «проективности» методики Дембо-Рубинштейн. В процессе беседы с испытуемым вы раскрываете содержание проекции. Ваша беседа по поводу содержания ценностей испытуемого тоже во многом проективна, поэтому следует избегать чересчур определенных наводящих вопросов. Методика позволяет «прощупать» содержание ценностной сферы испытуемого, хотя это не является ее главным предназначением.

Основные параметры самооценки

Любая психологическая интерпретация несет на себе оттенок гадательности. Именно по этому бихевиористы вообще отказались высказывать суждения о душе и личности.

Мы не можем наблюдать самооценку непосредственно, но только косвенно – по поведению или со слов испытуемого. Высказывание психолога о самооценке – это гипотеза по поводу испытуемого, которую следует проверить по многим индикаторам.

Основные параметры самооценки – это высота, устойчивость, реалистичность.

Иногда термин «реалистичность» заменяют термином «адекватность». «Адекватность» содержит более мощный оценочный компонент. Термин «неадекватность», хотя и может отражать точную характеристику, но иногда нежелателен, так как позволяет трактовку и в смысле психопатологии. Кроме перечисленных трех основных параметров выделяются следующие аспекты анализа:

- ◆ актуальная самооценка;
- ◆ идеальная самооценка;
- ◆ оценка своих возможностей;
- ◆ удовлетворенность собой;
- ◆ уровень оптимизма.

Работа с очередной шкалой начинается с отметки актуальной самооценки – это «черточка» (–). Это ответ вашего испытуемого на вопрос: «Как вы себя оцениваете в данный момент по... (данному параметру)?» Испытуемый помещает себя в какое-то место шкалы между полюсами – это невербальный ответ на ваш вопрос о его самооценке. Когда говорят о высоте самооценки, главным образом имеют в виду высоту актуальной самооценки. Хотя остальные параметры тоже располагаются по вертикали, к ним параметры высоты относятся уже в меньшей степени.

Высота актуальной самооценки

Поговорим о высоте, абстрагируясь от других параметров.

Что мы делаем для того, чтобы определить общую высоту самооценки?

Высота определяется для всей самооценки «усредненно». Когда говорится обо всей самооценке, предполагается, что это нечто более-менее однородное, хотя есть различия в высоте по разным шкалам (но это уже параметр устойчивости).

Характеризуя самооценку, мы переводим количественные характеристики в качественные. В клинических методиках, как правило, нет чисто количественных показателей.

Здесь любой термин, определяемый через количество, является качественным. Например, «высокая» или «низкая» самооценка, – это не количество самооценки, а ее качество, хотя метафорически ваш испытуемый и вы сами выражаете эту самооценку высотой шкал.

Другая особенность клинических методик – специфическое понимание «нормы». «Норма» определяется здесь не относительно какого-то внешнего критерия (статистическая или социальная норма), как в психометрических тестах. В клинических методиках исходят из того, что человек, его личность – это некое закономерное и относительно гармоничное целое. В методике Дембо-Рубинштейн норму и отклонения от нее мы будем определять относительно некой эмпирически обоснованной модели¹.

Эта модель определяет, как должны располагаться отметки основных параметров для того, чтобы субъект мог нормально функционировать. Согласно этой модели, нормальная актуальная самооценка должна располагаться чуть выше середины; идеальная (кружок) несколько ниже полюса, а оценка своих возможностей (галочка) – между ними. Их высота определяется приблизительно, сообразуясь с интервалами между ними (рис. 2.1).

Первый интервал – нормальная самооценка (обратите внимание на то, что отметка середины шкалы не входит в этот интервал). Выше – повышенная самооценка; третий интервал, включая верхний полюс, – чрезмерно высокая самооценка. Аналогично для нижних интервалов. Можно условно принять, что оценка своих возможностей (галочка) в норме располагается в границах интервала повышенной актуальной самооценки, а идеальная самооценка (кружок) – в границах интервала чрезмерно повышенной актуальной самооценки.

Рис. 2.1. Модель нормального размещения характеристик самооценки

Как определить высоту самооценки в целом по всем шкалам? Здесь следует учитывать признак устойчивости. Рассмотрим сочетание двух Показателей: устойчивости и высоты.

Начнем с устойчиво повышенной самооценки. О самооценке можно говорить, что она устойчиво повышена, когда она колеблется в пределах 1-1,5 интервалов (рис. 2.2) и находится главным образом в границах двух верхних интервалов.

Чем выше самооценка в целом, тем в большей степени можно предполагать повышение эмоционального фона настроения. Настроение оказывает влияние на все остальное поведение. Оно является неким фоном общего самочувствия, поэтому оно должно отражаться на показателях по всем шкалам. Если вся самооценка повышена, мы предполагаем наличие повышенного фона настроения. Однако при наблюдении и беседе может оказаться, что испытуемый вовсе не будет выглядеть таким радостным, хотя самооценка у него и повышена. Это следует принимать в расчет при формулировке окончательных выводов.

Если устойчивое повышение доходит до уровня верхнего интервала, то, скорее всего, мы можем говорить о нереалистичности самооценки или даже ее неадекватности. Это, как правило, сочетается с понижением критичности. Подобное повышение встречается у больных в гипоманиакальном состоянии (но не только)².

¹ Из этой модели исходили такие корифеи отечественной клинической психологии, как С. Я. Рубинштейн, Б. В. Зейгарник, М. З. Дукаревич.

² Для некоторых форм психической патологии снижение критичности является патогномичным. Например, при незрелости личности у девиантных подростков; на второй-третьей стадии алкоголизма; при последствиях сифилиса; при последствиях черепно-мозговых травм передних областей мозга; при опьянении или наркотической интоксикации.

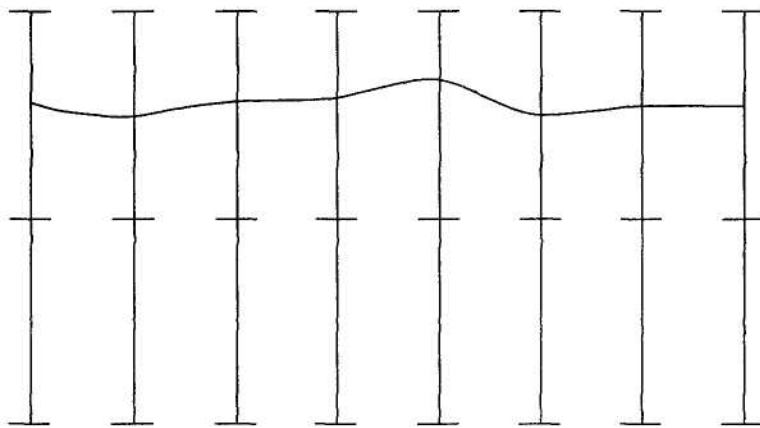

Рис. 2.2. Равномерно повышенная актуальная самооценка

Дополнительные признаки нереалистичности самооценки. Чрезмерная высота актуальной самооценки является лишь одним из признаков нереалистичности. Необходимо проверить, насколько вы имеете право говорить об этом (о снижении критики или о неадекватности, может быть о «неадекватном снижении критики», может даже – о «нарушении критичности»)¹.

В случае серьезных отклонений это, скорее всего, должно выйти из субъективной сферы и каким-то образом выразиться в поведении и сказаться на судьбе испытуемого (для подтверждения диагноза следует обратиться к объективному анамнезу).

Как можно убедиться в наличии нереалистичности?

Например, видя очень высокую самооценку по какой-либо шкале, можно косвенно подвергнуть ее сомнению в форме уточняющего вопроса. Предположим, что самооценка находится около верхнего полюса шкалы «характер», тогда вы можете задать вопрос: «Правильно ли я понял, что вас можно отнести к 5 % людей с самым хорошим характером?» Поставленный таким образом вопрос дает испытуемому шанс еще раз подумать, правильно ли он себя оценил. Если он говорит «Да» и при этом искренне верит в это, скорее всего критичность понижена. Если вы наблюдаете эту реакцию неоднократно, то критичность испытуемого снижена или нарушена. В этом случае нарушение критичности обязательно проявится в нарушении контакта в ходе обследования.

Равномерное снижение самооценки. Самооценка считается пониженной, если большинство отметок актуальной самооценки стоят ниже средней отметки (рис. 2.3). В этом случае говорят о повышенной либо чрезмерной критичности, или чрезмерном повышении требовательности к себе, а не о нереалистичности или неадекватности.

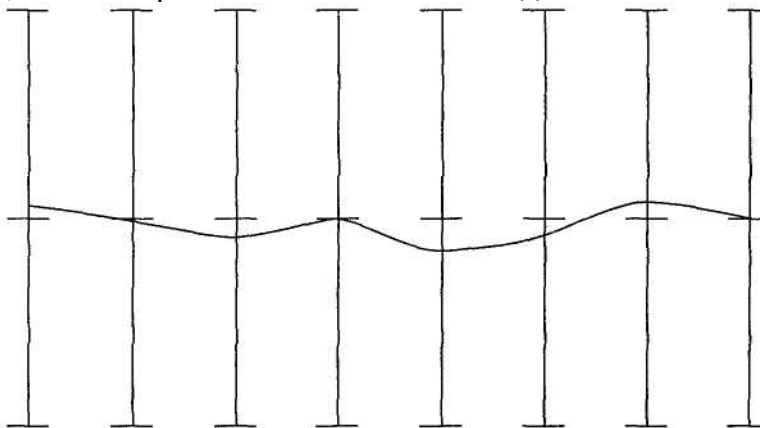

Рис. 2.3. Равномерно пониженная актуальная самооценка

Середина (точка середины шкалы) может интерпретироваться двумя способами:

- ◆ снижение самооценки;
- ◆ середина шкалы отличается еще тем, что это – своеобразный «домик», в который можно спрятаться от вашего назойливого любопытства. То есть, для других (не для себя) мы вполне можем «сказаться» средними. Зачастую испытуемые «ставят» себя в середину, потому что не хотят показать, какие они на самом деле. Нередко – это признак формального отношения к обследованию.

¹ Тяжесть симптоматики идет по нарастающей: нереалистичность, выраженная нереалистичность, снижение критичности, выраженное снижение критичности, нарушенная критичность (это уже серьезно и, скорее всего, надолго).

Несмотря на то, что методика позволяет выявить некоторые психологические компоненты депрессии, вы должны избегать использования психиатрических терминов в психологических заключениях. Психолог не может поставить на основании исследования самооценки диагноз «Депрессия»¹.

Вы можете лишь описать ряд симптомов, например – повышение требовательности к себе, неудовлетворенность собой, ощущение себя несчастным, пониженный оптимизм и снижение настроения.

Неравномерность самооценки

Неравномерное повышение и снижение самооценки. Представим себе, что имеется более-менее устойчивая самооценка, на фоне которой заметен «провал», а по какой-либо другой шкале – подъем. «Западение» самооценки – это, как правило, признак проблемы, неблагополучия. Обычно – это то, что вы ищете. Также можно сказать, что «западение» – это признак того, что на фоне более-менее устойчивого настроения наблюдается его понижение в связи с ситуативной актуализацией негативных воспоминаний. Пик по другой шкале в такой ситуации можно рассматривать как признак компенсации (рис. 2.4). Компенсация – это то, чем человек пытается затушевать, спрятать от самого себя и окружающих отрицательные переживания, которые возникают, когда он не свободен в выборе поведения. (Здесь всегда как бы звучит: «Но вот зато...».) Компенсаторная оценка будет находиться в третьем, самом верхнем интервале, что сигнализирует о парциальной потере критичности в этой сфере.

Дополнительные признаки компенсаций и проблем. Если вы продолжите беседу по поводу «западения» самооценки и если оно в самом деле сигнализирует о проблеме, то, вероятно, испытуемый начнет жаловаться на затруднения в данной сфере. Если вы попытаетесь его переубедить, то это не приведет к желаемому результату. Но, по крайней мере, если человек поверит, что психолог искренне пытается ему помочь, ссора маловероятна. Но если вы начнете его разубеждать по поводу пика (компенсации), то рискуете спровоцировать конфликт. Представьте, что психолог говорит: «Да какой же ты счастливый (умный, красивый, добрый и т. п.)? Посмотри, как ты живешь, – разве в этом счастье?» И не только потому, что тема счастья весьма субъективна и значима, а просто в проблемной сфере у человека нет «опоры под ногами», и он пытается себя «подвесить», как на крючке, на непомерно завышенной самооценке по другой шкале, а вы его с этого «крючка» пытаетесь «сбросить». Естественно, что в ответ получите агрессию.

Рис. 2.4. Неравномерно пониженная актуальная самооценка с признаками компенсации

Если психолог получает в ответ на высказанное сомнение агрессию, то это – действительно сфера компенсации.

Общая неравномерность самооценки. При неравномерной самооценке очень сложно однозначно определить ее высоту. Термины «достаточно неравномерна», «относительно неравномерна», «заметно неустойчива», «выраженно неустойчива» – отражают различные

¹ Потому что в депрессивный синдром входят и циклические изменения настроения в течение дня, а также запоры.

нюансы ее неравномерности. Если самооценка колеблется в пределах трех интервалов и более, то это «выраженно неравномерная самооценка» (рис. 2.5).

Неравномерная самооценка свидетельствует об эмоциональной неустойчивости, но какого рода? Предлагается исходить из следующего допущения. Любая шкала представляет собой некий жизненный контекст. Когда речь заходит о том, насколько мы здоровы, умны и т.п., то мы автоматически «погружаемся» в этот контекст. Переходя из контекста в контекст, мы как бы переходим из ситуации в ситуацию, несколько изменяя состояние сознания. Если самооценка неустойчива, то при этих переходах меняется эмоциональное состояние. Вот в этом смысле нужно понимать эмоциональную неустойчивость, которую выражает самооценка. Подобная неустойчивость самооценки характерна, например, для женщин в состоянии беременности.

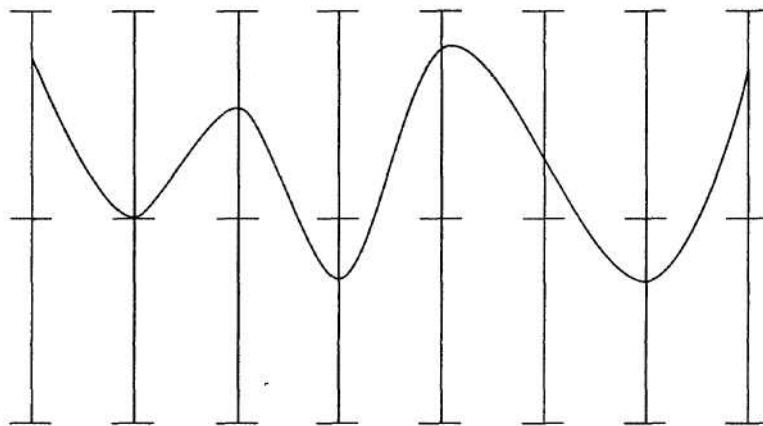

Рис. 2.5. Неравномерная актуальная самооценка

Следующий тип неустойчивости проявляется в определенных тенденциях, например, в понижении или повышении самооценки в течение обследования. Если повышенная (пониженная) самооценка к концу обследования нормализуется, на это нужно обращать внимание, потому что это – результат коррекционной работы. Существует понятие «курабельность», определяющее насколько пациент готов к изменениям (или излечим, если речь идет о терапии). То же самое можно сказать и о психологических проблемах. Если какой-то психологический параметр самооценки нормализуется в процессе общения с вами, то это благоприятный признак, можно продолжать работать с испытуемым как с клиентом¹.

Еще одно правило. Вы тенденциозны, когда работаете с испытуемым. Тенденциозность состоит не столько в нормализации самооценки испытуемого, сколько в ее понижении. Вас должно радовать понижение самооценки (точнее – обнаружение такого понижения в эксперименте). Вы ищете проблему, выискиваете в ответах признак неблагополучия. Индикатор неблагополучия – «западение» самооценки. За эту тему специалист должен «зацепиться» и выяснять с испытуемым, в чем тут дело. После этого, скорее всего, появится еще парочка шкал, которые тоже будут понижены. В результате суммарная самооценка испытуемого будет ниже чем «обычно». Эта тенденция должна быть вами осознана.

Высота идеальной самооценки

«Кружок» – это отметка идеальной самооценки. Это – невербальный ответ вашего испытуемого на вопрос: «Где бы вы мечтали находиться в идеале между этими полюсами?» Это отметка мечты. В структуре «Я-образа», «Я-концепции» идеальной самооценке отведена особая роль. Факт заключается в том, что у любого человека есть идеальная самооценка. Для определения общей высоты самооценки высота идеальной самооценки играет меньшую роль, чем высота актуальной самооценки.

Что нам позволяет выяснить этот показатель?

Первым делом следует посмотреть, как соотносится высота «кружков» с верхними полюсами шкал. «Кружки» должны стоять несколько ниже полюса. Если «кружок» стоит на полюсе, то можно предполагать незрелое отношение к ценностям как один из признаков незрелости личности. Взрослый человек не мечтает быть «самым-самым».

Как это можно объяснить?

1. Испытуемый с незрелым отношением к ценностям еще не понимает, что абсолют недостижим, а способ задания шкал как абсолютных величин – условность.

¹ Если этого не происходит, то это еще не означает обратного (примеч. авт.).

2. Взрослея, «социализируясь», мы не придумываем ценности, а берем их в готовом виде из культуры. Но мы вырабатываем свое отношение к ним. Если эти ценности заимствованы, но еще не «переработаны», сознательно не присвоены, то для нас естественно желание быть самыми лучшими во всем. Но когда переработка произошла, человек перестает желать быть «самым-самым» везде, о чем бы он ни подумал. Вы ведь не хотите быть самым красивым и самым сильным, но хотите быть «самими собой». Если бы хотели, то обязаны были бы что-то делать для этого, двигаться в избранном направлении. Это и есть взрослое, зрелое отношение к ценностям. Не только цели, но и ценности накладывают ответственность и ограничения. Если ты не делаешь чего-то, значит, ты этого не хочешь. Незрелое отношение к ценностям – это когда нет четкого осознания своих возможностей и ограничений и субъект не научился сам себя ограничивать в том, что лежит в стороне от его сознательно выбранного пути развития. Последнее и может выражаться в нереалистичной идеальной самооценке.

Итак, если вы видите более трех кружков на полюсах, то ценности еще заимствованы и не прочувствованы. Но обратное неверно. Почему? Идеальная самооценка может снижаться совсем не потому, что отношение к ценностям зрелое. Здесь важно проанализировать соотношение между «кружком» и «черточкой».

Соотношение между высотой актуальной и идеальной самооценки

Рассмотрим это соотношение. Оно дает нам представление об удовлетворенности собой (рис. 2.6). Чем меньше расстояние между актуальной и идеальной самооценкой, тем больше удовлетворенность собой. Многие специалисты (см.: Берне, 1986) даже считают, что именно удовлетворенность собой и есть главное содержание самооценки.

Повышение удовлетворенности собой достигается либо за счет снижения «уровня мечты», идеальной самооценки (O), либо за счет повышения актуальной самооценки (–). Чрезмерное повышение удовлетворенности собой, скорее всего, компенсирует внутреннюю неудовлетворенность. Эту гипотезу вы должны проверить другим способом.

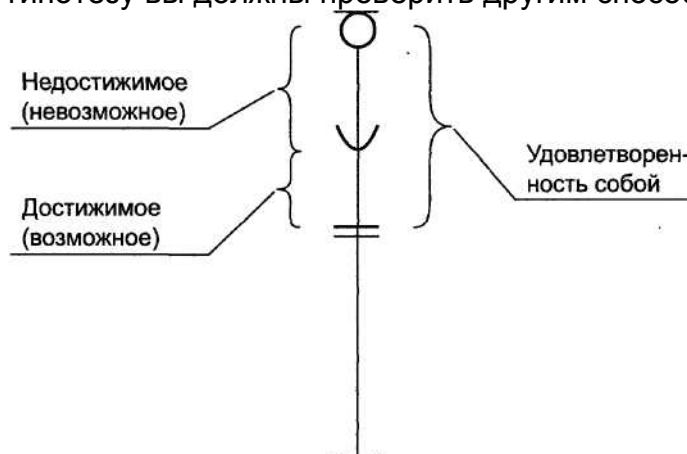

Рис. 2.6. Иллюстрация смысловых соотношений между актуальной, идеальной самооценкой и оценкой своих возможностей

Идеальная самооценка может снижаться в силу работы компенсаторного (защитного) механизма, который в некоторых случаях правомерно назвать «механизмом защиты от депрессии». Признак этого механизма – параллельность линий актуальной и идеальной самооценок при некоторой их неустойчивости, что выглядит как «лента» при пониженной актуальной самооценке. В таких случаях правомерна формулировка: «Наблюдается заметное повышение удовлетворенности собой за счет компенсаторного понижения высоты идеальной самооценки». В этом случае снижение идеальной самооценки вовсе не означает, что отношение к ценностям реалистично. Испытуемый просто снижает «уровень мечты», чтобы чувствовать себя удовлетворенным тем, что у него есть. Особенно это справедливо, когда актуальная самооценка понижена (рис. 2.7).

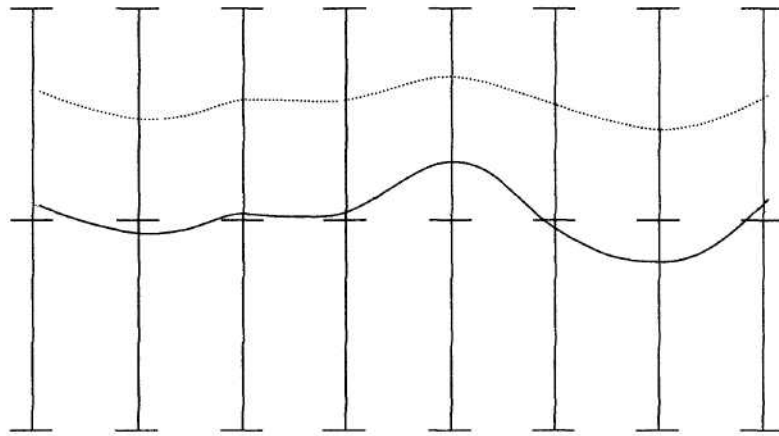

Рис. 2.7. Пример повышения удовлетворенности собой за счет компенсаторного снижения идеальной самооценки при пониженной актуальной самооценке

Нечто подобное наблюдается и при повышенной самооценке (рис. 2.8). Почему человек, несмотря на то, что он ставит «черточки» высоко, нуждается еще в дополнительном повышении удовлетворенности собой за счет понижения «кружков»? В этом есть что-то «чересчур»: слишком близко «кружки» от «черточек», несмотря на и без того высокую актуальную самооценку. Скорее всего, это тоже говорит о компенсации. Можно предположить, что в глубине души такой человек недоволен собой. Он может этого и не осознавать. На то и компенсаторный механизм, чтобы для сознания представить вещи искаженно или даже противоположным образом. Следовательно, в случае одновременного повышения актуальной самооценки при параллельном снижении идеальной мы можем говорить об «общем компенсаторном повышении самооценки и уровня удовлетворенности собой»¹.

Таким образом, параллельность идеальной и актуальной самооценок может наблюдаться как в случае снижения актуальной самооценки, так и при ее повышении. В первом случае мы говорим о механизме борьбы с депрессией (ее символизирует пониженная актуальная самооценка), во втором – об общем компенсаторном повышении самооценки и удовлетворенности собой.

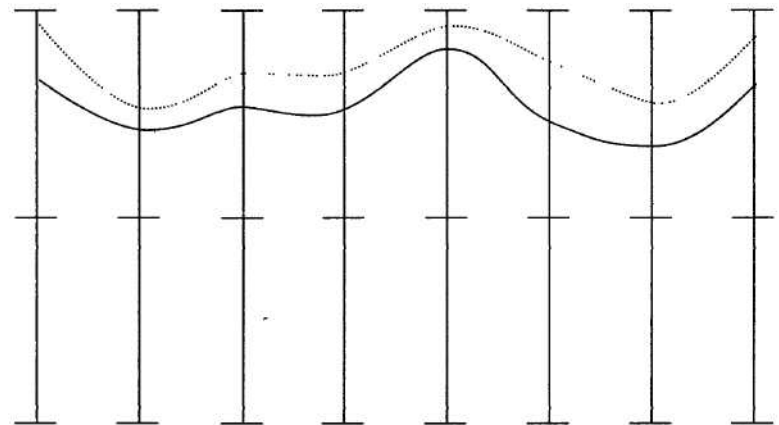

Рис. 2.8. Пример повышения удовлетворенности собой за счет компенсаторного снижения идеальной самооценки при повышенной актуальной самооценке

Уровень объективной оценки своих возможностей

«Галочка» (У) – это отметка оценки своих возможностей. Это невербальный ответ вашего испытуемого на вопрос: «Где вы можете оказаться, объективно оценивая свои возможности? Чего вы можете добиться, объективно оценивая свои возможности?» Как правило, «галочка» находится между «кружком» и «черточкой». Так это должно быть согласно нашей модели (см. рис. 2.6). Модель предполагает, что идеальная самооценка и оценка своих возможностей – это психологически разные реальности. Они не должны совпадать.

О чем нам говорит оценка возможностей и чем она отличается от идеальной самооценки? «Кружок», идеальная самооценка, символизирует «уровень мечты». Примем как аксиому, что у каждого человека должна быть мечта, хотя вы увидите, что у некоторых испытуемых галочки и кружки по большей части совпадают.

¹ Возможно, исключение составляют случаи эмоциональной или интеллектуальной патологии органического характера (примеч. авт.).

Особый тип соотношений между этими оценками состоит в снижении уровня идеальной самооценки (О) до уровня объективной оценки своих возможностей (У) – «инфляция мечты». Внешне это похоже на компенсаторное снижение идеальной самооценки с целью повышения удовлетворенности собой (см. выше по тексту). Характерное отличие состоит в том, что по большинству шкал «галочки» оказываются внутри «кружков», хотя и находятся в характерном для них диапазоне высоты. Важно выяснить, что это: отказ от мечты или переоценка своих возможностей? В первом случае «галочки» находятся там, где и должны быть согласно модели, а «кружки» снижены (и те, и другие расположены во втором от середины интервале). Если это так, то желательно выяснить, понимает ли испытуемый разницу между идеалом (мечтой) и целью? Если он затрудняется сформулировать разницу или предпочитает «не увлекаться мечтаниями», то следует задуматься о причине такого смешения. При прямом опросе обычно выясняется, что испытуемый намеренно избегает фантазий о своем будущем, как бы отказываясь от мечты. Место мечты занимает «холодный» расчет, рациональное планирование будущего.

Обычно все мы неосознанно испытываем потребность мечтать. Но некоторых людей жизнь иногда мечтать отучает. Идеальная самооценка обычно обозначает нечто недостижимое. Мечта не сбывается, но иногда исполняется, если для нас ее кто-то исполнит. Самостоятельное воплощение мечты в реальность – это длительный ответственный процесс. Мечта, для того чтобы сбыться, в результате сознательного выбора должна превратиться в цель. Поскольку о целях мы не мечтаем, а стремимся к ним и достигаем их, цель должна «обрасти» средствами для достижения. О средствах мы и спрашиваем испытуемого, предлагая «оценить свои возможности» с помощью галочки. Отсюда следует, что «галочка» – это уровень цели или реальных перспектив (аналог уровня притязаний). Если процесс планирования не искажен, то, по мере осуществления, место мечты, превратившейся в цель, занимает другая мечта (см. рис. 2.9), а «кружок» по-прежнему стоит выше «галочки». Если этого не происходит, мы говорим об «инфляции мечты» (см. рис. 2.9).

Не каждому испытуемому сказанное легко объяснить. Это может быть темой для обсуждения в групповом процессе и в приватной беседе.

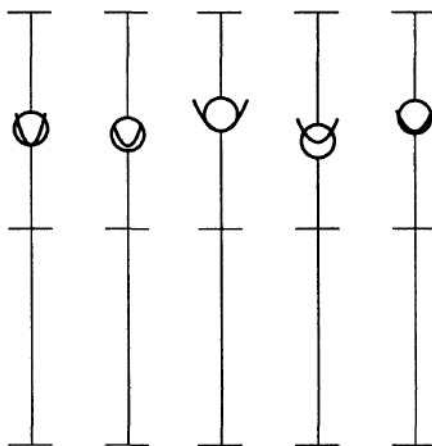

Рис. 2.9. «Инфляция мечты»

Соотношение между параметрами самооценки

Теперь посмотрим на соотношение между всеми значками. Как видно из рис. 2.6, «галочки» (У) должны находиться между «кружком» (О) и «черточкой» (–). Это соотношение имеет собственный психологический смысл. Расстояние между О и S – это интервал недостижимого. Желаемого, но недостижимого. «Галочка» – это то, что «я смогу», а то, что выше нее, – это «все недоступное». Ниже «галочки» вплоть до актуальной самооценки – то, что «я смогу», это достижимое, «жизненное пространство» (если испытуемый считает, что оно у него есть). Соотношение между этими двумя интервалами (выше и ниже галочки) определяет уровень оптимизма испытуемого. Являясь одной из операционализаций этого понятия – в форме графического соотношения интервалов осуществимого и невозможного. Чем больше интервал возможного и меньше – невозможного, тем выше уровень оптимизма¹.

¹ Как считала М. З. Дукаревич, уровень оптимизма – это очень важная, жизненно важная характеристика. Если вы имеете дело с человеком с суицидальными мыслями (идеями, намерениями), то уровень оптимизма – это могучий антисуицидальный фактор (примеч. авт.).

Шкалы «удовлетворенность собой» и «оптимизм»

Эти две шкалы даются для проверки, насколько валидна процедура обследования для данного испытуемого. Эти шкалы напрямую отражают то, что косвенно символизируют описанные выше соотношения трех показателей самооценки. Благодаря введению этих шкал, мы имеем прямую оценку испытуемым своей удовлетворенности (оптимизма), которую можете сравнить с косвенными показателями.

Необходимо сравнить прямые оценки (актуальную самооценку) по этим шкалам с результатом анализа этих характеристик по косвенным признакам. Предполагается, что если все в порядке с самооценкой и испытуемый искренен, эти индикаторы должны совпадать «автоматически». В случае совпадения прямой самооценки с косвенными показателями вы получаете уверенность в искренности испытуемого и интегрированности сознательного и неосознанного уровней его самооценки. Когда же есть признаки активности описанных выше компенсаторных механизмов, вы сами должны решить, насколько этот последний вывод правомерен. В случае несовпадения прямой самооценки с косвенными признаками существует три варианта.

Первый – это то, что испытуемый не был искренен с вами.

Второй – он недостаточно хорошо понимает себя, недостаточен уровень рефлексии.

Третий – мы имеем дело с компенсацией. Компенсация – это когда испытуемый и чувствует, и не чувствует удовлетворенность собой. В глубине души человек не удовлетворен собой, а «на поверхности» демонстрирует нам (и себе самому) состояния удовлетворенности. Аналогично трактуются соотношения для индикаторов оптимизма. Но эти гипотезы нужно проверять дополнительно.

Противоречивость-непротиворечивость. Степень непротиворечивости может быть разной, но смысл в одном: испытуемый противоречит самому себе, давая себе разные оценки по сходным шкалам. Допустим, шкала «здоровье» распадается на две шкалы: «психическое» и «физическое» здоровье. По общей шкале «здоровье» испытуемый ставит себе высокий уровень здоровья, а по психическому и физическому здоровью – ниже: так, что как ни складывай, а такой же высоты, как на единой шкале, не получится. Другими словами, оценки по близким по смыслу шкалам не совпадают либо противоречат друг другу. Испытуемый, как правило, этого не замечает, даже когда шкалы стоят рядом.

В дополнение к изложенным выше формальным индикаторам самооценки есть личностные резервы, которые вы, как психолог, можете развивать и использовать. Например, чувство человеческого «Я» или чувство «Я» другого человека. Все диагностические методики – лишь искусственные приемы, которые помогают психологу разобраться в другом человеке. Но самый точный (потенциально) диагностический «аппарат» находится у вас в душе, только он нуждается в «настройке». Ваше собственное восприятие другого человека – часто последний критерий, которым проверяется искренность другого человека или наличие каких-то несоответствий в его самооценке. Секрет состоит в том, что, работая с испытуемым, необходимо наблюдать за самими собой. Не фиксировать внимание на себе, а как бы наблюдать «краешком глаза» за своими эмоциями и действиями. Вы занимаетесь испытуемым (клиентом), а не самим собой, но при этом осознаете себя не меньше, чем его, постоянно рефлекслируя свое состояние как тонкий диагностический инструмент.

Анализ степени искажения самооценки

Как было сказано, помимо результатов собственно «измерения» самооценки методика Дембо-Рубинштейн позволяет устанавливать степень искажающего влияния защитных механизмов на «Я-концепцию» путем подсчета количества выявленных компенсаторных механизмов. Сейчас сложно определить истинный дезадаптирующий «вес» каждого из них, поэтому каждому присваивается 1 балл.

В теме 4, посвященной структуре психологического заключения, приводятся примеры составления заключения по результатам обследования самооценки методом Дембо-Рубинштейн совместно с исследованием уровня притязаний.

Дополнительные материалы к теме

Исследование валидности метода

Связь искажений самооценки с некоторыми защитными механизмами личности

Нами¹ была предпринята попытка подтвердить гипотезы о связи описанных искажений самооценки с некоторыми защитными механизмами личности.

В качестве валидизирующей методики был избран опросник Р. Плутчика «LIFE STYLE INDEX», адаптированный Е. С. Романовой и Л. Р. Гребенниковым².

Тест состоит из 92 вопросов и направлен на выявление 8 защитных механизмов: реактивное образование, вытеснение, проекция, отрицание, интеллектуализация, замещение, регрессия и компенсация. Помимо этого использовалась известная шкала самооценки личностной и ситуативной тревожности Спилбергера-Ханина.

Приступая к исследованию, мы отдавали себе отчет в том, что теоретические конструкты, лежащие в основе опросника Р. Плутчика и самооценки тревожности, не совпадают с предлагаемой нами трактовкой искажений самооценки. Тем не менее, мы предполагали, что между ними есть нечто общее, а именно – в обоих случаях имеют место когнитивные искажения образа ситуации. В таком случае осмысленная корреляция между параметрами самооценки и проявлением защитных механизмов может служить косвенным подтверждением наших положений. Мы предполагали также, следуя классическим представлениям, что ряд искажений самооценки должен быть связан с проявлением тревожности.

В исследовании приняли участие 44 здоровых испытуемых в возрасте от 18 до 30 лет. В основном это были студенты экономического факультета СГЭА. Соотношение мужчин и женщин, участвовавших в обследовании, было одинаковое.

Эксперимент проводился индивидуально с каждым студентом, после чего результаты самооценки шкалировались нами по специально разработанной процедуре с целью привести качественные характеристики самооценки в числовые баллы. В частности, экспертным путем устанавливалась степень общего искажения самооценки, наличие и степень выраженности того или иного типа искажения, общий уровень проявления качественно-количественных характеристик и т. п.

Статистическая обработка проводилась методами факторного анализа (выявление главных компонент) и методом ранговой корреляции Ч. Спирмена.

Результаты исследования. Суммарная дисперсия исходной матрицы данных, объясняемая факторами, составляет 70,3 %.

Первый фактор, объясняющий 22 % дисперсии, нагружает такие характеристики самооценки, как «высота», «косвенная оценка удовлетворенности собой», «компенсаторное снижение идеальной самооценки с целью повышения удовлетворенности собой при повышенной актуальной самооценке», «прямая оценка удовлетворенности собой». На противоположном полюсе – «повышенная критичность к себе», «неустойчивость» и «попытка спрятаться в середину». Таким образом, положительный полюс фактора можно условно обозначить как «устойчивое позитивное самоотношение». Предположительно, этот фактор связан с тенденцией к повышению удовлетворенности собой за счет работы компенсаторного механизма «снижение идеальной самооценки с целью повышения удовлетворенности собой при повышенной актуальной самооценке».

Второй фактор (16,4% дисперсии матрицы) объединил такие характеристики, как «нереалистичность самооценки», «высокая оценка своих возможностей», «косвенная оценка оптимизма», «противоречивость самооценки», «незрелость ценностей» и «инфляция мечты». Это однополюсный фактор, на положительном полюсе которого находятся неадекватность, высокая (нереалистичная) переоценка своих возможностей, высокий оптимизм, повышенная внутренняя противоречивость самооценки, незрелость ценностей, неразличение идеального уровня самооценки от оценки своих возможностей. Ориентировочно его можно обозначить как «нереалистичная переоценка временной перспективы».

Третий фактор объясняет 10% дисперсии. На положительном полюсе – «механизм борьбы с депрессией», на отрицательном – «интеграция осознанного и неосознанного уровня оценки оптимизма».

Четвертый фактор объясняет 9% дисперсии. Нереалистичность самооценки и высокая оценка по шкале «склонность мечтать» (прямая оценка) нагружены с отрицательным знаком.

¹ В соавторстве с Сениной Е. В.: «Валидизация методики исследования самооценки Дембо-Рубинштейн как метода выявления защитных механизмов Я-концепции». Дипломная работа на факультете психологии СамГПУ. – Самара, 2001.

² Романова Е. С., Гребенников Л. Р. Механизмы психологической защиты. – Мытищи, 1996.

Можно предположить, что этот фактор отражает склонность принимать желаемое за действительное, идеализацию самооценки.

Пятый фактор, объясняющий 6,9% дисперсии, нагружен признаком «количество проблем и компенсаций» (с отрицательным знаком). Эта характеристика ни с чем не объединена, что свидетельствует о специфичности этого признака.

При использовании метода ранговой корреляции было получено 79 статистически значимых корреляций, 48 из которых – на высоком уровне значимости ($p < 0,01$). Следует отметить, что из восьми рассмотренных защитных механизмов по Р. Плутчику лишь шесть имеют значимые корреляционные связи с параметрами самооценки.

Механизмы «вытеснение» и «компенсация» значимых связей с признаками искажения самооценки не обнаруживают. Из этого следует, в частности, что предлагаемое нами понимание термина «компенсация» имеет мало общего с терминологией Р. Плутчика. Аналогично, фиксируемые искажения самооценки, по всей видимости, не связаны с вытеснением в его понимании.

Взаимосвязь между характеристиками самооценки, признаками защитных механизмов и самооценкой тревожности изображена на рис. 2.10.

Рис. 2.10. Граф корреляционных связей между характеристиками самооценки, проявлением защитных механизмов и самооценкой тревожности

Пояснения к рисунку: пунктирная линия обозначает отрицательную корреляцию, сплошная – положительную. В светлых прямоугольниках приведены наши компенсаторные механизмы; в светлых прямоугольниках со скругленными углами – параметры тревожности по Спилбергеру-Ханину; в затемненных прямоугольниках со скругленными углами – защитные механизмы по Р. Плутчику.

Компенсаторный механизм «неадекватно завышенная самооценка с признаками нарушения критичности» положительно коррелирует с защитным механизмом «отрицание» и отрицательно с «регрессией». «Отрицание» чаще всего используется при повышенной самооценке в сочетании с пониженной критичностью. Этот защитный механизм положительно связан со степенью искажения «Я-концепции». Субъект, прибегающий к отрицанию, старается уйти от осознания информации, которая угрожает его высокой самооценке. Пониженная самооценка связана значимой корреляцией с регрессией. При пониженном фоне настроения субъект чаще прибегает к регрессивному поведению, т. е. возвращается к предыдущим, более инфантильным формам отношений и поведения со значимыми объектами. «Механизм борьбы с депрессией» положительно коррелирует с защитным механизмом регрессии и отрицательно – с реактивным образованием.

Выявилась отрицательная корреляционная связь между «реактивным образованием» и нереалистичной оценкой своих возможностей (не изображено на графе). Р. Плутчик связывает развитие реактивных образований с окончательным усвоением индивидом «высших

социальных ценностей». Этот механизм защиты определяет подчеркнутое стремление соответствовать общепринятым стандартам поведения, резкое отрицательное отношение к «неприличным» разговорам, шуткам, вежливость, бескорыстность.

Компенсаторный механизм «снижение идеальной самооценки с целью повышения удовлетворенности собой при повышенной актуальной самооценке» отрицательно коррелирует с защитным механизмом регрессией и личностной тревожностью. Это совпадает с тем, что повышенный фон настроения и высокий уровень удовлетворенности собой и оптимизма сочетаются с низким уровнем личностной тревожности, а признаки повышенного настроения отрицательно коррелируют с регрессией.

Повышенная критичность к себе положительно коррелирует с обоими типами тревожности и с защитными механизмами «регрессия» и «замещение». С другой стороны, как видно из приведенного графа корреляций, индикаторы тревожности отрицательно коррелируют как с частными формами искажения самооценки, так и с суммарным показателем ее искажения. Из этого правомерно сделать вывод, что описанные в нашем руководстве компенсаторные механизмы в большинстве своем служат психологической цели снижения тревожности, что является характерным признаком защитных механизмов личности. Приведенных фактов вполне достаточно для обоснования конст-руктивной и конкуретной валидности, предложенной в трактовке характеристик самооценки.

Рекомендуемая литература по теме

Блейхер В. М. Клиническая патопсихология. – Ташкент, 1976. – С. 140-142.

Рубинштейн С. Я. Экспериментальные методики патопсихологии и опыт их применения в клинике. – М., 1970. – С. 52-53.

Дополнительная литература

Берне Р. Развитие Я-концепции и воспитание. – М., 1986.

Романова Е. С, Гребенников Л. Р. Механизмы психологической защиты. Генезис. Функционирование. – Мытищи, 1996.

Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности. – М., 1987.

Гриндер Д., Бэндлер Р. Структура магии. – М., 1995.

Тема 3. Исследование уровня притязаний по Ф. Хоппе

Вводные замечания

Методики исследования самооценки по Дембо-Рубинштейн и исследования уровня притязаний (УП) по Ф. Хоппе возникли в одной психологической школе и отражают подход к исследованию личности в гештальт-психологии Курта Левина. Методика исследования первоначально была разработана как экспериментальная процедура для исследования образования намерений, механизмов целеполагания, экспериментального исследования мотиваций (соотношения потребностей и «квазипотребностей»). Впоследствии эта экспериментальная модель трансформировалась в психодиагностический эксперимент, предназначенный для исследования характеристик процесса целеполагания и ряда аспектов мотивации.

Исследование уровня притязаний – объективный тест действия¹ и в этом его специфика и уникальность в ряду других методов исследования личности.

Личностные характеристики в УП выводятся из анализа характерных признаков поведения в специально организованной ситуации. При психодиагностическом эксперименте психолог формирует и целенаправленно изменяет параметры ситуации, фиксируя реакции испытуемого на эти изменения.

К. Левин выделяет высоту уровня притязаний в качестве одной из основных характерных для человека целей («истинных потребностей»). С момента введения концепта уровня притязаний в психологический обиход в литературе накопилось довольно много различных частных его определений. Большинство авторов в качестве наиболее общего понимания уровня притязаний используют близкое к исходному, при котором данный концепт имел значение уровня трудности выбираемых субъектом целей. Для К. Левина притязания – это одно из важнейших образований личности, обуславливающих ее активность, детерминирующих многие аффективные процессы, способные не только определять поведение человека, но и формировать черты его характера. И хотя уровень притязаний не удалось прямо соотнести с какими-либо личностными качествами, ни по отдельным параметрам, ни по их комплексу, он традиционно наделяется значением личностной характеристики, а диагностика притязаний считается одним из методов изучения личности (Л. В. Бороздина, 1985). «Уровень притязаний способен представить собственно уровень трудности намечаемых человеком задач, подход к их решению, реакцию на успех и неуспех, коррекцию выбора в зависимости от уровня достижения, адекватность линии поведения, отраженной в стратегии выбора, а, следовательно, продуктивность отработанной тактики, наконец, степень ее лабильности или устойчивости. Несомненно, что комплекс подобных знаний о человеке, т. е. достаточная полная характеристика его тактики целеполагания, составляет информационно емкий материал для диагностики личности» (там же, с. 40).

Как проводили эксперимент К. Левин и Ф. Хоппе?

Испытуемого вводили в просторную комнату, где он мог выбрать, чем ему заниматься (например, головоломки, кроссворды, набрасывание колец на бутылки, стрельба из детского лука по мишени) Испытуемый выбирал, чем заниматься, и должен был заниматься этим в течение всего эксперимента. Характерная черта – внутри каждого занятия задания отличались разным уровнем сложности. Например, можно было стрелять из лука по мишени, набрасывать кольца на бутылки с разного расстояния, либо разгадывать головоломки разной степени сложности и т. п. Испытуемый должен был сам выбирать степень сложности очередного задания и при этом сообщать его экспериментатору. Экспериментатор протоколировал ход эксперимента, время от времени эмоционально реагируя на успехи и неудачи испытуемого (фактически подчеркивал успех или неуспех).

В результате этих исследований был выделен целый ряд феноменов.

1. Выбор степени трудности следующего задания зависит от успешного либо неуспешного выполнения предыдущего.

2. Разные испытуемые начинают с разного уровня сложности (его принято называть уровнем ожидания), который меняется в течение эксперимента.

3. Совокупность сложности выбираемых испытуемым заданий можно обозначить как уровень притязаний данного испытуемого.

¹ Согласно классификации Л. Ф. Бурлачука и С. М. Морозова: см. Бурлачук Л. Ф., Морозов С. М. Словарь-справочник по психодиагностике. – СПб, 1999

4. Переживание успеха или неуспеха зависит не только от объективных достижений, но и от уровня притязаний.

5. У каждого человека есть некая идеальная цель, к которой он стремится, и конкретная цель, которой соответствует данное действие и переживание.

Процедура исследования

Цель исследования. В настоящее время исследование уровня притязаний – это психодиагностический эксперимент, направленный на изучение особенностей процессов целеполагания субъекта, уровня его самооценки и соотношения мотивов достижения успеха и избегания неуспеха. В ходе такого эксперимента моделируется достаточно распространенная жизненная ситуация принудительного выбора сложности цели при прямой зависимости размера вознаграждения от ее сложности, в ситуации внешней оценки.

Для проведения исследования уровня притязаний нужно приготовить:

- ◆ 12 карточек, на каждой из которых крупно написана цифра от 1 до 12. Эти карточки выкладываются перед испытуемым в порядке возрастания и символизируют для него уровень сложности заданий; если обе задачи данного уровня использованы, карточка переворачивается «рубашкой» вверх;

- ◆ 24 задания (по 2 задания на каждый уровень сложности);

- ◆ карандаш;

- ◆ лист бумаги;

- ◆ громко тикающий секундомер.

Экспериментатор не должен ставить испытуемого в известность об истинной цели исследования.

Инструкция. Информация о задании предъясняется испытуемому в два приема.

1. Сначала дается маскирующая инструкция. Предназначение маскирующей инструкции – скрыть истинную цель эксперимента, чтобы избежать оборонительной реакции, и, что важнее, – создать позитивную устойчивую мотивацию. Маскирующая инструкция служит важной цели – создания мотива экспертизы. При недостаточной мотивации все остальные манипуляции могут быть сведены «на нет» непредсказуемым поведением испытуемого: «Я бы хотел (а) исследовать ваши интеллектуальные способности, в частности, скорость интеллектуальных реакций как показатель вашего интеллектуального кругозора, меру вашей эрудиции».

2. Основная инструкция: «Сейчас я разложу перед вами 12 карточек. Каждая карточка символизирует уровень сложности задания. Каждому уровню сложности соответствуют две задачи. Вы имеете право выбрать любой уровень сложности. № 1 – самый легкий, № 12 – самый сложный. Ваша цель состоит в том, чтобы набрать максимальное количество баллов (цифры баллов соответствуют уровню сложности, например № 1 – 1 балл, № 12 – 12 баллов), при этом вы свободны в выборе сложности задач. Делая очередной выбор, называйте, пожалуйста, его номер и поднимайте соответствующую карточку. На каждую задачу отпущено определенное количество времени. Ответы нужно записывать на бумаге. Если вы знаете ответ, но не успели его записать на бумаге, попытка не засчитывается».

После прочтения инструкции необходимо убедиться в том, что испытуемый понял задание: попросить пересказать инструкцию и дополнить, если имеются пропуски. После этого испытуемому предлагают сделать первый выбор. Разложенные на столе карточки с номерами символизируют сложность задания. Делая выбор, испытуемый называет номер карточки и указывает на нее пальцем или ручкой. Каждый раз экспериментатор зачитывает вслух задачу выбранного испытуемым уровня сложности. Весь список задач испытуемому не показывается. После того как на определенный уровень сложности выбраны обе задачи, эта карточка либо убирается со стола, либо переворачивается цифрой вниз, чтобы испытуемый мог легко ориентироваться в ситуации выбора.

При проведении эксперимента следует помнить, что его цель – не определение интеллектуального уровня, а выявление поведенческих и психологических феноменов, связанных с реакцией испытуемого на успех и неуспех. Инструкция построена таким образом, чтобы дать экспериментатору максимальную свободу манипуляции успехом/неуспехом. Испытуемый не должен догадаться, что определенного времени на выполнение задач не существует. Экспериментатор сам выбирает, позволить ли испытуемому закончить задание («дать успех») или прервать выполнение, смоделировав ситуацию неуспеха. Если испытуемый не успел закончить «в срок», задача считается нерешенной. Ситуацию успеха либо неуспеха

можно также создать, изменив сложность очередного задания. Задачи сформулированы так, чтобы экспериментатор мог при необходимости оперативно изменять их сложность, приспособившись к уровню интеллекта и осведомленности испытуемого.

Не рекомендуется предъявлять испытуемому все 24 задания. Исследование прекращается тогда, когда экспериментатор полностью уверен в том, что он выяснил все характерные для испытуемого особенности процесса целеполагания.

Ведение протокола. Протоколируются три аспекта поведения испытуемого.

1. Вербальные реакции на успех/неуспех: что говорит испытуемый, к чему это относится, склонен ли он оправдываться при неудачах; ругает ли он себя или задания и т. п.

2. Эмоциональные реакции на успех/неуспех. Наблюдение за мимикой, интонацией: положительна или отрицательна реакция, или реакция отсутствует; желательно определить среднюю интенсивность реакции на успех и неуспех.

3. Собственно поведенческий аспект – тактика выбора заданий. Протоколируется в форме диаграммы.

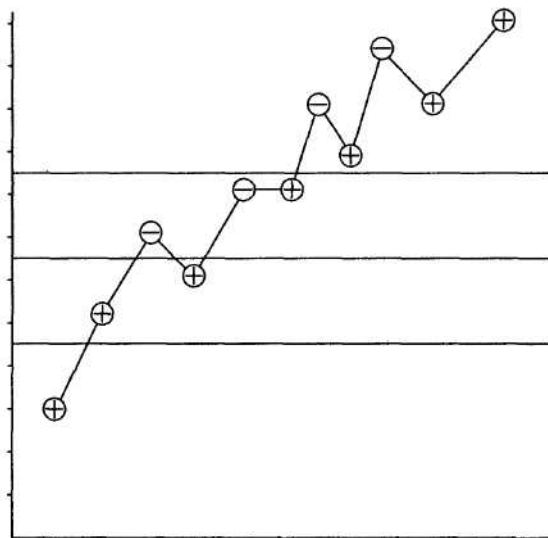

Рис. 3.1. Графический протокол на примере так называемого «гибкого профиля»

По вертикали откладываются 12 уровней сложности, по горизонтали – номер очередного выбора, делаемого испытуемым (рис. 3.1).

Эксперимент по исследованию УП прекрасно иллюстрирует одну из особенностей клинической психодиагностики: результат отражает взаимодействие поведения испытуемого и экспериментатора. Активной стороной в эксперименте является экспериментатор, следовательно, тактика поведения испытуемого заметно меняется в ответ на «вводные» психолога. Чтобы избежать артефактов в поведении испытуемого, психолог должен придерживаться стандартной тактики.

Тактика поведения экспериментатора в ходе проведения эксперимента заключается в следующем:

- ◆ до пятого уровня сложности и при последнем выборе обязательно должен даваться успех;
- ◆ каждый раз, когда испытуемый поднимается на более сложный уровень, рекомендуется давать неуспех;
- ◆ если испытуемый «отстывает» на более низкий или предыдущий уровень сложности после полученного неуспеха, рекомендуется давать успех;
- ◆ тактика экспериментатора в конечном итоге подчинена одной цели – подтолкнуть испытуемого к гибкой адекватной реалистичной тактике целеполагания;
- ◆ не рекомендуется давать испытуемому все 24 задачи, поскольку это не позволит определить высоту профиля (она будет средней);
- ◆ эксперимент прекращают, когда получены все необходимые характеристики профиля и экспериментатор уверен, что продолжение не внесет существенных дополнений.

Тактика экспериментатора в конечном итоге подчинена одной цели – подтолкнуть испытуемого к гибкой адекватной реалистичной тактике целеполагания.

Основы интерпретации

Интерпретация условно разделяется на два этапа:

- 1) оценка параметров профиля;
- 2) психологическая интерпретация.

Оценка параметров профиля

Оценка параметров профиля производится по четырем основным характеристикам: высоте профиля, устойчивости, реалистичности и адекватности.

Оценка высоты профиля

Сначала определяют высоту профиля следующим образом:

♦ разделить диапазон сложности (вертикальная ось) между 4-м и 5-м, 8-м и 9-м уровнями сложности на три равные зоны и проверить, попадает ли 2/3 выборов в какой-либо из получившихся интервалов. Нижний интервал относится к низкому уровню притязаний, средний – к среднему, верхний – к высокому;

♦ провести границу между 6-м и 7-м уровнем сложности (это соответствует середине вертикальной оси) и проверить, попадает ли 2/3 выборов в верхний или нижний интервал. Нижний интервал относится к пониженному уровню притязаний, верхний – к повышенному;

♦ сложить сложности всех заданий и разделить на количество выборов (среднее арифметическое трудности всех выборов). Результат соотнести с получившейся путем описанных выше делений «шкалой высоты» уровня притязаний. Шкала состоит из четырех интервалов (рис. 3.2);

♦ проанализировать высоту первого и последнего выбора. В норме первый выбор должен находиться в верхней половине нижнего интервала, а последний – верхнего. Считается, что последний выбор более информативен, т. е. больше коррелирует с общей высотой УП. Следует помнить, что любое правило в клиническом подходе не абсолютно. Это справедливо и по отношению к этому критерию. Например, может оказаться, что последний выбор «спускается» вниз потому, что вверху уже просто нет невыбранных задач. Или, наоборот, он «подымается» вверх потому, что внизу все задачи уже выбраны. В обоих случаях это никак не связано с уровнем притязаний.

При определении высоты УП следует применять все четыре способа, сопоставляя их результаты между собой. Информативность того или иного способа зависит от рисунка конкретного профиля.

Сопоставим шкалу высоты с примером на рис. 3.1. В приведенном примере видно, что первый способ не дает определенного ответа: в нижнем интервале находится один выбор, в среднем – 5 и в верхнем – 5. Второй способ более информативен и позволяет охарактеризовать профиль как «высокий». Подсчет среднего арифметического сложности всех выборов дает 8 баллов, что позволяет уточнить предыдущий выбор: профиль «нормально высокий». Четвертый способ подтверждает этот вывод: последний выбор – самый высокий, а первый располагается в верхней части нижнего интервала сложности.

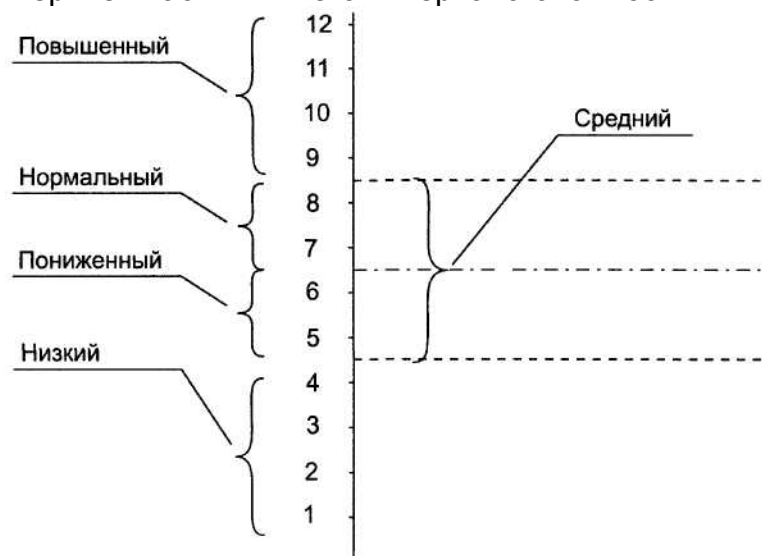

Рис. 3.2. Определение высоты уровня притязаний

После определения высоты производится оценка устойчивости профиля.

Оценка устойчивости профиля

Устойчивость УП имеет два аспекта:

- 1) характеристика тактики целеполагания;
- 2) амплитуда профиля.

Характеристика тактики целеполагания. Помимо реакции на успех/неуспех, существует еще одна детерминанта поведения – тактика целеполагания.

Тактика целеполагания – это некое правило, которым осознанно или неосознанно пользуется испытуемый при выборе очередной задачи. Психологический смысл тактик состоит в снижении влияния эмоций на процесс целеполагания.

Предполагается, что сходной тактикой испытуемый руководствуется и в жизни, замечая себе очередные цели, но это – всего лишь гипотеза в рамках прогностической валидности метода. Переноса результаты обследования на поведение испытуемого, следует принимать в расчет то, что оно проводится на основе интеллектуальных заданий. Это не гарантирует того, что в другой сфере испытуемый будет использовать ту же тактику.

Тактика целеполагания определяется по характеру профиля уровня притязаний. Следует различать четыре варианта профиля: гибкий, ригидный, лабильный и смешанный.

Определяя характер тактики, необходимо ответить на следующие вопросы.

1. Является ли профиль притязаний «гибким»? Гибкий профиль обладает следующими признаками:

- ◆ идет по диагонали слева направо снизу вверх;
- ◆ у него не бывает большой амплитуды,
- ◆ всегда адекватен и реалистичен

Гибкий профиль отражает наиболее адаптивную тактику поведения в данной экспериментальной ситуации. Такая тактика сохраняет максимально возможное количество степеней свободы и максимально экономит время, сохраняя баланс риска и эффективности. Считается, что это – «профиль типичного успешного индивида». Образец гибкого профиля приведен на рис 3.1

2. Является ли профиль ригидным или хрупким (лабильным)? Можно указать на три разных варианта ригидного профиля:

- ◆ нереалистично завышенный;
- ◆ неадекватный,
- ◆ сверхосторожный нереалистично заниженный (рис 3.3-3.5).

Лабильный профиль. В отличие от предыдущих профилей, здесь нет определенной тактики либо это – тактика избегания неуспеха. Смысл тактики избегания неуспеха состоит в том, что испытуемый стремится избежать среднего диапазона сложности. Как следствие, выборы располагаются либо вверху (минусы), либо внизу (плюсы). Такая тактика позволяет испытуемому свести к минимуму вероятность переживания негативных эмоций вследствие неуспеха. Пример его изображен на рис 3.6.

Амплитуда профиля. Для определения амплитуды (рис. 3.7) сначала вычисляется так

называемое «целевое отклонение». Целевое отклонение вычисляется как разность по абсолютной величине между сложностью двух смежных выборов. Смежными выборами являются 1-й и 2-й, 3-й и 4-й и т.д.

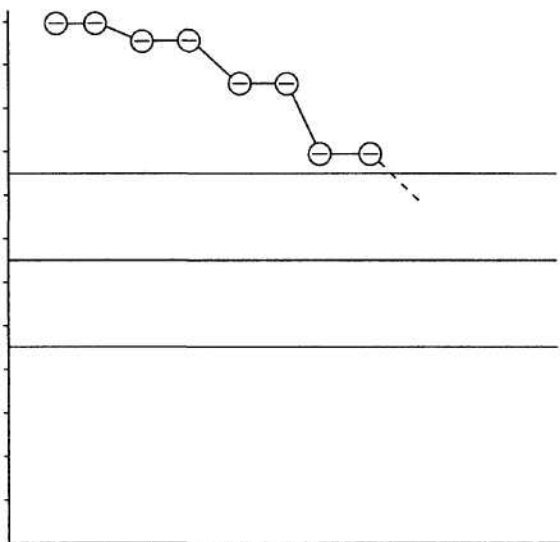

Рис. 3.3. Нереалистично завышенный ригидный профиль

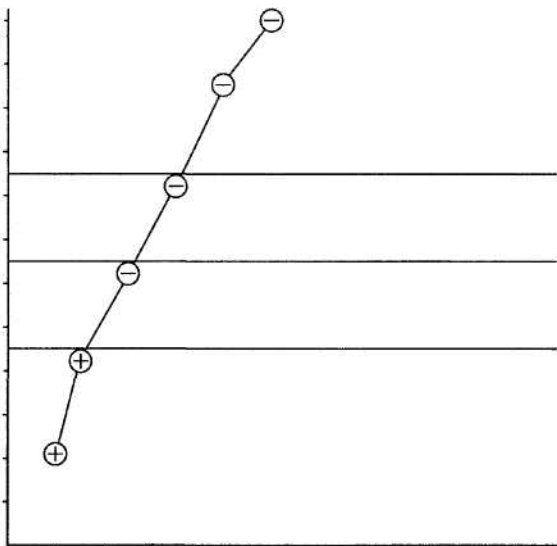

Рис. 3.4. Неадекватный ригидный профиль

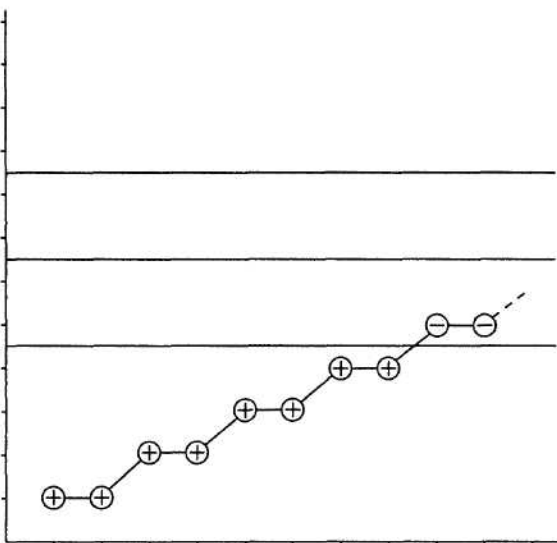

Рис. 3.5. Нереалистично заниженный (осторожный) ригидный профиль

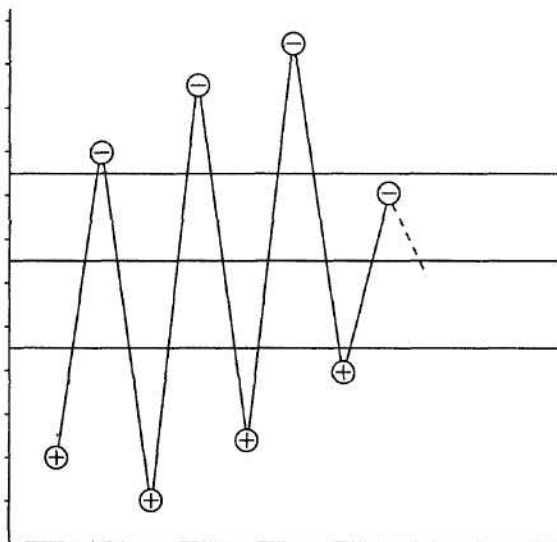

Рис. 3.6. Широкоамплитудный лабильный профиль

Амплитуда всего профиля определяется как среднее арифметическое всех целевых отклонений.

Психологическое значение амплитуды профиля уровня притязаний – степень влияния эмоций на процесс целеполагания. Чем больше амплитуда, тем больше влияют эмоции (реакция на успех и неудачу) на этот процесс. Амплитуда считается нормальной, если она не превышает 2,5. Если она больше 2,5 – то амплитуда повышенная. Из этого правила тоже есть исключения: не следует учитывать целевые отклонения, если у испытуемого нет выбора, и он вынужден сделать большой «скачок».

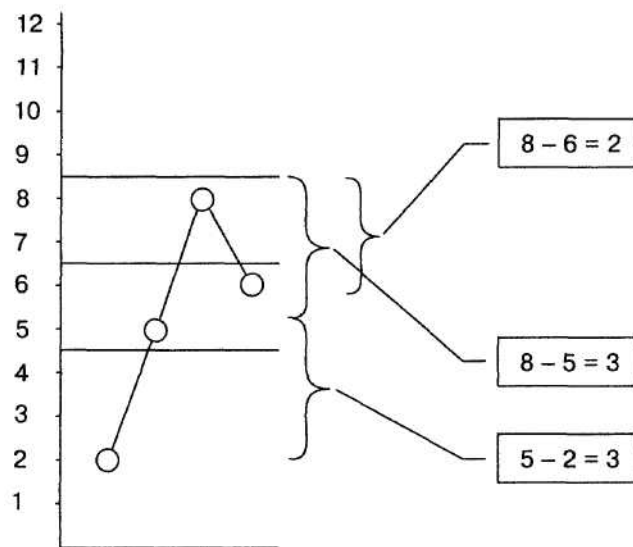

Рис. 3.7. Измерение целевого отклонения и амплитуды профиля

Амплитуда приведенного на рис. 3.7 фрагмента профиля складывается из суммы трех целевых отклонений: $(3 + 3 + 2)/3 = 2,7$.

Как явствует из опыта применения методики Ф. Хоппе, психологический смысл тактик состоит в снижении влияния эмоций на процесс целеполагания. Все ригидные тактики связаны с низким влиянием эмоций, а лабильный профиль, как правило, указывает на повышение влияния эмоций на процесс целеполагания.

Амплитуда складывается из реакции на успех и реакции на неуспех. При желании выраженность этих реакций можно вычислить по отдельности и представить графически в форме векторов, направленных из одной точки вверх и вниз. Для этого суммируются отдельно целевые отклонения, направленные вверх и вниз, и откладываются в выбранном масштабе. Теоретически эти вектора отражают относительное влияние эмоциональных реакций на успех и неуспех на процесс целеполагания.

Оценка реалистичности уровня притязаний

Реалистичность отражает способность субъекта соотносить сложность целей со своими возможностями. Она определяется по соотношению «плюсов» и «минусов» в протоколе. Если в протоколе имеется 2/3 и более минусов, значит профиль нереалистично завышен; если более 2/3 плюсов – то профиль нереалистично занижен. Профиль реалистичен, если баланс «плюсов» и «минусов» не превышает 2/3.

Оценка адекватности уровня притязаний

Адекватность реакции на успех и неуспех определяется по количеству атипичных шагов в протоколе.

Типичный шаг – после удаи испытуемый либо повышает уровень сложности следующего задания, либо остается на том же уровне; после неуспеха – либо остается на том же уровне, либо спускается вниз.

Атипичным шагом является выбор более легкого уровня после успеха, или более сложного уровня после неуспеха.

Наличие более трех атипичных шагов на 11-12 выборов говорит о неадекватности реакции испытуемого на успех или неуспех.

При подсчете атипичных шагов очень важно учитывать наличие эмоциональной реакции на успех или неуспех. Шаг атипичен только тогда, когда испытуемый испытал эмоцию, но его последовавшая поведенческая реакция ей противоречит. Если реакции на успех или неуспех не наблюдалось, то, возможно, у испытуемого не выработан мотив экспертизы, либо этот мотив, в силу ряда неуспехов, заменился на компенсаторную исследовательскую установку.

Психологическая интерпретация

После определения всех перечисленных параметров профиля, отражающих поведенческие и эмоциональные реакции и тактику поведения испытуемого, можно приступать к психологической интерпретации. Предполагается, что полученные образцы поведения

закономерно детерминированы устойчивыми характеристиками личности испытуемого и соответствуют его повседневному поведению¹.

Психологическая интерпретация дается в терминах особенностей процессов целеполагания, самооценки и мотивации достижения успеха/избегания неуспеха.

Характеристики процессов целеполагания у испытуемого

Выделяются следующие характеристики процессов целеполагания испытуемого:

- ◆ наличие или отсутствие тактики;
- ◆ устойчивость или неустойчивость этой тактики. Неустойчивость тактики выражается в том, что профиль может состоять из нескольких «частей», в каждой из которых проявляется собственная тактика;
- ◆ адекватность или неадекватность реакции на успех/неуспех;
- ◆ степень влияния эмоций на процесс целеполагания;
- ◆ реалистичность/нереалистичность – соответствие или несоответствие сложности выдвигаемых целей возможностям субъекта;
- ◆ зрелость/незрелость процессов целеполагания.

Гибкий профиль – признак зрелости процессов целеполагания. О незрелости процессов целеполагания судят по степени отклонения от гибкого профиля. К признакам незрелости процессов целеполагания относится также склонность к оправданию себя при неуспехе.

Оценка мотивации достижения успеха или избегания неуспеха

Мотив достижения успеха определяется как склонность испытывать радость и удовлетворенность при достижении успеха. Мотив избегания неуспеха – как склонность испытывать чувство стыда и неадекватности при неуспехе. О доминировании мотива достижения успеха свидетельствует гибкий профиль и все ригидные, за исключением осторожного нереалистично заниженного профиля. О доминировании мотива избегания неуспеха – высокоамплитудный лабильный профиль, особенно если испытуемый избегает выбора задач средней сложности.

Анализ самооценки

Курт Левин считал, что высота самооценки и уровень притязаний тесно связаны между собой. Однако это соответствие не всегда проявляется при сопоставлении с результатами исследования самооценки по Дембо-Рубинштейн. Между ними возможны расхождения, поскольку и процесс целеполагания, и самооценка испытывают на себе влияние защитных и компенсаторных механизмов. В каждом индивидуальном случае подобные расхождения следует рассматривать как индивидуальную особенность испытуемого и постараться понять их психологическую природу. Сказанное не означает опровержение теории К. Левина, поскольку, как правило, несовпадение высоты уровня притязаний и самооценки сочетается с признаками искажений процессов целеполагания и/или самооценки со стороны защитных механизмов.

В теме 4, посвященной структуре психологического заключения, приводятся примеры составления заключения по результатам обследования самооценки методом Дембо-Рубинштейн совместно с исследованием уровня притязаний.

Задания для проведения исследования

1. Написать 3 слова на букву «М».
2. Написать 3 слова на букву «Н».
3. Написать название 4 животных на букву «Л».
4. Написать название 4 фруктов на букву «А».
5. Написать названия 5 городов на букву «Л».
6. Написать 6 имен на букву «Б».
7. Написать 6 имен на букву «А».
8. Написать 6 государств на букву «П».
9. Написать 5 названий цветов на букву «Р».

¹ Это правило не абсолютно, поскольку не существует доказательств того, что человек придерживается единственной тактики во всех жизненных ситуациях (примеч. авт.).

10. Написать названия 6 городов на букву «К».
11. Написать названия 6 животных на букву «К».
12. Написать 20 слов на букву «С».
13. Написать 5 названий цветков на букву «Г».
14. Написать, какие части света называются на букву «А».
15. Написать 4 названия деревьев на букву «О».
16. Написать 10 названий городов на букву «М».
17. Написать 7 названий городов на букву «А».
18. Написать 5 фильмов на букву «М».
19. Написать фамилии 5 известных советских киноартистов на букву «Л».
20. Написать фамилии 6 писателей на букву «С».
21. Написать фамилии 4 композиторов на букву «С».
22. Написать фамилии 6 известных русских писателей, композиторов, художников на букву «Р».
23. Написать фамилии 7 французских художников.
24. Написать фамилии 5 известных русских художников на букву «К».

Дополнительные материалы к теме

Валидизация методики

Исследование валидности качественных параметров методики

В нашем исследовании¹ мы подвергли изучению валидность качественных параметров методики исследования уровня притязаний:

- 1) наличие-отсутствие тактики целеполагания;
- 2) наличие-отсутствие гибкой тактики;
- 3) реалистичность-нереалистичность выбора цели;
- 4) адекватность поведенческой реакции на успех/неуспех.

Согласно принятой интерпретации, эти параметры уровня притязаний характеризуют особенности процессов целеполагания и, как таковые, связаны со степенью психологической (личностной) зрелости.

Целью исследования было подтверждение либо опровержение правомерности этой интерпретации.

Эмпирическим объектом изучения явилась выборка выпускников старших классов общеобразовательной школы в количестве 42 человек. В качестве внешнего критерия психологической зрелости юношей и девушек выступила усредненная экспертная оценка их двумя учителями, длительное время работавшими с ними и имевшими большой педагогический опыт. Эти учителя были выбраны из четырех претендентов на основании высокой интеркорреляции данных ими экспертных оценок. Эксперты оценивали выпускников в баллах по следующим характеристикам:

- ◆ может ли реально оценивать свои знания?
- ◆ имеет ли собственное мнение?
- ◆ отстаивает ли свои взгляды, мысли?
- ◆ не стесняется ли выходить к доске?
- ◆ адекватно ли реагирует на происходящие события?
- ◆ легко ли приспосабливается к требованию учителя?
- ◆ доброжелательно ли (бережно) относится к одноклассникам?
- ◆ умеет ли владеть собой?
- ◆ выполняет ли хорошо и в назначенный срок любую порученную работу?
- ◆ всегда ли достигает поставленной перед собой цели?
- ◆ не вызывает ли чувства протеста внешний вид (одежда, прическа) ученика?
- ◆ «сваливает» ли вину на другого (одноклассника, учителя) в случае своего промаха?
- ◆ эмоционально ли реагирует на успех и неудачу?
- ◆ обладает ли чувством юмора?
- ◆ умеет ли четко излагать мысли, формулировать вопрос?

Корреляция между мнением экспертов выявилась по 1,2, 3, 8, 9,10 и 15 пунктам опросника.

¹ Кычанова И М. «Исследование характеристик личностной зрелости старшеклассника». Дипломная работа на заочном отделении ф-та психологии. – Самара, 1997.

В качестве конкурирующей методики был использован известный личностный опросник 16-PF Р. Кеттела, имеющий такие факторы, как «Сила Эго» (С), «Сила Супер-Эго» (G), «Мечтательность» (М), «Контроль влечений» (Q3) и т. п., которые тоже имеют отношение к зрелости и адаптивности поведения.

Таблица 3.1

Частота встречаемости изучаемых характеристик в исследованной выборке

	Количество случаев	Процент
Наличие тактики	7	16,6%
Гибкость	1	2,4%
Реалистичность	36	85,7 %
Адекватность	21	50%

В связи с тем, что гибкий профиль был выявлен только у одного испытуемого, исследование сосредоточилось на трех оставшихся характеристиках.

Статистическая обработка проводилась с помощью ранговой корреляции Ч. Спирмена и однонаправленного дисперсионного анализа (ANOVA).

Результаты состояли в следующем:

1. Изучаемые характеристики уровня притязаний не коррелируют друг с другом;
2. Значимые корреляции между характеристиками опросника 16-PF Кеттела и методики исследования уровня притязаний выявлены только для параметра «реалистичность соотношения целей и возможностей».

Результаты оказались, на первый взгляд, неожиданными: «реалистичность» связана с понижением факторов «Е» (доминирование) и «L» (подозрительность, заносчивость). Для группы «нереалистичных» средние составляли 8,5 и 8,3, а для «реалистичных» – 6,25 и 6,8 соответственно. Поскольку нормальные значения показателей теста Кеттела лежат в интервале 5-6 стенов, сравнение средних значений позволяет говорить скорее не о склонности к подчинению и чувстве малозначимости у испытуемых с реалистичными профилями, а о нормализации этих характеристик.

Для проверки гипотезы о связи параметра «реалистичность» с самооценкой нами была вычислена самооценка для 16-PF Кеттела по модифицированной формуле В. Н. Пинчука¹:

$$\text{Самооценка} = E + L + Q2 + Q3 + Q4 - O.$$

Из всех исследуемых параметров уровня притязаний только «реалистичность» дала высокую положительную корреляцию ($p < 0,004$) с вычисленным параметром. В сочетании с приведенным анализом средних это подтверждает связь нереалистичности выбора цели с завышенной самооценкой.

3. Наличие тактики выбора целей было связано с экспертной оценкой по пяти характеристикам.

Испытуемые, использующие тактику, чаще характеризовались, как «способные реально оценивать свои знания», «обладающие собственным мнением, склонные отстаивать свои взгляды», «умеющие доводить до конца начатое дело» и «четко излагать свои мысли и формулировать вопросы». Адекватность поведенческой реакции на успех и неуспех была связана с четырьмя характеристиками: хорошим приспособлением к требованию учителя, умением владеть собой, способностью доводить до конца начатое дело и умением четко формулировать свои мысли и ставить вопросы. Реалистичность выбора цели не коррелировала ни с одной экспертной оценкой. Дисперсионный анализ дал аналогичные результаты.

4. Факторы опросника Кеттела «С», «G» и «Q3» не дали, вопреки нашим ожиданиям, значимых корреляций с экспертными оценками зрелости личности. Фактор «+В» (интеллект) коррелировал с экспертной оценкой «способности реально оценивать свои знания» и «умением отстаивать свои убеждения». С умением отстаивать свои убеждения также коррелировали факторы «+F» (свобода, подвижность), «+Е» (доминантность) и «+F2» (экстраверсия). Последние две характеристики также связаны со слабой эмоциональной реакцией на успех и неуспех. Фактор «+Q2» (независимость от мнения группы) связан с отсутствием страха перед ответом у доски и умением владеть собой; фактор «+Q4» (напряжение, тревога) – с боязнью ответа у доски.

Полученные результаты достаточно определенно говорят в пользу валидности интерпретации двух показателей уровня притязаний: «наличие тактики целеполагания» и

¹ Ташева А. И. Методические рекомендации к методике Р. Кеттела (16 PF) форма А. - М., 1990

«адекватность поведенческой реакции на успех – неуспех». Как и предполагалось, они связаны с чертами зрелости в поведении и позитивным стилем школьной адаптации. Параметр «реалистичность профиля» не был связан с экспертными оценками зрелости, но он указывает на нормальную высоту и адекватность самооценки.

Сравнивая эти результаты с корреляциями, полученными для опросника 16-PF, легко видеть, что опросник явно проигрывает в точности интерпретации. Те факторы, которые, в силу своих психологических характеристик, должны бы коррелировать с проявлением зрелости в поведении, таких корреляций не дали. Остальные факторы, на наш взгляд, связаны с более частными характеристиками личности: уровнем интеллекта, уверенностью в себе и экстраверсией – интроверсией.

Рекомендуемая литература по теме

Блейхер В. М. Клиническая патопсихология. – Ташкент, 1976. – С. 135-140.

Бороздина Л. В. Исследование уровня притязаний: Учебное пособие. - М., 1985.

ЗейгарникБ. В. Теория личности К. Левина. – М., 1981.

Тема 4. Структура психологического заключения

Психологическое заключение имеет свою структуру, т. е. пишется по определенным правилам. Эти правила сложились в результате длительной практики и облегчают структурировать его содержание и понимание. Данная форма близка к структуре патопсихологического заключения.

I. У любого психологического заключения есть заголовок. В нашем учебном пособии заголовок имеет следующую форму: «Заключение по психологическому обследованию Ф. И. О. ... пола, возраст ... лет, образование...».

По желанию, и если этого требует паспортизация испытуемых, в «шапку» заключения могут быть введены дополнительные характеристики.

II. В первом абзаце заключения, как правило, но не обязательно, приводятся причины обращения клиента или мотивы направления его на обследование. Например, в учебных заключениях это обычно выглядит так: «Обследование проводилось по инициативе (вариант: просьбе) экспериментатора». В этом же абзаце приводятся жалобы (если имеются) испытуемого, относящиеся к целям и содержанию обследования.

III. Второй и третий абзацы заключения посвящены характеристике отношения к обследованию и контакта. Эти данные имеют исключительную важность, поскольку определяют уровень валидности и достоверности результатов обследования. Они особенно важны в контексте исследования личности, поскольку в него часто включаются проективные методики и опросники, требующие открытости и сотрудничества со стороны испытуемого. Как было сказано во введении, клинический метод психодиагностики предполагает строго индивидуальное обследование. Это обследование начинается с того момента, как испытуемый (пациент, клиент) переступил порог вашего кабинета. Тесный контакт, который устанавливается в течение всей процедуры обследования между испытуемым и психологом, позволяет значительно повысить понимание важных психологических особенностей испытуемого, а также очень тонко контролировать степень достоверности и валидности результатов обследования. Если с испытуемым не удастся установить свободный контакт и он не заинтересован в сотрудничестве, это ставит под сомнение все результаты, о чем психолог обязан указать в заключении.

Говоря более академичным языком, помимо знания психодиагностических процедур, клинический психолог должен владеть навыком анализа совместной деятельности.

Характеристика отношения к обследованию

Самый короткий способ описания характеристики отношения к обследованию: «адекватное», «неадекватное», «формальное». Квалификация отношения к обследованию – важная часть клинического исследования личности, так как от этих характеристик прямо зависит валидность и достоверность результатов.

Мотив экспертизы – важный элемент клинического обследования. Это единственный «рычаг», при помощи которого вы можете манипулировать поведением испытуемого.

Признаки адекватного отношения к обследованию

1. Сформированность мотива экспертизы. Признаки сформированности мотива экспертизы:

а) адекватность эмоциональных реакций на успех и неуспех;

б) адекватность реакции на корректирующие замечания экспериментатора;

в) заинтересованность в результатах обследования. Последнее (в) проявляется в следующем:

◆ прямые вопросы по поводу успешности/неуспешности выполнения заданий;

◆ уточнение неясных аспектов инструкции;

◆ аккуратность и старательность при выполнении задания.

2. Отсутствие признаков установочного поведения (см. ниже по тексту).

3. Отсутствие признаков психической патологии, препятствующей формированию мотива экспертизы.

Признаки неадекватного отношения к обследованию

1. Несформированность мотива экспертизы. Анализируются те же признаки, что и в случае сформированности мотива (см. выше), но с обратным знаком.

Наличие признаков установочного поведения. Под установочным поведением подразумевается симуляция, агравация и диссимуляция.

Симуляция – намеренное предъявление жалоб на психологические проблемы и затруднения, отсутствующие у испытуемого, с целью ввести психолога в заблуждение с последующим получением каких-либо выгод.

Агравация – намеренное преувеличение серьезности психологических проблем и затруднений, существующих у испытуемого, с целью ввести психолога в заблуждение с последующим получением каких-либо выгод.

Диссимуляция – намеренное отрицание либо преуменьшение значимости психологических проблем и затруднений, существующих у испытуемого, с целью ввести психолога в заблуждение с последующим получением какой-либо выгоды.

2. Наличие признаков психической патологии, препятствующей формированию мотива экспертизы. Примером может служить патология эмоционально-мотивационной сферы при некоторых формах шизофрении, патологии лобных отделов мозга, алкоголизме и т. п.

Признаки формального отношения к обследованию

Признаки те же, что и при неадекватном отношении к обследованию, но формальное отношение отличается тем, что наблюдается в ситуации принуждения к обследованию. В ситуации принуждения такое поведение следует признать адекватным ответом на нарушение суверенитета личности.

Характеристики контакта с испытуемым

В краткой форме характеристики контакта могут быть даны в четырех терминах. Контакт может быть свободным, затрудненным, нарушенным и формальным.

1. Свободный контакт отличается следующим: устанавливается легко и поддерживается в течение всего обследования. Испытуемый искренне отвечает на поставленные вопросы. Эмоциональные реакции живые, адекватные. Испытуемый эмоционально синтонен».

2. Затруднения контакта возникают в силу различных, в том числе не психологических, причин. Например, ослабление слуха, зрения, наличие заикания. Контакт затруднен при низком интеллекте или при аутистическом или подростковом негативизме.

3. Нарушение контакта приводит к невозможности установления либо поддержания продуктивного контакта и, в конечном счете, недоступности испытуемого обследованию.

4. Формальный контакт, как правило, отмечается в совокупности с формальным отношением к обследованию. Характеристика формального контакта: «Испытуемый активно в контакт не вступает, держится настороженно, уклоняется от прямых ответов на вопросы (вариант: часто отказывается отвечать на поставленные вопросы). Держится на дистанции, старается контролировать эмоциональные реакции, тяготеет ситуацией обследования».

IV. За описанием отношения к обследованию и контакта следует основной раздел заключения. Как правило, здесь психолог максимально свободен в выборе «композиции». Обязательным является только указание на то, какие психодиагностические методики были использованы при обследовании.

В большинстве обследований психолог использует более чем одну методику. Это усложняет структуру заключения и требует от психолога умения совмещать результаты нескольких методик. У начинающих специалистов и студентов в такой ситуации возникает сильное искушение описывать результаты каждой методики по отдельности, т.е. написать два заключения под одной «шапкой». Это неверное решение, которого всячески следует избегать! В результате у читающего ваше заключение должно сложиться целостное представление о личности испытуемого. Объединить разрозненные данные воедино – это задача психолога, а не читателя.

Планируя исследование и подбирая психодиагностический инструментарий, специалист, как правило, учитывает «пересечения» характеристик, выявляемых каждой методикой. Такой подход позволяет повысить валидность и достоверность выводов, ведь тогда результаты разных методик подтверждают друг друга. «Пересечение» характеристик позволяет объединять результаты в целое. Например, существует много таких пересечений между результатами методики изучения самооценки по Дембо-Рубинштейн и исследованием уровня притязаний. И та и другая характеризуют высоту самооценки, уровень оценки своих возможностей, различные аспекты реалистичности «Я-концепции», устойчивость самооценки либо процессов целеполагания.

Естественно, что, помимо пересечений, каждая методика имеет свои уникальные характеристики, которые тоже должны быть учтены при составлении заключения.

V. Заключение завершает резюме. Резюме выделяется в отдельный абзац и начинается вводными словами: «Итак...» или «Таким образом...» Это краткое и сжатое изложение результатов обследования. У резюме несколько задач:

- ◆ обобщить выводы анализа, проделанного в основной части заключения;
- ◆ подчеркнуть самые важные моменты и результаты обследования;
- ◆ сделать последнюю попытку разъяснить неспециалисту, читающему заключение, его основной смысл.

Если перед психологом ставились специальные вопросы, на которые он должен ответить в результате обследования, то они тоже выносятся в резюме.

Важное правило: в резюме недопустимы рассуждения и анализ, но только изложение уже полученных результатов. Поэтому в нем не может быть ничего нового, что не присутствовало в основной части заключения.

При написании резюме обычно используются три стилистических приема, помогающих кратко синтезировать несколько мыслей в одном предложении.

Первый прием использует метафору «фигура – фон» и выглядит примерно так: «Таким образом, на фоне того-то и того-то на первый план в исследовании выступило нечто». В качестве «фона» следует избирать особенности личности, так или иначе оказавшие влияние на большинство результатов обследования. Это может быть фон настроения, общая неустойчивость самооценки и целеполагания, либо важная особенность отношения к обследованию и т. п. В конечном счете, психолог сам выбирает, что сделать «фоном», а что «фигурой», поскольку главное здесь – объединить результаты и подчеркнуть главное.

Второй стилистический прием используется тогда, когда результаты не дают возможности использовать первый прием. Этот прием служит задаче подчеркнуть главное. Он выглядит примерно так: «Итак, на первый план в исследовании выступило то-то и то-то».

Третий прием используется для дополнения в комбинациях с предыдущими: «Таким образом, исследование выявило сочетание того-то с тем-то».

Для пояснения этих общих положений в конце темы приведены примеры заключений, объединяющих результаты исследования самооценки по Дембо-Рубинштейн и уровня притязаний по Хоппе. По этим правилам составлены и заключения других тем пособия.

Образцы заключений по результатам исследования самооценки и уровня притязаний

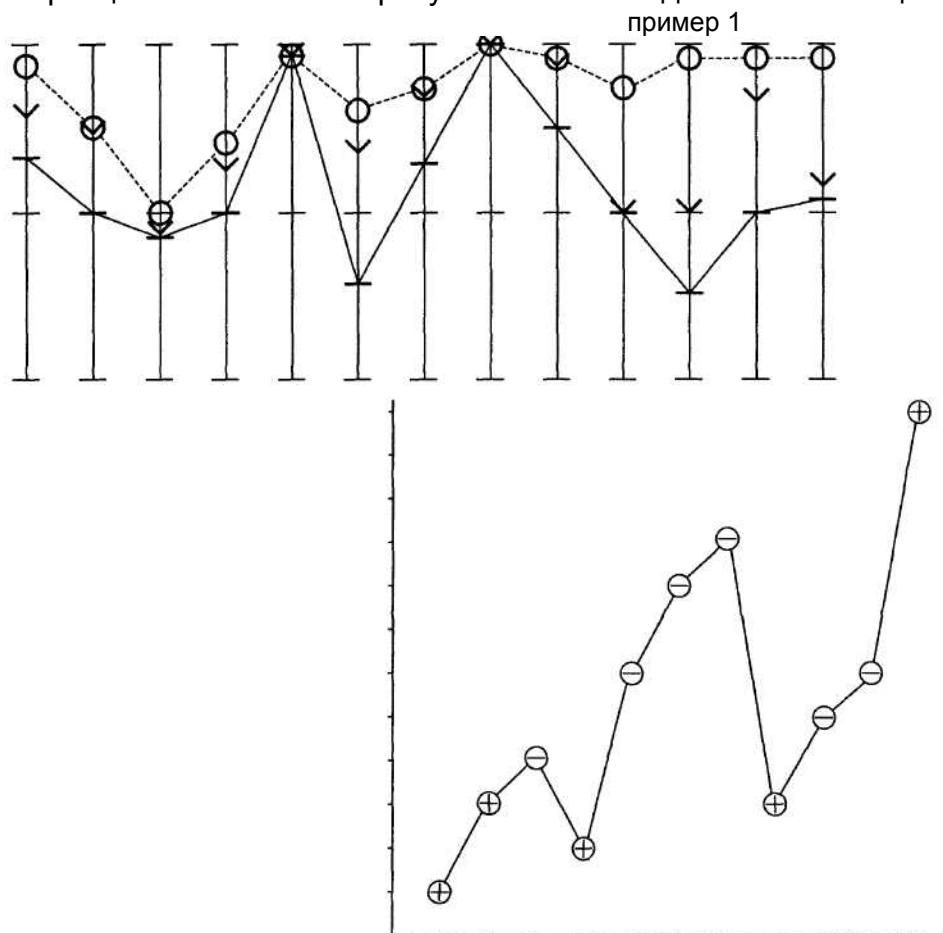

Рис. 4.1. Протокол обследования к примеру № 1

Заключение по исследованию личности Ф. И. О. 45 лет, пол женский, образование высшее.

Исследование проводилось по просьбе экспериментатора.

Со стороны испытуемой наблюдалось адекватное отношение к обследованию. Она искренне отвечала на вопросы, давала адекватные эмоциональные реакции на успех/неуспех, интересовалась оценкой своих достижений, признаки установочного поведения отсутствовали.

В ходе обследования был установлен свободный, продуктивный контакт, который поддерживался в течение всего исследования. Испытуемая свободно, открыто делилась своими представлениями по поводу предлагаемых для оценки качеств, состояний, не скрывая своих чувств.

В результате обследования по методикам Дембо-Рубинштейн и по Хоппе выявляется неустойчивая пониженная самооценка. Можно предположить, что достаточно низкую самооценку по качеству «проницательность» испытуемая компенсирует нереалистично высокой самооценкой по шкале «самопознание». В ходе беседы она призналась, что «в людях совсем не разбирается, отчего часто страдала, т. к. не знала, что нужно защищаться», однако при этом считает, что «ничего нового о себе узнать не может». Испытуемая достаточно оптимистично смотрит на жизнь, о чем свидетельствуют прямая и, отчасти, косвенная оценки уровня оптимизма.

Уровень притязаний у испытуемой средний, с тенденцией к занижению, неадекватный, близок к нереалистичному. Тактика целеполагания неустойчива и отражает ригидный мотив достижения успеха. Эмоциональная реакция на успех и неуспех не всегда соответствует поведенческой. При переживании успеха у испытуемой наблюдался смущенный смех, при переживании неудачи – бурная эмоциональная реакция с обвинениями экспериментатора: «Ты мне неправильно задание прочитала!» и критикой заданий: «Их (названий стран, цветков и т. д.) столько вообще нет!» Выбирать задания средней сложности испытуемая избегала, объясняя это тем, что «лучше она одним очень сложным вопросом наберет много баллов, чем несколькими, полегче». Включение защитного механизма рационализации позволяет испытуемой повышать сложность задания при сильном, выраженном эмоциональном переживании неуспеха, что приводит к неадекватности реакции на неуспех. Можно констатировать незрелость процесса целеполагания. «Я-концепция» испытуемой испытывает заметные искажения со стороны защитных механизмов.

Итак, на фоне общей неустойчивости и понижения самооценки и уровня притязаний на первый план выступает характерное сочетание признаков незрелости процессов целеполагания с ригидным мотивом достижения успеха.

Пример 2

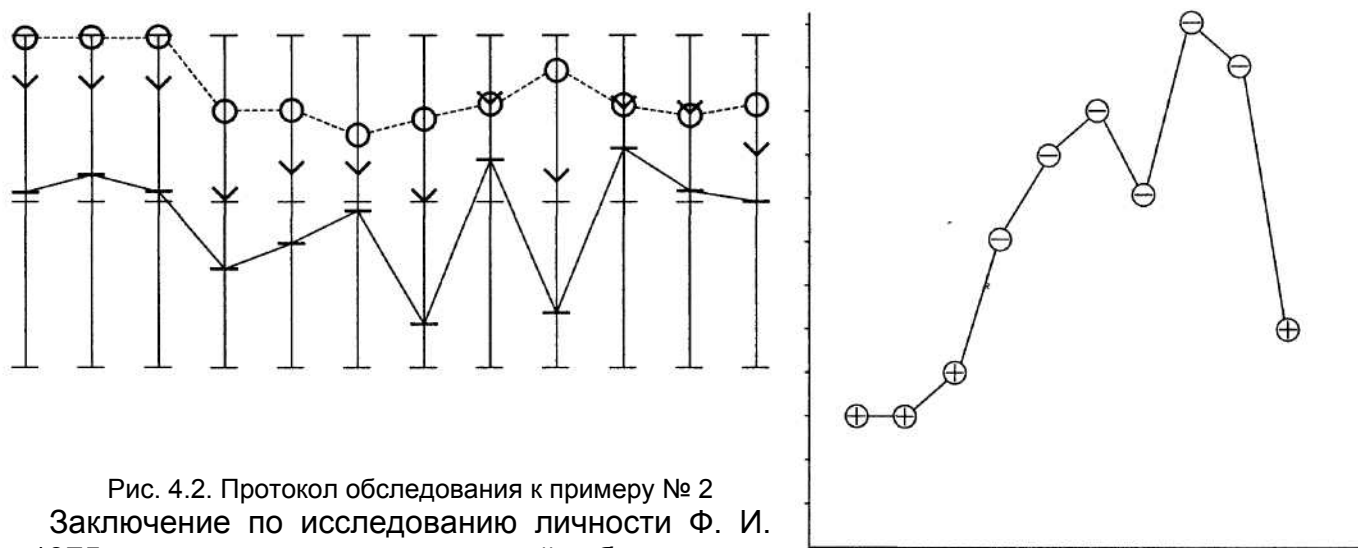

Рис. 4.2. Протокол обследования к примеру № 2

Заключение по исследованию личности Ф. И. О., 1975 года рождения, пол мужской, образование высшее техническое.

Отношение к обследованию адекватное: сформирован мотив экспертизы, проявлялась личная заинтересованность испытуемого в результатах обследования, эмоциональные реакции на успех и неуспех адекватные; признаки установочного поведения отсутствуют, испытуемый искренне отвечает на вопросы.

Контакт свободный, поддерживается в течение всего обследования.

Самооценка испытуемого неустойчивая, заметно понижена, особенно по таким шкалам, как «физическое здоровье», «твердость характера» и «целеустремленность». В беседе испытуемый указал, что некоторые из проблем (физическое здоровье) неразрешимы. Идеальная самооценка снижена по шкалам «душевное равновесие», «твердость характера», «адаптация», «оптимизм» и «физическое здоровье». Еще по нескольким шкалам наблюдается некоторое ее снижение – в основном там, где нынешнее состояние оценивается как среднее или ниже среднего. В целом по перечисленным шкалам за счет снижения уровня идеальной самооценки достигается компенсаторное повышение уровня удовлетворенности собой. Компенсаторно повышена самооценка по шкалам «интеллект» и «адаптация». Это подтверждают и результаты методики Хоппе, где уровень притязаний достаточно высок, тактика целеполагания ригидна при смешанном профиле; большая часть реакций на неуспех неадекватная. По ряду признаков методики Хоппе имеет место незрелость процессов целеполагания, что совпадает с данными самооценки, где идеальная самооценка по шкале «ум» находится на полюсе шкалы. Можно предполагать, что достижение успеха в интеллектуальной области компенсирует заниженную самооценку в других сферах. Доминирующим мотивом, как показывает исследование уровня притязаний, является достижение успеха, что сочетается с неудовлетворенностью собой по шкале «целеустремленность».

В обеих использованных методиках присутствуют признаки эмоциональной неустойчивости, причем реакция на неуспех выражена сильнее, чем на успех, который испытуемый принимает как должное. Наряду с этим испытуемый склонен к самокритике, удовлетворенность собой низкая, что подтверждается как косвенными индикаторами удовлетворенности собой, так и прямой оценкой по одноименной шкале. Уровень оптимизма по косвенным признакам и прямой оценке достаточно высок. Согласованность косвенных и прямых индикаторов самооценки достаточно высока, что свидетельствует об искренности ответов испытуемого и достаточно хорошем уровне рефлексии.

Таким образом, на фоне неустойчивой сниженной самооценки и неудовлетворенности собой наблюдаются компенсаторное завышение притязаний в области интеллекта. Общая незрелость процессов целеполагания и отношения к ценностям сочетается с ригидной тактикой целеполагания, доминирующим мотивом достижения успеха и высоким уровнем оптимизма.

Тема 5. Тест рисуночной фрустрации С. Розенцвейга

Вводные замечания

Сол Розенцвейг (Saul Rosenzweig) – американский психолог психоаналитического направления, пик научной активности которого приходится на первую половину XX века.

Тест рисуночной фрустрации С. Розенцвейга является проективной методикой, поэтому слово «тест» к нему применимо лишь условно. Согласно известной классификации, предложенной Л. Франком, он относится к проективным «методикам на интерпретацию»¹.

Методика исследования фрустрационной толерантности впервые описана С. Розенцвейгом (1934) под названием «Метод рисуночной фрустрации». Она сконструирована на основе созданной им «эвристической» теории. Эта теория была опубликована в статье «Очерк фрустрационной теории» (An Outline of Frustration Theory). Данный способ диагностики известен в литературе также как «P-F тест» (Picture -Frustration Study), «Фрустрационный тест С. Розенцвейга» или «Метод фрустрационной толерантности». Методика достаточно структурирована, направлена на определенную область поведения и обладает относительно стандартизированной процедурой оценки, поэтому доступна статистическому анализу в большей мере, нежели большинство проективных методик. По имеющимся в зарубежной литературе данным, коэффициент ретестовой надежности составляет 0,60-0,80. Достаточно высока валидность: например, по параметру экстрапунитивности, выявленному независимо по тесту Розенцвейга и ТАТ, она составляет 0,747.

В отечественной психодиагностической практике методика используется с начала 80-х годов после публикации Н. В. Тарабриной методических рекомендаций по проведению теста.

В этих рекомендациях подробно изложена процедура проведения и первичной обработки протокола, но, к сожалению, предоставлено непропорционально мало сведений по психологической интерпретации результатов. В частности, в нем отсутствует интерпретация так называемых «образцов» реакций, нет формул обработки и глубокого анализа суммарных показателей теста. В своей диссертации Я. В. Тарабриной удалось доказать существование связи между физиологическим и психологическим уровнями реагирования на моделируемые тестом фрустрирующие ситуации.

Благодаря ее публикациям отечественный стандарт теста стал доступен российским психологам. Рекомендации, предложенные автором, в настоящее время получили широкое распространение, копируясь в различных сборниках по психодиагностике.

Значительно более содержательное практическое руководство к детскому варианту теста составлено Е. Е. Даниловой.

В нем содержится критический анализ интерпретации ряда показателей теста, дана содержательная интерпретация «образцов», приведен подробный разбор протоколов, подробные возрастные нормы, образцы ответов с вариантами шифровки. К сожалению, данное руководство мало кому известно в силу малого тиража. В нашем учебном пособии значительно расширен раздел, посвященный именно психологической интерпретации результатов обследования. Эта интерпретация основывается на оригинальной психоаналитической концепции С. Розенцвейга и нашем собственном опыте применения метода в клинической практике. Содержательная интерпретация результатов расширена за счет анализа комплексных показателей (формул) и нормативных данных по формулам, образцам и первичным категориям подсчета (девятиклеточной матрице результатов). В разделе по валидации метода приводятся дополнительные данные, в частности эмпирически сконструированные формулы по определению самооценки, тревожности и агрессивности испытуемого.

Назначение теста

Главным образом, тест Розенцвейга предназначен для измерения трех личностных характеристик:

- ◆ интенсивности и характера «эго-защитных» реакций;
- ◆ направления, интенсивности и вероятных источников агрессивности;
- ◆ уровня фрустрационной толерантности и микросоциальной адаптации.

¹ Frank L. K. Protective methods for study of personality // Handbook of projective technique / B. I. Murstein (Ed.). - N. Y., 1965. - P. 1-22.

Глубинная интерпретация ряда показателей теста позволяет высказать гипотезы относительно уровня самооценки, доминирующих защитных механизмов личности, способности к сублимации агрессивных импульсов.

Фрустрационная теория С. Розенцвейга

Теория фрустрации, предложенная С. Розенцвейгом в качестве одного из оснований его теста – это расширение известного положения фрейдистской теории о связи психического напряжения и тревоги с задержкой нормальной циркуляции энергии в психическом аппарате. Согласно теории З. Фрейда, любое препятствие разрядке инстинктивного влечения приводит к нарушению принципа удовольствия. Фрустрационная теория является, по мнению С. Розенцвейга, примером экспериментального психоанализа.

Другой аспект обсуждаемой теории состоит в оригинальной концепции психологической защиты, описанной по аналогии с работой известных к тому времени защитных механизмов клеточного и гормонального уровней. Он характеризовал свою попытку как конкретное выражение «организмического взгляда в психобиологии»¹.

Последний отражает заимствованное психоанализом из биологии понимание живого организма как целостности, поддерживающей внутренний и внешний баланс через формирование защитной оболочки и динамический обмен веществ с окружающей средой. В теории С. Розенцвейга этот взгляд конкретизирован в трех уровнях «витальной защиты»:

1) клеточный уровень, иммунный, направлен против проникновения в организм инфекции и обеспечиваемый лейкоцитами и другими антителами;

2) автономный уровень обеспечивает защиту целостности организма от крупных повреждений. Здесь задействованы железы внутренней секреции и вегетативная нервная система;

3) кортикальный, или собственно «эго-защитный», уровень осуществляет защиту целостной личности от психологического вторжения.

Каждому уровню «эго-защиты» соответствует определенная эмоция, которая либо запускает его, либо служит индикатором его активности:

- ◆ 1-му и 2-му уровням соответствует боль;
- ◆ 2-му и 3-му уровням соответствует страх и гнев;
- ◆ только 3-му уровню соответствует тревога.

Таким образом, индикатором активации «эго-защиты» служат эмоции страха, гнева и тревоги. Или, наоборот, активация «эго-защиты» выражается в повышенном уровне тревоги или агрессивности.

С. Розенцвейг подразделял фрустрационную теорию на 4 подраздела:

- 1) определения;
- 2) типы стресса;
- 3) варианты реакций во фрустрационной ситуации;
- 4) фрустрационная толерантность.

1. Определения. Фрустрация – состояние, возникающее всегда при встрече организма с более или менее определенным препятствием на пути к удовлетворению какой-либо витальной потребности.

Стресс – стимульная ситуация, представляющая подобное препятствие².

Дистресс – соответствующее стрессу нарастание эмоционального напряжения.

Фрустрация разделяется на первичную и вторичную.

Первичная фрустрация – это невозможность удовлетворения витальной потребности, например, состояние голода при длительном отсутствии пищи.

Вторичная фрустрация – определяется привходящим внешним обстоятельством, например: неожиданный визитер, мешающий голодному поесть.

2. Типы стрессов. Типы стрессов (препятствий) разделяются по признакам «внешнее-внутреннее» и «активное-пассивное», образуя матрицу 2x2.

¹ Rosenzweig S. An Outline of Frustration Theory // Personality and the Behavior Disorders. A handbook based on experimental and clinical research / Ed by J. McV. Hunt. Ronald Press Company. - N. Y., 1945. Vol. 1. - P. 379-188.

² В настоящее время понятие стресс трактуется иначе – в рамках теории физиолога Г. Селье. Стресс рассматривается как комплексная мобилизационная психофизиологическая реакция организма в ответ на внешнее воздействие.

Классификация препятствий по С. Розенцвейгу

	ПАССИВНОЕ	АКТИВНОЕ
ВНЕШНЕЕ	Внешнее пассивное	Внешнее активное
ВНУТРЕННЕЕ	Внутреннее пассивное	Внутреннее активное

Внешнее пассивное препятствие определяет невозможность удовлетворить потребность, но без угрозы личности субъекта (например, запертая дверь в комнату с едой).

Внешнее активное препятствие определяет невозможность удовлетворить потребность, в сочетании с опасностью для целостной личности (например, вооруженный полицейский, препятствующий проникновению в комнату с едой). Такое препятствие определяет двойную фрустрацию: а) первичную (неудовлетворенность витальной потребности) и б) вторичную (неудовлетворенность потребности в безопасности для целостной личности).

Внутреннее пассивное препятствие – собственная неспособность человека удовлетворить витальную потребность. Розенцвейг видит здесь аналогию с «первичной слабостью» по Л. Адлеру: физический или душевный недостаток, порождающий чувство неполноценности и потребность в компенсации.

Внутреннее активное препятствие – ситуация внутриличностного конфликта, изучаемая в классическом психоанализе З. Фрейда. В качестве примера приводится сексуальное влечение, подавляемое моральными запретами, а также другие конфликты между сознанием и бессознательным, служащие источниками тревоги. В этих случаях вследствие опасности нарушения целостности личности возникают отклоняющиеся потребности. Когда их сила уравновешивается с первичными влечениями, возникает «истинный конфликт». Но фрустрационная теория не считает эту область конфликтов приоритетной, а изучает более общие характеристики фрустрационных реакций.

Фрустрационная теория занимается в основном вторичной фрустрацией и, по преимуществу, тех потребностей, неудовлетворение которых влечет потерю или нарушение какой-либо структуры или функции. Реакции фрустрации принимают два основных направления: импульсивность и толерантность (устойчивость). Организм либо вовлекается в агрессивные действия, направленные на препятствие, или на соответствующий заменитель, либо приспосабливается к ситуации фрустрации, что проявляется в устойчивости к действию фрустратора, которая может сопровождаться компенсацией в форме сдерживания, подавления, вытеснения, фантазии, регрессии. В настоящее время фрустрационная толерантность также понимается как способность противостоять разного рода жизненным трудностям без утраты своей психобиологической адаптации. В основе этой способности лежит свойство человека к адекватной оценке реальной ситуации, с одной стороны, а с другой – возможность предвидения выхода из ситуации.

Устойчивость к фрустрирующим ситуациям в существенной степени зависит от интенсивности того минимального воздействия, при котором наблюдается состояние фрустрации. Минимальный уровень нарушения взаимодействия между индивидуумом и средой (в результате чего блокируется или затрудняется удовлетворение актуальной потребности), необходимый для возникновения состояния фрустрации, характеризует порог фрустрации. Порог фрустрации можно рассматривать как меру потенциальной стабильности психической адаптации. Понижение этого порога будет определять ее потенциальную неустойчивость.

3. Варианты реакций во фрустрационной ситуации. Согласно теории С. Розенцвейга, существует 11 вариантов простых реакций в ситуации фрустрации. Они различаются по трем типам и трем направлениям. К девяти вариантам реакций, получаемых сочетанием 3х3, добавляются два дополнительных варианта. Эти варианты отражают расширение диагностических возможностей теста за счет введения им так называемых «супер-эго-блокинговых» ситуаций. К ситуациям фрустрации потребностей («эго-блокинговым» ситуациям) он добавил ситуации прямого обвинения персонажа со стороны партнера по ситуации («супер-эго-блокинговые»).

С теоретическими предпосылками теории перечисленные типы реакций соотносятся следующим образом. Главным (с точки зрения фрустрационной теории) типом реакций является «эго-защитный» (E-D). Именно он отражает активизацию «кортикального уровня» защиты целостного организма, будучи связан с аффектом страха, тревоги либо ярости. Он же тесно связан с пониманием С. Розенцвейгом смысла фрустрационной толерантности. Эти реакции свидетельствуют о том, что субъект воспринимает препятствие как внешнее активное,

т. е. опасное для его личности как целого. В свою очередь, это должно сигнализировать о неудовлетворенности базовой потребности в безопасности.

Следующим по значимости является тип потребностно-настойчивых реакций (N-P). Согласно первоначальному варианту теории¹, эти реакции включаются в случае, если «эго-защитные» реакции отсутствуют.

В данном случае препятствие расценивается субъектом как «внешнее пассивное», т.е. представляющее опасность только косвенно – через неудовлетворение витальной потребности. Потребностно-настойчивые реакции С. Розенцвейг напрямую связывал с фрейдовским механизмом сублимации.

Препятственно-доминантные (O-D) реакции в первоначальной теории не рассматриваются вовсе и были введены автором позднее. В них акцент перенесен с неудовлетворенной потребности на само препятствие к ее удовлетворению.

4. Фрустрационная толерантность. Под фрустрационной толерантностью С. Розенцвейг понимал способность субъекта отсрочить во времени удовлетворение потребности либо реакцию, т. е. степень соответствия поведения принципу реальности, а не принципу удовольствия. Низкая фрустрационная толерантность связана со слабостью Эго, а о последней сигнализирует повышение удельного веса «эго-защитных» реакций.

Процедура исследования

Для проведения методики необходимо иметь стимульный материал: 24 картинки² с изображением тестовых ситуаций и секундомер.

Последний является «реквизитом», необходимым для поддержания легенды, предлагаемой испытуемому в маскирующей инструкции. Все карточки пронумерованы и предъявляются в строгом соответствии с нумерацией.

Инструкция. Поскольку тест Розенцвейга является проективным методом, основную инструкцию предваряет маскирующая. Она может быть задана примерно в следующей форме:

«Мне хотелось бы исследовать скорость ваших реакций в сложных житейских ситуациях». За ней следует основная инструкция: «Посмотрите на эту картинку (показывается первая стимульная картинка). Персонаж (человек), в квадратике над которым ничего не написано (он, как правило изображается справа), попадает в затруднительную житейскую ситуацию. От вас требуется следующее: вы читаете вслух реплику, обращенную к этому персонажу, и как можно быстрее отвечаете на нее так, как, по вашему мнению, ответил бы он в данной ситуации. Если для ускорения процесса вам удобно отвечать так, как вы сами ответили бы в сходной ситуации, то это правилами теста не запрещено».

Частью основной инструкции является запрет на ответы в форме встречных вопросов или попыток отшутиться, однако эти ограничения рекомендуется давать лишь при появлении подобных реакций испытуемого в процессе выполнения теста. Ограничения следует давать исключительно в мягкой форме, чтобы испытуемый не расценил их как критику в свой адрес. В первом случае просят перефразировать ответ в утвердительную форму; во втором – по возможности избегать шуточного тона.

В протокол заносятся ответы испытуемого под соответствующими номерами. При необходимости экспериментатор может задавать вопросы, проясняющие диагностический смысл ответов, избегая явно наводящих вопросов.

Подготовка к интерпретации

Интерпретация результатов исследования проводится в три этапа:

- 1) первичная обработка протокола;
- 2) подсчет диагностических показателей;
- 3) психологическая интерпретация.

Первичная обработка протокола

В результате первичной обработки протокола все ответы испытуемого должны быть зашифрованы по разработанному С. Розенцвейгом алгоритму. Каждый из 11 вариантов поведения имеет свое условное обозначение. Они приведены в табл. 5.2.

¹ Rosenzweig S. An Outline of Frustration Theory // Personality and the Behavior Disorders. A handbook based on experimental and clinical research / Ed. J. McV. Hunt. Ronald Press Company, N. Y., 1945. Vol. 1. - P. 188-379.

² Несмотря на распространенную подобную практику, мы не считаем возможным опубликовать стимульный материал теста.

Содержательные признаки ответов в соответствии с этими обозначениями приведены в табл. 1 приложения 1. Каждый ответ может быть зашифрован либо одной (простая реакция), либо, максимум (!), двумя символами (сложная реакция). Эти символы заносятся в соответствующие столбики бланка первичной обработки протокола (табл. 2 приложения 1). Номер строки бланка соответствует очередной карточке в стимульном материале.

Таблица 5.2

Условные обозначения вариантов ответов теста С. Розенцвейга

	O-D	E-D	N-P
E	E'	E(E)	e
I	I'	I(I)	i
M	M'	M	m

Подсчет диагностических показателей

Подсчет диагностических показателей проходит в шесть этапов:

- 1) заполнение и подсчет показателей матрицы реакций;
- 2) подсчет формул;
- 3) подсчет образцов;
- 4) определение общих образцов;
- 5) подсчет GCR;
- 6) подсчет тенденций.

Подсчет показателей и заполнение матрицы реакций (таблицы профилей). После заполнения бланка первичной обработки протокола (табл. 2 приложения 1) приступают к заполнению матрицы реакций. Правила заполнения: ответ по любой стимульной картинке может быть расценен ровно в 1 балл. В соответствии с этим правилом в случае простой реакции на стимул соответствующему символу реакции присваивается 1 балл. В случае сложной реакции каждому из двух ее компонентов присваивается по 0,5 балла. Еще раз напомним, что сложная реакция шифруется не более чем двумя условными обозначениями.

В соответствии с этим правилом заполняются все клеточки девяти-клеточной матрицы (выделена жирной рамкой) на Матрице результатов первичной обработки (табл. 4 приложения 1 и в примере ниже по тексту). На этом этапе обработки при подсчете экстрапунитивных и импунитивных реакций не делают различий между основным (E, I) и дополнительным (E, I) вариантами реакций. Иными словами, на этом этапе игнорируется наличие подчеркивания, и все ответы рассматриваются как E или I.

После этого суммируют результаты по строкам (заполняется столбик «Сумма» по каждому направлению реакций) и столбцам (заполняется строка «Сумма» по каждому типу реакций).

Для проверки правильности заполнения матрицы необходимо сложить результаты суммирования отдельно по строкам и столбцам. Должно получиться 24. Если контрольная сумма отличается от 24, следует заново повторить все этапы подсчета.

После проверки «сырые» баллы переводятся в проценты из расчета, что 24 балла = 100 %.

Полученные проценты сравнивают со стандартом. В случае попадания результата в стандартный диапазон, рядом с ним ставят знак равенства «=». В случае отклонения вверх или вниз от стандарта, но не более чем на 7 %, ставят символ «>» или «<». В случае превышения отклонения в 7 %, ставят символ «>>» или «<<<».

Подсчет формул. Формулы служат обобщению результатов таблицы профилей. При подсчете используются «сырые» показатели Матрицы результатов первичной обработки.

$\Sigma E / \Sigma I = 1,3-3,1$ («баланс агрессивности»)

$\Sigma E / \Sigma M = 1,1-2,2$ («степень агрессивности, направленной вовне»)

$E / e = 1,3-3,6$ («уровень переработки агрессии»)

$i / e = 0,6-1,7$ («степень самостоятельности»)

После знака равенства указан интервал незначимости формулы. Иными словами, формула учитывается, если ее значение выходит за указанный интервал.

Значок « Σ » указывает на то, что использованы суммарные показатели (столбик «Сумма» таблицы профилей). В формуле «Уровень переработки агрессии» «E» – это данные по «эго-защитной экстрапунитивности» (столбец E-D).

После знака равенства указан интервал нормы. Формулы интерпретируются только в случае отклонения результатов испытуемого за рамки указанного интервала.

Подсчет образцов. При подсчете образцов используются данные по дополнительным категориям реакций. Прежде чем производить подсчет по формулам образцов, по таблице результатов первичной обработки протокола («Бланк первичной обработки протокола») подсчитывают \underline{E} и \underline{I} .

$$\text{ср. } \underline{E} = 2, \text{ ср. } \underline{I} = 1$$

$\underline{E} + \underline{I} > 3$ (этот образец учитывается при интерпретации, если он больше трех)

$$E - \underline{E} = 2,3-5,5$$

$I - \underline{I} > 0-1,5$ (этот образец учитывается при интерпретации, если он больше 1,5 либо равен нулю)

$$\Sigma M + \underline{I} = 7-12,$$

где E и I – показатели эго-защитной экстрапунитивности или интро-пунитивности.

При подсчете значений следует помнить, что результат вычитания $E - \underline{E}$ и $I - \underline{I}$ не может быть меньше нуля, поскольку при подсчете E и I и заполнении матрицы профилей наличие подчеркивания игнорировалось, т.е. в этих показателях оба типа реакций (с подчеркиванием и без) суммированы.

После знака равенства в формулах образцов указан интервал нормы. Образцы интерпретируются только в случае отклонения результатов испытуемого за рамки указанного интервала.

Определение общих образцов. Общие образцы позволяют анализировать доминирующие тенденции реагирования в ситуации фрустрации. Их четыре: направления реакций, типы реакций, направления + типы реакций, девятиклеточная матрица.

Все они строятся по единому принципу: из анализируемой группы показателей теста выбираются три самых больших и выстраиваются в порядке убывания.

Направления реакций, например, $E > I > M$.

Типы реакций, например, $ED > OD > NP$.

Направления + типы реакций, например, $E > ED > I$.

Девятиклеточная матрица, например, $E > M' > i$.

В случае, если в указанной группе показателей встретилось два и более одинаковых по величине, они указываются через запятую, например, $E > I, m > E'$.

При составлении заключения наиболее информативны третий и четвертый образец.

Подсчет GCR. GCR – показатель сходства ответов испытуемого со статистически определенным наиболее часто встречающимся типом реагирования. В оригинале название показателя – «group conformity rating» («рейтинг сходства с группой»). Он подсчитывается на основании сходства рисунка реакций в таблице «Бланка первичной обработки протокола» (табл. 2 приложения 1 и в примере ниже по тексту) со специальным ключом (указан в той же таблице приложения 1). Поскольку статистически значимые совпадения удалось установить только для 14 тестовых ситуаций, часть строк ключа не заполнена и при подсчете просто игнорируется. В нашем руководстве мы приводим ключ, вычисленный Я. В. Тарабриной. Алгоритм подсчета приведен в табл. 3 приложения 1, пример подсчета – ниже в тексте.

Правила использования алгоритма. Строка «Количество символов в протоколе» показывает варианты количества символов шифровки ответа, содержащиеся в очередной строке «Бланка первичной обработки протокола». Это количество может быть равно 1 либо 2.

Аналогично устроена строка «Количество символов в ключе». Это количество тоже может быть равно 0, 1 либо 2.

В строке «Количество совпадений ключа и протокола» указаны варианты числа таких совпадений для очередной строки Бланка первичной обработки протокола. Совпадений может быть 2, 1 либо 0.

В строке «Количество баллов» указывается, во сколько баллов следует оценивать то или иное количество совпадений символов протокола и ключа. Чтобы запомнить алгоритм, следует учесть, что двойной символ в ключе обозначает двойной стандарт для одной картинке. Поэтому для получения 1 достаточно совпадения с любым из двух стандартов (но только в случае, если в протоколе тоже был лишь один символ).

Результирующий балл (0; 0,5; 1) заносится в крайний левый столбик таблицы результатов первичной обработки (приложение 1). Содержание столбика суммируется и вносится в

соответствующую клетку внизу столбика. Эта сумма переводится в проценты, причем за 100 % принимается 14.

Подсчет тенденций. Тенденции дают возможность установить, изменяет ли испытуемый свое поведение в ходе обследования, переходя от одного типа и/или направления реакции на другие, и насколько эти изменения значимы. Такие изменения могут определяться отношением субъекта к своим собственным реакциям. Например, испытуемый может в начале отвечать экстрапунитивно, а во второй части теста перейти к импунитивным реакциям, поскольку собственная агрессия пробуждает в нем чувство вины. Основанием подсчета является Бланк первичной обработки протокола. Ответы первой половины протокола сравниваются с ответами второй половины.

Тенденция обозначается в виде стрелок, на конце которых указывается вариант реакции, тип или направление, для которых эта тенденция подсчитывается. Над стрелкой записывается числовое значение тенденции со знаком «+» или «-». Положительная тенденция имеет место тогда, когда рассматриваемая реакция, тип или направление преобладает в первой части протокола; в противном случае говорят о негативной тенденции.

Вычисляется тенденция по формуле $(a-b)/(a + b)$, где a – количество реакций в первой половине протокола, b – их количество во второй половине. Тенденция считается положительной, если она подсчитывается на основании не менее четырех картинок и имеет оценку не менее $\pm 0,33$.

Помимо этого при интерпретации следует учитывать наличие тенденций, характерных для нормативной выборки. В частности, они содержатся в ключе **GCR**.

Подсчитывается пять типов тенденций. Первые три типа тенденций связаны с направлением реакций внутри трех колонок: **O-D**, **E-D**, **N-P**. Они показывают частоты экстра-, интро- и импунитивных реакций в первой половине теста по сравнению со второй. Четвертый тип тенденций анализирует направление реакций в первой и второй половине протокола, не учитывая разделения по колонкам. Пятый тип тенденций анализирует динамику типов реакций (**O-D**, **E-D**, **N-P**). С этой целью анализируется распределение факторов в каждой из трех колонок без учета направления реакций.

Пример подсчета показателей.

Таблица 5.3

Бланк первичной обработки протокола Р-F Розенцвейга

Ключ Тарабриной			№ ответа	Шифровка ответов испытуемого			
O-D	E-D	N-P		O-D	E-D	N-P	Баллы GCR
M'	E		1	M'			1
	I		2		I		1
			3	M'			
			4	E'			
		1	5		E	1	0.5
		e	6		I	e	0.5
	E		7			1	
			8	M'			
			9	E'			
	E		10	E'	E		0.5
			11	M'			
	E	m	12			m, i	0.5
		e	13	E'		e	0.5
			14		M		
E'			15			i, m	
	E		16		E	e	0.5
			17	E'	E		
E'		e	18			e	1
	I		19	E'	I		1
			20	I'			
			21	E'		1	
M'			22	M'			1
			23	E'			
M'			24	M'			1
			Сумма баллов (GCR)				9
			GCR, % (от 14 ответов ключа)				64%
			(Норма GCR >45%,				

Матрица результатов первичной обработки протокола

	O-D	E-D	N-P	Сумма	%	Стандар т	<, >, =, «,»
E	E' 5,5	E 2	E 2,5	10	43,7	46-52%	<
I	I' 1	I 2	I 3	6	22,9	25-27%	<
M	M' 6	M 1	M 1	8	33,3	23-26%	«
Сумма	12,5	5	6,5	24	Образцы		
%	52,1	20,8	27	$\underline{E} = 1 \quad \underline{I} = 2 \quad \underline{E} + \underline{I} = 3(=)$			
Станда рт*	32- 34%	35- 39%	27- 30%	$\underline{E} - \underline{E} = 2 - 1 = 1(<)$			
<, >, =, «,»	«	«	=	$\underline{I} - \underline{I} = 2 - 2 = 0(<)$			
				$\underline{\Sigma M} + \underline{I} = 8 + 2 = 10(=)$			
Общие образцы				Тенденции			
1. E>M>I		2. OD>NP>ED		M'=> + 0,33; i=> + 0,5; e=> - 0,6			
3. OD>E>M		4. M' > E' > i					

Интерпретация показателей матрицы результатов (таблицы профилей)

Как правило, в таблице профилей не интерпретируются средние и низкие показатели, но вы можете это делать, если пожелаете.

Как и любая другая проективная методика, тест Розенцвейга не предназначен для предсказания поведения испытуемых. Его цель – реконструировать внутреннее состояние испытуемого в ситуации фрустрации, т. е. понять, как испытуемый может чувствовать себя, а не вести себя в этой ситуации. Более определенно он направлен на выявление скрытой динамики поведения: характера и активированности защитных механизмов Эго, степени переработки агрессии, общего уровня напряженности агрессивных тенденций, ориентации агрессивных тенденций (вовне/вовнутрь), степени выраженности конфликта Эго-Супер-эго, уровня фрустрационной толерантности.

Об уровнях интерпретации типов и направлений реакций

Классическая методика интерпретации теста и известные нам методические пособия не содержат понятия «уровень интерпретации». Эти уровни вводятся в данном руководстве с целью облегчить понимание соотношений интерпретативных категорий теста и оптимизировать процесс составления заключения. Разделение на уровни основано на большом опыте применения и преподавания фрустрационного теста. Уровни отражают понимание автором данного руководства целостной картины весьма непростых механизмов психической регуляции поведения, определяющих формирование фрустрационных реакций в ситуации эксперимента. Введение уровней интерпретации также является следствием осознания факта существования нескольких теорий, интерпретирующих поведение в ситуации фрустрации. Некритичное использование понятийного аппарата этих теорий без понимания соотносимой с ними поведенческой феноменологии приводит к эклектичности психологического заключения и лишь к иллюзии понимания динамики поведения испытуемого. Эта опасность давно осознана исследователями проективной техники¹.

Учет существования уровней интерпретации повышает валидность выводов по тесту фрустрации, поскольку повышает рефлексивность исследователя относительно валидности и обоснованности делаемых им выводов.

При выделении уровней интерпретации использовались следующие критерии:

а) с углублением уровня интерпретации уменьшается валидность и обоснованность интерпретации показателей теста, выводы становятся более гадательными, повышается риск ошибки;

б) первый уровень интерпретации – это всегда описание наблюдаемого в эксперименте тестового поведения, т. е. описание фрустрационных реакций испытуемого²; каждый

¹ Korner A. F. Theoretical considerations concerning the scope and limitations of projective technique // Handbook of projective technique / Ed. B. I. Murstein. – N.Y., London, 1965. - P. 23-34.

² 2 Но не следует экстраполировать поведение в искусственно сформированной ситуации проективного исследования на поведение в обыденной жизни. (Mehlman B., Witman S. The relationship between certain pictures of

последующий уровень основан не на наблюдении поведения, а на умозаключениях с опорой на различные теории, объясняющие это поведение;

в) верхние уровни интерпретации могут быть рассмотрены как проявление (следствия) закономерностей, раскрываемых на более глубоких уровнях, т. е. между уровнями могут быть, при желании интерпретатора, установлены причинно-следственные взаимосвязи (от более глубокого к более поверхностному);

г) обращаться к более глубоким уровням интерпретации имеет смысл только при значительном отклонении тестовых показателей от границы нормального интервала (они обозначаются как « либо »).

Таким образом, уровни интерпретации дают возможность формулировать более сложную и полную картину взаимодействующих характеристик тестового поведения и, вместе с тем, позволяют сознательно и ответственно контролировать степень обоснованности заключений психолога.

Интерпретация типов фрустрационных реакций

Интерпретация типов реакций дается в порядке убывания диагностической значимости.

E-D-реакции

Столбик «эго-защитных» реакций – самый важный показатель теста фрустрации Розенцвейга. Этот показатель в полной мере отражает специфику оригинальной теории С. Розенцвейга, основанной, как уже говорилось, на выделении специфических уровней «эго-защиты». В самой первой статье¹ именно на примере эго-защитных реакций Розенцвейг дает определение ставших потом классическими терминов «Экс-трапунитивность», «Интропунитивность» и «Импунитивность».

Эти определения затем «перекочевали» в интерпретацию суммарных показателей направлений реакций (см. далее по тексту). Однако указанные термины по-прежнему наиболее точно отражают специфику именно реакций «эго-защитного» типа. В отечественной психологии, в связи с утерей оригинальной теоретической основы теста, значение E-D-реакций было уравнено с другими показателями, что расходится с первоначальной идеей автора методики. О важности этого показателя свидетельствует и тот факт, что в указанной статье тип реакции N-P не имел детальной интерпретации по направлениям, а рассматривался только как суммарный показатель. Тип O-D в этой статье вовсе не рассматривался и дополнил схему интерпретации только в окончательной редакции теста.

Повышение суммарного показателя E-D-реакций. Первый уровень интерпретации состоит в констатации соответствующего поведения испытуемого в ситуации тестирования: «Выявляется повышенная склонность испытуемого к «эго-защитным» реакциям в форме...», или «Наблюдается повышение удельного веса реакций «эго-защитного» характера». Далее, на основе изучения столбика E-D, дается уточнение: «...в форме агрессии и порицания партнеров по ситуации (направленной на окружающих)» (E); «...в форме самообвинения» (I); «...в форме оправдания (снятия вины с) партнеров по ситуации» (M). Валидность этой интерпретации зависит только от валидности самого теста и правильности подсчета показателей, а предсказательная валидность ограничена спецификой проведения теста и спецификой проективных методов в целом.

Второй уровень интерпретации основан на теоретических положениях фрустрационной теории Розенцвейга, постулирующей связь активизации «эго-защитных» механизмов с эмоциями тревоги и страха. Формулировка этого уровня может выглядеть примерно так: «В ситуации фрустрации для испытуемого характерна повышенная склонность к более или менее осознанному переживанию эмоций тревоги и страха». Валидность этого утверждения всецело зависит от верности фрустрационной теории Розенцвейга.

Третий уровень интерпретации основан на умозаключении от предыдущего уровня к субъективному образу ситуации: «Для испытуемого характерно восприятие ситуации как более враждебной, он склонен воспринимать мир как менее безопасный, чем в среднем он воспринимается другими людьми». У нас нет полных оснований утверждать причинную связь между образом ситуации и ощущением тревоги или страха. Данные психосемантических исследований позволяют утверждать скорее обратное: образ ситуации подвержен искажениям

Rosenzweig P-F study and corresponding behavioral situations // J. of clin. psychol. – 1955. Vol. 11.-P. 15-19.

¹ Rosenzweig S. An Outline of Frustration Theory // Personality and the Behavior Disorders. A handbook based on experimental and clinical research / Ed. J. McV. Hunt. Ronald Press Company, N.Y., 1945. Vol. 1. - P. 188-379.

кататимного характера под воздействием тревоги и страха. Если считать, что тест диагностирует только ситуативные характеристики поведения, то 2-й и 3-й уровни следует поменять местами. Если же предполагать, что фрустрационные реакции являются устойчивой характеристикой поведения, они должны определяться устойчивыми когнитивными диспозициями (привычными признаками ситуаций, сигнализирующими об опасности), формирующими образ ситуации. В любом случае валидность третьего уровня определяется истинностью всех предыдущих утверждений.

Четвертый уровень интерпретации основан на введенном С. Розенцвейгом понятии «фрустрационная толерантность». Предполагается, что восприятие мира как пугающего определяется низким уровнем фрустрационной толерантности, общим неумением противостоять трудностям, неуверенностью в себе. Синонимами фрустрационной толерантности являются понятия «низкий порог фрустрации», «низкая стрессоустойчивость». Валидность этого уровня проблематична и не получила подтверждение корреляцией с аналогичными показателями 16-факторного опросника Кеттелла.

Пятый уровень интерпретации связан с психоаналитической теорией З. Фрейда и его терминами «слабость Я» и «незрелое Эго». Предполагается, что повышенная склонность к эго-защитным реакциям в конечном счете определяется слабостью Эго, т. е. недостаточной сформированностью «принципа реальности», неумением отсрочить или перенаправить инстинктивные влечения, реально оценив объективные признаки ситуации. Интерпретация этого уровня делается при наличии значительного повышения E-D-реакции с понижением показателя N-P-реакции. Этот момент интерпретации наименее разработан С. Розенцвейгом, к тому же и психоаналитическая теория до сих пор – всего лишь правдоподобная гипотеза. Это объясняет низкую валидность интерпретации этого уровня.

Понижение суммарного показателя E-D-реакций имеет обратную интерпретацию, но начинающему диагносту делать это не рекомендуется.

N-P-реакции

Повышение суммарного показателя N-P-реакций. Потребностно-настойчивые реакции занимают важное место в фрустрационной теории. Их существование определяется восприятием тестовой ситуации как препятствия к удовлетворению «витальной потребности». Фактически неопределенность (проективность) ситуаций теста Розенцвейга и состоит в том, воспримет ли испытуемый нарисованные ситуации как угрожающие целостной личности (как «внешний активный стресс» – провокация E-D-реакции) или как только препятствующие удовлетворению потребности (как «внешний пассивный стресс» – провокация N-P-реакции).

В отличие от остальных показателей, интерпретация N-P-реакции не усиливается монотонно с увеличением показателя. Небольшие отклонения от нормального интервала расцениваются скорее как положительные признаки, а значительные отклонения – как отрицательные.

Первый уровень интерпретации – это описание внешних признаков тестового поведения: «5 ситуации фрустрации повышены удельный вес реакций, направленных на удовлетворение ситуативно возникающих потребностей...» Далее, на основании изучения столбика N-P делается уточнение: «...в форме перекалывания ответственности за удовлетворение потребности и разрешение проблемы на партнеров по ситуации» (e); «...в форме принятия на себя ответственности за удовлетворение ситуативно возникающей потребности или решение проблемы» (i); «...надеясь на благоприятное разрешение ситуации в его пользу со временем (что потребность будет сама собой удовлетворена) без дополнительных усилий со стороны субъекта» (m).

Второй уровень интерпретации – «испытуемый обладает навыками разрешения проблемных ситуаций» (только если суммарный показатель повышен за счет «e» и/или «i»). Небольшое повышение N-P интерпретируется как положительный признак, свидетельствующий о хорошей адаптации. Интерпретация валидна, если правомерно переносить данные теста на реальные ситуации. В случае значительного повышения суммарного показателя – «Испытуемый уделяет чрезмерное внимание удовлетворению ситуативно возникающих потребностей» или: «Испытуемый проявляет ригидность в отношении удовлетворения ситуативно возникающих потребностей, не проявляет гибкость или неспособен вовремя отказаться от удовлетворения потребностей».

Третий уровень основан на предположении С. Розенцвейга о связи суммарного показателя N-P с фрейдовским механизмом сублимации. В данном случае сублимируются агрессивные и аутоагрессивные тенденции. Этот уровень интерпретации валиден, если нет серьезного повышения по показателю «E-D». Валидность интерпретации зависит от валидности психоаналитической теории и предыдущих предположений.

Понижение суммарного показателя N-P. Понижение показателя имеет две интерпретации:

1) незначительное понижение показателя интерпретируется как положительный признак: умение проявлять гибкость и при необходимости отказываться от немедленного удовлетворения ситуативно возникающих потребностей;

2) выраженное понижение интерпретируется как несклонность фиксироваться на удовлетворении ситуативных потребностей. Причиной этому, предположительно, служит либо игнорирование наличия этих потребностей индивидом, либо отсутствие навыков их удовлетворения.

O-D-реакции

Повышение суммарного показателя O-D. Показатель наименее исследован и в теории С. Розенцвейга появился позже всех остальных, поэтому он имеет всего один уровень интерпретации: «В ситуации фрустрации повышена склонность к фиксации на препятствии к удовлетворению ситуативно возникающих потребностей в форме...» Далее, на основании повышения коэффициентов внутри столбика O-D, дается уточнение: «...в форме явного подчеркивания наличия препятствия или состояния фрустрации» (E'); «...в форме интерпретации затруднения как блага или заслуженного наказания» (I'); «...в форме отрицания значимости препятствия к удовлетворению потребности» (M'). Понижение суммарного показателя O-D имеет противоположную интерпретацию, но, как правило, не используется.

Интерпретация направлений фрустрационных реакций E-реакция (экстрапунитивность)

Повышение суммарного показателя E-реакций. Первый уровень интерпретации: «В ситуации фрустрации повышается удельный вес экстрапунитивных реакций в форме...» Далее, на основании изучения строки коэффициентов делается уточнение: «...в форме явного подчеркивания наличия препятствия или состояния затруднения» (E'); «...в форме агрессии, открытого порицания или обвинений в сторону партнера по ситуации» (E); «...в форме перекалывания ответственности заразрешение проблемы на плечи партнера по ситуации» (e). Валидность этой интерпретации зависит только от валидности самого теста и правильности подсчета показателей, а предсказательная валидность ограничена спецификой проведения теста и спецификой проективных методов в целом.

Второй уровень интерпретации основывается на очевидном предположении о связи экстрапунитивности с повышенной требовательностью к партнерам по ситуации. Главным образом это относится к повышенным коэффициентам «E'» и/или «e».

Третий уровень состоит в предположении о связи между экс-трапунитивностью и высокой самооценкой. Эта связь не абсолютна и валидность этого уровня – тоже.

Четвертый уровень интерпретации основан на психоаналитической теории, расширенно трактующей любое проявление активности как агрессию, и на положении фрустрационной теории о мотивированности экстрапунитивных реакций агрессией: «Повышен уровень направленной вовне агрессии».

Пятый уровень интерпретации основан на предположении С. Розенцвейга о связи экстрапунитивных реакций с механизмом защитной проекции, лежащем в основе паранойяльных реакций. Таким образом, пятый уровень интерпретации предполагает активизацию механизма защитной проекции. Валидность этого уровня не проверена и выбывает сомнение даже при значительном повышении суммарного показателя.

Снижение суммарного показателя E-реакций обычно не интерпретируется.

I-реакция (интропунитивность)

Повышение суммарного показателя I-реакций. Первый уровень интерпретации: «В ситуации фрустрации повышается удельный вес интропунитивных реакций в форме...». Далее, на основании изучения строки коэффициентов делается уточнение: «...в форме интерпретации затруднения как блага или заслуженного наказания за причиненные другим

неприятности или свои недостатки» (I'); «...в форме признания собственной виновности или ответственности за возникновение фрустрирующей ситуации и доставленные другим неудобства» (I); «...в форме принятия на себя ответственности за разрешение конфликтной ситуации или удовлетворения ситуативно возникшей потребности» (i).

Второй уровень интерпретации основывается на очевидном предположении о связи интропунитивности с повышенной требовательностью к себе. Главным образом это относится к повышенным коэффициентам «I'» и/или «i».

Третий уровень состоит в предположении о связи между интро-пунитивностью и низкой самооценкой. Эта связь не абсолютна и валидность этого уровня – тоже.

Четвертый уровень предполагает констатацию повышенной склонности испытуемого к аутоагрессивным (интерагрессивным) реакциям. Этот уровень интерпретации основан на предположении С. Розенцвейга о причинах появления интропунитивных реакций. Вслед за З. Фрейдом он считал, что экстрапунитивная реакция генетически первична и частично заменяется интропунитивной только в процессе воспитания. Срезовые исследования подтверждают смещение баланса с взрослением в сторону интропунитивных и импунитивных реакций¹.

Таким образом, интропунитивная реакция также имеет агрессивную природу, но является продуктом защитных механизмов. В частности, эго-защитный компонент интропунитивной реакции (I) – следствие работы механизмов смещения или изоляции аффекта. Агрессия, изначально предназначенная для отреагирования вовне, по причине невозможности непосредственного отреагирования в силу внешних или внутренних причин обращается против самого себя. Позже описанный Фрейдом механизм был назван Ф. Пэрлзом «ретрофлексией», «отражением назад», а его существование было многократно подтверждено в психотерапевтических сеансах. Итак, четвертый уровень интерпретации состоит в указании на повышенную склонность к аутоагрессии (интерагрессии). Эта интерпретация может быть валидна только при значительном повышении показателя суммарной интропунитивности и в основном за счет коэффициентов «I'» и «I».

Пятый уровень интерпретации состоит в предположении С. Розенцвейгом активированности у испытуемого защитных механизмов изоляции и смещения или ретрофлексии. Условия валидности интерпретации аналогичны интерпретации предыдущего уровня.

Снижение суммарного показателя I-реакций обычно не интерпретируется.

M-реакция (импунитивность)

В отличие от экстрапунитивной или интропунитивной реакции, мотивированных агрессией, импунитивные реакции мотивированы «социальными и эротическими мотивами»². С. Розенцвейг рассматривал импунитивные реакции как самые поздние из описанных, что подтверждено последующими исследованиями³.

Они состоят в отказе от направления агрессии вовне или на себя и в занятии примирительной позиции. Это реакция отказа от агрессии. Все типы импунитивных реакций так или иначе сопряжены с уступчивостью, озабоченностью беспокойством партнера по ситуации.

Повышение суммарного показателя M-реакций. Первый уровень интерпретации состоит в констатации соответствующего поведения испытуемого в ситуации тестирования: «Выявляется повышенная склонность испытуемого к реакциям отказа от агрессии в форме...». Далее, на основании изучения строки коэффициентов делается уточнение: «...в форме отрицания значимости конфликтной ситуации» (M'); «...в форме оправдания партнеров по ситуации» (M); «...в форме выражения надежды на благоприятное разрешение затруднительной ситуации либо удовлетворения ситуативно возникшей потребности со временем самой собой» (m).

Второй уровень интерпретации основан на предположении о связи импунитивных реакций с механизмом вытеснения. Эта интерпретация очень проблематична, поскольку для

¹ Данилова Е. Е. Детский тест «Рисуночной фрустрации» С. –вейга. Практическое руководство. – М.: 1992.

² Rosenzweig S. An Outline of Frustration Theory // Personality and the Behavior Disorders A handbook based on experimental and clinical research / Ed. J. McV. Hunt. Ronald Press Company, N.Y., 1945. Vol. 1. - P. 188-379.

³ Данилова Е. Е. Детский тест «Рисуночной фрустрации». Практическое руководство. – М.: 1992.

больных истерическим неврозом, основанном именно на вытеснении, импунитивная реакция нехарактерна¹.

Снижение суммарного показателя М-реакций обычно не интерпретируется.

Интерпретация образцов реакций в ситуации прямого обвинения

Все ситуации теста Розенцвейга можно разделить на так называемые «эго-блокинговые» и «супер-эго-блокинговые». В первых фрустрируется какая-либо «витальная» потребность; во вторых персонаж подвергается прямому обвинению со стороны партнера по ситуации («Вы разбили любимую вазу моей матери!»). Супер-эго-блокинговые ситуации провоцируют специфические реакции, шифруемые в протоколе символами «**E**» и «**I**».

E – указывает на активное отрицание субъектом предъявленного обвинения, причем часто в форме встречных претензий или агрессии.

I – указывает на признание субъектом своей вины, но со ссылкой на оправдывающие или смягчающие вину обстоятельства.

E + I – (при повышении) первый уровень интерпретации: «В ситуации прямого обвинения повышена склонность оправдываться или полностью отрицать собственную ответственность».

Поскольку источником обвинения «внутри» субъекта, согласно психоаналитической теории, является Супер-эго, повышенную склонность оправдываться правомерно прямо или косвенно связывать с повышенной активностью этой инстанции. Второй уровень интерпретации: «Повышена активность Супер-эго». При больших отклонениях: «...можно предположить конфликт Эго – Супер-эго».

Следующие два образца интерпретируются только тогда, когда предыдущий (**E + I**) превышает норму **E – E**. Оба символа этого образца обозначают открыто агрессивное поведение, где «**E**» – реакция в столбике E-D (эго-защитная агрессия)².

Этот образец представляет собой тонкий психологический «фильтр», анализирующий агрессивность испытуемого. Согласно теории З. Фрейда, у агрессии есть единственный источник – сам субъект агрессии³.

Но она может быть направлена не только вовне или на себя, но и против собственного Супер-эго. Высокий процент ответов типа **E** свидетельствует о том, что хотя по форме агрессия направляется на парт-нера по ситуации, спровоцирована она не столько ситуацией, сколько имеющимся напряжением в системе «Эго – Супер-эго». Если значения образца превышают норму, это интерпретируется как «естественная» склонность к агрессивным реакциям, т. е. в данном случае агрессия на самом деле изначально предназначена партнеру. Если образец ниже нормы (за счет большого **E**, а не низкого **E**), это свидетельствует о том, что «...агрессивность испытуемого, спровоцированная ситуацией открытого обвинения, вызвана внутриличностным конфликтом в системе «Эго – Супер-эго»». В этом случае, руководствуясь фрейдовской концепцией генезиса Супер-эго, следует предполагать, что часть агрессии неосознанно предназначается «образам первичных объектов интроекции», т.е. родительским фигурам.

I - I. Повышенная напряженность между Эго и Супер-эго мешает субъекту взять на себя полную ответственность за происшедшее, хотя он может осознавать свою отрицательную роль. Чувство ответственности заменяется неконструктивным переживанием чувства вины. В этом случае этот образец меньше нормы (за счет высокого **I**, а не низкого **I**). Первый уровень интерпретации: «В ситуации открытого обвинения повышена склонность к реакциям самооправдания». Второй уровень интерпретации: «Неконструктивное переживание чувства вины вызвано повышенной активностью Супер-эго».

ΣM + I – общий показатель безобвинительных реакций. Если образец имеет большое значение, испытуемый старается избегать проявлений агрессии, старается оправдаться сам и снять вину с кого бы то ни было.

¹ Тарабрина Н. В. Экспериментально-психологическое и биохимическое исследование состояний фрустрации и эмоционального стресса при неврозах. Автореф. дисс. канд. психол. наук. – Л : 1973.

² Это, в частности, означает, что этот и следующий образец не могут иметь отрицательное значение, так как **E** или **I** не могут быть больше **E** или **I**.

³ В ранних работах З. Фрейда фигурирует термин «несексуальные инстинкты Эго» и «инстинкт поперечно-полосатой мускулатуры». Начиная с «По ту сторону принципа удовольствия» – инстинкт стремления к смерти.

Интерпретация формул

Приведенные здесь формулы устанавливают соотношения между показателями направления реакций, т. е. уточняют характеристики агрессивности испытуемого. Следует различать термины «агрессия» и «агрессивность». Агрессивность – это личностная характеристика, отражающая склонность к частому и интенсивному переживанию агрессивных чувств. Агрессия – характеристика поведения, отражает склонность к проявлению агрессии в открытом поведении. Как свидетельствуют наши исследования, высокий уровень экстрапунитивных реакций не всегда коррелирует с открытым проявлением агрессии в поведении. Скорее он говорит о понижении контроля поведения в ситуации обследования. Но это не свидетельствует о низкой валидности теста. Напомним, что тест Розенцвейга не предназначен для предсказания поведения. Его задача – вскрыть внутренние диспозиции реагирования, обычно скрытые в силу самоконтроля. Таким образом, результаты подсчета формул не позволяют предсказывать, как испытуемый поведет себя в ситуации¹, но позволяют предсказать, как он себя будет чувствовать в ней.

SE / SI = «баланс агрессивности» – отражает преимущественное направление агрессивности вовне / вовнутрь. Следует учитывать, что агрессия, направленная на себя, не сдерживается контролем и поэтому всегда достигает своей «цели». Если значение формулы превышает интервал нормы, то агрессия направлена вовне, и наоборот.

SE / SM = «степень агрессивности, направленной вовне». Если значение формулы превышает интервал нормы, то интенсивность агрессии, направленной вовне, превышает норму, и наоборот.

E / e = «уровень переработки агрессии». Эта формула устанавливает соотношение эгозащитной агрессивности (столбик **E-D**) к агрессии, выраженной в форме требований разрешить ситуацию, направленных партнеру по ситуации (столбик **N-P**).

Согласно теории С. Розенцвейга, повышение количества потребностно-настойчивых реакций связано с сублимацией. «Переработка агрессии», таким образом, является синонимом сублимации агрессии. Уменьшение значения формулы свидетельствует о склонности к сублимации агрессии.

i / e = «степень самостоятельности в разрешении конфликтов и/или удовлетворения ситуационных потребностей». Если значение формулы превышает интервал нормы, самостоятельность высока, и наоборот.

Интерпретация GCR и признаков внутриличностной и/или микросоциальной дезадаптации

GCR указывает на степень соответствия либо отклонения паттерна реакций испытуемого от некоего группового стандарта. Естественно также предполагать, что плохая предсказуемость ответов, в силу их нестандартности, может породить межличностные конфликты, снижающие адаптацию в ситуации. Согласно традиционной интерпретации, это должно сигнализировать о психологической дезадаптации. В подтверждение этого Н. В. Тарабрина приводит данные о понижении GCR при шизофрении, неврозах и депрессии. Вместе с тем, наше собственное исследование не выявило связи GCR ни с повышением тревожности, ни с понижением самооценки у психически здоровых испытуемых, т. е. не подтвердили связи GCR с признаками психологической дезадаптации.

Помимо GCR в тесте Розенцвейга имеется еще, по крайней мере, два индикатора психологической дезадаптации. Главный из них – значительное превышение показателя «суммарная E-D реакция» над стандартом. Согласно теории фрустрации, это свидетельствует о снижении фрустрационной толерантности и слабости Эго. Наши исследования полностью подтвердили правомерность такой интерпретации. Вторым признаком – значительное отклонение суммарных показателей «Таблицы профилей» от стандарта (сильное отклонение от стандарта вверх или вниз еще, как минимум, двух суммарных показателей).

На наш взгляд, только сочетание всех трех перечисленных индикаторов дает основание для предположения о наличии внутриличностной и/или микросоциальной дезадаптации (см. пример № 2 в подразделе «Пример заключения»).

¹ 1 В разделе по валидации методики (см. ниже по тексту) нами приводится эмпирическая формула, позволяющая с определенной долей вероятности предсказать агрессивное поведение.

GCR считается пониженным, если он меньше 45 %. Первый уровень интерпретации отклонения GCR от нормы: «Реакции в ситуации фрустрации значительно отличаются от стандарта...». Второй уровень интерпретации: «...что может приводить к плохой предсказуемости его поведения партнерами по ситуации».

Третий уровень интерпретации связан с уровнем внутриличностной и/или микросоциальной дезадаптации испытуемого. Следует помнить правило: о Наличии указанной дезадаптации мы имеем право говорить только если, помимо пониженного GCR, сильно (>>) повышены **E-D**-реакции и присутствует еще, как минимум, два сильных (>>) отклонения от стандарта в таблице профилей (см. второй пример заключения).

Пример заключения Пример 1

Характеристики матрицы профилей: **E <, I «, M <; OD <, ED =, NP>>**.

Формулы: **i / e <**.

Образцы: **E + I>; I - I = 0**

Общие образцы: **E > I > M; NP > ED > OD; I > NP > ED; I > e > i**.

GCR = 46,5%.

Заключение по исследованию личности Ф. И. О., 1964 г.р., пол женский, образование высшее техническое.

Исследование проводится по просьбе экспериментатора.

Отношение к обследованию адекватное, о чем свидетельствует сформированный мотив экспертизы, заинтересованность в результатах обследования, готовность к сотрудничеству, аккуратность выполнения задания. Установочное поведение и патологические мотивы отмечены не были. Контакт с испытуемой свободный.

По данным исследования с помощью теста рисуночной фрустрации Розенцвейга, реакции испытуемой следует рассматривать как вариант нормы. Отклонение реакции от стандарта не отмечено. Испытуемая находится в рамках адаптивной нормы.

Для испытуемой характерно увеличение удельного веса интропунитивных реакций. Это может являться следствием повышенной требовательности к себе и, возможно, пониженной самооценки и активизации механизма ретрофлексии. Уровень интерагрессии повышен.

Наблюдаются признаки повышенного напряжения в системе «Эго-Супер-эго»: испытуемая склонна ощущать повышенное чувство вины в ответ на адресованные в ее сторону обвинения. Это проявляется в увеличении удельного веса оправдательных реакций либо отрицании своей вины в ситуации прямого обвинения. Заметна активизация механизма сублимации агрессии, за счет чего повышается удельный вес реакций, направленных на удовлетворение ситуативно возникающих потребностей в форме передачи ответственности другому лицу и предоставление ему требований разрешить возникшую проблему. Самостоятельность в удовлетворении потребностей понижена.

Таким образом, на фоне удовлетворительной внутриличностной адаптации на первый план выступает преобладание интропунитивных реакций, увеличение интерагрессии, чувство вины, связанное с повышением активности Супер-эго; повышена ригидность в удовлетворении ситуативно возникших потребностей.

Пример 2

Характеристики матрицы профилей: **E>>, I<<, M >; OD >, ED>>, NP<<**.

Формулы: **Σ E / Σ I <; E / e >**.

Образцы: **E + I >; E - E <**.

Общие образцы: **E > M > I; ED > NP > OD; E > ED > NP; E > M' > i**.

GCR = 35%.

Заключение по исследованию личности Ф. И. О., 1973 г.р., пол мужской, образование среднее.

Обследование проводилось по просьбе экспериментатора.

Отношение к обследованию адекватное. Мотив экспертизы сформирован, признаков установочного поведения не наблюдалось. Контакт свободный, установился легко и поддерживался в течение всего обследования.

На основании выполнения фрустрационного теста Розенцвейга, характер реакций испытуемого в ситуации фрустрации следует относить к варианту внутриличностной либо микросоциальной дезадаптации; реакции значительно отличаются от стандарта.

Выявляются признаки слабости Эго, приводящие к снижению фрустрационной толерантности, что в свою очередь становится причиной восприятия мира как менее безопасного, чем это характерно для большинства людей. Это приводит к повышению удельного веса эго-защитных реакций в форме вербальной агрессии и порицания партнера по ситуации. В целом удельный вес агрессивности в ответах испытуемого повышен, что сопровождается активизацией защитного механизма проекции. Поскольку частота агрессивных ответов повышается в ситуации прямого обвинения, есть основания предполагать, что в основе агрессивных реакций лежит конфликт в системе «Эго-Супер-эго», т. е. неосознаваемым объектом агрессивности испытуемого являются интроецированные родительские образы. Механизмы переработки (сублимации) агрессии не развиты.

Вместе с тем, если реакции не носят защитного характера, испытуемый склонен фиксироваться на факте препятствия, избегая агрессии и стараясь понизить субъективную значимость ситуации фрустрации.

Можно также предполагать, что у испытуемого недостаточно развиты навыки конструктивного разрешения конфликтных ситуаций и удовлетворения ситуативно возникающих потребностей.

Таким образом, на фоне признаков снижения внутриличностной и/или микросоциальной адаптации наблюдается повышенная склонность к агрессивным защитным реакциям в ситуации прямого обвинения, напряженность в системе «Эго-Супер-эго», что сочетается с недостаточным развитием навыков разрешения конфликтных ситуаций.

Дополнительные материалы к теме

Валидизация методики

Валидизацию методики мы проводили по трем направлениям:

- 1) доказательство связи известных параметров теста с самооценкой и тревожностью;
- 2) исследование пригодности теста для исследования и предсказания агрессивности;
- 3) исследование закономерностей формирования паттерна фрустрационных реакций в онтогенезе.

Отдельная задача состояла в вычислении нового стандарта показателей теста.

Связь параметров теста Розенцвейга с самооценкой и тревожностью

С целью выявления связи показателей теста Розенцвейга с тревожностью и самооценкой нами¹ проведено обследование группы из 35 студентов-третьекурсников вуза в возрасте от 20 до 26 лет. В группе 16 девушек и 19 юношей.

В качестве валидизирующих использовались: шкала самооценки Спилбергера-Ханина и модификация 16-шкального семантического дифференциала. Модификация состояла в том, что испытуемый должен был оценить себя в пяти вариантах ситуаций: «Я с самим собой», «Я с друзьями», «Я с чужими людьми, чужой социальной группой», «Я глазами окружающих», «Я, каким я хотел бы быть».

Цель исследования состояла в подтверждении либо опровержении гипотез:

- 1) связи повышенной E-D-реакции с признаками внутриличностной дезадаптации;
- 2) связи экстрапунитивных и интропунитивных реакций с высотой самооценки.

Дополнительной целью было расширение и уточнение диагностического смысла других параметров теста.

В качестве метода статистической обработки использовался коэффициент ранговой корреляции Ч. Спирмена.

Результаты исследования состояли в следующем.

1. С личностной и ситуационной (реактивной) тревожностью были связаны четыре показателя теста Розенцвейга. На первом месте по выраженности связи, как и предполагалось, стоял суммарный показатель E-D-реакций (положительная корреляция на уровне $p < 0,0008$ и $p < 0,0004$ соответственно). На умеренном уровне значимости с повышением ситуационной тревожности коррелирует показатель «I» («склонность к самооправданию в ситуации прямого обвинения»). Отрицательно с параметром личностной тревожности был связан показатель «M'» – «отрицание значимости ситуации» ($p < 0,004$). Умеренная отрицательная корреляция наблюдалась между обоими типами тревоги и показателем «e» («атрибуция ответственности за разрешение ситуации партнеру»).

¹ Кастроль Е. Ю. Исследование индикаторов тревожности и самооценки в тесте рисуночной фрустрации – вейга с помощью опросника Спилбергера-Ханина и методики семантического дифференциала. Дипломная работа на ф-те психологии СамГПУ. – Самара, 2001.

На основе этих закономерностей и стандартизации на выборке 143 испытуемых нами была сконструирована эмпирическая формула тревожности: $TRoz = ED - (M' + e + 4)$, значения корреляций которой приведены в табл. 5.5. Величина «TRoz» возрастает с увеличением ситуационной и личностной тревожности. Распределение «TRoz» близко к нормальному, стандартное отклонение = 4,4, среднее = 0.

Таблица 5 5

Характеристики корреляции эмпирической формулы TRoz тревожности с личностной и ситуационной тревожностью

	R Спирмена	Уровень значимости
Ситуационная тревожность	0,606	0,000113
Личностная тревожность	0,675	0,000009

2. Подавляющее большинство показателей теста Розенцвейга отрицательно коррелируют с самооценкой по шкалам семантического дифференциала. Повышение «е» связано с понижением оценки по шкалам «активный», «сильный», «целеустремленный». Суммарное «М» связано с понижением самооценки по шкалам «добрый», «оптимистичный», «умный» и «радостный», преимущественно в ситуации «Я глазами окружающих». С пониженной самооценкой интеллектуальных качеств связана реакция типа «М», а «доброты» – «т». С пониженной самооценкой в ситуации «Я глазами окружающих» связан образец «ΣМ +!» («отказ от обвинения»). Высокая N-P-реакция связана с общим понижением самооценки в ситуации «Я с друзьями» и «Я с чужими людьми» по шкале «оптимистичность». Главным образом, это происходит за счет отрицательной корреляции «е» со шкалами «активность», «сила» и «целеустремленность».

Положительно с высокой самооценкой в ситуации «Я глазами окружающих» коррелирует формула «ΣЕ /ΣМ» («выраженность агрессивности вовне»), а с высокой самооценкой активности – формула «i / e» («самостоятельность в разрешении ситуации и удовлетворении потребностей»).

На основе этих закономерностей и стандартизации на выборке 143 испытуемых нами была сконструирована эмпирическая формула самооценки: $CRoz - (3 \times E) - M \times (2 \times M + NP + e)$, значения корреляций которой с самооценкой приведены в табл. 5.6. К сожалению, распределение этого показателя значительно отклоняется от стандарта, что не позволяет рекомендовать его к практическому использованию.

Таблица 5.6

Характеристики корреляции эмпирической формулы CRoz самооценки со шкалами семантического дифференциала

	R Спирмена	Уровень значимости
«Я глазами окружающих»	0,529	0,001
Честный	0,339	0,033
Добрый	0,419	0,014
Оптимистичный	0,422	0,010
Умный	0,373	0,041
Радостный	0,380	0,034
Фактор «Оценка»	0,363	0,039

Таким образом, гипотеза о связи уровня эго-защитных реакций с внутриличностной дезадаптацией полностью подтвердилась.

Вторая гипотеза подтвердилась только частично. Хотя ряд показателей теста и имеют связь с самооценкой, ни суммарное «Е», ни суммарное «I» не имеют к ней, за малым исключением, никакого отношения. Исключение – формула степени проявления агрессии вовне, но, что кажется более вероятным, эта связь получена за счет импунитивного, а не экстрапунитивного ее компонента. Следует указать на принципиально важный момент. Повышенная требовательность к другим (повышение «е») связана не с высокой самооценкой, как это принято считать, а напротив, с низкой самооценкой своей силы и активности.

Важным выводом нашего исследования является отсутствие связи GCR с признаками тревожности или понижения самооценки.

Исследование индикаторов агрессивности

Изучение индикаторов агрессивности нами проводилось в двух независимых исследованиях.

Первое исследование¹ состояло в сравнении показателей теста с экспертными оценками агрессивного поведения детей в возрасте 8-12 лет², находившихся в детском санатории-профилактории.

Экспериментальную группу составили 25 мальчиков и 22 девочки. Наблюдение за поведением испытуемых осуществлялось в дневное время, в ходе различных мероприятий: отдыха, прогулки, занятий, во время лечебных процедур и т. д. Под агрессивным поведением подразумевалась конфликтность детей, т. е. склонность к разрешению каких-либо вопросов через крик, оскорбление других, драчливость, задиристость, несклонность к компромиссам. Выраженная тенденция к агрессивным реакциям (вербальной и невербальной агрессии) или ее отсутствие (стремление ребенка идти на компромисс, избегание конфликтов) кодировалась соответственно как 1 или 0.

В качестве метода статистической обработки использовался однонаправленный дисперсионный анализ (ANOVA).

Результаты состояли в следующем.

С признаком внешне проявляемой агрессивности на высоком уровне достоверности ($p < 0,001$ и выше) положительно связаны следующие показатели теста Розенцвейга: «эго-защитная экстрапунитивность» («Е»), «атрибуция ответственности за разрешение конфликта и/или удовлетворение потребности партнеру по ситуации» («е»), «суммарная экстрапунитивность» (« ΣE »), формула $\Sigma E / \Sigma I$ («баланс агрессивности»).

Отрицательно с внешними проявлениями агрессии были связаны: «отрицание значимости фрустрирующей ситуации» (M'), «суммарная интропунитивность» (ΣI), «суммарная импунитивность» (ΣM).

Рассматривая результаты теста Розенцвейга, мы выявили связь между количеством экстрапунитивных реакций и половой принадлежностью детей. Ярче выражена тенденция агрессивных реакций, направленных вовне, выше показатель общего числа ответов-реакций Е-характера у мальчиков. Большее количество интрапунитивных реакций наблюдается у девочек.

Второе исследование³ было направлено на более детальное изучение характеристик агрессивного поведения, проявляемого вовне.

Экспериментальную группу составили 33 подростка 14-15 лет, ученики двух 9-х классов общеобразовательной школы. Все они были обследованы индивидуально с помощью стандартного набора картинок теста Розенцвейга. После этого из их числа были выбраны восемь добровольцев, составивших экспертную группу. Эксперты должны были оценить поведение своих одноклассников по следующим пунктам:

- ◆ расстраивается из-за неудач;
- ◆ ссорится;
- ◆ принимает вину за случившееся на себя;
- ◆ оправдывается;
- ◆ угрожает;
- ◆ ругается матом;
- ◆ соглашается с людьми;
- ◆ перекладывает ответственность за случившееся на других;
- ◆ ведет себя сдержанно и тактично;
- ◆ может ударить человека.

0 баллов – никогда (не замечал такого поведения у данного человека); 1 балл – редко или никогда (конкретный человек прибегал к такой форме поведения); 2 балла – часто.

Экспертные оценки усреднялись. Методом статистической обработки служил коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

На основании изучения интеркорреляции матрицы усредненных экспертных оценок было сформировано два коэффициента: «Агрессия» = (№2 + № 5 + № 6 + № 10) - (№3 + № 7 + № 9) и «Неконфликтность» = (№ 3 + № 7 + № 9).

¹ Воинова Е. Ю. Валидизация рисуночного теста «Несуществующее животное» с помощью теста рисуночной фрустрации С. –вейга относительно параметра агрессивности как характерологического свойства личности. Дипломная работа на ф-те психологии СамГПУ. – Самара, 2000.

² Использовался детский набор картинок теста –вейга.

³ Карбышева Е. В. Исследование показателей теста –вейга с внешне проявляемой агрессией у подростков. Дипломная работа на ф-те психологии СамГПУ. - Самара, 1999.

В результате статистической обработки было получено 29 значимых на уровне $p < 0,05$ и выше корреляций.

Полученные результаты.

1. Индикаторы агрессивности теста Розенцвейга в 2,3 раза чаще отрицательно коррелируют с признаками неагрессивности в поведении, чем положительно – с признаками агрессивности.

2. В качестве важного результата следует отметить почти полное отсутствие прямых положительных корреляций между индикаторами агрессивности теста Розенцвейга и экспертными оценками признаков агрессивного поведения у исследованных подростков. Образец «**E - E**» («естественная агрессивность») коррелировал с суммарным коэффициентом агрессивности, склонностью к угрозам и привычкой ругаться матом. При этом он отрицательно коррелировал со склонностью принимать вину за случившееся на себя, вести себя сдержанно и тактично и суммарной неконфликтностью. «E» положительно коррелировал с характеристикой «Ругается матом» и отрицательно – с суммарным коэффициентом «неконфликтность». Формула «**E/e**» положительно коррелировала с характеристикой «Ругается матом». «**ΣE / Σ1**» отрицательно связана со склонностью принимать вину за случившееся на себя и суммарной неконфликтностью.

3. Индикатор эго-защитной интропунитивности «I» коррелировал со склонностью принимать вину за случившееся на себя, соглашаться с другими, суммарной неконфликтностью и отсутствием привычки ругаться матом. «**ΣI**» плюс к этому отрицательно связан со склонностью к угрозам. С отсутствием привычки ругаться матом связаны показатели «I» и «I - I».

4. Повышение коэффициента «N-P» связано с неагрессивным паттерном поведения: «принимает ответственность за случившееся на себя», «соглашается с людьми», низкая суммарная агрессивность. Одновременно с этим такие подростки не склонны оправдываться, угрожать и ругаться матом.

5. Показатель «O-D», напротив, указывает на склонность угрожать и не соглашаться с людьми.

6. Индикаторы импунитивных реакций не коррелировали с аналогичными по смыслу пунктами экспертной оценки.

На основании полученных корреляций и выборки стандартизации (143 человека) нами была сконструирована эмпирическая формула проявляемой вовне агрессивности (враждебности): **AgRoz = (OD + E) - (NP + E)**. Величина AgRoz возрастает с увеличением риска проявления агрессии (враждебности); при конформном поведении она отрицательна. Распределение нормальное, среднее - 0, стандартное отклонение = 5,3. Корреляция AgRoz с экспертными оценками приведена в табл. 5.7.

Таблица 5.7

Характеристики корреляции эмпирической формулы AgRoz агрессивности с экспертными оценками

	R Спирмена	Уровень значимости
Принимает вину на себя	-0,391	0,024
Оправдывается	0,519	0,001
Угрожает	0,507	0,002
Ругается матом	0,517	0,002
Соглашается с людьми	-0,515	0,002
Ведет себя тактично	-0,380	0,028
Может ударить человека	0,354	0,043
«Агрессивность»	0,457	0,007
«Неагрессивность»	-0,505	0,002

На основании двух проведенных исследований можно сделать вывод о пригодности теста рисуночной фрустрации Розенцвейга для предсказания агрессивности у депгей и подростков. При этом следует иметь в виду, что с возрастом показатели экстрапунитивных реакций перестают отражать агрессию, проявляемую вовне, но лишь внутреннюю агрессивность. Более валидным индикатором проявляемой враждебности с возрастом становятся низкие показатели интропунитивности, низкий N-P и высокий O-D. По всей вероятности, это

происходит в силу повышения контроля за проявлениями враждебности в ситуации обследования. Поэтому индикаторами агрессии становятся те показатели теста, которые в малой степени подвержены сознательному контролю, – типы реакций и показатель интропунитивности.

Исследование формирования фрустрационных реакций в онтогенезе

Первое исследование¹ имело целью выяснить, в какой степени паттерн фрустрационных реакций передается от родителей детям.

Экспериментальную выборку составили подростки и юноши (девушки) 12-16 лет (27 девушек и 10 юношей) и их матери. Вся группа была обследована стандартным набором теста Розенцвейга, после чего результаты исследовались на наличие корреляций между данными детей и родителей. В качестве метода статистической обработки использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Результаты состояли в следующем.

Была получена 41 корреляция на уровне $p < 0,05$ и выше.

1. Показатели эго-защитной (E) и суммарной экстрапунитивности (ΣE) детей положительно коррелировали с аналогичными показателями матерей. Одновременно детские показатели отрицательно коррелировали с большинством интропунитивных показателей родителей: **I, i, I**

2. Показатели эго-защитной (I) и суммарной интропунитивности (ΣI) детей положительно коррелировали с аналогичными показателями матерей. Одновременно детские показатели отрицательно коррелировали с большинством экстрапунитивных показателей родителей: **E, e, E**.

3. Повышение детского коэффициента E-D положительно коррелировало с эго-защитной экстрапунитивностью матерей и отрицательно – с большинством индикаторов интропунитивности: **I, i, I, ΣI** .

4. Повышение детского «i» (принятие на себя ответственности за разрешение фрустрирующей ситуации и/или удовлетворение ситуативно возникшей потребности) отрицательно связано с суммарной и эго-защитной экстрапунитивностью матерей и положительно – со всеми (кроме I') показателями интропунитивности.

5. Повышение детского N-P положительно коррелировало с материнской эго-защитной импунитивностью (M), суммарной интропунитивностью и склонностью оправдываться в ситуации обвинения; отрицательно – с M', – склонностью отрицать значимость фрустрирующей ситуации. Кроме этого, детский N-P отрицательно коррелировал со склонностью к фиксации матерей на препятствии O-D.

6. Повышение детского «O-D» положительно коррелировало с материнским эго-защитным «E».

Таким образом, на основании данного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Формирование стереотипов фрустрационного реагирования у детей тесно связано с влиянием родительского поведения. Способы фрустрационного реагирования родителей являются, с одной стороны, образцом для развития подражательных реакций, а с другой стороны – причиной возникновения некоторых комплементарных особенностей поведения детей.

2. Стереотипы фрустрационного поведения детей формируются в большей степени на основе подражания родителям (связи между однотипными и однонаправленными показателями составляют 70 % от общего числа выявленных корреляций). В подавляющем большинстве случаев подражание родительским образцам идет в плоскости направления фрустрационных реакций на внешнее окружение или на себя.

3. У детей наблюдается как полное, так и частичное копирование фрустрационного поведения родителей:

а) связи между идентичными реакциями детей и родителей, свидетельствующие о полном копировании, составляют 29% от усвоенных по подражанию. Сюда входит копирование направления агрессии вовне или на самого себя, реакции в форме агрессивного

¹ Русакова С. Исследование соотношения фрустрационных реакций детей и родителей. Дипломная работа на ф-те дефектологии. – СамГПУ. Самара, 1996.

обвинения других людей в возникновении фрустрирующей ситуации, проявления самостоятельности при решении проблемных ситуаций;

б) о частичном (неполном) копировании свидетельствуют: прямые связи между однонаправленными реакциями разных типов; обратные связи между комплементарными (экстра – и интропунитивными) реакциями.

4. Особенности направления фрустрационных реакций у родителей являются причиной возникновения определенных типов реагирования у детей:

а) активная агрессивность родителей в отношении внешнего окружения, повышенная требовательность к другим ведет к высокой фиксации ребенка на препятствии, провоцирует возникновение у него чувства фрустрированности;

б) обвинение родителем себя, признание своей ответственности в ситуации фрустрации и самостоятельное ее исправление позволяет ребенку чувствовать себя более защищенным и развивает самостоятельность в разрешении фрустрирующей ситуации.

Цель второго исследования¹ состояла в выявлении влияния стиля семейного воспитания на стереотипы реагирования ребенка в фрустрационных ситуациях, а также установление качественного своеобразия реакций ребенка на фрустрационную ситуацию в зависимости от особенностей воспитания.

Стиль родительского воспитания исследовался с помощью опросника «АСВ» Э. Г. Эйдемиллера и В. Ю. Юстицкого. Экспериментальную выборку составили подростки 12-15 лет в количестве 42 человек и их родители.

В качестве метода статистической обработки использовался t-критерий Стьюдента. Результаты состояли в следующем.

1. Воспитание по типу «потворствующей гиперпротекции» связано с преобладанием у детей экстрапунитивных реакций. Причем реакции экстрапунитивного типа преобладают над реакциями интропунитивного типа.

2. Воспитание, при котором ярко выражено отсутствие запретов, связано с повышением суммы экстрапунитивных реакций (ΣE), снижением суммы интропунитивных реакций ($2I$) и суммы реакций потребностно-настойчивого типа (NP).

3. Воспитание, при котором на детей возлагается большое число требований-обязанностей ($T+$), связано:

- ♦ с повышением реакций потребностно-настойчивого типа (NP). В частности, повышаются показатели экстрапунитивных реакций (e) и интропунитивных реакций (i);
- ♦ с уменьшением количества безобвинительных реакций ($\Sigma M + I$);
- ♦ с уменьшением интропунитивных реакций эго-защитного типа;
- ♦ со снижением склонности оправдывать себя и собственные поступки в ситуации обвинения (I).

4. Гиперпротекция связана с уменьшением показателя самооправдательных реакций в ситуациях обвинения ($E + I$).

Выявленные устойчивые связи подтвердили гипотезу о том, что семейное воспитание способствует формированию стереотипов поведения детей во фрустрационных ситуациях.

Воспитание по типу потворствующей гиперпротекции приводит к тому, что в ситуации фрустрации ребенок склонен направлять агрессию вовне либо за счет акцентирования внимания на ситуации фрустрации, либо за счет агрессивных реакций или за счет требования к окружающим исправить возникшую ситуацию.

Требования-запреты, т. е. указания на то, что ребенку делать нельзя, определяют, прежде всего, степень самостоятельности ребенка, возможность самому выбирать способ поведения. Способность самостоятельно выбирать способ поведения, в свою очередь, связана со степенью зрелости личности. Когда воспитание не сопровождается необходимым количеством требований-запретов, либо когда родители не могут или не хотят установить рамки в поведении ребенка, это «ведет к неблагоприятному развитию поведения детей, не способствует развитию зрелости личности... может стимулировать развитие по гипер-тимному и особенно неустойчивым типам» (Э. Г. Эйдемиллер, 1990). Дети, воспитывающиеся подобным образом, в ситуации фрустрации склонны к внешнеобвинительным реакциям; в большей степени активизированы эго-защитные механизмы в форме экстрапунитивных

¹ Захарова Ю. Исследование соотношения характера фрустрационных реакций детей и стиля родительского воспитания. Дипломная работа на ф-те дефектологии. – СамГПУ. Самара, 1996.

реакций. В то же время реакции потребностно-настойчивого типа (NP) снижены, что свидетельствует о несамостоятельности, невозможности постоять за себя, быстром отказе от удовлетворения своих потребностей. Чрезмерность требований-обязанностей в воспитании способствует тому, что в ситуации фрустрации ребенок не склонен оправдываться и снимать ответственность как с себя, так и с других (снижение $\Sigma M + I$), не склонен складывать с себя ответственность, ссылаясь на смягчающие обстоятельства (снижение I). Существует тенденция, признавая свою ответственность, направлять агрессию на себя (повышена формула $\Sigma I / \Sigma M$). В то же время тенденция увеличения числа реакций потребностно-настойчивого типа (NP) свидетельствует о ригидности потребности, невзирая на невозможность удовлетворения.

Гиперпротекция со стороны родителей проявляется в том, что родители уделяют ребенку крайне много сил, времени, когда его воспитание стало центральным делом жизни родителей. Данный стиль воспитания был связан со снижением показателя $E + I$. Повышение этого показателя (конфликт Эго и Супер-эго) косвенно свидетельствует о том, что у испытуемого были подавляющие и строгие родители. Наши результаты, по-видимому, это подтверждают, поскольку снижение этого показателя связано с обратной тенденцией (нестрогие, сверхзаботливые родители).

Рекомендуемая литература по теме

Экспериментально-психологическая методика изучения фрустрационных реакций. Методическая рекомендация // Сост. Н. В. Тарабрина. Ред. Б. Д. Карвасарский. – Л., 1984.

Данилова Е. Е. Детский тест «Рисуночной фрустрации» С. –вейга. Практическое руководство. – М., 1992.

Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции. – М., 1990. – С. 44-53.

Тема 6. Методика незавершенных предложений **Вводные замечания**

Методика «Незавершенные предложения» имеет давнюю историю. Первоначально прием завершения предложений использовался для Исследования интеллекта (Эббингауз, 1897). Для изучения личности Эта методика впервые была применена А. Пейном (1928), а затем А. Тендлером (1930). В основе процедуры и интерпретации методики незавершенных предложений лежит ассоциативный эксперимент К. Г. Юнга. Считается, что НП выигрывают перед ассоциативным экспериментом в экономичности, уменьшают количество ассоциаций, вызываемых отдельным словом, дают возможность лучше определить контекст, глубже проникнуть в сущность имеющихся установок и проблем испытуемого.

Существует большое количество методик, основанных на принципе вербального завершения. Завершение предложений – это методический прием, а не конкретный тест. Наиболее известны процедуры обследования, разработанные Дж. Ротптером (1950), Б. Форером (1950), А. Роде (1957). В данном руководстве мы используем набор начал предложений Д. М. Сакса, SSCT¹, в ставшем уже классическим в России переводе².

Другой вариант перевода этого списка с исчерпывающим описанием процедуры проведения и оригинальной интерпретации в настоящее время опубликован в книге «Проективная психология» (2000).

Вместе с тем следует признать, что в англоязычной литературе середины XX в. чаще и с большим уважением упоминается вариант Дж. Роттера (ISB).

Назначение методики

Методика НП – это средство скрининга проблемных областей личности, которые могут быть неосознаваемыми или малоосознаваемыми. Методика дает возможность быстро сориентироваться в сфере значимых отношений испытуемого и наметить вероятные мишени для психокоррекции. Согласно утверждению Сакса и Леви, тест «может отражать сознательные, подсознательные и бессознательные чувства и мысли». Вместе с тем большинство исследователей³ склонны считать, что НП отражает более близкие к осознанию уровни личности, чем такие техники, как Роршах, ТАТ или проективное рисование.

Вместе с тем в этом же обзоре утверждается, что «менее глубокий» вовсе не означает «менее валидный и надежный».

Более конкретно предлагаемый вариант проведения и обработки НП предназначен⁴ для:

- 1) выявления наличия и содержания автономных аффективных комплексов;
- 2) выявления значимых и неблагополучных областей отношений личности;
- 3) исследования уровня внутриличностной адаптации/дезадаптации;
- 4) исследование уровня осознанности выявленных проблем и типа отношения к ним.

Основной материал методики – список из 60 незавершенных фраз, которые разбиты на 15 тем, или сфер; каждой теме соответствует 4 предложения.

По замыслу Д. М. Сакса, в тест включены четыре области отношений: семья, секс, межличностные взаимоотношения и самовосприятие.

Область семьи включает три набора установок: на мать, отца и «семью». Каждый набор представлен в четырех пунктах, побуждающих испытуемого выразить установку к каждому из родителей и семье в целом. Предложения «Моя мать и я...», «Если бы мой отец только захотел...» и «Моя семья относится ко мне, как...» являются примерами пунктов, разработанных для выявления этих отношений. Они рассчитаны на то, что даже когда респондент осторожничает и уклоняется, он все же предоставляет ценный материал как минимум в ответе по одному из четырех пунктов.

Область секса включает отношение к противоположному полу и гетеросексуальным контактам. Восемь пунктов этой области позволяют испытуемому выразиться по отношению к

¹ Sacks J. M., Levy S. The sentence completion test // Projective psychology / Ed. L.E. Abt, L. Bellak. - N. Y., 1950. - P. 357-402.

² Первоначально набор предложений предназначался только для мужчин.

³ Goldberg P. A. A review of sentence completion method on personality assessment // Handbook of projective psychology / Ed. B.I. Murstein. N. Y., 1965.-P. 777-821.

⁴ Здесь мы предлагаем модификацию обработки и интерпретации, где большее внимание уделено анализу формальных диагностических показателей.

женщинам и мужчинам как представителям общества, к браку и к сексуальным отношениям как таковым. Темы «Считаю, что большинство девушек...» и «Если бы у меня была нормальная половая жизнь...» являются типичными для этой области.

Область межличностных взаимоотношений включает установки на друзей и знакомых, коллег по работе или по школе, начальника на работе или в школе и подчиненных. Шестнадцать пунктов этой области позволяют испытуемому выразить свои чувства к окружающим вне дома и его представления об отношениях окружающих к нему. Предложения «Когда меня нет, мои друзья...», «Когда ко мне приближается мой начальник...», «Люди, с которыми я работаю...» и «Лучше всего мне работается с...» являются примерами тем из этой области.

Самовосприятие включает страхи, чувство вины, нереализованные возможности и отношения к своим способностям, прошлому и будущему. Установки, выраженные в этой области, дают психологу картину самовосприятия субъекта в настоящем, прошлом, каким он хочет быть и каким, по его мнению, он станет. Среди 24 пунктов в этой области: «Я бы хотел перестать бояться...», «Моей самой большой ошибкой было...», «Думаю, что я достаточно способен, чтобы...», «Когда я был ребенком...», «Раньше я...» и «Моим скрытым желанием в жизни...»

Процедура проведения

В оригинальном варианте Д. М. Сакса тест предъявлялся в форме печатного бланка с началами предложений, куда испытуемый должен был вписать их завершения¹.

Но при такой процедуре проведения теряется важный диагностический показатель – латентное время ответов и не может быть проконтролировано отношение к обследованию.

В предлагаемом в нашем руководстве варианте процедура состоит в следующем: психолог по очереди зачитывает начала предложений, а испытуемый придумывает к ним окончания и произносит их вслух, чтобы экспериментатор мог их запротоколировать.

Для того чтобы помочь испытуемому освоиться с процедурой исследования, вначале ему предлагают 20 произвольно подобранных слов в режиме простого ассоциативного эксперимента.

Так как НП – проективный тест, испытуемый не должен догадываться об истинной цели исследования. При проведении следует неукоснительно соблюдать все правила проведения проективных методов.

Сначала дается маскирующая инструкция. Вы говорите, что «хотели бы проверить скорость его словесных реакций в ситуации повышенного эмоционального напряжения как меру стрессоустойчивости интеллекта». Упоминание о повышенном эмоциональном напряжении должно снять избыток эмоционального напряжения и ослабить психологические защиты. Если в ходе обследования у испытуемого возникнут дополнительные вопросы, постарайтесь убедить испытуемого, что предложения намеренно обращены к эмоционально-значимым темам, чтобы повысить эмоциональное напряжение в интересах исследования, поскольку это позволит измерить влияние волнения на скорость ответов.

После дачи маскирующей инструкции приступают к исследованию. Проведение методики проходит в три этапа.

Первый этап. Вы даете 20 произвольно подобранных слов, предваряя это инструкцией: «Сейчас вам нужно будет как можно быстрее отвечать первой пришедшей вам в голову ассоциацией на то слово, которое я буду говорить»².

После 20 слов вы даете следующую инструкцию: «Сейчас, вместо отдельных слов, я буду зачитывать начала предложений, которые вам нужно осмысленно завершить как можно быстрее». Экспериментатор сам зачитывает начала фраз и сам записывает ответы и фиксирует их латентный период. Латентный период начинается с момента, когда вы закончили читать, и оканчивается, когда испытуемый начинает осмысленно завершать предложение. На этом оканчивается первый этап проведения теста.

Перед вторым этапом³ вы должны заранее приготовить 15 бумажных карточек, на которых написаны 15 сфер (указаны в ключе).

¹ Такой способ предъявления характерен для американской традиции в целом.

² При этом у вас будет возможность потренироваться с секундомером, так как вам придется измерять латентный период ответов с точностью до секунды.

³ Этот этап и последующее использование его результатов – наше дополнение к процедуре проведения методики

В инструкции к этому этапу психолог просит испытуемого проранжировать эти карточки по двум инструкциям:

- 1) степень неблагополучия сферы;
- 2) степень значимости сферы.

Например, самая неблагополучная, по мнению испытуемого, сфера располагается на первом месте (она имеет 1-й ранг), далее, по мере убывания неблагополучия, – остальные. Соответственно, самая благополучная сфера располагается на последнем месте и имеет 15-й ранг. Аналогично ранжируется субъективная значимость. Результаты ранжировок заносятся в протокол.

Третий этап – беседа с испытуемым с целью уточнения неясных ответов. Вы проходите по всем предложениям или только по тем, ответы на который вас заинтересовали. Далее психолог расспрашивает испытуемого, почему он именно так, а не иначе завершил предложение. Иногда просто уточняете смысл завершения, если он неясен или завершение «закрытое». На этом этапе имеется возможность значительно повысить валидность интерпретации неблагополучных сфер отношений, специально обращая внимание при расспросе на наличие формальных признаков такового неблагополучия. Особенное внимание следует обратить на модальность (+/-) эмоционального содержания завершений, которое не всегда ясно из даваемых высказываний. Например, при завершении типа «В детстве мои родители мало занимались моим воспитанием» желательно узнать, положительно или отрицательно оценивает это испытуемый. Вполне может случиться, что он расценит это как благо, но, может быть, он этим высказывает недовольство отсутствием их внимания к нему в детстве. Если испытуемый действительно обратился за помощью, он будет достаточно откровенен, и это поможет прояснить содержание и источники его проблем, пусть даже и неосознаваемых самим испытуемым.

На этом работа с испытуемым заканчивается.

Обработка результатов

В оригинальном варианте Д. М. Сакса упор делался на содержательный анализ текста завершений. Для этого предлагался бланк обработки, в котором все начала предложений были скомпонованы по соответствующим 15 сферам по четыре в каждой. Анализируя предложения, психолог должен был оценить степень неблагополучия в каждой сфере по трем градациям: «нет заметных расстройств», «небольшие расстройства», «серьезные расстройства».

В предлагаемой в нашем руководстве интерпретации большее внимание уделяется формальным показателям ответов.

I этап – обработка протокола

Протокол (список завершений, латентных периодов и ранжировок) обрабатывается в пять этапов.

1. Расчет среднего латентного периода. Прежде чем вычислять среднее, следует исключить из подсчета латентные периоды, превышающие 50 секунд (их будет немного)¹.

После этого вычисляется средний латентный период для оставшихся предложений.

2. Определение проблемных завершений по индикатору времени. Просматриваете предложения от первого до последнего и там, где латентный период конкретного предложения превышает более, чем на одну секунду средний латентный период, ставите букву «Т».

3. Определение проблемных завершений по индикатору содержания. Вам нужно определить проблемные и нейтральные предложения. Снова возвращаетесь к началу протокола и анализируете содержание завершений. Если вы видите признак конфликта, рядом с предложением ставится «К».

Формальные признаки «конфликтных» завершений:

- ◆ наличие агрессии в завершении. Пример: «В школе мои учителя были... дураками и олухами»;
- ◆ наличие негативных эмоций в завершении. Пример: «Я бы мог быть очень счастливым, если бы... не родился на свет»²;
- ◆ прямое указание на конфликт. Пример: «Если все против меня, то... я против всех»;

¹ Этот прием вычисления среднего латентного периода в ассоциативном эксперименте использовался К. Г. Юнгом.

² Столь явное проявление негативной оценки встречается далеко не всегда и, кроме того, на ложную интерпретацию вас могут подтолкнуть собственные установки. Для исключения ошибки рекомендуется выяснять у испытуемого при заключительной беседе: содержит ли данное завершение негативную оценку.

- ◆ наличие неопределенности и неуверенности в завершении, как прямо высказанной, так и подразумеваемой. Пример: «Мое будущее кажется мне... туманным, неопределенным»;
- ◆ отказ от ответа;
- ◆ «закрытые» или маскирующие завершения. Это случаи, когда у вас есть основание заподозрить, что на месте данного завершения должно быть что-то другое, хотя формально и грамматически все правильно. Пример: «Я думаю, что мой отец редко... прыгает с парашютом».

4. Работа с ключами. В ключе (см. приложение 2, табл. 2) указано, какие предложения относятся к каждой из сфер (в каждую сферу входят по четыре предложения).

Сначала заполняется диаграмма времени в бланке обработки (см. приложение 2, табл. 1). С помощью ключа подсчитывается средний латентный период для каждой сферы. Здесь уже не выбрасывают слишком длинные латентные периоды. На диаграмме времени в удобном масштабе, сверху и снизу от условной линии среднего латентного периода, откладывают точки средних латентных периодов для каждой из 15 сфер.

Средняя область бланка обработки отведена для ранжировок сфер по значимости (ЗН) и неблагополучию (НБ). Сюда заносятся результаты второго этапа обследования. При этом следуют правилу, согласно которому каждой сфере отводится вся вертикаль (столбик). Если, например, 3-я сфера занимает по значимости 4-е место (ранг по ранжировке значимости равен 4), то в клеточку 3-ей сферы вписывают цифру «4» и т.д. (см. пример заполненной таблицы в образцах заключений).

В нижней области диаграммы фиксируют количество конфликтов в сферах, т.е. количество букв «Т» и «К» по каждой сфере (отдельно Т и К). Т-конфликты условно обозначаются «/», К-конфликты – «\»; пересечение Т- и К-конфликтов – как «Х». В каждой сфере не может быть больше четырех конфликтов (максимальная высота столбиков в нижней диаграмме = 4), но сумма Т и К в отдельной сфере может быть больше четырех (максимально – 8). Часто бывает, что какое-то предложение имеет признаки конфликта и по времени, и по содержанию. Такое пересечение конфликтов обозначается на диаграмме пересечением условных обозначений Т и К. Пересекающиеся Т и К в одном предложении считаются как один конфликт. Эта область диаграммы дает информацию: (1) сколько вообще конфликтов в каждой сфере, (2) какие это конфликты и (3) насколько они пересекаются. Важно: это диаграмма количества, поэтому столбики в ней сплошные, т. е., даже если в какой-то сфере есть только конфликты в первом (по счету) и в последнем предложении, она выглядит как столбик из двух клеток без пробелов в середине.

5. Вычисление процента внутриличностного неблагополучия. Складывают высоты всех столбиков; 60, т. е. количество всех предложений, принимается за 100%. Процент конфликтности равен сумме высот столбиков нижней диаграммы, умноженной на 100 % и деленной на 60.

II этап – психологическая интерпретация

Психологическая интерпретация условно имеет два аспекта: интерпретация формальных показателей и содержательный анализ проблем.

Все необходимые для анализа формальных показателей данные содержатся в бланке обработки.

Интерпретация формальных показателей

Интерпретация формальных показателей проходит в четыре этапа.

1. Интерпретация процента внутриличностной конфликтности. По нашим данным, этот показатель коррелирует с самооценкой личностной тревожности по Спилбергеру-Ханину. Абсолютная норма показателя = 35 %, и ниже этой цифры показатель опускается довольно редко. Повышение количества конфликтов отражает нарастание внутри-личностной напряженности. 50% – граница, отделяющая норму от зоны внутриличностной дезадаптации. Более 50 % – признак внутри-личностной дезадаптации¹.

2. Выявление проблемных сфер отношений. К проблемным сферам относятся:

- ◆ сферы, высота столбика нижней диаграммы в которых равна трем или четырем;
- ◆ сферы, высота столбика в которых равна двум при наличии «пика» по времени (верхняя диаграмма)².

¹ Граница в 50 % была установлена К. Г. Юнгом для результатов ассоциативного эксперимента.

² «Пиком» считается превышение среднего латентного периода более, чем на одну секунду.

Следующий ниже анализ будет касаться в основном только этих сфер.

3. Определение типа проблемы. Следует различать привычные проблемы, скрывающиеся проблемы и проблемы – отражения автономного аффективного комплекса (ААК). Признаками различия служит соотношение Т- и К-конфликтов в нижней диаграмме. Преобладание К-конфликтов (две трети и более) говорит о привычности проблемы. Такие проблемы имеют давнюю историю возникновения и, как правило, лучше осознаются испытуемым и не скрываются от экспериментатора. Преобладание Т-конфликтов (две трети и более) может свидетельствовать о стремлении скрыть наличие проблемы (особенно, если это сочетается с маскирующими или малоинформативными завершениями)¹.

Эта интерпретация основана на предположении, что латентный период увеличен за счет времени, ушедшего на мысленный подбор «беспроblemного» варианта. Пересечение К- и Т-конфликтов (не менее трех в данной сфере) может свидетельствовать о проявлении в этой сфере ААК, приводящего к ухудшению качества ответов и удлинению их латентных периодов².

Следует иметь в виду, что ААК не локализуется в единственной сфере. В результате этого этапа проблемные сферы классифицируются по указанным типам, а именно как привычные, скрывающиеся либо связанные с автономным аффективным комплексом.

4. Определение степени осознанности неблагополучия проблемных сфер. На этой фазе анализа используются данные субъективных ранжировок сфер по неблагополучию и значимости. Для удобства диапазон рангов (1-15) следует разбить на 3 отрезка. Ранги 1-5 свидетельствуют о субъективном неблагополучии и/или значимости сферы; ранги 11-15 – о ее субъективном благополучии и/или незначимости. Средний диапазон рангов при интерпретации не учитывается и может быть удален из таблицы, как это сделано в одном из образцов заключений. Признаком осознания неблагополучия является сочетание субъективной значимости и неблагополучия (ранги 1-5) по сфере, выделенной по формальным критериям в разряд проблемных. Признак вытеснения – отнесение такой сферы к благополучным (ранги 11-15). Случаи, когда высокая оценка неблагополучия сочетается с низкой оценкой значимости, говорят в пользу частичного вытеснения проблемы, о попытке отодвинуть ее разрешение на «потом» при осознании ее неблагополучия.

При интерпретации в первую очередь следует обращать внимание на сферы, в которых признаки полного или частичного вытеснения сочетаются с признаками ААК. Есть основания считать, что содержание этой проблемы оказывает наиболее разрушительное влияние на психологическое состояние испытуемого.

Содержательный анализ проблем

Цель этого этапа интерпретации – выяснить содержание выявленных ранее проблем и конфликтов, а также взаимосвязи между неблагополучными сферами. Анализируются содержание завершений предложений в неблагополучных сферах и содержание беседы с испытуемым.

В качестве примера качественного анализа завершений мы приведем фрагмент из руководства Д. М. Сакса³.

В нем разбираются завершения, сделанные десятью испытуемыми на предложение: «Поведение моего отца по отношению к моей матери заставляет меня чувствовать...».

Были получены следующие десять ответов:

1. Очень счастливым.
2. Достаточно безразличным.
3. Что я готов убить его.
4. Что я хотел бы подражать ему.
5. Хорошо.
6. Непослушание.
7. Нормально.
8. Очень счастливым.
9. Неприязнь.

¹ Это же относится к случаям, когда количество К-конфликтов велико из-за маскирующих завершений.

² Эти признаки использовались К. Г. Юнгом для выявления ААК по результатам ассоциативного эксперимента. Третий признак – сходство содержания ассоциаций – определен процедурой проведения, но следует особо проконтролировать, с какими еще сферами связаны по содержанию эти ответы.

³ Здесь и далее приводится по: Сакс Д., Леей С. Тест «Завершение предложений» // Проективная психология. – М., 2000.

10. Что он – щенок.

Только два из вышеперечисленных ответов совпадают: первый и восьмой. Остальные в этой серии уникальны. Эти ответы могут быть оценены с точки зрения формальных характеристик или с точки зрения содержания. Некоторые из формальных характеристик включают время ответа, количество слов, точность выражения, качество, определения, простоту, экспрессивность, многословность и так далее. Содержание может быть проанализировано с точки зрения эмоциональности, интенсивности, пассивности, символизма и так далее. Для наглядности давайте сравним некоторые из ответов, перечисленных выше.

Сначала давайте отметим, что пять ответов имеют положительную ориентацию, а пять остальных – отрицательную. Разница в установке и реакции субъекта, который ответил, что чувствует себя «очень счастливым», если сравнивать с реакцией того, кто сказал, «что готов убить его», сразу бросается в глаза. Но даже среди пяти отрицательных ответов существуют значительные различия. Давайте рассмотрим их.

2. Достаточно безразличным.

3. Что я готов убить его.

6. Непослушание.

9. Неприязнь.

10. Что он – щенок.

Субъект, который сказал, «что готов убить его», выражал действительные, спонтанные, относительно свободные эмоции. Чувство было распознано, принято и выражено без серьезных модификаций, нарушений или сожалений. Этот ответ соответствует чистому ответу С в тесте Роршаха. Тот человек, который сказал, что он чувствует себя «достаточно безразличным», также выражает отрицательное чувство. Но этому чувству недостает спонтанности. Механизм уклонения от выражения эмоции сродни отступлению перед авторитетом. Субъект подразумевает, что отношения его родителей его не интересуют, что они не столь важны, что он «выше подобных вещей» (его собственная ассоциация). Заметьте присутствие слова «достаточно». Оно не меняет установку или характер чувства, но оно является вербальным средством отрешения от ситуации. Слово имеет коннотацию позерства, своего рода вербального нарциссизма. Нельзя сказать с этой точки зрения, связаны ли чувство и механизм управления им с фигурами родителей или они являются показателем адаптации данного субъекта в целом. Если такой ответ встречается последовательно на протяжении всего теста, его можно трактовать скорее как показатель общего паттерна, нежели как нечто, относящееся к конкретному психологическому полю.

Насколько ответ «непослушание» сопоставим с ответом «я готов убить его»? Первый ответ тоже выражает неодобрение отца, но хотя и спонтанен, контролируется в большей степени. Оба субъекта обеспокоены. Один собирается уничтожить причину расстройства, другой просто думает переменить ситуацию. Последнее подразумевает интенсивное чувство, распознавание и принятие подобного чувства, но побуждения к действию должны содержаться под контролем. «Непослушание» может быть сопоставлено с ответом F в тесте Роршаха, так же как ответ «я готов убить его» может быть сопоставлен с чистым С.

«Неприязнь» также выражает отрицательные чувства к родительским отношениям. Но заметьте качественную разницу между этим ответом и «я готов убить его» или «непослушание». Два последних имеют связь с действием; одно выражает прямое действие, другое – уклонение от действия. «Неприязнь» не имеет коннотации действия. Это пассивное чувство. Оно предлагает отсидеться, а не действовать напрямую. Здесь можно заметить оттенок женственности (респондент – мужчина).

«Он – щенок» качественно отличается от четырех предыдущих отрицательных ответов. Для начала он отличается установкой неодобрения к объекту. Если другие направляют свой антагонизм против отца, этот субъект подразумевает враждебность к матери, так же как и презрение к отцу. Вдобавок ко всему, он абстрагируется от ситуации. Он не хочет убить, или быть непослушным, или чувствовать неприязнь, или сделать что-то еще. Он не участвует. Он – зритель, наблюдающий за всем с презрением. Степень его уязвленности ситуацией немного отличается от того, кто чувствует себя «достаточно безразличным». Он считает возможным признать и выразить свое отношение, пусть такое грубое и циничное. «Достаточно безразлично» отрицает какое-либо эмоциональное участие и самим этим опровержением вскрывает травматическую природу ситуации.

Таким образом, эти пять утверждений, хотя все они и отрицательны, отличаются друг от друга с позиций интенсивности, сдерживания, уклонения, пассивности, участия и установки.

Пять положительных утверждений также отличимы друг от друга. Давайте сравним ответы «очень счастливым», «нормально» и «что я хотел бы подражать ему». Первые два описывают чувства. Однако эти чувства имеют разный уровень интенсивности. Невозможно сказать, являются ли они сдерживаемыми или точными выражениями чувств. В любом случае, одно из них наделено большей энергией, чем другое. Если бы это являлось паттерном во всех ответах индивида при прохождении теста на завершение предложений, можно было бы сделать вывод, что субъект, ответивший, что чувствует себя «очень счастливым», явно более энергичен, чем тот, кто ответил «нормально». Конечно, возможны и другие интерпретации. Субъект, который «хотел бы подражать отцу», выражает другие эмоции. Здесь присутствует идолопоклонство, предположение, что он не так хорош, как отец, чувство смирения и, возможно, желание зависимости.

Таким образом, можно выдвинуть определенные гипотезы относительно эмоций, установок и механизмов на основе ответов даже на одно незавершенное предложение. Возможности при рассмотрении пятидесяти или шестидесяти таких предложений впечатляют. Обученному и опытному клиницисту не составит труда сформулировать законченные и комплексные паттерны личности, используя тонкие штрихи и крупные мазки. Вполне очевидно, что опыт, интуиция и понимание клинициста имеют исключительную важность при работе с проективными методами, такими как тест на завершение предложений.

Другая, не менее важная цель содержательного анализа – выявить пересечения неблагополучных сфер, их взаимовлияние. Смысл этого анализа состоит в том, чтобы воссоздать целостную картину психологической ситуации субъекта. В клинической диагностике мы исходим из положения: «все связано со всем», следовательно, и между проблемами испытуемого нужно искать взаимосвязи и взаимообусловленность. Например, правомерно предположить, что признаки авторитарного воспитания со стороны отца могут обуславливать проблему в сфере самооценки или отношений с вышестоящими лицами. Аналогично и неполадки в родительских взаимоотношениях могут стать отрицательным когнитивным контекстом конфликтных отношений с противоположным полом и т. п. Понятно, что в каждом конкретном случае такие гипотезы требуют тщательного анализа с привлечением дополнительных сведений анамнеза и других диагностических тестов.

Для упрощения поиска смысловых пересечений сфер рекомендуется воссоздать эти пересечения графически. Предлагается нарисовать круг с 15-ю секторами (по числу сфер анализа). Далее, двигаясь от начала к концу протокола, Вы отмечаете случаи упоминания в завершениях, относящихся к определенной сфере, тематики любых других сфер. Фактически это свидетельствует о том, что, несмотря на формальное отнесение предложения к одной смысловой категории, испытуемый спонтанно расценивает его как относящееся к другой. Например, в завершениях сферы «Страхи и опасения» могут упоминаться сексуальные отношения, отношения с сотрудниками, отношение к прошлому и т. п. В каждом случае такого упоминания Вы ставите стрелку из «формальной сферы» (в данном случае – «Страхи и опасения») к сфере, прозвучавшей в содержании завершения. В приведенном примере стрелки будут указывать из сектора «Страхи и опасения» в сектора «Сексуальные отношения», «Отношения с сотрудниками» или «Отношение к своему прошлому». В результате наибольшее количество стрелок будет указывать на сферу, которая дает наибольшее смысловое наполнение других сфер и, следовательно, имеет наибольший психологический «вес». Если сфера в целом благополучна, т. е. завершения не связаны с признаками неблагополучия, то это просто указание на ее значимость, так сказать, психологический вес в структуре установок испытуемого. Нередко в качестве таковой выступает сфера «Отношение к себе», если испытуемый склонен к эгоцентрическому стилю ответов. Если такая «перегруженная» сфера имеет признаки неблагополучия (см. анализ формальных показателей), то это – вероятная мишень психокоррекционного воздействия.

Структура заключения

Д. М. Сакс предлагает следующую структуру заключения.

«1. Перечень тех областей, в которых респондент показал наиболее явные нарушения установок. Они могут обеспечить терапевта необходимыми ключами. 2. Описание взаимозависимости между установками применительно к содержанию. Часто освещает

динамические факторы данного случая. Например, респондент описал свою мать как «слишком нервозную» и «мелочную». Он считает, что большинство матерей «слишком любят своих детей и балуют их». Он утверждает, что его семья «нормальная», но они относятся к нему «как к маленькому». Он очень враждебен по отношению к женщинам, которых рассматривает как «лживых особ, которым нельзя доверять». Он осторожно относится к браку: «Брак хорош, если заранее все обговорено». Он считает своего отца хорошим человеком, но хотел бы, чтобы тот «перестал упрямиться». Он презрительно относится к руководству. Он не любит мелочных людей. Его наиболее живое воспоминание о детстве: «Со мной неправильно обращались». Он боится за себя, и когда обстоятельства против него, он сдаётся. Ещё он полагает, что у него есть возможность «что-либо сделать». Его отношение к будущему поверхностно и почти нереально оптимистично. Однажды он ожидает «заработать миллион»¹.

В дополнение к этому Д. М. Сакс считает полезным рассмотреть ответы по следующим рубрикам².

«1. Отвечает ли индивид сначала на внутренние импульсы или на внешние стимулы? Респондент А боится «выделиться и быть отвергнутым». Он хочет избавиться от боязни «дать себе волю». Его страхи иногда заставляют его «замыкаться в себе и даже вырвать». Это ответы субъекта, который первоначально реагирует на внутренние импульсы. В противоположность рассмотрим ответы респондента В, который не боится «практически ничего. Однако громкий шум смущает меня». Он хотел бы избавиться от боязни «вздрагивать, когда слышит громкий шум».

2. Контролирует ли субъект свои эмоции, или они носят импульсивный характер в стрессовых ситуациях? Респондент А сказал: «Когда обстоятельства против меня, я стараюсь использовать все свои шансы» (эмоции под контролем). Респондент С ответил на тот же вопрос: «Я пугаюсь» (возможно импульсивное поведение).

3. Является ли его мышление преимущественно зрелым, адекватным его ответственности и интересам и нуждам других, или оно незрелое и эгоцентричное? Респондент В выражает следующие цели: «Я всегда хотел петь». «Я мог бы быть абсолютно счастливым, если я мог бы делать все, что мне захочется». Респондент В в качестве своего тайного желания назвал «руководить оркестром, путешествовать и жить за границей, стать полезным для нашей культуры и общества и сделать мир лучше». Последний взгляд явно более зрелый.

4. Является ли его мышление реалистичным или абстрактным и фантазийным? Отношение к будущему и своим собственным способностям, целям, страхам и чувству вины даёт ответы на этот вопрос: например, желание сниматься в фильмах; ощущение способности поиграть в мяч с «Янки»; желание «создать что-нибудь фантастическое» и «полететь к звездам»; «Я всегда хотел убить кого-нибудь»; «Мое представление о совершенной женщине как о тигрице»: «Я знаю, что это глупо, но я боюсь вас»; «Мои страхи заставляют меня покончить с собой»; «Моя самая большая ошибка в жизни – мое рождение» – все это примеры нереалистичных ответов различных респондентов»³.

С нашей точки зрения, заключение может иметь следующую структуру (ей следуют приведенные ниже образцы заключений):

- ◆ констатация наличия и степени внутриличностной дезадаптации;
- ◆ перечисление неблагополучных сфер отношений.

Полное описание каждой из перечисленных неблагополучных сфер:

- ◆ название сферы;
- ◆ содержание проблемы, снабженное по мере необходимости иллюстрациями из текста завершений и протокола заключительной беседы с испытуемым;
- ◆ тип проблемы (привычная, скрываемая, ААК);
- ◆ степень осознания проблемы.

Анализ смыслового пересечения сфер.

При желании наша схема может быть дополнена вышеперечисленными рубриками по Саксу.

Пример заключения

¹ Сакс Д., Лей С. Тест «Завершение предложений» // Проективная психология. - М., 2000. - С. 203-206.

² Этот перечень напоминает анализ структуры личности по Роршаху.

³ Сакс Д., Лей С. Тест «Завершение предложений» // Проективная психология. - М., 2000. - С. 218.

Пример 1

Этот пример приводится Д. М. Саксом.

«Основные области конфликта и неблагополучия: мать, отец, члены семьи, сексуальные отношения, подчиненные, страхи и чувство вины.

Взаимосвязи между установками: проблема тесной взаимосвязи с матерью, отсутствие отцовской фигуры и строгое воспитание привели к робости в отношении женщин, недостатку уверенности в навыках в сексуальной сфере и сильному чувству вины в связи с половым влечением. Чувство отверженности в детстве и неадекватная отцовская фигура оставили у него боязнь не справиться с враждебностью на руководящих должностях.

Структура личности:

- ◆ степень реагирования – реагирует в первую очередь на внутренние импульсы;
- ◆ эмоциональная адаптация – эмоционально зажат;
- ◆ зрелость - эгоцентричные цели и отсутствие сексуальной адаптации отражает умеренную незрелость личности;
- ◆ уровень реальности – имеется тенденция переоценивать свои потенциальные возможности;
- ◆ в какой мере выражаются конфликты – потребность в признании и принятии, конфликты с боязнью враждебности и отвержения окружающими. Конфликт выражается через уход в себя, пассивную зависимость и расстройства пищеварения»¹.

Пример 2

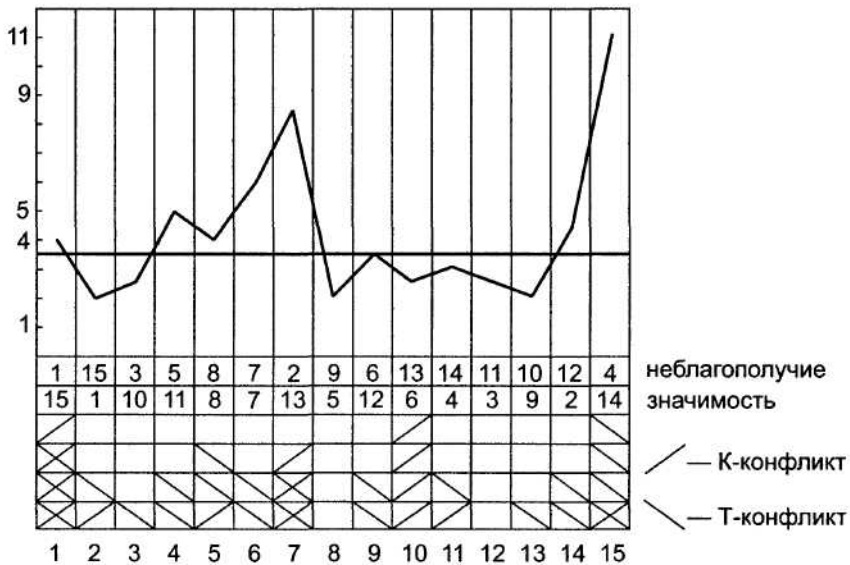

Рис. 6.1. Протокол обследования к примеру №2

Заключение по исследованию личности Ф. И. О., пол женский, студентка второго курса, 19 лет.

Исследование проводилось с целью определения общего уровня внутриличностной дезадаптации испытуемой, выявления проблемных сфер личности. В ходе проведения методики незавершенных предложений испытуемая адекватно относилась к исследованию, был сформирован мотив экспертизы. Во время проведения исследования с

испытуемой был установлен свободный контакт: она активно участвовала в процессе исследования, открыто выражала свои эмоции.

Общий уровень неблагополучия испытуемой равен 53 %, что говорит о повышенном уровне внутриличностной дезадаптации.

На первый план по неблагополучию выступила сфера взаимоотношений с отцом. Эта проблема расценивается и самой испытуемой как очень серьезная, т. к. по субъективному неблагополучию она поставила ее на первое место, но то, что по субъективной значимости эта проблема стоит на последнем месте, говорит о том, что испытуемая, осознавая проблему, старается не придавать ей большего значения. Это можно объяснить, исходя из результатов беседы с испытуемой, тем, что ей раньше не хватало любви, внимания и уважения со стороны отца, но сейчас она «в нем не нуждается». Испытуемая считает, что научилась со временем с ней справляться и в данный момент проблема не вызывает никаких эмоциональных переживаний с ее стороны. Выявлен также ряд признаков неблагополучия в сфере отношения с матерью, но проблема скрывается испытуемой, а ее наличие отрицается.

Следующая проблема, которая оказывает негативное влияние на жизнь испытуемой, – это проблема страхов и опасений и чувства вины. Испытуемая боится одиночества, хоть и скрывает это, темнота вызывает у нее неприятные ощущения, она также боится, что когда-

¹ Сакс Д., Лей С. Тест «Завершение предложений» // Проективная психология. - М., 2000. - С. 236-237.

нибудь ей придется умереть или выйти замуж (!). Негативное отношение к замужеству испытуемая объясняет тем, что супружеская жизнь на данный момент кажется ей «нудной и неинтересной». Возможно, это связано с указанной проблемой с отцом, и его негативный образ проецируется на потенциального мужа. Содержание чувства вины испытуемая тщательно скрывает, что заметно повышает латентный период в этой сфере.

Негативное отношение к замужеству коррелирует с проблемой в сфере отношений с противоположным полом. Она субъективно значима, но является привычной (о чем говорит наличие только К-конфликтов). Как показал содержательный анализ, основой неблагополучия в данной сфере является то, что мужчины «явно ее недооценивают». Следствием этого является негативное и агрессивное отношение испытуемой к представителям противоположного пола. По данным исследования самооценки испытуемой (по Дембо-Рубинштейн) следует отметить, что она значительно завышена. Возможно, что испытуемая ведет себя слишком высокомерно и требует слишком большого к себе внимания. Вероятно, мужчины не видят в ней тех замечательных качеств, которые, по ее мнению, в ней присутствуют, и это воспринимается самой испытуемой как пренебрежение. Эта проблема не осознается испытуемой, т. к. по субъективному неблагополучию она поставила ее на 13 место, а по значимости – на шестое. В сфере сексуальных отношений неблагополучия не выявляется, и как говорит сама испытуемая, «моя половая жизнь меня устраивает».

Таким образом, исследование выявило повышенный уровень внутриличностной дезадаптации и личностной тревожности. Испытуемая с детства испытывала нехватку любви и внимания со стороны отца, но с возрастом научилась ее рационализировать. Испытуемая требует к себе большего внимания со стороны мужчин, одновременно негативно оценивая их за «невнимание» к ней, и отрицательно относится к перспективе замужества. Это создает проблему взаимоотношения с противоположным полом, которая испытуемой не осознается.

Пример 3

НБ – степень неблагополучия 3 – степень значимости

-----Т-конфликт

| – К-конфликт

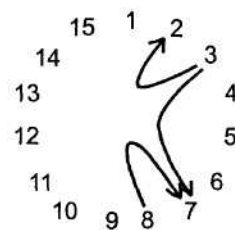
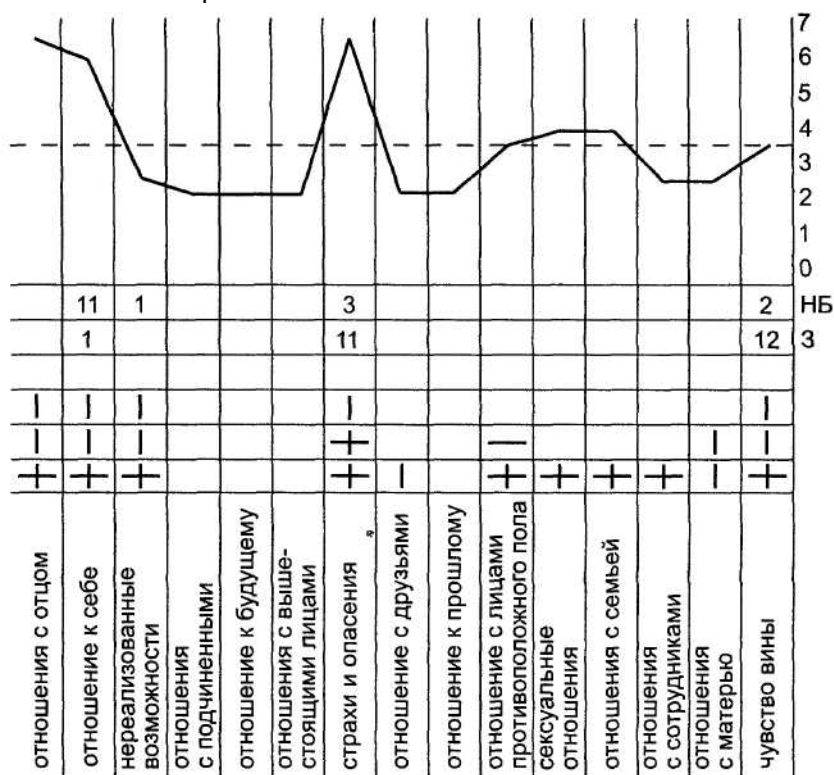

Рис. 6.2. Протокол обследования к примеру №3

Заключение по психологическому обследованию личности Ф. И. О., студент, пол мужской, возраст 20 лет.

Обследование проводилось по просьбе экспериментатора.

Во время обследования испытуемый уточнял пункты инструкции, старался точно их соблюдать, адекватно реагировал на замечания экспериментатора, но в его ответах

чувствовалась некоторая формальность. Большинство его ответов были закрытого типа в виде игры слов, что свидетельствует о наличии защитной установки.

Контакт с испытуемым был свободным, он не уклонялся от вопросов, в то же время и не давал подробных ответов. Эмоциональные реакции были выражены слабо. Учитывая формальность ответов, все, что будет сказано ниже, следует воспринимать с определенной степенью вероятности.

В первую очередь следует отметить, что степень внутриличностной дезадаптации испытуемого составляет 36%, что является вариантом нормы.

Анализируя полученные данные, можно предположить наличие у испытуемого следующих проблемных сфер. Это сферы «отношения с отцом», «отношения к себе», «нереализованные возможности», «страхи и опасения» и «чувство вины». По степени серьезности их можно разделить следующим образом. Сферы «нереализованные возможности» и «чувство вины» не имеют пика по диаграмме времени, что свидетельствует о том, что это привычные для испытуемого проблемы, не вызывающие эмоциональной дезорганизации и стремления скрыть их. Из оставшихся сфер сфера «страхи и опасения» содержит более серьезную проблему, т. к. имеет два пересечения Т- и К-конфликтов.

Наличие малого количества Т конфликтов в большинстве случаев говорит о том, что проблемы относятся к привычным, хотя сферу «отношение к себе» он характеризует как субъективно благополучную и значимую, что свидетельствует о ее вытеснении. Оставшиеся проблемные сферы, кроме сферы «отношения с отцом», испытуемый характеризует как неблагополучные и незначимые, т. е. эти сферы осознаны испытуемым, но он старается отодвинуть их на задний план, снижая их субъективную значимость. Такое отношение не содержит готовности к их разрешению.

Учитывая формальность ответов, содержательную сторону проблем анализировать трудно, но все-таки можно заметить пересечение некоторых сфер со сферой «страхи и опасения». Испытуемый боится непонимания окружающих и боится остаться один, что выражается в его словах «большинство моих товарищей не знают, что я боюсь остаться без товарищей». Также можно заметить пересечение сфер «отношение к себе» и «нереализованные возможности». Испытуемый считает, что из-за своей лени и пассивности он не достиг того, чего мог бы достигнуть. Проблема в сфере «отношения с отцом», вероятно, связана с разводом родителей, когда испытуемому было около 10 лет, поэтому с тех пор он очень редко с ним видится и ему не хватает отцовского внимания. Чувство вины сам испытуемый связывает с тем, что раньше много врал и теперь раскаивается.

Итак, на фоне несколько формального отношения к обследованию на первый план выступили проблемы непонимания взаимоотношений, опасение быть покинутым, отрицательная оценка себя и недостаток отцовского внимания в отрочестве и юности. Следует также указать на то, что испытуемый склонен либо вытеснять эти проблемы, либо отодвигать их на задний план. Ни то и ни другое не может привести к успешному разрешению проблем.

Рекомендуемая литература по теме

Сакс Дж. М., Леви С. Тест «Завершение предложений» // Проективная психология. - М , 2000. - С. 203-237.

Тема 7. Тематический апперцепционный тест

Вводные замечания

Тематический Апперцепционный Тест (ТАТ) является ярким примером, иллюстрирующим специфику проективной техники. Наряду с тестом чернильных пятен Роршаха это одна из старейших и, до недавнего времени, наиболее распространенных проективных техник. Методика ТАТ была опубликована Г. Мюрреем и Х. Морган в 1935 году.

Согласно Д. Рапапорту, впервые попытка использовать картины для толчка к свободному фантазированию была описана Бритоном в 1907 году и Либби в 1903 году. Непосредственным предшественником методики ТАТ был метод «социально-ситуационных картин», применявшийся с 1931 года Шварцем. Это была серия картин, изображавших юношей в различных жизненных ситуациях. Она предъявлялась несовершеннолетним правонарушителям, которым предлагалось поставить себя в положение изображенного на картине персонажа и затем сформулировать, что говорит или думает этот персонаж, что он делает, что он чувствует, либо – что сделал бы испытуемый, если бы оказался на месте изображенного персонажа. Основные работы по изучению и применению этой методики проводились группой исследователей в Гарвардской психиатрической клинике. Вслед за работами Г. Мюррея и Х. Морган появились многочисленные разработки и дополнения к этой методике.

Согласно обзору за 1947-1945 годы, основанному на тематике статей, опубликованных в десяти ведущих психологических журналах США, среди проективных методов ТАТ занимал второе место после пятен Роршаха (Crenshaw, Bohn et al, 1968). В аналогичном национальном обзоре США за 1976 год он также находился в тройке лидеров, хотя его и оттеснил на третье место тест «Рисунок человека» (Brown, McGuire, 1976). Такая популярность свидетельствует о диагностическом потенциале ТАТ, но не о его простоте и общедоступности. Тематический Апперцепционный Тест – сложная и трудоемкая диагностическая техника, предъявляющая очень высокие требования к профессиональной подготовке психолога. В ряде моментов интерпретация рассказов ТАТ напоминает процесс толкования сновидений в психоанализе, в целом представляя собой очень разветвленный и малоформализованный контент-анализ текста. Поскольку ТАТ – классическая проективная техника, история его появления и изучение механизмов функционирования неотделимы от истории развития теории проекции.

Общие и более частные аспекты проблемы теории проекции обсуждались в посвященном этому разделе «Введение». Для глубокого изучения «персонологии» Г. Мюррея мы отсылаем читателя к прекрасному тексту учебника «Теории личности» Л. Гарднера и К. Холла (1997). В дополнение к этому в Приложении 3 приводится сокращенный текст его руководства к ТАТ. Здесь мы вкратце остановимся на главных моментах теории Генри Мюррея, необходимых для ознакомления с ТАТ.

Л. Гарднер и К. Холл следующим образом резюмируют понимание Г. Мюрреем понятия «личность».

Личность индивида – абстракция, сформулированная теоретиком, а не просто описание поведения индивида.

Личность индивида соотносится с серией событий, охватывающих всю его жизнь «История личности есть личность».

В определении личности должны отражаться стабильные и повторяющиеся элементы поведения, равно как новые и уникальные

Личность – организующая и управляющая сила индивида. Ее функции – интегрировать конфликты и понуждения, которым подвержена личность, удовлетворять потребности индивида и строить планы на будущее.

Личность локализована в мозге. «Нет мозга – нет личности»

Основу мюрреевской персонологии составляет его таксономия потребностей и «давлений», представление о динамике поведения («теме»). Сокращенный список потребностей представлен в руководстве (приложение 3). Потребности могут побуждаться «изнутри» или актуализироваться под влиянием внешней стимуляции. Потребность вызывает активность организма и поддерживает ее до тех пор, пока ситуация «организм – среда» не приводит к ее редукции.

Наиболее важной для понимания психологической подоплеку поведения и динамической интерпретации ТАТ является идея о том, что поведение всегда есть результирующая от

взаимодействия двух главных составляющих – внутренней потребности и «давления» («пресса»). Этими двумя понятиями Г. Мюррей обозначал базовые детерминанты поведения. «Пресс объекта – это то, что он может сделать с субъектом или для субъекта, – сила, которая так или иначе влияет на благосостояние субъекта». Причем важно понимать, что для правильной интерпретации рассказов, пресс – это субъективное, сейчас бы сказали – когнитивное образование. Последнее означает, что совокупность прессов – часть структуры личности субъекта, а не характеристика его материального окружения. Это – характеристика его образа ситуации, которая, тем не менее, воспринимается субъектом как характеристика самой ситуации, что и определяет, в конечном счете, его поведение.

Таким образом, поведение есть следствие не только актуальной потребности, но и интерпретации ситуации. Понимание этого и выразилось в формулировку понятия «тема». Тема – это интегральная детерминанта поведения, включающая характерные для субъекта сочетания потребности и пресса. Тема – эта единица анализа поведения в концепции Г. Мюррея. Этот же термин составляет смысловое ядро названия ТАТ (Тематический Апперцепционный Тест). Конечной целью анализа, редкой, впрочем достижимой, является раскрытие так называемой «единой темы». «Единая тема – это соединение взаимосвязанных (сотрудничающих или конфликтующих) доминирующих потребностей с прессом, воздействию которого индивид подвергался в одном или более случаях, испытывая удовлетворение или травматические переживания в раннем детстве. Тема может означать первичное детское переживание или последующее реактивное образование. Но независимо от природы и особенностей генеза, она повторяется в многообразных формах в течение последующей жизни». Таким образом, тема – эта индивидуальная когнитивно-мотивационная матрица, объясняющая для психолога повторяющиеся жизненные ситуации и, в случаях дезадаптации, – ключ к этиологии и патогенезу психологических расстройств.

В дальнейшем методология интерпретации рассказов Г. Мюррея была дополнена и развита его последователями и единомышленниками, в частности С. Томкинсом, Д. Рапопортом, Л. Бэллаком. Предлагаемая в нашем учебном пособии схема интерпретации – сочетание как мюрреевских, так и более поздних «наслоений». Она ни в коей мере не претендует на оригинальность либо полноту охвата материала протокола. Ее цель, однако, не только поверхностное знакомство с ТАТ. Это – вполне рабочая схема контент-анализа рассказов, многократно подтвердившая свою психологическую и клиническую валидность, частью основанная на прослушанном нами еще в студенчестве курсе на факультете психологии МГУ, но, в основном, – на лекциях и личных беседах с опытным специалистом – М. З. Дукаревич.

Прежде чем продолжить чтение этого раздела, мы рекомендуем ознакомиться с приведенными в приложении текстами Г. Мюррея и Д. Рапопорта.

Инструкция и основные правила проведения

Инструкция маскирующая: «Я хотел бы исследовать ваши литературные способности, уровень творческого воображения, которое является важной составляющей интеллектуального развития».

Затем дается полная инструкция. После прочтения инструкции необходимо убедиться в том, что испытуемый совершенно правильно ее понял и хорошо осмыслил. Надо задать пять основных элементов инструкции: прошлое, настоящее, будущее, мысли и чувства персона* жа. Об этом испытуемый должен рассказать, т. е. составить рассказ, в котором будут присутствовать все пять элементов. В инструкции, приведенной ниже, эти элементы обыгрываются по три раза в разных терминах, так как инструкция должна быть настойчивой, но не навязчивой, не авторитарной, чтобы не сбить испытуемого со спокойного творческого настроения, она, наоборот, должна его стимулировать.

Текст инструкции: «Сейчас я буду показывать вам картины, на которых люди изображены в различных ситуациях. Вокруг каждой картины, отталкиваясь от нее, вы должны составить рассказ, сюжет, небольшую историю. Расскажите, пожалуйста, какова ситуация на картине, т. е. что происходит в данный момент, в настоящем. Также расскажите, какие события привели к данной ситуации, т. е. что происходило до этого, прошлое. Также расскажите, что произойдет потом, что будет впоследствии, к чему приведут эти действия, во что превратится эта

ситуация в будущем. Опишите также, о чем думают, размышляют персонажи, их мысли, а также что чувствуют, что они переживают, их эмоции, чувства.

Вы можете говорить, как вам будет удобнее, строить рассказ так, как вы считаете нужным. Учтите, что картинки намеренно сделаны неопределенными, чтобы не стеснять вашу свободу воображения, чтобы вам удобнее было построить сюжет так, как вы считаете нужным. Не старайтесь описать картины, поскольку вам нужно составить рассказ, только отталкиваясь от изображения. Самого же сюжета в картине нет».

Инструкция повторяется два раза. Если испытуемый протестует против повторения, то отвечаете, что у вас тоже есть инструкция. После повторения инструкции испытуемый должен пересказать ее своими словами. Если он что-то упустил, вы читаете ее еще раз.

После этого показываете ему первую картинку и записываете за ним, отмечая латентный период на часах и общее время рассказа, включая и паузы, которые тоже надо отмечать с помощью точек в удобном вам ритме. После первого рассказа проверяете выполнение инструкции.

Грамматическая временная форма изложения испытуемым событий рассказа может не совпадать со смысловым разделением на «прошлое», «настоящее» и «будущее». Например, весь рассказ может излагаться в грамматическом прошлом времени, но в смысловом содержании и логически быть разделен в соответствии с инструкцией. В таких случаях бывает затруднительно без помощи самого испытуемого понять, где, к примеру, кончается «прошлое» и начинается «настоящее» или «будущее». Для уточнения «точки отсчета» временных параметров рассказа рекомендуется задать испытуемому вопрос о том, какой момент его рассказа изображен на картине. Этот вопрос рекомендуется задавать после завершения очередного рассказа.

Если испытуемый упустил при составлении первого рассказа какой-то из моментов инструкции, то следует еще раз коротко пересказать инструкцию. При этом изменения в рассказ в протокол не вносятся. В дальнейшем инструкция больше не повторяется, так как сделанные испытуемым упущения фрагментов инструкции имеют диагностический характер.

Перед второй серией картин инструкция дается еще раз, коротко, только для того, чтобы убедиться, что испытуемый ее помнит. Она уже может звучать несколько иначе. Считается, что первая серия картинок более «бытовая», провоцирует больше бытовых клише, в то время как вторая группа картинок более фантастична и провоцирует более абстрактные темы. Поэтому в преамбуле к первой серии надо избегать слова «фантазия». Больше подойдет слово «воображение». А когда дается инструкция ко второй серии картин, то уже можно употреблять термин «фантазия». Также сразу следует предупредить, что на некоторых картинах нет людей, что здесь встречаются более фантастические сюжеты и что это сделано для того, чтобы полнее раскрепостить фантазию испытуемого.

Шестнадцатая картина – это просто белый лист бумаги, и к ней тоже следует дать отдельную инструкцию. Следует предупредить испытуемого, что на следующей картинке вообще отсутствует изображение, и это сделано нарочно, чтобы изображение не мешало проявляться его фантазии.

Следует быть предельно осторожными с вопросами, задаваемыми испытуемому. Ваши вопросы, с одной стороны, пополняют содержание рассказов, но с другой – искажают формальные характеристики интерпретации, нарушая спонтанность работы фантазии, воображения испытуемого. Индивидуальность испытуемого проявляется не только в содержании рассказов, но и в характерных ошибках и отклонениях.

Например, если в рассказе потеряно прошлое, это может означать, что что-то (например травматическое воспоминание) не дает испытуемому рассказывать о прошлом, и это очень важно для понимания его проблемы. Аналогично, отсутствующее либо редуцированное будущее – один из характерных признаков депрессивного состояния.

Наиболее оптимальным будет следующий вариант задавания вопросов. Вы даете испытуемому максимально спонтанно проявиться в ходе изложения, а вопросы по ходу рассказа задаете только в случае крайней необходимости и только те, которые разрешены¹.

Когда испытуемый уже закончил рассказ, и вы убедились в том, что других вариантов рассказов нет, можно задать вопросы относительно пропущенных частей инструкции и разрывов в канве повествования и т. п., не боясь разрушить процесс воображения.

¹ По поводу разрешенных вопросов см руководства Г. Мюррея и Д. Рапапорта.

Независимо от того, когда задан вопрос, его следует задавать в такой форме, чтобы он не был расценен испытуемым как критика его рассказов. Например: «Меня очень заинтересовал ваш сюжет, и мне стало любопытно, что произошло до этого момента».

Иногда в рассказах встречаются разрывы сюжетной линии. В таких случаях имеет смысл, зафиксировав разрыв (формальную характеристику), восстановить сюжетную линию (содержательную характеристику) с помощью вопроса. Задавать вопросы рекомендуется после каждого рассказа, но делать это надо ненавязчиво, без критики, не забывая при этом похвалить ударные моменты.

В целом интерпретация ТАТ включает два этапа: первичную обработку текста и психологическую интерпретацию.

Категории первичной обработки текста рассказов

Прежде чем приступить к психологическому заключению, необходимо перевести тексты рассказов в более доступную для интерпретации форму. Конечный результат первичной интерпретации – это «простыня», сводная таблица, часто весьма объемная, на которую заносятся результаты первичного контент-анализа текстов рассказов. По горизонтали (в строки) заносятся результаты анализа конкретного рассказа. Строки пронумерованы в соответствии с номером картинка рассказа (если есть варианты рассказов на данную картинку, они нумеруются как «а», «б» и т. д.). Столбцы таблицы посвящены той или иной категории и подкатегориям контент-анализа. Таким образом, каждая из перечисленных ниже категорий (подкатегорий) обработка занимает для каждого рассказа в сводной таблице собственную клетку, куда вносятся соответствующие пометки, характеристики или даже фрагменты текста рассказов.

Первичная интерпретация абсолютно не алгоритмизируема, поскольку работа идет с образами воображения испытуемого. Для облегчения этого процесса исследователями ТАТ были предложены различные списки категорий анализа текста рассказов¹.

Категории анализа могут включать в себя подкатегории. Названия категорий и подкатегорий (заголовки столбцов таблицы первичной обработки) ниже выделены полужирным шрифтом. Слова, выделенные ниже курсивом, должны быть вписаны в соответствующую ячейку таблицы. В ряде случаев (когда нет выделенных курсивом терминов), кроме краткой интерпретации в ячейки таблицы вносится более подробное содержательное описание категории анализа или даже примеры из текста рассказов.

1. **Номер картинка** (варианта рассказа).

2. **Латентный период** (время с момента предъявления картинка до начала рассказа).

3. **Время рассказа**.

4. **Количество слов** в рассказе.

5. **Следование инструкции**.

5.1. **Прошлое** – отдаленное и/или ближайшее. Отдаленное прошлое Предполагает описание каких-то событий в прошлом, которые прямо не связаны с происходящим в настоящий момент. Ближайшее же прошлое – это то, что предшествовало событиям, происходящим в данный момент, это предполагает прямую и непосредственную причинно-следственную связь, это то, что непосредственно привело к событиям, происходящим на картинке. Прошлое может быть разработано (приводятся события, мысли, чувства) или может присутствовать только как указание на него.

5.2. **Настоящее** – разработано (есть мысли, чувства, события) или указано. В интерпретации участвует только разработанное настоящее, указанное же приравнивается к отсутствию. Для того чтобы узнать «точку» настоящего, рекомендуется спросить испытуемого, какие события рассказа изображены на картине. Это даст возможность развести временные планы в случае, когда весь рассказ строится в одном грамматическом времени (как правило, в прошлом или настоящем).

5.3. **Будущее** – отдаленное и/или ближайшее, разработанное или указанное (аналогично прошлому).

¹ Один из таких списков категорий анализа рассказов приведен в- Л. Беллак Клиническое применение Тематического апперцепционного теста // Проективная психология. – М., 2000. См. также: Леонтьев Д. А. Тематический апперцептивный тест. – М., 1998.

5.4. Мысли – разработанные (содержание мыслей присутствует: о чем думает персонаж) или указанные (например: «Он сидит задумавшись»). Указание на наличие мыслей без раскрытия их содержания в дальнейшем приравнивается к их отсутствию.

5.5. Чувства персонажей – аналогично мыслям, если переживаемая эмоция называется, считаются разработанными. Помимо этого надо также определить интенсивность чувств в баллах по признакам: 1) частоты встречаемости в рассказе; 2) интенсивности; 3) продолжительности в субъективном времени персонажа и 4) месту в сюжете. Чувства шкалируются по пятибалльной системе: «1» – минимальное проявление, «5» – максимальное. Промежуточные баллы определяются «на глазок».

Признаки оценки достаточно субъективны и требуют определенного опыта работы для выработки некоей «шкалы» сравнения. В первую очередь это касается оценки частоты встречаемости в рассказе. Относительно других аспектов можно дать некоторые ориентиры. Интенсивность: слабая интенсивность выражается, например, в указании на «интерес», «любопытство», минутное удовольствие или неудовольствие; максимальная интенсивность – состояние аффекта или глубокой депрессии. Продолжительность, длительность в субъективном времени персонажа рассказа: промелькнуло ли это чувство, не оставив следа (1 балл) или переживается долго, быть может – годы (5 баллов). По месту в сюжете: задайте себе вопрос, как изменится сюжет рассказа, если из него убрать это переживание персонажа? Для этого предварительно следует определить, в чем состоит сюжет¹. Если сюжет не изменится – 1 балл, полностью изменится или исчезнет – 5 баллов.

Указывается также преобладание положительных или отрицательных эмоций, стенических (побуждающих или сопровождающих активные действия) либо астенических (не сопровождающих активные действия либо подавляющих их). Пример первых – ярость, вдохновение; пример вторых – печаль, удивление.

6. Обращение со стимульным материалом (характеристика работы испытуемого с изображением и инструкцией).

6.1. Изменения – является ли рассказ клише или это оригинальный сюжет. Для определения этого следует обратиться к списку «Культурные клише ТАТ» по С. Томкинсу в приложении 3.

6.2. Разведение на планы – это присутствие в рассказе двух планов: плана картинки и плана рассказа. Различаются:

1) реальный или идеальный (фантазийный) план. Например, испытуемый рассказывает о мальчике, сидящем перед скрипкой (картина 1), а потом переключается на красочное описание того, что этот мальчик фантазирует о своих будущих выступлениях. К этой же категории относятся описания видений и снов ребенка и т. п.;

2) разведение на планы во времени (может быть вариантом появления идеального плана: это было сейчас, а это – потом). Например, разные части картинки «повествуют» о событиях, разделенных во времени;

3) планы в пространстве: часть картины в одном пространстве, а другая – в другом. Например, девушка с книгами (картина 2) воспринимается не как стоящая посреди сельского пейзажа, а как стоящая в картинной галерее спиной к картине, на которой этот пейзаж изображен.

6.3. Опушения значимых деталей – тех, которые присутствуют на картинке, но отсутствуют в рассказе. Например, испытуемый не обращает внимания на предмет, лежащий на полу (картина 3).

Ни в коем случае не обращайтесь внимание испытуемого на это в ходе рассказа! После окончания рассказа необходимо уточнить, видел ли испытуемый эти детали. Последнее важно в связи с диагностикой Склонности к вытеснению и содержания вытесняемого. Случаи, когда испытуемый не видит какой-то детали в момент рассказа, свидетельствуют об активном вытеснении субъективного содержания, ассоциирующегося у испытуемого с незамеченной деталью. Подобное вытеснение на перцептивном уровне сродни отрицательной галлюцинации и свидетельствует о значительной силе динамического фактора, приведшего к вытеснению.

¹ Под сюжетом понимается последовательность событий, связанных логикой поступков, чувств и мыслей персонажей, некий «скелет» повествования. Примером центрального положения чувств в сюжете является «Иллиада» Гомера (А Ф Лосев) Без гнева Ахилла и связанных с ним событий великая трагедия превратилась бы просто в пересказ исторических событий.

Иногда после вашего обращения внимания испытуемого на незамеченный объект у него может появиться новый Вариант рассказа.

6.4. Искажения деталей. Пример: вместо скрипки (на 1-й картинке) испытуемый видит игрушечный автомат. Искажение – это естественная часть процесса проекции. Они свидетельствуют о «хорошей», «сильной» проекции (если исключить нейропсихологическую симптоматику). Особое внимание необходимо обратить на искажения пола персонажей и/или их возраста. Искажения перспективы, предметов тоже имеют значение. Искажение либо неверное узнавание изображений может быть вызвано не только мотивационными, но и органическими факторами, поэтому на них всегда следует обращать повышенное внимание.

6.5. Дополнения – это введение дополнительных персонажей, событий, деталей, расширение плана рассказа. Это тоже естественная часть процесса проекции. Особое внимание обращайте на введение новых персонажей, поскольку они отражают индивидуальную структуру «прессов» испытуемого.

Сюда же вносятся указания в рассказе на тактильные ощущения, звук, цвет, запах и т. п. Так как работа идет на черно-белых картинках, данные категории диагностически значимы в плане наличия у испытуемого творческого элемента и степени проекции.

6.6. Способ обращения с инструкцией (соблюдение инструкции). Сюда относятся особенности того, как поняты испытуемым пять пунктов инструкции: прошлое, настоящее, будущее, мысли и чувства персонажей рассказов. Можно указать на восемь вариантов такого понимания и способа использования этих параметров.

1) Свободное обращение с инструкцией. В рассказах присутствуют все части инструкции, но они произвольно меняются местами в соответствии с сюжетом и замыслом в целом. Например, рассказ начинается с описания настоящего, затем – переход к прошлому, сопровождающийся описанием чувств, затем – снова настоящее либо будущее. Эта стратегия может свидетельствовать о хорошем творческом воображении, хорошем контроле над эмоциональной сферой при живой эмоциональности и активном воображении испытуемого.

2) Строгое (буквальное) следование инструкции. Испытуемый строит рассказы в строгом соответствии с пунктами инструкции, часто проговаривая их вслух. В результате рассказ строится по частям, каждая из которых соответствует очередному ее пункту. Если такое поведение характерно для большинства рассказов, это может быть следствием: а) слишком конкретного понимания инструкции (часто как следствие неправильной ее подачи экспериментатором); б) повышенного уровня тревожности; в) некоторой ригидности мышления; г) заторможенности процессов воображения.

3) Излишняя детализация рассказов. Выражается в том, что большинство рассказов перенасыщены малозначимыми деталями в форме справочной информации, часто не помогающими, а затрудняющими понимание. Зачастую это свидетельствует о присущем испытуемому демонстративном стиле поведения и общения, желании создать позитивное о себе впечатление у экспериментатора.

4) Чрезмерная опора на детали. Создавая рассказ, испытуемый внимательно следит за тем, чтобы повороты сюжета были обусловлены (оправданы) какой-либо деталью картинки. Например: «Эта женщина разочарована, потому что ее рот широко открыт». Появление таких признаков, особенно если они неоднократно встречаются в одном рассказе и на протяжении ряда рассказов, свидетельствуют о том, что для испытуемого характерен защитный механизм проекции.

5) Формальное соблюдение инструкции. Пример (картинка 1): «Здесь изображен мальчик, который сидит и смотрит на скрипку. Что привело к этому моменту? То, что он учится играть. Дальше он будет играть лучше, если продолжит учиться. Он думает о том, что он играет на скрипке. Он чувствует, что надо учиться играть, чтобы играть хорошо...»¹

Если это не следствие установки испытуемого на сокрытие, то это может являться следствием трудности мобилизации круга понятий и представлений либо их изначальной бедности, либо депрессии и выраженной астении.

6) Описание вместо рассказа. Вместо составления рассказа испытуемый перечисляет изображенные на картине персонажи, предметы, обстановку и т.д. Это может быть: а) результатом повышенной тревожности; б) низкого интеллекта, в) признаком осторожности и примитивного способа уклонения от обследования; г) признаком плохого контакта между

¹ Пример взят из руководства Д Рапапорта

испытуемым и экспериментатором. Иногда это может быть следствием плохого усвоения инструкции. В последнем случае бывает достаточно ее повторения.

7) Отказ. Если отказ появляется на фоне богатой продукции на другие картинки, он может быть реакцией (тревога, вытеснение, дезорганизация мышления) на ассоциации, вызванные данной картинкой. Если такое поведение наблюдается с начала обследования, то оно – утривированный вариант предыдущего (см. «Описание вместо рассказа»).

8) Упущение одного из моментов инструкции. Как было сказано, регулярное отсутствие определенных частей рассказа (будущего, мыслей и т.п.) является диагностически значимым признаком. Например, отсутствие будущего может быть следствием неразрешенных проблем в настоящем либо депрессивного состояния. Нередко бывает, что отсутствие какой-то части рассказа сочетается с определенной сферой рассказов, содержанием конфликта либо потребности и т. п. В таком случае это позволяет строить гипотезы о закономерностях реагирования испытуемого в определенном жизненном контексте, о характере влияния эмоций на поведение при актуализации этой определенной потребности и т.д.

7. Эмоциональный фон повествования – это характеристика эмоционального состояния испытуемого во время рассказа: мимика, интонации, настроение. Эмоциональный фон может быть нейтральным, повышенным, пониженным, изменчивым, устойчивым, но можно внести и дополнительные категории – «заинтересованный» (в судьбе персонажа), «взволнованный», «безразличный» и т. п. Кроме того, необходимо следить, соответствует ли эмоциональный фон повествования содержанию рассказа, что даст опору для вывода о степени идентификации и отношении к обследованию.

8. Особенности языка и разработки сюжета. Эти характеристики используются в дальнейшем для анализа уровня интеллекта, контроля за вербальной и интеллектуальной продукцией, взаимоотношений между интеллектуальной и эмоциональной сферами испытуемого, а также при анализе возможной патологии мышления.

8.1. Наличие сора, жаргона, неологизмов, рассогласованности падежных окончаний и т. п. Как правило, это признаки снижения контроля над вербальной продукцией.

8.2. Преобладающий стиль рассказа: литературный («письменный» стиль изложения, наличие причастных и деепричастных оборотов, использование литературных изобразительных приемов – метафор, красочных описаний и т. п.), разговорный или разностильность (сочетание или смешение литературного и разговорного стилей). Следует обращать внимание на слова-паразиты, жаргон, использование разговорных штампов. Повышение или понижение стиля может означать стремление снискать себе сочувствие, остаться в тени, напряженный контроль, тенденцию к маскировке. Часто является следствием дезорганизующего влияния эмоций на интеллектуальные процессы. Контроль над своей речью может быть связан с заинтересованностью в оценке окружающих. Использование литературных штампов может свидетельствовать о желании блеснуть образованностью либо о несамостоятельности, конформности мышления.

8.3. Наличие отрицательных и вопросительных форм. «Она не умерла, а легла спать» – в подобных случаях «срабатывают» механизмы вытеснения (в данном случае – темы смерти). Отрицательные формы, так же как и вопросительные конструкции, почти никогда не бывают случайными, они подчеркивают значимость темы испытуемого.

8.4. Логика повествования. Эти признаки в дальнейшей интерпретации лягут в основу характеристики контроля над интеллектуальной продукцией, уровня интеллекта, защитного механизма вытеснения:

1) логика построения сюжета – насколько логично разворачивается сюжет, достаточно ли обоснованы поступки персонажей, жизненны ли их переживания и действия? Это определяется тем, насколько в жизни испытуемый способен понимать логику событий и поступков людей, моделировать и предвосхищать чужое поведение,

2) есть ли «дыры», смысловые пропуски в сюжете, т. е. пропуски важных связующих событий, например, между ситуацией в настоящем и прогнозом либо исходом рассказа? Последнее, как правило, является признаком вытеснения или компенсаторного сюжета;

3) нет ли нарушений сюжетной линии, нелогичности, отклонений от сюжетной линии и т. п.?

4) степень разработанности, разветвленность сюжетной линии, усложненность или, напротив, бедность и схематичность. Как правило, рассказы строятся по простой линейной

схеме, без разветвлений. Примером разветвленной сюжетной линии могут служить современные телесериалы, где, как правило, в одной серии параллельно разворачивается несколько сюжетов;

5) утеря нити повествования (утеря контроля над своей интеллектуальной продукцией). Например, когда начавшаяся сюжетная линия прерывается, и испытуемый начинает как бы другой рассказ, но с теми же персонажами, не замечая этого. Если это не следствие слабости памяти, то говорит о нарушениях целенаправленности мышления, слабости либо нарушениях контроля над интеллектуальной продукцией, плохом планировании и целеполагании в сфере интеллектуальной деятельности;

6) спонтанность (короткий латентный период, рождение продолжения рассказа «здесь и теперь») или запланированность, продуманность повествования. Используется как необходимое дополнение при анализе способности планирования.

9. Оценочные и справочные суждения – оценки, которые испытуемый дает картинкам, рассказам, персонажам и т.д., и справки по рассказу («Это было 23.08.1789»). Оценочные суждения дают ценную информацию для анализа самооценки испытуемого и его отношения к значимому социальному окружению.

10. Сфера рассказа. Здесь приняты нижеследующие обозначения. Личная – человек, его значимость (проблема престижа, самолюбия), оценка, самооценка.

Профессиональная (сюда же входит и учебная) работа, профессиональный рост, производственные проблемы и т. д.

Семейная – отношение между членами родительской семьи, проблемы воспитания.

Интимная – рассказы о взаимоотношениях между близкими людьми, исключая сексуальные переживания.

Сексуальная – эротика, чувственный элемент в сюжете.

Социальная – материальная обеспеченность, субординация, отношения к социальным группам и классам, людям (прохожий, сосед).

Социально-политическая – отношение к власти, государству и т.д.

Морально-этическая – честность, доброта, приличие и т.п. (часто не является центром построения рассказа и сферой интереса, а вырастает из желания морализировать).

Религиозно-мистическая – вера, ее значение, нечистая сила, колдовство, потусторонний мир.

Абстрактная – ситуация рассказа иллюстрирует абстрактные понятия (жизнь и смерть, добро и зло, назначение человека и т. п.).

Фантастическая – сказка, научная фантастика и т. д. (если не выявляется конвой для другой сферы).

Инфантильная – сцены и переживания из жизни детей, не достигших пубертата. Диагностически значима, если повторяется у взрослых и не определена профессией.

Пубертатная – сцены и переживания из жизни подростков; характерна тема непонимания консервативно настроенным взрослым изменившегося мира подростка и т. п. Диагностически значима как у подростков, так и у взрослых.

Аутистическая – сны, мечты, галлюцинации, уход от реальности в вымышленный мир фантазии. Свидетельствует о способе защиты и должна анализироваться вместе со способностью к планированию. Может свидетельствовать об аутизации либо инфантильности.

«Особая» – эта сфера так обозначена с целью привлечь ваше внимание. Она формируется не по содержанию, а по угрожающим симптомам. В особую сферу отнесены рассказы, содержащие:

- ◆ убийство;
- ◆ самоубийство;
- ◆ изнасилование;
- ◆ описание длительных мучительных страданий персонажей;
- ◆ сцены насилия, садизма либо открытого мазохизма;
- ◆ массовые убийства;
- ◆ реалистичное описание психопатологии.

Присутствие даже одного рассказа с особой темой должно привлечь внимание к теме и иным особенностям сюжета. Повторение перечисленных признаков более, чем в трех рассказах, свидетельствует о психологическом неблагополучии испытуемого.

11. Герой. В эту рубрику заносят тип и степень идентификации {глубокая или поверхностная}. Детали и подробное описание вариантов идентификации содержится в руководстве Г. Мюррея (приложение 3). Герой – это персонаж, с которым идентифицируется испытуемый. Наиболее важные признаки наличия и степени идентификации:

- ◆ заинтересованность в судьбе персонажа;
- ◆ сочувствие персонажу;
- ◆ совпадение эмоционального фона повествования с эмоциональным состоянием персонажа;
- ◆ явная подстановка себя на место персонажа;
- ◆ прямая речь от лица персонажа.

В этой же рубрике указывается пол, возраст, социальное положение персонажа идентификации.

12. Второстепенные действующие лица. Включать только действительно действующих, определять пол, возраст, социальную группу (родитель, ребенок, сослуживец, муж и т. п.). Если есть парная идентификация, т. е. второстепенное лицо почти столько же значимо, как и Герой, то либо вводится дополнительная строчка для второго героя, либо оставшиеся категории расшифровываются для героя «первого» и «второго плана»¹.

Характеристики героев второго плана даются аналогично главному Персонажу. Герои второго плана – это характеристики давления и отношение к социальным группам.

13. Цель:

1) степень разработанности цели. Она может быть разработана, не разработана, может подразумеваться. Последняя характеристика имеет место, если в рассказе присутствуют средства достижения цели, из которых однозначно вытекает содержание самой цели. Во всех других случаях присутствие цели определяется, только если она явно проговаривается в тексте рассказа; 2) ориентация цели: идеальная или реальная цель. Реальная цель предполагает действие в конкретном социальном окружении, т. е. некие активные внешние действия персонажа по «переустройству мира или ситуации» или воздействию на окружающих. Идеальная цель предполагает некоторые изменения во внутреннем плане сознания испытуемого, например, стремление достигнуть психического равновесия или развитие способностей и т. п.;

14. Средства достижения цели:

- 1) наличие либо отсутствие средств (если нет, то прочерк).
- 2) степень разработанности средств. Разработка средств включает их подробное проговаривание в рассказе. Иногда, но не обязательно, встречается этапность достижения цели, что свидетельствует о хорошем планировании.
- 3) характер средств, самостоятельные, несамостоятельные (цель достигается кем-то другим для героя), нужно особо указать (если есть) наличие манипуляции другими людьми для достижения своих целей; случайные (когда герой случайно находит миллион или еще что-то).
- 4) адекватность-неадекватность средств: насколько можно с помощью этих средств достичь цели. Неадекватными являются противоправные, незаконные, а также перечисленные как «Особая сфера».

15. Исход:

- 1) положительный, отрицательный, неопределенный (если нет возможности определить, какой он), противоречивый.
- 2) связан или не связан исход с ситуацией в настоящем. Есть ли разрыв сюжета, когда непонятно, как положительный исход появился из плохой ситуации в настоящем.

16. Прогноз: пессимистичный, оптимистичный, неопределенный, отсутствует.

Как отличить исход от прогноза? Они оба относятся к будущему. Исход – это «прошлое в будущем», совершенная форма («С тех пор они жили долго и счастливо и умерли в один день»), прогноз – это будущее в будущем («Они будут жить долго и счастливо и умрут в один день»).

17. Конфликт (если имеется). Конфликт и его содержание часто является важной составляющей сюжета и должен рассматриваться как вероятная движущая сила развития личности либо источник жизненных проблем испытуемого. Конфликт предполагает как минимум две противоборствующие тенденции. Они могут быть представлены либо в форме

¹ См. руководство Г. Мюррея.

открытого столкновения интересов персонажей рассказа, либо в форме противоборствующих тенденций внутри личности героев. Здесь определяются характеристики конфликта:

1) внешний или внутренний. Считается, что все конфликты между персонажами отражают внутренние конфликты испытуемого. Однако если имеет место конфликт (столкновение) героя с персонажами или социальными структурами и т.п., он расценивается как «внешний»
Внутренний конфликт – событие внутри личности персонажа, противоборство между внутренними установками, тенденциями поведения, мотивами, чувствами,

2) если конфликт внутренний, то можно заполнить и вторую подкатегорию – тип конфликта по К. Левину. Выделяют три типа конфликтов:

а) «+/+», например, когда человек стоит перед выбором между двумя привлекательными вариантами и не знает, что выбрать;

б) «-/-», например, когда существует выбор между двумя одинаково неприемлемыми вариантами;

в) «-/+», например, когда для достижения привлекательной цели необходимо немножко пострадать (внутренний конфликт между целью и средствами);

г) «+/-», например, когда за чем-то привлекательным и приятным неотвратимо следует расплата («запретный плод»). Другой распространенный тип конфликта, «конфликт-фрустрация», когда потребности, мечты персонажа не могут сбыться, т. е. – конфликт между желаемым и действительным, желанием и долгом, мечтой и реальностью и т. п. (каждый из перечисленных вариантов, если часто повторяется, имеет свою психологическую интерпретацию). Следует указать содержание фрустрированной потребности и содержание препятствующего фактора;

3) время возникновения конфликта: прошлое, настоящее и будущее. Нужно проследить, в каком времени конфликт возник.

4) разрешается или не разрешается конфликт и в каком времени (прошлом, настоящем, будущем) он разрешается (если разрешается);

5) средства разрешения конфликта: есть/нет, самостоятельно, несамостоятельно, насколько адекватно и т.д. (аналогично анализу целей и средств).

Очень важно выяснить содержание конфликта. В случае внешнего конфликта – это содержание взаимных позиций двух или более конфликтующих персонажей, мотивы их противостояния, причины упреков и т. п. В случае внутреннего конфликта – это содержание противоборствующих мотивов, установок, ценностей и т. п. персонажей.

18. Позиция героя. Здесь приняты следующие обозначения:

1) действенная – человек чувствует себя хозяином жизни, хочет себя вести так (не обязательно ведет). Это творческие люди, обычно нечто принимают и нечто отрицают, люди с инициативой;

2) пассивная – человек принимает жизнь, как она есть, подчиняется установленному порядку, глубокая внутренняя конформность. Подчиняются потоку жизни, люди без инициативы;

3) агрессивная – позиция устанавливается не только по агрессивным акциям, но и по агрессивным оценкам: радость по поводу неудач близких, либо – враждебные злые оценки второстепенных персонажей;

4) страдательная – позиция людей, ожидающих для себя всякого худа, неблагоприятного исхода событий, испытывающих на себе чужой гнет, агрессию и т. п.;

5) созерцательная – сходна с пассивной тем, что герой не принимает активного участия в событиях, однако отличается отсутствием внутренней конформности, персонаж наблюдает жизнь со стороны, не подчиняясь течению событий, предпочитает не вмешиваться, не участвовать.

В разных сферах могут быть разные позиции, следовательно в дальнейшей интерпретации они должны быть проанализированы по сферам. Предполагается, что у человека есть преимущественная (генерализованная), а также ситуативно обусловленная позиция и позиция в стрессовой ситуации.

19. Потребности (см. руководство Г. Мюррея в приложении 3). Важно отметить не только техническую характеристику (название по Мюррею), но и конкретное содержание потребностей и давлений. Это необходимо для последующей содержательной характеристики мотивационно-потребностной сферы испытуемого.

20. Давление (см. руководство Г. Мюррея). Важно отметить не только техническую характеристику, но и конкретное содержание потребностей и давлений. Это необходимо для последующей содержательной характеристики мотивационно-потребностной сферы испытуемого.

21. Примечания. Сюда вносится все, что не вошло в предыдущие 20 категорий, все, что считаете необходимым записать. Это важная графа. Обычно в ходе проведения первичной обработки рассказов у интерпретатора появляются гипотезы относительно вероятных проблем испытуемого. Эти гипотезы выносятся в примечание. Рекомендуется придерживаться следующего рабочего правила. При первом появлении гипотезы она записывается с вопросительным знаком. При появлении аналогичной гипотезы на основе другого рассказа добавляется второй вопросительный знак. При третьем появлении аналогичной гипотезы вопросительные знаки зачеркиваются и ставится знак восклицания, а гипотеза считается подтвержденной

Структура заключения по ТАТ

В предлагаемом учебном пособии, из дидактических соображений, мы совместили изложение структуры заключения со структурой психологической интерпретации. Эта структура не должна восприниматься как единственно возможная. Психолог в каждом конкретном случае волен объединять и комбинировать ее пункты в соответствии с целями исследования и качеством рассказов. В остальном предлагаемая последовательность пунктов является расширением общей схемы психологического заключения, которой мы придерживаемся в данном руководстве.

Интерпретации обычно предшествует промежуточный этап обработки, состоящий в подсчете количества встречавшихся в рассказах характеристик по приведенным выше категориям контент-анализа рассказов. Для этого внизу сводной таблицы вводится графа цифр, в которой подсчитывается частота встречаемости различных характеристик. Поскольку в большинстве подкатегорий имеется несколько вариантов качественных оценок, рекомендуется также создать дополнительную таблицу для их подсчета. Например, это рекомендуется сделать для анализа категорий «Чувства», «Конфликты», «Потребности», «Давления», «Цели», «Средства».

1. Оценка динамики продуктивности

Продуктивность определяется отношением количества слов, используемых в рассказе, ко времени, затраченному на его составление, исключая латентный период. Подсчитав продуктивность для каждого рассказа, строят диаграмму, отражающую динамику работоспособности, в которой по вертикали отмечена продуктивность, а по горизонтали – номера картин.

По полученной диаграмме выявляем причины повышения или понижения продуктивности. Необходимо выяснить, с какими характеристиками рассказов (или их сочетаниями) связана высокая и низкая продуктивность. Для этого делают следующее:

- ◆ выделяют группу рассказов с высокой и группу рассказов с низкой продуктивностью;
- ◆ анализируют с целью выделения внутреннего сходства каждую группу;
- ◆ сравнивают по полученным характеристикам обе группы между собой. Например, анализируется содержание рассказа – наличие или отсутствие эмоций, конфликтной сферы, идентификации и т.д.

В заключение вносят только те особенности рассказов, которые различны при высокой и низкой продуктивности. Сама диаграмма в заключение не выносится.

2. Характеристика интеллектуальной сферы

Нижеследующие характеристики интеллектуальной и эмоциональной сферы объединяет то, что они больше связаны с формальными, нежели динамическими характеристиками личности. ТАТ – не самый лучший метод для измерения высоты интеллекта. Приведенные здесь признаки интеллекта носят качественный, а не количественный характер и иллюстрируют скорее сам клинический подход к проблеме.

Характеристики эмоциональной сферы могут быть полезны для определения темпераментальных особенностей испытуемого (пороги эмоциональных реакций, их

интенсивность, глубина, нюансированность), как и определения общего фона настроения, что ценно для диагностики депрессивных тенденций.

Интеллектуальная сфера анализируется по следующим показателям: уровень интеллекта (высокий, выше среднего, средний и ниже среднего); качество контроля над интеллектуальной сферой; творческие возможности.

Уровень интеллекта. Интеллект оценивается как «высокий», если при составлении рассказов, в большинстве случаев (не менее 70 %):

- ◆ используется чисто литературный стиль;
- ◆ распространенные предложения преобладают над простыми;
- ◆ испытуемому доступен высокий уровень обобщений (он правильно и грамотно употребляет абстрактные понятия);
- ◆ присутствует минимальное количество штампов, канцеляризм, заезженных фраз или, еще лучше, их нет совсем;
- ◆ отмечается некоторое преобладание мыслей над чувствами и эмоциями;
- ◆ свободное обращение с инструкцией (испытуемый свободно варьирует инструкцию в порядке появления элементов инструкции, следуя своему замыслу, при этом упущений пунктов инструкции нет);
- ◆ большой активный словарный запас;
- ◆ правильное, грамотное использование слов;
- ◆ эрудированность;
- ◆ хорошая нюансированность эмоции, т.е. переживания характеризуются не столько полюсными характеристиками, но и эмоциональными переходами, полутонами;
- ◆ сюжет хорошо разработан, без признаков нарушения логики;
- ◆ хороший контроль над вербальной продукцией (отсутствие сора, жаргона, вульгаризмов).

Уровень интеллекта оценивается как «выше среднего», если в рассказах.

- ◆ в основном преобладает литературный стиль, но при этом используются и другие стили речи;
- ◆ испытуемому доступен высокий уровень обобщений (он правильно и грамотно употребляет абстрактные понятия);
- ◆ проработка сюжета не всегда четкая;
- ◆ используется некоторое количество штампов, канцеляризм и т. п.;
- ◆ мысли и эмоции присутствуют в равной мере, но их много и они глубоко и полно раскрыты (примерно в 70 % случаев);
- ◆ незначительное отклонение от инструкции, изредка упущены некоторые ее элементы;
- ◆ активный словарный запас достаточно богат и разнообразен;
- ◆ хороший контроль вербальной продукции;
- ◆ нюансировка эмоциональной сферы средняя;
- ◆ особая эрудированность не обязательна.

О среднем уровне интеллекта свидетельствует следующее:

- ◆ стиль речи – разговорный;
- ◆ проработка сюжета в рассказе нечеткая, отмечается недостаток связи между развитием сюжета в настоящем и исходом или прогнозом;
- ◆ присутствует большое количество штампов;
- ◆ эмоции преобладают над мыслями;
- ◆ словарный запас средний;
- ◆ встречается нарушение слов по согласованию;
- ◆ нюансированность эмоциональной сферы средняя или грубая;
- ◆ контроль за вербальной продукцией снижен (много сорных слов, жаргона, слов-паразитов и т.д.).

Для испытуемых с уровнем интеллекта ниже среднего характерно просто описание предложенных картинок, а не составление рассказов по ним. ТАТ не рассчитан на людей с низким уровнем интеллекта, и поэтому он им не предлагается.

Качество контроля над вербальной и интеллектуальной сферой. Вначале необходимо определить, есть ли сознательный контроль содержания, эмоциональных реакций и т.д., что укажет на настороженное и формальное отношение к обследованию.

Вербальная продукция – это качество словесного оформления рассказа, т.е. как, в какой форме излагается сюжет. Интеллектуальная продукция – это само содержание рассказов,

качество сюжета, логика и обоснованность поворотов сюжетной линии и поступков персонажей.

Контроль над вербальной продукцией считается сниженным, если.

- ◆ в речи присутствуют штампы, жаргон;
- ◆ неправильное словоупотребление, нарушение правил согласования окончаний;
- ◆ неграмотное построение предложений;
- ◆ при составлении рассказов отмечается разнотильность лексики, причем последняя имеет «преходящий» характер, то проявляясь, то исчезая в разных рассказах.

Контроль над интеллектуальной продукцией снижен, если:

- ◆ в построении сюжета имеются «несостыковки», противоречия, нарушения логики;
- ◆ действия персонажей слабо обосновываются либо нелогичны;
- ◆ рассказы бедны содержанием.

Отслеживать качество контроля необходимо для каждого рассказа в отдельности с тем, чтобы иметь возможность сравнить его уровень в разных сферах, при наличии либо отсутствии эмоций и конфликтов.

Творческие возможности. О наличии творческих возможностей свидетельствуют следующие признаки:

- ◆ «сила замысла» – трудноопределимый термин, введенный Г. Мюрреем, определяющий общее впечатление от рассказа;
- ◆ оригинальность мышления;
- ◆ частое создание собственного сюжета, а не клише;
- ◆ хороший контроль над интеллектуальной продукцией;
- ◆ хороший контроль над вербальной продукцией;
- ◆ наличие особого колорита, эмоциональной атмосферы рассказов;
- ◆ упоминание цвета, звука, запахов, кинестезии;
- ◆ эмоциональная образность, создающая, помимо описания чувств персонажей, субъективное ощущение наполненности рассказов эмоциями и провоцирующая у слушателя яркие образы;
- ◆ интеллект высокий или выше среднего;
- ◆ живость, жизненность восприятия мира.

3. Характеристика эмоциональной сферы

Интенсивность эмоциональных реакций. Интенсивность эмоциональных реакций определяется суммированием балла выраженности эмоций, подсчитанного для каждого рассказа. Находится среднее значение данного показателя, при этом в знаменателе учитываются только те рассказы, в которых присутствуют эмоциональные проявления. Рассказы, в которых эмоции указываются без раскрытия содержания, при подсчете не учитываются.

Если полученная сумма больше 2,7 – делается вывод о повышенной интенсивности эмоциональных реакций.

Если сумма меньше двух, то это свидетельствует о пониженной интенсивности эмоциональных реакций. В таком случае желательно установить причину. Например, наличие защитной реакции на обследование и сознательного контроля над проявлением эмоций, формальное отношение к обследованию, либо испытуемый неэмоционален от природы. Для этого следует анализировать признаки отношения к обследованию, способ обращения с инструкцией и т. д.

Пороги возникновения эмоциональных реакций. Они определяются по количеству рассказов, в которых присутствуют эмоции. Если меньше чем в одной трети – высокие пороги возникновения эмоций, т. е. эмоциональные реакции возникают редко. Если больше, чем в двух третях рассказов, то это низкие пороги, т.е. многие стимулы вызывают у испытуемого эмоциональные реакции и реакции возникают часто.

Также желательно определить, какие эмоции легче провоцируются: положительные или отрицательные, стенические или астенические, установить характерные для данного испытуемого причины, их провоцирующие. При углубленном анализе эмоциональной сферы можно сравнить среднюю интенсивность положительных и отрицательных, стенических и астенических эмоций. Может представлять интерес и детальный анализ эмоционального содержания рассказов по отдельным категориям: интенсивности, месте в сюжете,

длительности в субъективном времени персонажа, частоте встречаемости. Например, стенические эмоции могут быть более интенсивными, в то время как отрицательные – играть главную роль в сюжетной линии и т. п.

Характеристика эмоционального фона. Оценивая эмоциональный фон, необходимо определить, какие эмоции преобладают в рассказах – положительные или отрицательные, стенические или астенические, при этом обращать внимание на общий эмоциональный фон повествования и соответствие/несоответствие содержания сюжета и эмоционального состояния испытуемого.

Устойчивость или лабильность эмоциональных реакций. Она определяется при сравнении эмоционального фона внутри и между рассказами. Эмоциональные реакции устойчивы, если не наблюдается частых смен эмоционального состояния персонажей и испытуемого в течение рассказа и от одного рассказа к другому.

Контроль эмоциональной сферы. Здесь оценивается, насколько силен контроль над эмоциями, насколько сознательно испытуемый контролирует свои эмоциональные реакции.

Существует следующий алгоритм анализа.

1. Все рассказы разбивают на две части – где присутствуют и где отсутствуют эмоции персонажей.

2. Далее определяют:

- ◆ позитивно или негативно эмоции влияют на качество и продуктивность рассказов;
- ◆ нет ли в рассказах, где есть эмоции, ухудшения контроля над интеллектуальной продукцией (признаков «снижения интеллекта»).

3. Сравнить рассказы, в которых есть эмоции, с теми, в которых их нет, и оценить их качество.

4. Сравнить с диаграммой продуктивности.

Взаимоотношения эмоции и интеллекта. Здесь для начала необходимо выявить процентное соотношение мыслей и эмоций по всем рассказам в целом.

Соотношение может быть гармоничным либо дисгармоничным.

Гармоничные взаимоотношения отличаются следующим:

- ◆ отсутствуют заметные признаки торможения или дезорганизации интеллектуальной деятельности («снижения интеллекта» в эмоциональных рассказах), равное количество мыслей и чувств во всех рассказах;

- ◆ в рассказах много образов – яркость представлений. Дисгармоничные взаимоотношения отличаются следующим:

- ◆ мысли преобладают над эмоциональным проявлением приблизительно в два раза (если мысли встречаются в 2/3 рассказов и более, то такой человек склонен опираться на объективные признаки ситуаций, но, возможно, возникают трудности при возникновении эмоциональных контактов)¹;

- ◆ преобладание эмоций над мышлением (если эмоции встречаются более чем в 2/3 рассказов). Такой человек, вероятно, легко устанавливает эмоциональные контакты, но не склонен ориентироваться на объективные признаки ситуаций. Его провидение часто подчиняется эмоциональной логике – это логика возникновения, протекания, исчезновения определенного эмоционального состояния². При наличии торможения или дезорганизации – это дополнительно снижает адаптивные возможности.

Следует определить наличие признаков снижения фона настроения (переживания персонажей, негативные исходы и/или прогнозы, фрустрация временной перспективы, сниженная самооценка, особая сфера, связанная со страданиями, болезнью и смертью персонажей и т. п.).

С характеристикой эмоциональной сферы связан параметр соотношения прошлого, настоящего и будущего в текстах рассказов. Существуют индивидуальные различия в восприятии времени. Оно может течь медленно или быстро. При отрицательных переживаниях, тревоге время длится дольше. Приятные переживания могут ускорять течение времени. С прошлым, настоящим и будущим люди обращаются различно в зависимости от эмоционального состояния и жизненных ситуаций.

¹ Так ли это, вы обязаны проверить при анализе контактной сферы (примеч. авт.).

² Если это так, то подтверждением будет служить аналогичное характерное поведение главного героя рассказов (примеч. авт.).

При отрицательных переживаниях в настоящем (неурядицы на работе, болезнь) обычно ищут способов их преодоления в прошлом. То есть к прошлому обращаются те, кто напряжен, испуган либо подавлен и т.д. Если все хорошо в настоящем, то обращаются не к прошлому, а к будущему, строят планы, формулируют цели. Таким образом, расширение прошлого в рассказах может свидетельствовать о неблагополучии в настоящем.

Можно грубо выделить два способа обращения с прошлым в рассказах:

- ◆ герои обращаются к прошлому, анализируют его, чтобы выйти из затруднительного положения;

- ◆ к прошлому обращаются для снятия напряженности в настоящем, отдыха от нагрузки текущего момента. Это эмоциональное, а не рациональное использование прошлого опыта. Сродни иллюзорному уходу от проблем, регрессии. В этих случаях в рассказах появляются ностальгические темы: прошлое позитивно окрашено.

Отсутствие будущего – индикатор тревоги или того, что у испытуемого «не срабатывает» механизм планирования. Это наблюдается в следующих случаях:

- ◆ при отсутствии навыка планирования – легкомысленность, импульсивность;

- ◆ при болезненном очаге в настоящем (коррелирует с общим отрицательным фоном настроения);

- ◆ выраженного очага неблагополучия нет, но есть постепенное накопление мелких неудач, нарастание астенизации, иногда в сопровождении депрессии, подавленности. В этом случае нет четкой локализации (в трех временных планах) конфликтной зоны. Позиция преимущественно пассивная или страдательная.

4. Характеристика «Я-концепции»

Самооценка. При определении уровня самооценки испытуемого обращают внимание на следующее:

- ◆ оценочные суждения по поводу своих рассказов: нравятся они ему или нет, доволен собой или высказывает в свой адрес критику?

- ◆ оценочные суждения по поводу персонажей, с которыми идентифицируется испытуемый: нравятся они ему или нет, хвалит или критикует? Если нравятся, то это свидетельствует о высоком уровне самооценки. Если не нравятся, то самооценка, вероятнее всего, снижена;

- ◆ судьбу героя рассказа: успешен ли он, или наоборот, часто страдает, неудачлив; хорошо ему или плохо;

- ◆ прогнозы и исходы жизненных ситуаций героев. Негативные исходы и прогнозы коррелируют с понижением самооценки, и наоборот.

Так же можно судить об адекватной и неадекватной самооценке. Например, если испытуемый составляет плохой рассказ, и при этом он ему нравится, либо хороший рассказ, которым он недоволен. В первом случае самооценка неадекватна; во втором – чрезмерно повышена требовательность к себе. Адекватной же самооценка считается, если качество рассказа и оценка его испытуемым совпадают.

Наряду с вышеперечисленными следует отмечать случаи компенсаторного построения сюжета, когда в жизни у испытуемого на самом деле все плохо, а в рассказах он идеализирует события, ситуации надуманны и нереалистичны, напоминают мелодрамы, кино с happy end, что может свидетельствовать о склонности выдавать желаемое за действительное. В таких рассказах положительный исход и прогноз не будет обоснован соответствующим развитием сюжета (разрыв сюжетной линии), а цели (если даже имеются) не обеспечиваются адекватными средствами.

Психосексуальная идентичность. Связана с определением «психологического пола» испытуемого, т.е. кем себя ощущает испытуемый в душе: мужчиной, женщиной или есть транссексуальные тенденции (явные или скрываемые), инверсия психологического пола¹.

С этой целью анализируется следующее:

- ◆ количество идентификаций с героями своего и противоположного пола, а также

¹ Не следует путать транссексуальные тенденции с гомосексуализмом, суть которого состоит в склонности удовлетворять половое влечение с представителем своего биологического пола. Психологический «транссексуал» – это, по сути, часто несчастный человек, осознающий, что родился «в теле не своего пола». Для таких людей гомосексуальное влечение по психологическому содержанию – транссексуально (примеч. авт.).

◆ тенденциозное искажение воспринимаемого пола персонажей картин при сдвиге идентификации в сторону противоположного (своему) пола. Последнее отразит тот факт, что испытуемому легче идентифицироваться с персонажами противоположного пола, что и влечет за собой перцептивные искажения пола персонажей на противоположный.

О нормальной, устойчивой психосексуальной идентичности можно говорить, если испытуемый в 70 % рассказов идентифицирует себя со своим полом и в 30 % случаев – с противоположным.

В случае, когда не наблюдается идентификации с противоположным полом или процент ее невысок (менее 20 %), говорят о ригидной психосексуальной идентичности. Это может негативно сказываться при общении с противоположным полом как в интимной, так в профессиональной сферах, поскольку препятствует эмпатическому пониманию партнера¹.

В некоторых случаях, наоборот, отмечается повышенный процент идентификаций с героем противоположного пола (но не выше 50 %). Это уже свидетельствует о снижении психосексуальной идентичности, но все же это норма. Если испытуемый идентифицируется с героем противоположного пола более чем в 50 % случаев, особенно при наличии тенденциозных искажений пола персонажей, – это свидетельствует о психическом транссексуализме.

Полоролевая (гендерная) идентификация. Для определения поло-ролевой идентификации анализируют, как строятся взаимоотношения между героем и персонажами своего и противоположного пола. Это – определение привычной роли во взаимодействии с противоположным полом (полоролевого статуса) и того, какую роль человек отводит своему и противоположному полу в жизни, в общении, в конфликтах. Здесь имеет смысл анализировать позиции персонажей.

Генерализованная гендерная позиция: одинаковая жизненная позиция героев отмечается в большинстве рассказов вне зависимости от пола идентификации. Например, испытуемый мужчина наделяет мужских персонажей идентификации во взаимоотношениях с женскими активной позицией, а последних – пассивной и страдательной. При идентификации с женскими персонажами активная «мужская» позиция переносится и на них, а их «мужские оппоненты» занимают комплементарную, т.е. пассивную, позицию. Это наблюдается в том случае, когда испытуемый неосознанно проецирует на всех своих героев собственную позицию. Высока вероятность того, что и в повседневном общении испытуемый склонен занимать подобную позицию и соответственно интерпретировать поведение окружающих. Например, занимая определенную позицию, испытуемый будет ожидать от окружающих комплементарной ей.

Полодифференцированная жизненная позиция – когда характерная для идентификации со своим полом позиция закономерно меняется на комплементарную при идентификации с персонажами противоположного пола. Например, для мужских персонажей идентификации была характерна активная позиция, а при идентификации с женщинами испытуемый наделял их пассивной позицией. Это повышает вероятность того, что в повседневном общении испытуемый будет ожидать от женщин аналогичных реакций на свою активную позицию. Другой вариант полодифференцированной позиции, когда женские персонажи идентификации у испытуемой женщины занимают пассивную и страдательную позицию в партнерских отношениях с мужскими персонажами, а при идентификации с мужчинами эти мужские персонажи занимают активную жизненную позицию. Последнее, при пониженной самооценке испытуемой, может свидетельствовать о неудовлетворенности своим полоролевым статусом.

Возрастная идентификация. Следует определить, с каким возрастом идентифицируется испытуемый (со своим, младшим, старшим), и ценить взаимоотношения с разными возрастами, и определить какую позицию занимает при этом герой и другие персонажи. Следует отдельно выделить рассказы, где встречаются «родительские фигуры» (мать, отец, либо соответствующие им по возрасту второстепенные персонажи), и определить, чем эти рассказы отличаются (по структуре сюжета, исходам, эмоциональному фону, позициям героев и т.д.) от остальных рассказов. Это может дать ключ к причинам проблем испытуемых.

Не менее значимо отсутствие в рассказах родительских персонажей, либо одного из них. Поскольку в жизни любого человека родители (либо их «заместители») играют ключевую роль, их отсутствие всегда должно быть тщательно изучено. Во всяком случае, это свидетельствует

¹ Но о наличии самих этих затруднений говорят признаки нарушения контактов (см далее по тексту), а не ригидность психосексуальной идентичности сама по себе (примеч. авт.).

о неблагополучии в семейной сфере испытуемого. Отсутствие явных родительских фигур может свидетельствовать о вытеснении в этой сфере. В таком случае следует рассматривать всех второстепенных персонажей родительского возраста в качестве родительских персонажей и внимательно проанализировать особенности рассказов, где они встречаются, в сравнении с остальными рассказами. Это может дать ключ к пониманию неблагополучия в семейной сфере (и не только в ней).

5. Контактная сфера испытуемого

При описании контактной сферы ставится задача содержательного анализа стиля общения, а не постановка диагноза «Интроверт»-«Экстраверт». Последние термины лишь помогают классифицировать признаки стиля. На приведенные ниже характеристики оказывает сильное влияние отношение испытуемого к обследованию. При формальном отношении рассказы имеют тенденцию «сдвигаться» к экстраверти-рованному полюсу.

Таблица 7.1 Характеристика контактов по полюсам «экстраверсия»-«интроверсия»

Экстраверсия (широта и неразборчивость контактов)	Интроверсия (глубина и избирательность контактов)
Широта контактов <ul style="list-style-type: none"> ■ введение дополнительных действующих лиц; ■ хорошее построение сюжета с большим количеством персонажей, которые не только присутствуют, но и выполняют определенные действия; ■ наличие рассказов, где герой выступает перед большой аудиторией 	Узость контактов <ul style="list-style-type: none"> ■ персонажей в рассказах мало, даже может быть меньше, чем на картинке; ■ персонажи присутствуют только потому, что есть на картинке
Поверхностность контактов <ul style="list-style-type: none"> ■ малое количество идентификации; ■ нет глубокой идентификации с героями рассказов; ■ большое количество персонажей играет роль статистов; ■ не раскрывается логика поступков; ■ манипулятивные взаимодействия: главный герой использует дополнительных персонажей как средство достижения своих целей. 	Глубина контактов <ul style="list-style-type: none"> ■ психологически хорошо разработан сюжет через логическое раскрытие мотивов поступков персонажей; ■ в основе сюжета положены мотивы взаимопонимания, заинтересованность в судьбе другого человека; ■ персонажи воспринимаются как ценность друг для друга, а не как орудие достижения своих эгоистических целей; ■ мотивами поступков часто является желание понять другого человека или быть понятым; ■ хорошо раскрыт внутренний мир персонажа, его мысли и чувства; ■ в целом много глубоких идентификаций по всем рассказам
Стремление к расширению контактов <ul style="list-style-type: none"> ■ введение большого количества персонажей; ■ в рассказах герой выступает на публике (дают представления, снимаются в кино и т. д.); ■ герой хочет встречаться с друзьями, приглашает к себе гостей, хочет делиться своими мыслями, чувствами, переживаниями с окружающими, тяготеет к одиночеству 	Стремление к сужению контактов <ul style="list-style-type: none"> ■ небольшое количество персонажей; ■ человек сторонится публики, тяготеет к большому количеству народа; ■ отмечается желание уединиться, замкнуться в себе, забыться, отдохнуть от общения, побыть наедине с собой
Легкость контактов <ul style="list-style-type: none"> ■ отсутствие разведения на планы; ■ легко удаются сюжеты с большим количеством персонажей; ■ отсутствие аутистических тем (сны, мечты, фантазии), заменяющих реальное общение; ■ небольшое количество внешних конфликтов, персонажи в рассказах не ссорятся между собой; ■ в рассказах отсутствуют темы взаимного непонимания, и конфликтов по этому поводу тоже нет 	Затрудненность контактов <ul style="list-style-type: none"> ■ разведение на планы, избавляющее от необходимости объединять нескольких персонажей в единый сюжет; ■ расширение аутистической сферы (уход в фантазию от реальных проблем); ■ наличие внешних конфликтов (ссоры, драки); ■ встречаются рассказы, связанные с непониманием окружающими героя, отчего он явно страдает

Вовсе не обязательно, что все приведенные характеристики будут принадлежать только к одному полюсу. Но именно характерные для испытуемого сочетания и представляют интерес при составлении заключения. Одним из характерных сочетаний, например, является сочетание узости и глубины контактов, что составляет избирательность контактов. Как правило, это сочетается с глубиной и интенсивностью чувств, хорошей нюансированностью эмоциональной сферы, склонностью к пониженному настроению. Широта и поверхностность контактов может быть охарактеризована как «неразборчивость». Это, в свою очередь, часто сочетается с демонстративностью и манипулятивностью в поведении, яркостью и поверхностностью эмоциональных проявлений и склонностью к повышенному настроению.

6. Сфера конфликтов

Тип и содержание конфликтов дают ключ к пониманию мотивации поведения испытуемого, к содержанию его потребностей и проблем. Давая оценку конфликтной сферы, необходимо отметить следующие моменты.

Уровень конфликтности. Подсчитать общее количество рассказов, в которых есть конфликт. Если этот показатель превышает 50 %, можно говорить о повышенном уровне проблемности, психологического неблагополучия.

Преобладающие конфликтные сферы. Определить, в каких сферах (личной, семейной, интимной и т. п.) преимущественно наблюдаются конфликты.

Типология конфликтов. Определить характер конфликта (внешние, внутренние, конфликт-фрустрация и его характерные типы и т.д.).

Динамика конфликта во времени. Определить, когда возникают, разрешаются (и разрешаются ли вообще) конфликты. Можно отметить, как на разрешении конфликтов сказывается характер сферы, позиция героя, наличие родительских персонажей и т.д. Необходимо указать средство разрешения конфликта, оценить степень самостоятельности в их разрешении.

Содержание конфликтов. Следует выделить повторяющееся содержание конфликтующих тенденций как для внешних, так и для внутренних конфликтов и для конфликтов-фрустраций. Какие внутренние «дилеммы» отличают вашего испытуемого? В чем и по поводу чего часто конфликтуют персонажи его рассказов? Какие потребности чаще всего фрустрированы у персонажей и что выступает в качестве препятствия?

Характер реагирования в конфликтной ситуации. Характер реагирования в конфликтной ситуации может сыграть важную роль в дифференциальной диагностике «норма»-«невротизация»-«психопатизация». Для «невротического» типа реагирования более характерно торможение, для «психопатического» – дезорганизация¹.

Первоначально необходимо разделить все рассказы на две группы, в первую отнести те, в которых есть конфликт, во вторую – те, в которых его нет, и посмотреть, есть ли разница между рассказами в этих группах.

Принято выделять три типа реагирования в стрессовой ситуации: мобилизация, дезорганизация и торможение.

Мобилизация. При мобилизации в конфликтной ситуации:

- ◆ не отмечается снижения продуктивности;
- ◆ характерно «повышение интеллекта», т.е. повышение качества рассказов в конфликтной ситуации, либо качество рассказов не страдает;
- ◆ не отмечается признаков снижения контроля за интеллектуальной и вербальной продукцией;
- ◆ продуктивность не падает, а в некоторых случаях, наоборот, повышается;
- ◆ количество целей и средств в рассказах не снижается (не страдают характеристики планирования);
- ◆ позиция героев активная, действенная;
- ◆ герои успешны;
- ◆ характерен благоприятный исход;
- ◆ характерно преобладание стенических эмоций (ярость или гнев, но ни в коем случае ни грусть, печаль или разочарование).

Дезорганизация. При дезорганизации в конфликтной ситуации:

- ◆ не отмечается снижения продуктивности;
- ◆ характерно снижение «уровня интеллекта» из-за снижения контроля над вербальной и интеллектуальной продукцией;
- ◆ позиция героя действенная, активная;
- ◆ наблюдается снижение количества целей и средств (ослабление планирования);
- ◆ герои успешны;
- ◆ характерно преобладание стенических эмоций;
- ◆ эмоции интенсивны;
- ◆ по содержанию сюжета может предполагаться потеря контроля над поведением на пике эмоции («потемнело в глазах от ярости», «бежал, не разбирая дороги» и т. п.);
- ◆ по содержанию сюжета появляется хаотичность в поступках персонажей, необдуманность, импульсивность.

Торможение. При торможении в конфликтной ситуации:

- ◆ отмечается падение продуктивности за счет большого числа пауз внутри рассказа;
- ◆ позиция героя, как правило, пассивная, страдательная;
- ◆ герой неуспешен;

¹ Кавычки здесь поставлены намеренно, с тем чтобы не путать употребляемые в психологическом заключении термины с медицинским диагнозом

- ◆ заметны признаки вытеснения (положительный исход при наличии проблем в настоящем, отрицательные речевые формы);
- ◆ характерно преобладание астенических эмоций;
- ◆ в описании состояния героя появляются выражения типа «человек застывает», «замирает», «не может двинуть ни рукой, ни ногой», «сковал страх», «весь похолодел», «руки опускаются», «ноги подкашиваются», «кружится голова»; по содержанию сюжета появляются эпизоды «падение в обморок» главных героев.

7. Мотивационная сфера

Анализируя мотивационную сферу, необходимо учесть и предыдущие пункты оценки («Я-концепция», «психосексуальная идентичность», «полороловые позиции», «контактность», содержание конфликтов – фрустраций), так как это имеет отношение к формированию «темы» испытуемого.

Далее определяют и анализируют наиболее характерные потребности и давления, устанавливают их взаимную обусловленность. Согласно Г. Мюррею, мотивационная динамика включает в себя две взаимосвязанные детерминанты: внешнюю, названную им «давлением», и «внутреннюю», названную им «потребность». В совокупности потребность и давление составляют «тему». В соответствии с этой схемой анализ мотивационной сферы сводится к выявлению характерных для данного испытуемого тем.

На мотивационную ситуацию необходимо смотреть через призму рассказов испытуемого с двух сторон. Сначала выявляют и содержательно раскрывают наиболее характерные потребности. Характерной считается потребность, появившаяся в рассказах не менее трех раз. Затем определяют, с какими давлениями сочетаются в рассказах испытуемого эти потребности.

На следующем этапе анализа, наоборот, определяют наиболее характерные давления и смотрят на соответствующие им потребности.

Необязательно, что в обоих случаях будет получен одинаковый результат. Это может быть интерпретировано двояким образом. С одной стороны, как это принято в мотивационных теориях двойной детерминации поведения, характерная ситуация способна «пробудить», актуализировать специфический латентный мотив. Поскольку содержание давления тоже в основном является результатом субъективной интерпретации ситуации, здесь мы имеем причинно-следственную связь между характерной интерпретацией ситуации и закономерной актуализацией определенной потребности. Так можно интерпретировать тему «давление => потребность». С другой стороны, сами потребности способны характерным образом структурировать, а иногда и исказить образ ситуации, ее субъективную интерпретацию. Тогда на первый план в образе выступают небезразличные для удовлетворения потребности признаки, важность которых может переоцениваться, а остальные характеристики ситуации будут недооцениваться либо даже искажаться. Аналогичные изменения будут наблюдаться и в интерпретации различных аспектов поведения партнеров по ситуации. Так можно интерпретировать тему «потребность => давление».

С целью получения максимально объемной картины мотивационной сферы в рассказах выявленных характерных «тем» необходимо проанализировать как можно больше других формальных и содержательных признаков сюжетов: эмоциональный фон, планирование, позицию, конфликт и т. д.

Здесь имеет смысл вспомнить размышления С. Томкинса относительно выражения в рассказах скрытых и осознаваемых мотивов. Согласно этому автору, желания, которые реализуются испытуемым в открытом поведении, часто приписываются героям ТАТ. Обнаружено, что средние корреляции между потребностями, которые проявляются в ТАТ, и открытым поведением равны +0,11. Такие потребности, как приобретение, агрессия, автономия, избежание ущерба, вреда, секс, помощь – имеют корреляцию между выраженными в ТАТ и в поведении - 0,30.

Также были найдены потребности, которые слабо выражены в ТАТ, но сильно в поведении: понимание, порядок, уважение, взаимодействие, избегание стыда, конструктивность, чувствительность. Кроме того, есть потребности, имеющие высокую степень выраженности как в ТАТ, так и в поведении: успех, воспитанность, принятие в члены, доминирование, знание.

С. Томкинс предлагает следующее объяснение. Антисоциальные потребности, которые не проявляются в поведении, а только в ТАТ, имеют запрет культуры или внутренние запреты, препятствующие проявлению этих потребностей в поведении. Поэтому увеличивается интенсивность их проявления в фантазии. Потребности, которые мало проявляются в ТАТ, но сильно в поведении, социально приемлемы. Их проявление в поведении не только не возбраняется, но и одобряется, поэтому они оставляют мало напряжения для проявления в фантазии. Потребности, которые сильно проявляются в ТАТ и в поведении, одобрены нашей культурой, но не имеют достаточно возможности для их удовлетворения из-за внешних обстоятельств или из-за того, что индивид потерял возможность их удовлетворять.

Испытуемый приписывает герою рассказа такую же степень сознательности (осознанность желаний и намерений), какую имеет сам.

Хотя в рассказах ТАТ силы подавления сводятся к минимуму, полная свобода достигается лишь в рассказах, которые далеки от обыденной жизни испытуемого. Согласно С. Томкинсу, мы должны пристально анализировать поведение тех героев, которые имеют в этом какие-то отклонения. Если сила подавления относительно подавляемого желания увеличивается, то условия, при которых подавляемое желание может проявиться, становятся все более и более «отдаленными».

Что такое «отдаленность»? Пример: желание может быть направлено не на родителя, который обычно является первой целью подавляемого желания, а на заместителя родителя: полицейского, представителя закона, правительства, животных или физические объекты. Отдаленность расположения – географически отдаленное расположение, начиная от других стран и кончая другими континентами и планетами. Помимо отдаленности в пространстве, существует отдаленность во времени – недалекое прошлое или будущее.

8. Сфера планирования

Для анализа используется все, что относится к будущему – цели, средства, исход, прогноз, характерное для испытуемого обращение со временем. Необходимо определить, сформирован или не сформирован навык планирования.

Прежде чем анализировать признаки планирования, следует убедиться в отсутствии у испытуемого выраженных признаков депрессивного состояния. В противном случае отсутствие целей и средств является следствием характерной для депрессии фрустрированности временной перспективы (развернутое прошлое при отсутствии будущего).

О хорошем планировании говорит следующее:

- ◆ три четверти (75 %) рассказов имеют цели;
- ◆ 75 % имеющих цель рассказов обеспечены средствами;
- ◆ 75 % этих средств адекватны.

Нужно отметить характер целей – реальные или идеальные, и какие средства при этом используются.

Если нет целей и средств, но присутствуют исход и прогноз, это тоже свидетельствует о плохой сформированности планирования. Следует обратить внимание на исходы и прогнозы: насколько они обеспечены логикой сюжета, нет ли признаков вытеснения и идеализации.

9. Защитные механизмы личности Вытеснение. Признаками вытеснения являются:

- ◆ большое количество отрицательных речевых оборотов;
- ◆ пропуски в сюжетной линии между негативной ситуацией в настоящем и позитивным исходом или прогнозом;
- ◆ необеспеченность позитивного исхода или прогноза целями и адекватными средствами;
- ◆ отказ составлять рассказ на «неприятные» картинки.

Рационализация, система интеллектуальной переработки. Это система сознательной ориентировки. Анализируется стрессовая ситуация, затем выносятся решение, помогающее ее снять. Снятие бывает двух типов: либо личность меняет ситуацию (скажем, при проблемах с начальством, человек уходит на другое предприятие), либо меняется значимость этой ситуации для личности, субъект ее по-другому оценивает.

Признаками рационализации являются:

♦ высокий или выше среднего «интеллектуальный уровень» (см. признаки качества рассказов);

♦ рациональные объяснения изменения отношения персонажей к событиям их жизни;

♦ присутствие логической схемы рассуждений типа «зеленый виноград».

Проекция. Признаками проекции являются:

♦ характерная работа со стимульным материалом – чрезмерная опора на детали, состоящая в склонности объяснять повороты сюжетной линии характерными особенностями изображения («она сердится, потому что у нее широко открыты глаза»);

♦ черты мнительности или подозрительности испытуемого и персонажей рассказов.

Аутизация. Признаками аутизации являются:

♦ присутствие аутистических тем (фантазии, мечты, сновидения) как способ уйти от реальности;

♦ признаки затрудненных контактов;

♦ мотивы одиночества главного героя без выраженной негативной оценки этого состояния;

♦ признаки амбивалентности отношения персонажей к происходящему.

Отвлекающая деятельность. Сущность ее состоит в бессознательном перемещении психической энергии из сферы неблагополучия в другую область, где личность обычно добивается успехов: творчество, общественная деятельность, семья, спорт, хобби и т.д. Это бессознательное перемещение энергии может задним числом осознаваться и рационализироваться. Признаками служат «законфликтрованность» одной сферы при чрезмерном увеличении числа рассказов в компенсирующей сфере с успешными исходами.

Уход в болезнь. Если первые три уровня защиты психологические, то это биологический. Он находится полностью вне сознания. Опасность как бы отводится от психики, соматическое заболевание является ее эквивалентом (в этом смысле говорят о психосоматике).

10. Резюме

Резюме в заключении по ТАТ имеет огромное значение в связи с большим объемом и сложностью содержания самого заключения. Рекомендуется поступать следующим образом.

Каждый тематический раздел заключения (интеллектуальная сфера, эмоциональная сфера, самооценка и т.д.) следует заканчивать коротким резюме. Затем содержание этих промежуточных резюме дублируется в конце заключения, но уже так, чтобы отразить все главные моменты в единстве.

Примеры заключений по ТАТ

Пример 1

Заключение по исследованию личности Ф. И. О., девушка, 22 года, образование незаконченное высшее (музыкальное).

Исследование проводилось по просьбе экспериментатора. Со стороны испытуемой наблюдалось адекватное отношение к обследованию. Признаки установочного поведения отсутствовали. Испытуемая была заинтересована результатами обследования. Контакт в ходе обследования свободный, поддерживался в течение всего обследования.

1. Оценивая динамику работоспособности, следует отметить, что снижение продуктивности происходит при составлении рассказов, относящихся к интимной сфере (взаимоотношения между возлюбленными, мужем и женой) с признаками особой (попытка самоубийства на фоне измены; убийство; длительное страдание) сферы. При этом падение продуктивности происходит за счет большого числа пауз внутри рассказов. Рассказы, где наблюдается незначительное повышение продуктивности, характеризуются отсутствием или поверхностностью идентификации. Таким образом, продуктивность негативно зависит от значимости сферы и наличия в ней признаков особой сферы и в меньшей мере позитивно зависит от поверхностности идентификации.

2. В рассказах преобладает литературный стиль, проработка сюжета четкая, но при этом упускаются некоторые элементы инструкции; небольшое количество штампов, которые в основном связаны с профессией испытуемой («Шутка» Баха, «Травиата» Верди); словарный запас разнообразен; нюансировка эмоциональной сферы средняя, что позволяет сделать вывод об уровне интеллекта – выше среднего.

Что касается контроля над интеллектуальной сферой, то можно говорить о его незначительном понижении, в 25 % случаев наблюдается смешение стилей, в речи встречаются штампы и жаргон.

Упоминание в рассказах звука, цвета, тактильных ощущений, собственный сюжет в 60 % случаев, живость восприятия свидетельствуют о наличии у испытуемой творческого элемента.

Таким образом, характеризуя интеллектуальную сферу, можно отметить уровень интеллекта выше среднего с незначительным понижением контроля над интеллектуальной сферой и наличие творческих возможностей у испытуемой.

3. Средний балл интенсивности эмоций равен 3.3, что свидетельствует о повышенной интенсивности эмоциональных реакций. Частота появления эмоций в рассказах выше 2/3: порог возникновения эмоций ниже среднего, т. е. эмоциональные реакции возникают часто. Положительные и отрицательные эмоции провоцируются одинаково легко, но при этом негативные эмоции интенсивнее, чаще встречаются в рассказах. Что касается общего эмоционального фона повествования, то преобладает негативный, пониженный фон, который соответствует содержанию сюжета. Нейтральный эмоциональный фон встречается в 30 % случаев и коррелирует со слабой, поверхностной идентификацией. Внутри рассказа эмоциональный фон относительно устойчивый, между рассказами – лабильный. Обилие восклицаний, высказывание собственного мнения об изображенном также указывает на эмоциональную лабильность. Следует отметить, что присутствие в рассказах интенсивных негативных эмоций отрицательно сказывается на продуктивности, иногда наблюдается ухудшение контроля над интеллектуальной продукцией (появление жаргона, смешение стилей). В рассказах, где эмоции отсутствуют, наблюдается повышение продуктивности и при этом ухудшение качества. Как правило, такие рассказы характеризуются нейтральным эмоциональным фоном, поверхностностью идентификации, представляют собой описание картинок.

Количество мыслей и чувств во всех рассказах примерно равно, но имеются признаки торможения. Поэтому взаимоотношения эмоций и Интеллекта можно охарактеризовать как относительно дисгармоничные. Снижение фона настроения происходит на фоне конфликтов в интимной сфере, переживаний персонажей, их страдания, смерти.

На основании сказанного можно сделать вывод, что для испытуемой характерна повышенная интенсивность эмоциональных реакций, низкий порог их возникновения, эмоциональная лабильность, преобладание негативного эмоционального фона и относительно дисгармоничные взаимоотношения эмоций и интеллекта (торможение).

4. В ходе проведения исследования оценочные суждения испытуемой были противоречивыми. О второй серии она сказала: «Тяжело часть пошла, в смысле придумывания рассказов. Те десять картин большинство светлые, жизнерадостные... Тогда у меня рассказы лучше получались». С одной стороны, это говорит о наличии механизма защиты в форме рационализации, с другой стороны, это также можно интерпретировать как склонность испытуемой критично относиться к своим рассказам. Качество рассказов и оценка их испытуемой совпадают, что свидетельствует об адекватности самооценки. Прямых оценочных суждений по поводу персонажей, с которыми идентифицируется испытуемая, нет. По косвенным признакам можно судить о пониженной самооценке: герой часто страдает, его мечты не становятся реальностью, прогноз отсутствует, исход часто носит негативную окраску.

В 65 % рассказов испытуемая идентифицирует себя с персонажами своего пола, что говорит о нормальной, устойчивой психосексуальной идентичности. Тенденциозных искажений пола персонажей не наблюдается.

Взаимоотношения между героем и персонажем противоположного пола (в интимной сфере) конфликтны. Когда испытуемая идентифицирует себя со своим полом, то занимает пассивную позицию, требует от партнера заботы, поддержки, верности. При этом ожидает со стороны мужчины активности и инициативы. В случае идентификации с противоположным полом встречаются два вида позиции героя. Если герой одинок, его позиция пассивна, чаще созерцательна. Когда же подразумевается наличие партнера, персонаж становится активным, часто эта активность влечет за собой потерю любимого человека. Это сопровождается чувством вины и раскаяния.

Что касается возрастной идентификации, то она смещена. Испытуемая идентифицирует себя с более старшим возрастом (30-35 лет). В зависимости от сферы рассказа испытуемая

занимает определенную позицию: в интимной сфере – чаще пассивную; в семейной (родительская семья), социальной и профессиональной – активную.

Родительские фигуры встречаются в двух рассказах (в обоих случаях задействована мать). В одном рассказе, несмотря на то, что испытуемая обычно идентифицирует себя с более старшим возрастом, она идентифицировала себя с ребенком, занимая при этом пассивную позицию. В данном рассказе имел место конфликт-фрустрация (ребенок хотел игрушку, но не купили), что выразилось во внешнем конфликте с матерью. Конфликт остался нерешенным. Следует отметить, что вначале испытуемая отказывалась придумывать рассказ: «Не хочу рассказ составлять, надоело, устала. Не знаю, как начать», что свидетельствует о наличии вытеснения, и, соответственно, значимости данной темы.

Во втором рассказе испытуемая идентифицирует себя с молодой женщиной 35 лет. Ее позиция активна. По сюжету ее матери становится плохо, и испытуемая проявляет себя как любящая, заботливая дочь (спасла, «привела в чувство»).

Итак, что касается «Я-концепции», самооценка испытуемой адекватна, с тенденцией к понижению; ей свойственно критичное отношение к собственной деятельности; психосексуальная идентичность устойчивая; тендерная идентификация в большинстве случаев проявляется в склонности занимать пассивную позицию; возрастная идентификация – с более старшим возрастом.

5. Анализ стиля общения. Персонажей в рассказах мало, они присутствуют только потому, что есть на картинке, что говорит об узости контактов испытуемого. Хорошо раскрыт внутренний мир героя, его мысли, чувства; много глубоких идентификаций по всем рассказам; в основе сюжета положены мотивы взаимопонимания, заинтересованность в судьбе другого человека. Даже в качестве стороннего наблюдателя главный герой глубоко сопереживает второстепенным персонажам. На основании перечисленных признаков можно говорить о глубине контактов. При этом испытуемая стремится к расширению контактов, так как главный герой тяготится одиночеством (мечтает встретить любимого человека), в ряде рассказов герой на балу, ждет гостей на день рождения, мечтает о свадьбе, где будет много друзей и родственников. О затрудненности контактов свидетельствует представленность аутистической сферы (мечты, фантазии, сон), наличие внешних конфликтов; встречаются рассказы, связанные с непониманием окружающими героя.

Таким образом, испытуемой свойственны избирательность в контактах (узость и глубина), их затрудненность и стремление к расширению контактной сферы.

6. Показатель конфликтности в рассказах несколько превышает 50 %, поэтому можно говорить о повышенном уровне проблемности. Конфликты преимущественно наблюдаются в интимной сфере. При этом, когда подразумевается наличие сексуального партнера, конфликт носит характер внешнего. В основе сюжета в этом случае лежит либо расставание, либо измена. Средства разрешения конфликта не всегда оказываются адекватными (попытка самоубийства) и самостоятельными, что сочетается с пассивной позицией персонажа. Если же в рассказах присутствуют только мечты о партнере, то, как правило, конфликт носит характер фрустрации. Часто – это конфликт между мечтами и реальностью, желаемым и действительным. При этом главный герой выражает потребность в беспомощности и в присоединении. В этих случаях конфликт не разрешается, нет ни прогноза, ни исхода, а герой занимает созерцательную или пассивную позицию. Построение идеальных сюжетов в данной сфере также выявляет неблагополучие во взаимоотношениях испытуемой с противоположным полом. Если обратиться к диаграмме продуктивности, как мы уже упоминали, отмечается снижение продуктивности в рассказах, относящихся к интимной сфере с признаками особой сферы.

В стрессовой ситуации испытуемой свойственно реагирование по типу торможения. Это подтверждается тем, что в ряде рассказов отмечается падение продуктивности за счет большого числа пауз внутри рассказа; позиция героя пассивная, страдательная (брошен, одинок, несчастлив), герой неуспешен; признаки вытеснения (отрицательные речевые формы) присутствуют больше, чем в 2/3 рассказов.

Итак, уровень конфликтности повышен, наиболее конфликтна интимная сфера, преобладают внешние конфликты и конфликты-фрустрации, которые или не разрешаются или разрешаются с неблагополучным исходом, иногда при помощи неадекватных средств; характерно реагирование в стрессовой ситуации в форме торможения.

7. Анализ мотивационной сферы. Наиболее характерна для испытуемой потребность в эмоциональном присоединении. Она выражается в мечтах о встрече возлюбленного; в желании выйти замуж (жениться, когда идентифицирует себя с противоположным полом); в безответной любви героя. Вместе с этой потребностью обычно выявляется потребность в беспомощности, т.е. главный герой одинок и тяготеет этим одиночеством, ощущает неудобство и тяжело переживает. Эти потребности сочетаются с прессом отсутствия: герой лишен возлюбленного, любимый присутствует только в мечтах, а именно в этом он нуждается для успеха и счастья. В связи с этой темой эмоциональный фон в рассказах понижен. Эту же ситуацию мы наблюдаем с позиции характерного давления. В данном случае скорее всего ситуация обуславливает и актуализирует потребности. Следующей по значимости является потребность в интерагрессии. Герой склонен упрекать себя, страдать чувством вины, раскаяния и в крайнем проявлении – совершить самоубийство. В одном рассказе чувство вины сочетается с потребностью в физической асоциальной агрессии: герой убивает любимого человека из-за необоснованной «злости» (усталость, проблемы), как следствие мучается, чувствует себя виноватым. Это сочетается с прессом потери: смерть любимой в ходе рассказа («Что я наделал, ведь я же люблю ее»). В другом рассказе это выражено не так явно: герой также чувствует себя виноватым перед умершей возлюбленной. Потребность в самоубийстве сочетается с давлением отрицания: любимый предмет оказался неверным, изменил. Это и толкает героя к неадекватному поведению. Еще в одном рассказе испытуемая долго сомневалась, рассматривая картинку, собирается ли герой покончить жизнь самоубийством или просто наслаждается видом из окна. Но, в конце концов, остановилась на втором варианте. Эти примеры можно интерпретировать как наличие у испытуемой суицидального риска. Несмотря на то, что потребность в данных ситуациях является характерной, она все же представляет собой не причину, а следствие давления. Поэтому, если рассматривать отсутствие и потерю как единый пресс, то он будет сочетаться с уже упоминавшимися потребностями в эмоциональном присоединении или интерагрессии.

8. Навыки планирования. Только половина рассказов имеет цели, причем в большинстве случаев они подразумеваются; 2/3 из них обеспечены средствами; 60% средств являются адекватными. Но мы не можем говорить о несформированности навыков планирования, так как у испытуемой имеются выраженные признаки психологического эквивалента депрессивного состояния:

- ◆ ближайшее, но разработанное прошлое и отсутствие будущего в 40 % случаев или указание на него в 50 %; отсутствие определенных исходов и прогнозов;
- ◆ мрачная окраска сюжетов (грусть, одиночество, расставание, попытка самоубийства);
- ◆ пониженный эмоциональный фон и пониженная самооценка;
- ◆ фиксация на темах неудач и счастья, в форме идеализации;
- ◆ наличие отказных ответов («Я ничего не вижу, изображение непонятное. Не хочу рассказ составлять. Надоело...»).

В ходе беседы испытуемая сказала: «Мое будущее для меня – шок. Я не знаю, что будет дальше... когда я закончу институт». То есть будущее выступает в качестве фрустрирующего фактора.

9. Что касается защитных механизмов, то для испытуемой характерны вытеснение (большое количество отрицательных речевых оборотов, наличие отказных ответов) и аутизация (присутствие аутистических тем, затрудненность контактов).

Резюме. Таким образом, на фоне адекватного отношения к обследованию были получены следующие результаты: уровень интеллекта выше среднего; наличие творческих возможностей; влияние наличия В рассказах признаков особой сферы и степени идентификации на продуктивность рассказов и их качество. Была выявлена повышенная интенсивность эмоциональных реакций, низкий порог их возникновения и эмоциональная лабильность; преобладание негативного фона настроения, а также присутствие ряда признаков, свидетельствующих о наличии психологического эквивалента депрессивного состояния. Характеристика «Я-концепции» испытуемой включает в себя: адекватную самооценку с тенденцией к понижению; устойчивую психосексуальную идентичность и смещение возрастной идентификации на более старший возраст. Испытуемой свойственны избирательность контактов и стремление к расширению контактной сферы. Уровень конфликтности повышен, наиболее конфликтна интимная сфера в силу неразрешенного

конфликта в семейной сфере (с матерью); реагирование в стрессовой ситуации в форме торможения. Наиболее характерными потребностями являются потребность в эмоциональном присоединении и беспомощности, сочетающаяся с давлением отсутствия, а также потребность в интерагрессии – с давлением потери или отрицания. Защитные механизмы – в форме вытеснения и аутизации. Наличие психологического эквивалента депрессивного состояния не позволяет судить о навыках планирования.

Пример 2

Заключение по исследованию личности Ф. И. О., 17 лет, учащаяся.

Исследование проводилось по просьбе экспериментатора. Отношение к обследованию адекватное. Контакт свободный.

Среднее количество слов в рассказе 167, среднее латентное время 1,2 мин.

Исследование по ТАТ показало, что у испытуемой уровень интеллекта нормальный: стиль рассказов в основном разговорный, встречаются небольшие недоработки, словарный запас средний.

Контроль над интеллектуальной и вербальной продукцией ослаблен, так как в сюжете имеются некоторые несостыковки, и, кроме того, испытуемая плохо контролировала свою речь, что выражалось в неправильном использовании слов и в несогласованности окончаний.

Творческий потенциал у испытуемой невысок, однако в рассказах имелись дополнения в виде запаха, цвета, света, а также при неразработанных эмоциях, рассказ получался эмоционально живым.

Таким образом, можно сказать, что у испытуемой нормальный уровень интеллекта, несколько пониженный контроль за интеллектуальной и вербальной продукцией, и присутствует творческий потенциал.

Характеристика эмоциональной сферы. У испытуемой повышена интенсивность эмоциональных реакций (ср. балл – 3,6), пороги возникновения эмоциональных реакций низкие, т. е. много стимулов вызывают эмоциональные реакции.

Преобладает пониженный фон настроения. Астенические эмоции почти в два раза преобладают над стеническими, т. е. персонажи чаще находятся в депрессии, печали, унынии, разочаровании, чем в радостном, воодушевленном настроении. Астенические эмоции ухудшают качество рассказа.

У испытуемой имеется небольшое число рассказов с эмоциональными сдвигами, ведущими к повышению эмоционального фона рассказа. Если в первых 10 рассказах наряду с пониженным и изменчивым фоном имеются рассказы с повышенным, то во вторых 10 рассказах Повышенного фона вообще нет, а преобладают нейтральный и изменчивый фон настроения.

Эти эмоциональные изменения влияют и на динамику продуктивности. Так, при изменчивом фоне с преобладанием стенических эмоций продуктивность велика и образует «пик», а при пониженном фоне с преобладанием астенических эмоций – продуктивность низка и образует «западение».

Так как соотношение мыслей и эмоций примерно равны, то можно предположить, что в стрессовых ситуациях испытуемая будет полагаться в равной степени и на объективные признаки адаптации, и на эмоции.

Таким образом, у испытуемой высокая интенсивность и низкие пороги эмоциональных реакций, фон настроения в основном понижен, преобладают отрицательные астенические эмоции, Самооценка. Самооценка испытуемой понижена: испытуемая иногда критиковала свои рассказы, а ее персонажи не всегда достигали Шелл и редко добивались успеха. Самооценка вполне адекватная. Психосексуальная идентичность устойчива. Искажений пола нет. Испытуемая идентифицирует себя с девушками 16-20 лет.

В целом женские персонажи рассказов занимают или пассивно-страдательную позицию, или от горя, от отчаяния убивают себя. Персонажи мужского пола в основном – занимают действенную позицию, часто причиняют страдания женщинам.

Представители старшего поколения в основном проявляют заботу о герое, переживают за него, хотя иногда и они являются причиной огорчения. Однако в большинстве случаев горе, печаль, безысходность, доходящую до самоубийства, герою приносят ровесники и пер-сонажи немного постарше. Так, в прошлом у испытуемой были проблемы с одноклассниками, которые не приняли новенькую в свой класс, они не раз оскорбляли ее, были даже попытки избить.

Кроме того, ее однажды пытались изнасиловать, но это был человек постарше ее и не из школы.

Таким образом, самооценка испытуемой понижена, психосексуальная идентичность устойчива, а особое внимание следует обратить на те позиции, которые она приписывает почти всем мужчинам и особенно ее взаимоотношению с ровесниками и ребятами немного старше.

Характеристика контакта. Для испытуемой присуща узость контактов, т. к. даже всех нарисованных персонажей она не задействует в своем рассказе, иногда уходит в идеальный план. Персонажи рассказов обращаются друг с другом не глубоко, не сопереживают, зачастую не заинтересованы друг в друге. Можно сказать, что персонажи стремятся к сужению контакта, стараются уйти от общения.

Таким образом, можно сказать, что испытуемая вступает в контакт с затруднением, возможно из-за перенесенных психических травм в прошлом.

Конфликтность. Конфликт присутствует в половине рассказов и является внешним. Очаги конфликтов находятся в личной и семейной сферах. В семейной сфере конфликт происходит по вине родителей («...мать била, оскорбляла дочь...» или отец – алкоголик). Здесь следует отметить, что своего родного отца испытуемая никогда не видела, с матерью долго жили вдвоем, а практически все мужчины в деревне, где она жила, были алкоголиками. С матерью у нее довольно хорошие отношения, хотя и бывал «ссоры».

В личной сфере женские персонажи испытывают фрустрацию, когда до них доходят сведения либо об измене мужа, либо гибели парня, с которым она встречалась. И из-за этого они кончают жизнь самоубийством. Кроме того, в этой сфере конфликт возникает, когда на героя внезапно нападают (так, мальчику ломают скрипку и бьют, а над девушкой издеваются и насилуют). Из этого можно сделать вывод, что для испытуемой наиболее характерны конфликты фрустрации.

В основном все конфликты в рассказах начинаются в прошлом, а разрешаются в настоящем. Большинство конфликтов разрешаются самостоятельно, однако неадекватными средствами, как и все, которые разрешаются несамостоятельно (самоубийство, избиение, изнасилование героя).

В стрессовой ситуации у испытуемой наблюдается реакция торможения, так как на фоне астенических эмоций ухудшается качество рассказа, преобладающие позиции героя – пассивная и страдательная, в содержании рассказов встречались выражения: «она потеряла сознание», «опустились руки».

Таким образом, у испытуемой преобладает внешний конфликт-фрустрация, находящийся в сферах: личная и семейная, который в основном разрешается самостоятельно, но неадекватными средствами, в конфликтных ситуациях у испытуемой реакция торможения.

Потребности и давления. Характерными давлениями для испытуемой являются отсутствие, потеря, а соответствующие потребности – подавленность настроения, уныние, интерагрессия (самоубийство).

Таким образом, можно сказать, что если испытуемой угрожает потеря, если ее бросают, то она может или просто быть подавленной, несчастной, либо это может угрожать самоубийством.

Планирование. Испытуемая имеет плохое планирование, т. к. цели : содержатся только в половине рассказов и в большинстве не обеспечены средствами.

Защитные механизмы Для испытуемой характерным защитным механизмом является вытеснение, т. к. в большинстве рассказов имеются отрицательные и вопросительные формы, сами рассказы невысокого уровня по качеству, а также часто при неблагоприятной ситуации в настоящем достигается положительный исход и не объясняется, какими средствами.

Резюме. Таким образом, особое внимание следует обратить на суицидальные мысли испытуемой, когда ей угрожает потеря близкого человека, а также на проблемы взаимодействия ее с противоположным Полом и, особенно, мужчинами ее возраста или чуть старше. О самой испытуемой можно сказать, что она имеет нормальный интеллект, незначительный творческий потенциал, преобладают отрицательные астенические эмоции, самооценка понижена, в контакты вступает с затруднением.

Пример 3

Заключение по исследованию личности Ф. И. О., 24 лет, студентка.

Исследование проводится по просьбе экспериментатора.

Отношение к обследованию адекватное: присутствует сформированный мотив экспертизы, заинтересованность в результатах обследования, готовность к сотрудничеству, аккуратность выполнения. Установочное поведение и патологические мотивы отмечены не были. Контакт с испытуемым проходил свободно и непринужденно.

Отношение к инструкции свободное. Среднее количество слов в рас-сказах 125. Средний латентный период 13 с.

1. Динамика продуктивности. При исследовании графика динамики продуктивности выявляется повышение продуктивности в рассказах с абстрактными темами, где уделяется много места философским размышлениям.

2. Уровень интеллекта. Данные анализа теста выявили у испытуемой высокий уровень интеллекта, о чем свидетельствуют преимущественно литературный стиль, логика изложения, отсутствие штампов. Характерно также хорошее творческое отношение в сочетании с контролем над интеллектуальной продукцией (богатый словарный запас, широта привлекаемой информации, отсутствие грамматических ошибок, пробелов в рассказах и т. п.).

Таким образом, испытуемая обладает высоким интеллектом. Имеется творческий потенциал в сочетании с контролем над интеллектуальной продукцией.

3. Эмоциональная сфера. Интенсивность эмоций находится в пределах нормы. Интеллектом эмоции не подавляются, о чем может свидетельствовать наличие живых образов в рассказах, метафор, описаний звука, цвета, особенно тактильных ощущений. Порог возникновения эмоциональных реакций выше среднего. У испытуемой наблюдается лабильность эмоциональных переживаний, колебания настроения. В равной мере присутствуют как стенические, так и астенические эмоции – от агрессии до подавленного настроения. Можно предположить влияние настроения на планирование, например отсутствие целей, будущего связано с пониженным фоном настроения. Если рассматривать влияние эмоций на продуктивность, то, несомненно, качество рассказов, окрашенных эмоционально, повышается.

Несмотря на достаточно неустойчивый фон настроения, мысли преобладают над эмоциями, это характерно для интеллектуального типа ориентации, т. е. испытуемая склонна в первую очередь обращать внимание на объективные признаки ситуации, хотя и может иногда поддаваться эмоциям.

Таким образом, для испытуемой характерны лабильность эмоциональных переживаний, преобладание мыслей над эмоциями, интеллектуальный тип ориентации.

4. Самооценка. Испытуемая почти всегда прямо идентифицирует себя с героями рассказов, однако нередко подвергает их критике, оценивает низко. Самооценка занижена, что подтверждается и другими тестами.

Психосексуальная идентичность устойчивая, искажения пола не наблюдается (в пределах нормы). Героини рассказов занимают в равной мере как активную, так и пассивную позиции. При идентификации с противоположным полом позиция активная. Отношение к противоположному полу лучше, чем к своему. В рассказах мужчина – удачливый, самостоятельный, «герой». Женщина нередко совершает недостойные поступки – она ворует, уводит жениха, торгует собой.

Все герои приблизительно одного возраста. Конфликта со старшими поколениями либо не существует, либо о нем сознательно умалчивают. Возраст героев идентификации несколько выше возраста испытуемой.

Таким образом, самооценка занижена, психосексуальная идентичность в норме. Позиция как активная, так и пассивная.

5. Характеристика контактов. Для испытуемой характерна узость контактов, дополнительные персонажи почти не вводятся, доминирует углубление в идеальные планы, в некоторых рассказах присутствует тема одиночества. Много внимания уделяется абстрактным темам, философским размышлениям.

Можно сделать вывод, что испытуемая погружена в свой внутренний мир, идентификации с героями глубокие, испытуемая им сопереживает. Контакты строятся на душевных

переживаниях, одиночество не воспринимается как проблема. Потребность в интенсивном общении не прослеживается. Все это может свидетельствовать об интро-вертированности испытуемой.

Таким образом, характерна узость контактов, склонность к философствованию, погруженность в себя.

6. Конфликтность. Для рассказов испытуемой свойственны, главным образом, конфликты-фрустрации. Чаще всего они возникают в прошлом. Персонажи справляются с ними, меняя отношение к ситуации. В стрессовых ситуациях для испытуемой характерна реакция мобилизации, так как качество рассказов не снижается, позиция героя не меняется. Разрешение ситуации и достижение цели (там, где она есть) достигается самостоятельно. Кроме того, испытуемая ориентирована к духовным ценностям, символам, а это связано с решением проблем на ином уровне, в частности – при помощи вытеснения (наличие ситуаций с негативным началом, которые заканчиваются благоприятно, а также отрицательные формы – «хотел уйти, но не ушел», «хотела убить, но не убила» и т. п.).

7. Причинами конфликтов становятся проблемы в личной и интимной сферах. В первом случае это может быть связано с размышлениями о себе, своем месте в мире, преодолением барьера между желаемым и действительным, внутренними переживаниями. Что касается интимной сферы, то проблемы отчасти могут быть связаны с отрицательным отношением к своему полу либо с трудностями в установлении контактов. С другой стороны, здесь уместно провести параллель с потребностями и прессами. Дело в том, что сексуальной потребности везде соответствует пресс присоединения. То есть сексуальная сфера проблемной не является. Поиск духовного партнера, очевидно, напротив, сопряжен с трудностями. Поскольку существует разделение влечений сексуальных и духовных, это формирует своего рода конфликт, который может оказывать негативное влияние на формирование структуры семейных отношений в дальнейшем. Проблема остается в числе неразрешимых.

Таким образом, для испытуемой характерны конфликты фрустрации, личность справляется с ними самостоятельно, характерны реакции мобилизации и особенно вытеснения. Основные проблемы имеются в личной и интимной сферах.

8. Планирование. Цель и будущее отсутствуют почти во всех рассказах. Это может быть связано, как уже упоминалось, с влиянием эмоций или отсутствием навыка планирования, либо испытуемая нарочно умалчивает об этом.

Резюме. Таким образом, на первом плане выделяется высокий уровень интеллекта испытуемой, творческий потенциал в сочетании с контролем над интеллектуальной продукцией, ориентация к духовным ценностям. Несмотря на лабильность эмоциональных переживаний, мысли преобладают над эмоциями; для испытуемой свойственна погруженность в себя, узость и разборчивость в установлении контактов; имеются конфликты в личной и интимной сферах. В стрессовой ситуации проявляется реакция мобилизации. Ведущий защитный механизм – вытеснение.

Рекомендуемая литература по теме

Холл К., Гарднер Л. Теории личности. – М., 1997. – С. 191-232.

Беллак Л. Клиническое применение Тематического апперцепционного теста // Проективная психология. – М., 2000. – С. 136-170.

Леонтьев Д. А. Тематический апперцептивный тест. – М., 1998.

Мюррей Г. Применение теста тематической апперцепции // Проективная психология. – М., 2000. – С. 129-135.

Тема 8. Рисунок несуществующего животного (РНЖ)

Вводные замечания

Проективный рисунок сравнительно недавно пополнил диагностический арсенал отечественных психологов, в то время как за рубежом он по распространенности уступает только ТАТ и пятнам Роршаха (Crenshaw et al., 1968; Brown et al., 1976). Основная волна исследований, посвященных проективному рисунку на западе, приходится на 40-70-е годы XX столетия. Бесспорным преимуществом проективного рисунка по сравнению с большинством других проективных методов является простота предъявления и минимум необходимых средств для проведения (бумага и карандаш). К сожалению, приходится также констатировать отсутствие последовательного теоретического обоснования признаков интерпретации. Это отрицательно сказывается на качестве интерпретации и достоверности диагностических выводов.

За простой на первый взгляд процедурой проведения методики РНЖ скрыты сложные психологические закономерности и связи. Без знания этих закономерностей интерпретация превращается в угадывание. Поскольку главным посредником в познании личности испытуемого в проективном рисовании является образ его фантазии, РНЖ относится к разряду специфических методов, валидизация которых основана на понимании закономерностей функционирования специфического канала невербальной коммуникации.

В настоящее время имеется большое количество русскоязычных руководств по проективному рисунку, в том числе и РНЖ. Легко заметить, что все они сходны по структуре: это своеобразные «словари», предлагающие относительно однозначную трактовку тех или иных деталей рисунка. Но ни в одном вы не найдете вразумительного объяснения предлагаемых связей. Хочу указать и еще на одну особенность публикаций такого рода: за последние десять лет в серьезных психологических журналах* не опубликована ни одна статья, посвященная валидизации проективной рисуночной техники, но в любом книжном магазине можно найти издание, где приводится руководство по интерпретации. Вывод напрашивается сам собой: за прошедшее десятилетие проективный рисунок завоевал большую популярность на рынке психодиагностических техник вопреки отсутствию сколь либо достоверной информации по его валидности.

В середине 80-х годов прошлого уже века мною было проделано исследование психосемантических закономерностей функционирования образов воображения и фантазии как посредников в психодиагностике¹. Задача его состояла в раскрытии психологических оснований интерпретации отдельных характеристик РНЖ и рисунка в целом. Предшествовало этому знакомство с удивительной женщиной и талантливым педагогом и психодиагностом – Майей Захаровной Дукаревич. От нее я впервые узнал о существовании проективного рисунка. Ее интерпретация попала ко мне в форме конспекта лекций РНЖ, в которой не содержалось объяснений психологических оснований такой интерпретации. Но они содержали для меня мощнейший стимул это понять.

Принципиальное отличие предлагаемого здесь подхода к интерпретации в том, что, овладев им, психолог перестает нуждаться в выучивании словаря интерпретации, а начинает коммуницировать с рисуночным образом непосредственно, опираясь на интуитивное понимание языка и герменевтику образа. Приступать к интерпретации нужно, предварительно освоив грамматику языка, на котором происходит коммуникация.

Таким образом, следующий далее текст предназначен для тех, кто хотел бы знать, почему тот или иной признак рисунка имеет какую-то интерпретацию, и научиться использовать эти знания в диагностической практике.

Теоретические основания интерпретации

Методика РНЖ относится к разряду экспрессивных проективных методов. Предполагается, что в малоструктурированной ситуации содержание фантазийной продукции в основном определяется имплицитными (скрытыми от непосредственного наблюдения, но проявляющимися в различных формах поведения) структурами индивидуального опыта испытуемого, опосредующими процесс рисования.

¹ Яньшин П. В. Психосемантические механизмы рисуночной проекции. Дисс. канд. психол. наук. – М. 1990.

Проективный рисунок – один из методов, использующих образ воображения в качестве опосредующего звена в познании личности испытуемого. Традиция изучения связи образов воображения с мотивационно-смысловой сферой личности восходит к классическим работам З. Фрейда и его школы (Фрейд, 1913; Ранк, Сакс, 1913). Проблема связи психического образа с личностью неоднократно ставилась в отечественных исследованиях (Выготский, 1967; Бахтин, 1927; Рубинштейн, 1940; Леонтьев, 1975; Смирнов, 1985 и др.), но так и не была решена. Семантический ракурс этой проблемы представлен рядом работ (Петренко, 1983, 1988; Артемьева, 1980; Шмелев, 1983; Столин, 1985; Яньшин, 1989, 1990, 2003 и др.) В проективном рисунке объединяются загадка строения символических образов, проблема взаимоотношений вербальной и речевой образности, механизмы отражения черт личности в живом движении и графике.

Создание теории проективного рисунка никогда не было самоцелью приверженцев этой техники, а явилось результатом осмысления эмпирических фактов (Machover, 1949; Buck, 1948; Hammer, 1960; Koppitz, 1984). Анализ англоязычных источников приводит к выводу, что теоретические предпосылки интерпретации проективного рисунка полностью совпадают с таковыми для проективной техники в целом. В ставшей уже классической работе К. Махвер «Личностная проекция в рисунке человеческой фигуры» предлагается трактовка проекции как акта «трансляции образа тела в графические термины так, что рисунок в определенном смысле является личностью, а бумага соотносится со средой». Вместе с тем, специфическая черта объяснительной концепции проективного рисунка состоит в рассмотрении его большинством исследователей как продукта невербальной коммуникации, а также в гипотезе об участии в процессе «трансляции» его скрытого содержания в рисунок устойчивых культурно-специфичных невербальных значений. Отсюда вытекает и важный принцип толкования рисунка (также сформулированный К. Махвер), состоящий в буквальном переводе графических признаков в словесный текст. Опорой такого перевода зачастую служит распространенная образность речи (метафоры).

Несмотря на то, что процесс проекции протекает без достаточного контроля сознания, он подчинен и сознательным установкам. К таковым следует в первую очередь относить желание скрыть свои психологические проблемы (диссимуляция), а также ситуативные установки, возникающие у испытуемого в отношении личности экспериментатора (желание понравиться, произвести впечатление и т. п.). Ситуация проведения исследования выступает в качестве контекста, определяющего смысл интерпретации. Исследования подтверждают, что в коммуникативной ситуации, характеризующейся неформальным контактом между испытуемым и экспериментатором и возникающей на основе открытого сотрудничества, порождаемый образ фантазии связан с «Я-образом» субъекта (Габидулина, 1986; Яньшин, 1989)¹.

При этом следует отдавать себе отчет в том, что качество контакта представляет собой некий континуум (от формального к свободному), который не так-то легко объективировать в ходе обследования.

Валидизация проективного рисунка как диагностической методики представляет собой самостоятельную сложную проблему. В многочисленных зарубежных исследованиях проверке подвергались как гипотеза о проекции личности в рисунок, так и отдельные диагностические признаки. Публикации содержат как подтверждающие, так и опровергающие данные. Традиционными критериями в подобных исследованиях являются экспертная оценка, клиническое наблюдение, метод известных групп и сравнение с данными других диагностических методов. Но большинство этих исследований устанавливает критериальную текущую валидность, т. е. посвящено проверке интерпретации неких частных признаков рисунка, например, величины головы, пола рисунка, его размера, качества рисунка и т. п. До сих пор справедливы упреки Г. Айзенка в сторону проективной техники: наиболее уязвимым местом проективных методов является «отсутствие специализированной научной модели для их структуры, которая смогла бы породить доступные проверке гипотезы и модели» (Eysenk, 1975). Во вступительной статье к учебнику было сказано, что в основе любого диагностического метода лежат, по крайней мере, две теории: теория объекта и теория измерения. Приведенный выше упрек станет, наверное, более понятным, если сказать, что для проективного рисования до сих пор не сформулирована общепринятая теория измерения.

Основой такой теории может являться гипотеза неосознанной трансляции в рисунок черт собственной личности, гипотеза о рисунке как форме неосознанной коммуникации и гипотеза

¹ См. раздел по валидизации метода в конце главы.

связи процесса этой коммуникации с языком невербальных значений и речевой образностью (метафорой). Эти гипотезы поддержаны такими известными представителями проективного направления, как К. Маховер и Е. Хамемер. Доказательство этих гипотез относится к конструктивной валидации рисуночной проективной техники (см. раздел по валидации метода в конце главы).

Обратимся к краткому определению основных теоретических понятий. Исходя из традиционных представлений, к процессу воображения правомерно относить процесс претворения какого-либо психического содержания в форму образа, в котором в трансформированной форме отражен прошлый опыт или предвосхищены результаты деятельности (Рубинштейн, 1940; Теплов, 1946; Петровский, 1977 и др.). Главное различие между абстрактным понятием и образом лежит в представленности в последнем основных перцептивных категорий и «аффективной» составляющей (Выготский, 1987; Рубинштейн, 1940; Леонтьев, 1975), что, однако, не лишает образ «гносеологической полноценности», т.е. способности нести не только конкретное, но и абстрактное содержание (Лосев, 1927; Свасьян, 1983; Arnheim, 1974; Paivio et al., 1968 и др.).

Чтобы понять, как «работает» проективный рисунок, следует осознавать, что любой образ имеет, по крайней мере, три тесно взаимосвязанных «компонента».

Первый – это имя, название, или предметная отнесенность. В речи оно выражается в форме существительного, отвечающего на вопрос – Что?

Второй компонент – перцептивная форма. В проективном рисунке она преимущественно визуальная, но, как показали наши исследования, в образ РНЖ испытуемые включают также температурные, кинестетические, осязательные и, реже, обонятельные и прочие характеристики чувственной ткани образа. Перцептивная форма в речи представлена в виде прилагательных, отвечающих на вопрос – Какой?

Третий компонент – эмоциональная окраска, или отношение. В речи оно проявляется так же, как и перцептивная форма – в виде прилагательных.

Образ, функционирующий как средство коммуникации (а именно таковым и является образ проективной фантазии), есть образ-знак, или символический образ. В образе-знаке (символе) предметная отнесенность («имя» образа), эмоциональное отношение к этой предметности и визуальная форма связаны вполне определенными структурными отношениями (подробнее см.: Яньшин, 1990, 2003). А именно: перцептивная (визуальная) форма образа является своеобразным «воплощением» (трансляцией) эмоционального отношения¹.

¹ В рамках семантического подхода в искусствоведении (Лосев, 1976, 1982; Лотман, 1976; Аверинцев, 1975; Arnheim, 1974 и многие другие) к образу широко применим термин «знак» либо «символ». Специфика таких образов-знаков состоит в неконвенциональности, отсутствии явной договоренности относительно их содержания при закономерной семантической мотивированности «визуальной формы» («живописной образности», «образа») неким иноположенным ему содержанием («референтом», «идеей», «данностью духовной жизни»). Референт образа-знака (т.е. его скрытое содержание) обладает предикатом активности (А. Ф. Лосев), а визуальная форма – функцией «интерпретатора» (Р. Арнхейм) этого внеобразного содержания. Такая точка зрения на образ воображения сходна со взглядом К. Маховера на проективный рисунок.

Благодаря закономерной проекции визуальной формы в вербально-при-знаковое описание образ-знак может быть представлен как простое высказывание, где предметная отнесенность играет роль субъекта, а набор прилагательных описания – расширенного предиката; это же описание в «свернутом» виде содержится в визуальной форме образа. Поскольку образ воображения несет в себе как предметное, так и эмоциональное «сообщение», существуют два различных типа референции (связи означающего и обозначаемого).

Понимание «предметного» сообщения опосредовано системой предметных (денотативных), а эмоционального сообщения – коннотативных значений. Исследования в рамках экспериментальной психосемантики (Петренко, 1963, 1983; Артемьева, 1980; Шмелев, 1983) подтвердили тесную связь эмоций и визуальной формы (чувственной ткани) образа. Сказанное дает веские основания предполагать, что в образе воображения, функционирующем как образ-знак (неконвенциональный символ), визуальная форма образа оказывается закономерно связанной с эмоциональным отношением к некой предметности, причем эта предметность может быть заменена другим «именем».

Соотношение между эмоцией и перцептивной формой правомерно рассматривать аналогично глубинной структуре и поверхностной форме высказывания (Хомский) с той разницей, что это «высказывание» адресовано непосредственному восприятию коммуниканта. В символе поверхностная структура высказывания аконстантна по форме (здесь – перцептивной), но аутентична по эмоционально-синестетическому наполнению, глубинному (личностно-смысловому, эмоциональному) содержанию.

Эти закономерности прослеживаются в описаниях символических явлений в прикладном и экспериментальном психоанализе (Фрейд, 1913; Ранк, Сакс, 1913; Moss, 1969) и герменевтических приемах в историко-культурных исследованиях (Ястребова, 1974; Семенцова, 1980). Сходные соотношения присутствуют в феномене связи между значением и звучанием слова в речи (Журавлев, 1981). В проективном рисунке, психоанализе, искусствоведении и лингвистике мы имеем дело с общими закономерностями функционирования невербального канала коммуникации.

В проективном рисунке, как «тесте структурирования», опорой в интерпретации служат «картинные» особенности образа при неизменности предметного содержания. Предметным содержанием рисуночного образа является, как это ни парадоксально звучит, – его название, т. е. то, что задано испытуемому в инструкции, например, «несуществующее животное». Видимый парадокс состоит здесь в том, что само по себе это название максимально обеднено содержанием. Но это как раз и делает эту инструкцию проективной, т. е. позволяет испытуемому выразить без помех некое «внутреннее» содержание своего «личного мира». Основное психологическое содержание проективного рисунка заключено в том, как испытуемый рисует несуществующее животное, т. е. в том, какое оно: большое или маленькое, доброе или злое, агрессивное или беззащитное. Принимая описанную выше семантическую структуру символа, можно предполагать, что в рисунке в основном отражаются личностно-смысловые, а не мотивационные аспекты личности. Иными словами, внешний вид рисунка и его словесные характеристики, даваемые испытуемым, – есть метафорическая форма его эмоционального отношения к самому себе. Это подводит нас к следующей формулировке: проективный рисунок есть разновидность метафорического самоописания. Интерпретация, следовательно, состоит в переводе метафор самоописания в язык психологических терминов. Таким образом, процесс интерпретации следует рассматривать как герменевтическую задачу, т.е. процедуру применения определенного алгоритма интерпретации к символическому тексту.

Теоретической основой интерпретации проективного рисунка в данном пособии являются следующие тезисы.

Образная продукция испытуемых (сам рисунок и его словесное описание) есть частный случай коммуникации в специфическом контексте ситуации обследования.

Связанное с рисунком внеобразное содержание (то, что неосознанно и осознанно составляет содержание сообщений) коммуницируется и может быть проинтерпретировано (осознано) посредством некоего «словаря» бытующих в культуре устойчивых метафорических образов. Иначе: рисунок есть форма метафорического самоописания.

Этот словарь актуален как для испытуемого, так и для интерпретатора (иначе коммуникация бессмысленна).

Перечисленные положения базируются на предположении, что проективный рисунок может быть использован в качестве диагностического инструмента благодаря тому, что представляет собой частный случай функционирования некоего невербального канала коммуникации, основанного на архетипических структурах языка, в частности на устойчивых метафорических образах, структурирующих обыденное сознание. Это предположение нашло свое подтверждение в исследованиях (Яньшин, 1989, 1990) и материалах по валидации метода в конце главы.

Правила проведения РНЖ¹

Методика «Рисунок несуществующего животного» (РНЖ) требует объединения с другими методами или тестами. Она может включаться как вспомогательный диагностический прием в процесс групповой психокоррекции либо в клиническое обследование. Рисунок может быть использован как материал для живого обсуждения в группе пациентов либо в диалоге исследователь – испытуемый с целью выяснения и уточнения черт личности, проблем и социальных установок. В плане индивидуального консультирования рисунок может использоваться в качестве эвристической опоры для направления беседы.

Инструкция: «Придумайте и нарисуйте несуществующее животное и назовите его несуществующим названием». Далее можно уточнить, что нежелательно брать животное из

¹ Дальнейший текст – это расширенный вариант руководства, впервые опубликованного в сборнике «Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции». – М., 1990. – С. 54-72. В основу текста был положен конспект лекций М. З. Дукаревич, дополненный и переработанный с ее разрешения.

мультфильмов, так как оно уже кем-то придумано; вымершие животные тоже не подходят, поскольку задача в том, чтобы придумать животное самостоятельно.

Для проведения необходим простой карандаш средней твердости, не остро отточенный (ручкой, фломастером рисовать нельзя). Лист бумаги стандартный, белый или кремовый, но не глянцевый. Бумага должна быть ориентирована вертикально.

Интерпретации

При интерпретации следует помнить сказанное в теоретическом введении относительно особенностей невербального канала коммуникации.

Первой важной характеристикой невербального канала коммуникации является его тесная связь с эмоциями, играющими определяющую роль в формировании образов фантазии. В связи с этим психологу-интерпретатору необходимо постоянно развивать в себе:

- ◆ способность эмпатически вживаться в рисунок;
- ◆ входить с ним в эмоциональный контакт;
- ◆ рефлексивность вызываемых им чувств.

Результатом этого процесса является возникающее общее впечатление от рисунка, играющее роль главного ориентира при интерпретации частных признаков рисунка.

Второй важной характеристикой этого канала является связь с речевыми метафорами. В целом наши экспериментальные исследования подтверждают, что механизм отображения черт «Я-образа» в проективный образ сходен с таковым для метафор (представление содержания в ином контексте)¹.

Вот пример такой метафоричности РНЖ. В наших экспериментах (Янь-шин, 1990) испытуемые описывали рисунок и себя по шкалам семантического дифференциала (СД). Самооценка фиксировала личностные характеристики (типа «добрый – злой»), а оценка «животного» – физические параметры (типа «тяжелый – легкий», «теплый – холодный»). Последующий корреляционный анализ факторов, полученных на основании двух различных наборов шкал СД, показал, что «волевые» характеристики самооценки испытуемых закономерно трансформируются в «силовые» и динамические характеристики тела животного. Моральные аспекты самооценки трансформируются в цвето-световые, температурные и эстетические параметры образа РНЖ. Следовательно, можно говорить с уверенностью, что Я-образ, представленный в форме словесного описания типа «добрый», «ленивый»,

«ответственный», в образе воображения РНЖ может выглядеть, соответственно, как «теплый», «медлительный» и «светлый».

Вместе с тем, эти взаимосвязи оказались более сложными и менее однозначными, чем предполагалось. В целом полученные нами результаты позволяют говорить о проекции не как о «превращении» образа в образ (образ «Я» образ РНЖ), а как о закономерном «воплощении» некоего домысленного (еще не облеченного в сознании в перцептивную форму) смыслового «зародыша» в контексты различных образных реалий, а именно в самооценку или «тело» несуществующего животного (рис. 8.1).

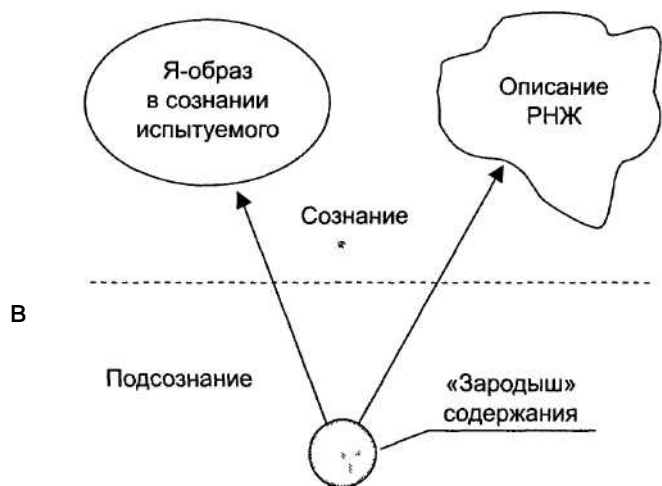

Рис. 8.1. Иллюстрация процесса проекции самоотношения в сознательное самоописание и описание характеристик образа РНЖ

Это воплощение подчинено интуитивно понимаемым правилам. Так, испытуемый, в самоописании которого доминируют характеристика «добрый» и «отзывчивый», наделит

¹ Суть метафоры как выразительного средства состоит в том, что с ее помощью некое содержание переносится в иной контекст, тем самым выявляя свои латентные коннотаты (смыслы). Например, метафора «теплый взгляд» переносит зрительный образ (выражение лица) в кинестетический контекст. Кроме того, что еще важнее, только благодаря метафоре, подчас, вообще возможно выразить содержание, не имеющее в нашем опыте перцептивного воплощения. В первую очередь это касается душевных феноменов. Например, метафора «высокая самооценка» позволяет выразить некий психический опыт (самоотношение) в пространственной форме.

Метафоричность рисунка по отношению к личности испытуемого, в частности, должна проявляться в том, что «Я-образ» испытуемого, представленный в его сознании в форме таких словесных характеристик, как, например, «хороший – плохой», «добрый – злой» и т.п., в рисунке отразится в форме графических особенностей.

несуществующее животное чертами «мягкости», «теплоты» и «светлоты» с присутствием положительно оцениваемых цветов – желтого, зеленого, голубого. Испытуемый, низко оценивающий собственные волевые качества, придумает, скорее всего, маленькое, легкое существо.

К проективному образу, следовательно, правомерно относиться как к своеобразному метафорическому эквиваленту самоописания. Эта эквивалентность основана на глубинном семантическом (синестетическом) тождестве языков описания образов, которые в сознании испытуемого существуют в форме внешне совершенно различных реальностей. Всем людям, в сущности, знаком этот язык, поскольку мы с легкостью понимаем, что доброго человека можно охарактеризовать как «мягкого» и «теплого», а упрямого и несговорчивого – как «тяжелого», «холодного» и «жесткого»; человека, облеченного авторитетом – как «весомого», «большого» и т.п.

Одним из опорных положений при интерпретации, основанной на описанных закономерностях, является семантический параллелизм образно-графического и вербально-метафорического рядов (Яньшин, 1989). Это положение имплицитно содержится в руководствах по проективному рисунку, где, например, высоко расположенный рисунок прямо соотносится с высокой самооценкой и притязаниями испытуемого, размер персонажа – с его значимостью. Выражения же «высокий идеал», «большой человек», «низкая самооценка» и т. д. являются устойчивыми речевыми метафорами, использующими язык пространства для передачи внепространственного содержания. Придание определенного значения расположению рисунка в пространстве листа бумаги превращает пространство листа в естественный контекст интерпретации образа-знака.

В самом общем виде процесс интерпретации состоит из двух шагов:

1) то, что содержится в рисунке (местоположение, детали изображения и их взаимоотношения и т. п.), буквально переносится на личность рисовавшего в качестве его метафорического описания;

2) суждение о психологических особенностях испытуемого формируется в результате перевода с языка метафорического описания на привычный психологический жаргон.

Пример: (1) шипы => «личность с шипами» => (2) склонность к защитной агрессии; (1) большие уши => «человек с большими ушами» => (2) повышенная заинтересованность в информации о себе.

Основной трудностью при истолковании рисунка является многозначность отдельных деталей и признаков. Например, величина рисунка, в зависимости от характера контура, графики, эмоционального фона и т. д., может говорить либо о тенденциях к самораспространению, либо о преобладании эгоцентрических установок, либо о нарушении контроля над интенсивностью аффективных проявлений или о гипертимии (гипомании) и т.д. Поэтому первым правилом ограничения интерпретации является подчинение ее общему впечатлению от рисунка (см. ниже по тексту об общем впечатлении и соответствующие примеры интерпретации).

Кроме обязательного подчинения толкования отдельных деталей общему впечатлению, важным способом сузить значение символа является сознательный выбор надлежащего контекста интерпретации. Например, при наличии в рисунке панциря, шипов, чешуи и т. п. при интерпретации на первый план естественно выступает контекст самозащиты, задаваемый оппозицией «уязвимость-защищенность», а, например, не характер уровня притязаний, который естественнее связать с расположением рисунка на вертикали листа бумаги. Эвристической опорой в обоих примерах служит употребимость аспектов рисунка в повседневной речевой метафорике (иносказательных характеристиках речи). Например «высокая самооценка», «высокие цели» или «человек в панцире», «ершистый характер».

Правильный выбор контекста является важным приемом в работе с рисунком, позволяющим содержательно расширить его интерпретацию. Это потребует развить собственное чувство языка. Количество возможных интерпретационных контекстов во многом зависит от фантазии и внутренней подвижности интерпретатора. Однако здесь же кроется и опасность «обратной проекции» собственных личностных черт на материал рисунка.

Не все аспекты интерпретации в равной мере нами валидизированы, т. к. при обосновании преобладал поиск наиболее общего подхода к доказательству диагностической ценности методики, нежели скрупулезный перебор всех возможных сочетаний признаков. На

сегодняшний день можно считать достаточно обоснованными положения о существовании разнообразных связей образа несуществующего животного с «Я-образом» испытуемого и о наличии разнообразных связей между уровнем притязания, самооценкой, установками реагирования в конфликтных ситуациях и расположением рисунка на листе бумаги и его ориентацией.

Методика РНЖ нами валидизировалась в основном на клиническом контингенте в ситуации достаточно неформального и заинтересованного отношения со стороны испытуемых. Использование методики

в ситуации принудительной экспертизы с целью отбора кадров значительно снижает, а в большинстве случаев полностью сводит на нет ее эффективность. В разделе, посвященном валидизации метода, содержится дополнительный материал на подростковом контингенте.

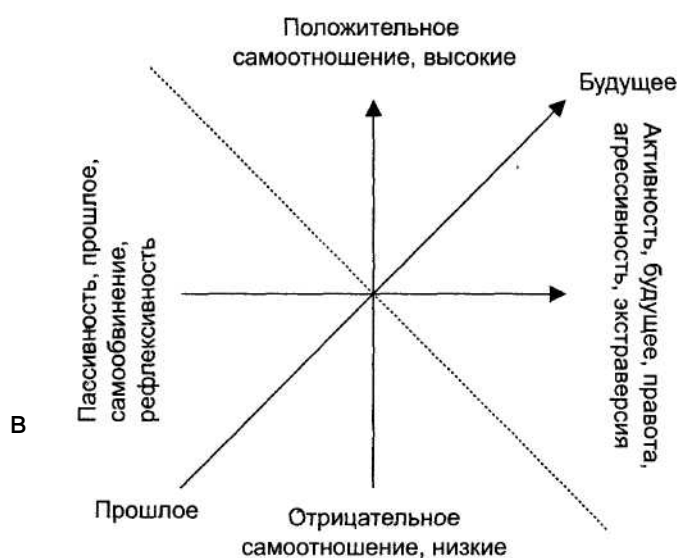
Аспекты анализа рисунка

Аспекты анализа рисунка разделяются на формальные и содержательные. К формальному аспекту относятся: а) семантика расположения в пространстве и б) графологические признаки.

Семантика пространства проективного рисунка

Как свидетельствует практика и экспериментальные исследования, пространство рисунка семантически неоднородно. Оно связано с эмоциональной окраской переживаний и временным периодом – настоящим, прошедшим и будущим, а также с предрасположенностью к действию либо рефлексии. Пространство, расположенное сзади и слева от субъекта, связано с прошлым и бездеятельностью (т. е. отсутствием активной связи между замыслом, планированием и его осуществлением), а пространство впереди и справа – с периодом будущего и активностью. Лист бумаги является двумерной проекцией этого пространства.

Как доказали наши исследования, в структурном плане в семантике пространства проективного рисунка имеется достаточно выраженное противопоставление «верха» и «низа», «правого» и «левого», а также семантическая «склейка» «верха» с «правым» и «низа» с «левым». В содержательном плане чувство собственной правоты, связанное с внешне-обвинительной (экстрапунитивной) позицией, отражалось в сдвиге рисунка вправо, а неправоты (интрапунитивности) – влево. Так же высокие и низкие притязания («идеал-Я»)¹. связаны с «высоким» и «низким» положениями рисунка в пространстве листа бумаги.

Сопоставление этой семантической структуры с реконструированной по материалам историко-культурных, этнографических и историко-лингвистических исследований семантикой ритуально-миологического пространства и «пространственных» метафор (Иорданский, 1982; Шапиро, 1983; Иванов, 1983; Афанасьев, 1982 и др.) выявило их отчетливое совпадение как в структурном, так и в содержательном плане.

Таким образом, буквально воспроизводя то, что речи имеет переносное значение, семантика проективного образа оказывается синонимичной архетипическим структурам языка, т. е. устойчивым речевым метафорам (рис. 8.2).

Рис. 8.2. Реконструкция семантики пространства проективного рисунка

На листе левая сторона и низ рисунка связаны с отрицательно окрашенными эмоциями, депрессией, неуверенностью, пассивностью. Правая сторона (соответственно доминантной правой руке) и верх – с положительно окрашенными эмоциями, энергией, активностью, конкретностью действий.

В норме рисунок расположен по средней линии (или несколько левее) и чуть выше середины листа бумаги (рис. 8.4 и 8.6). Положение рисунка ближе к верхнему краю листа (чем больше, тем выраженнее) трактуется как высокая самооценка, неудовлетворенность

¹ Под уровнем притязаний здесь и далее понимается высота оценки качеств собственной личности, обладать которыми стремится испытуемый, или идеальный «Я-образ».

собственным положением в обществе и недостаточным признанием окружающих, претензия на продвижение, тенденция к самоутверждению, потребность в признании. Повышение положения рисунка на листе бумаги коррелирует со стремлением соответствовать высокому социальному стандарту, стремлением к эмоциональному принятию со стороны окружения. Повышение рисунка также связано с уменьшением фиксации на препятствиях к достижению ситуативных потребностей.

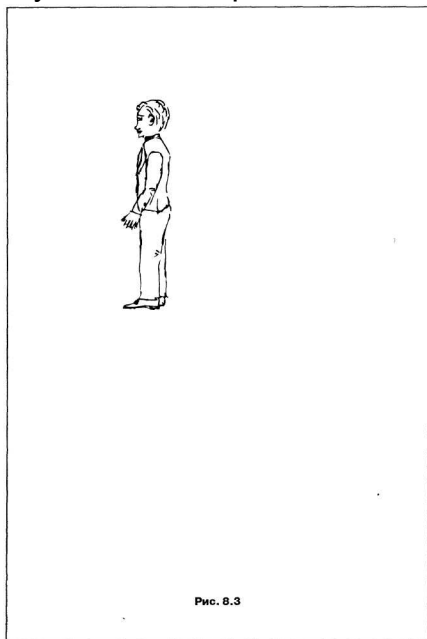

Рис. 8.3

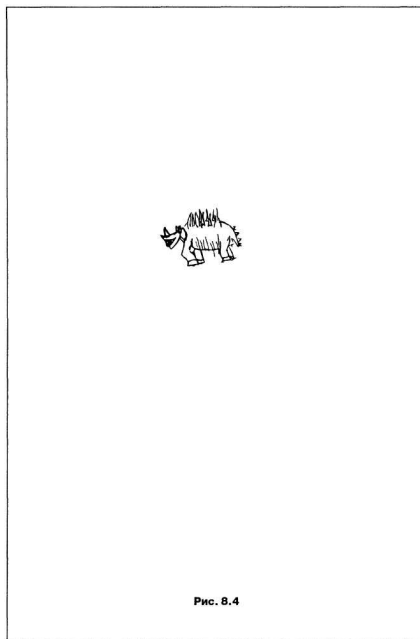

Рис. 8.4

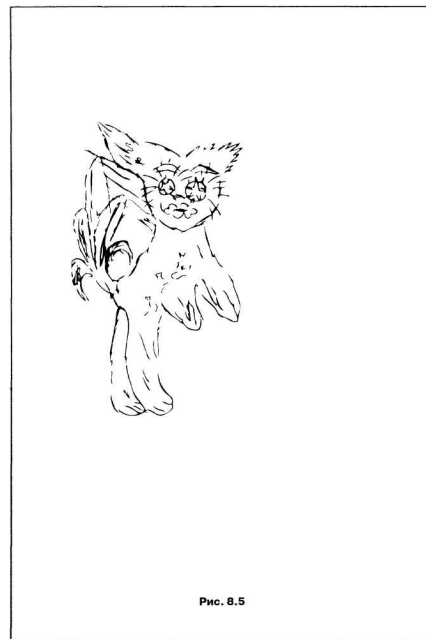

Рис. 8.5

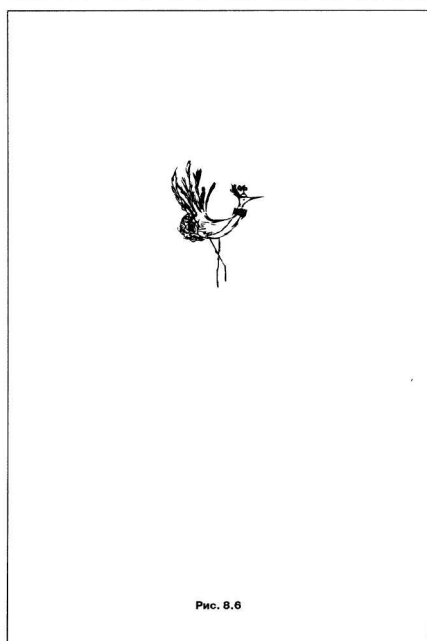

Рис. 8.6

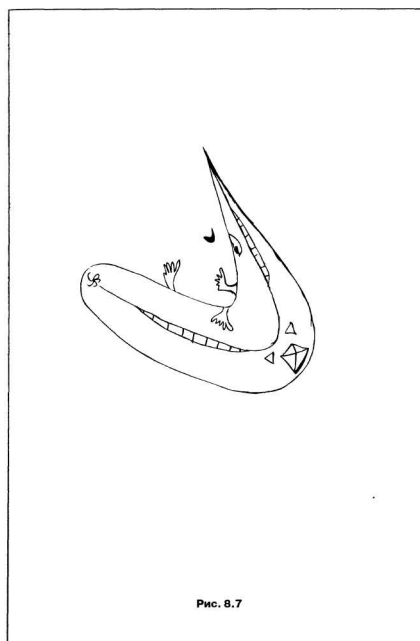

Рис. 8.7

Положение в нижней части листа – обратный показатель: неуверенность в себе, низкая самооценка, подавленность, нерешительность, незаинтересованность в своем социальном положении, отсутствие стремления быть принятым окружением, склонность к фиксации на препятствиях к достижению ситуативных потребностей. Правая и левая полуплоскость листа имеют противоположную коннотацию по оппозициям «пассивность-деятельность», «внутреннее-внешнее», «прошлое-будущее».

Соответственно расценивается местоположение рисунка вправо и влево от средней линии листа, а также ориентация головы и тела животного вправо, влево, в фас. Местоположение скорее символизирует готовые к реализации состояния и реакции на момент рисования, в то время как ориентация головы и тела символизирует общую направленность в сторону достижения тех или иных состояний в рамках указанных оппозиций.

Считается, что голова, направленная вправо, символизирует устойчивую тенденцию к действию: почти все, что обдумывается и планируется, осуществляется или, по крайней мере, начинает осуществляться (если даже и не доводится до конца). Испытуемый настроен на реализацию своих установок и намерений. Голова, направленная влево – тенденция к рефлексии, к размышлению, «не человек действия». Лишь незначительная часть замыслов реализуется или хотя бы начинает реализовываться. Нередко это также – нерешительность, страх перед активными действиями, (вариант: отсутствие ли тенденции к действию или боязнь активности – следует решить дополнительно). Наши исследования свидетельствуют, что это также может быть связано с отсутствием притязаний на самоутверждение в сфере внешне-

преобразовательной деятельности, с отсутствием склонности к доминированию, с фиксацией на какой-либо ситуации в прошлом.

Положение «анфас», т. е. голова, направленная на рисовавшего, может трактоваться как эгоцентризм. Такое положение часто бывает сходно по значению в отношении описанных параметров уровня притязаний с поворотом влево. Иногда оно трактуется как прямота, бескомпромиссность, сформировавшиеся как реакция на глубинное чувство незащищенности (Buck, 1948).

Сдвиг рисунка вправо может свидетельствовать об акцентировании в сознании будущего, мужских черт характера, стремлении к контролю над ситуацией, ориентации на окружающих, экстраверсии (Buck, 1948). Сильный сдвиг вправо наблюдается достаточно редко и может быть связан с «бунтарством», неподчинением (Levi, 1950). Наши исследования выявили статистически значимую связь между сдвигом рисунка вправо и рядом показателей фрустрационного теста С. Розенцвейга: повышался удельный вес экстрапунитивных реакций с целью эго-защиты, общее количество направленных вовне реакций и уровень агрессивности. Связь активного отстаивания собственной правоты со сдвигом вправо хорошо иллюстрирует связь рисунка с языковой метафорой¹.

Сдвиг рисунка влево имеет противоположное значение. Это акцентирование прошлого, нежелание участвовать в ситуации, склонность к принятию вины и ответственности на себя, застенчивость, интроверсия. Преобладают интропунитивные реакции, снижается уровень направленной вовне агрессивности и активности.

Двух- (и более) головые животные и «тяни-толкай» рассматриваются как выражение противоречивых тенденций. Необходимо также осторожно подходить к интерпретации рисунков, занимающих более 2/3 площади листа бумаги, а также к рисункам, выходящим за срез листа: они могут не подчиняться указанным семантическим закономерностям. Особую категорию составляют маленькие рисунки, расположенные в левом верхнем углу листа. Этот тип локализации часто свидетельствует о высокой тревожности, склонности к регрессивному поведению и эскапизму (желание выйти из ситуации, уход в прошлое либо в фантазию), избеганию новых переживаний. Возможна выраженная дисгармония между самооценкой и уровнем притязаний (актуальным и идеальным «образом Я»). Эти рисунки также могут не подчиняться общим семантическим закономерностям.

Обобщая, можно сказать, что проективное пространство рисунка является символом всех возможных пространств, с помощью которых могут быть метафорически охарактеризованы личность и характер индивида. Чаще всего оно символизирует социальную среду в различных ее аспектах (ценностном, объектном, коммуникативном, временном, эмоциональном и т. д.). В плане интерпретации эти аспекты игра-Ют роль контекстных рамок, ограничивающих многозначность образа.

К ряду герменевтических приемов работы с пространством относится обращение внимания на субъективные ощущения, вызванные рисунком (например: шаткость-устойчивость, что относится к ориентации в социуме, самооценке и пр.). Для выведения в сознание этих ощущений можно попытаться представить, куда «двинется» животное, если «открепить» его от плоскости листа бумаги: вправо, влево, вверх» вниз или оно останется на месте. Попытайтесь представить, легкое или тяжелое это животное, подвижное или застывшее на манер статуи, имеет ли оно «внутренний каркас» или «стечет» вниз, как только освободится от поддержки, и т.д.? Попытайтесь определить, насколько однозначен или противоречив рисунок возможного движения животного. Например, одна часть фигуры движется в одном направлении, а другая этому препятствует (см. рис. 8.5 на с. 211) либо даже движется в противоположном направлении.

Графологические аспекты интерпретации

Здесь можно выделить два аспекта анализа:

- ◆ уровень наличных технических средств воплощения образа в графике (анализ характеристик идеомоторного акта);
- ◆ пространственно-символический аспект.

К уровню наличных технических средств относится анализ линии. Для нормы характерна уверенная линия со средним равномерным нажимом и четкими соединениями (рис. 8.7).

¹ «Быть правым» – очень древняя метафора, имеющая сходный смысл ВО многих индоевропейских языках, что свидетельствует о ее архетипических Корнях.

Колеблющаяся, прерывающаяся линия, «островки» перекрывающих друг друга линий, несоединенные углы, «запачканные» рисунки говорят о легкой напряженности, повышенном уровне тревожности, что свойственно «невротикам» (см. рис. 8.5). Контуры рисунка здесь могут быть размытыми, «волосатыми», во всем исполнении может чувствоваться неуверенность, неловкость. Характер линии служит одним из индикаторов общей энергии. Слабая «паутинообразная» линия («возит карандашом по бумаге»; не нажимая на него) является признаком экономии энергии, астенизации, снижения общего тонуса. При пониженном фоне настроения это встречается достаточно редко и сочетается с экономией линии и деталей (обедненностью изображения).

Согласно М. З. Дукаревич, обратный характер линии не является полярным: это не энергия, а следствие увеличения тонуса мускулатуры в связи с тревожностью. Особо следует обращать внимание на резко продавленные линии, видимые с обратной стороны листа (судорожный, высокий тонус рисующей руки) – резкая генерализованная тревожность (см. рис. 8.4)¹.

Необходимо обращать внимание на то, какая деталь, какой символ выполнен с увеличением нажима, т.е. к чему «привязана» тревога (например, верхний «шип» – рис. 8.7). О повышении тревожности также говорит наличие штриховки внутри контура фигуры (см. рис. 8.4 и 8.5) и различных деталей (Handler, 1967)².

Хотя в целом рисунок 8.7 нельзя отнести к так называемой «норме», характер линии свидетельствует об относительной свободе моторики от генерализованной аффективной дезорганизации. К варианту нормы правомерно отнести рис. 8.6.

Рисункам «невротиков» также бывает свойственно отклонение от вертикали, «качающиеся рисунки», недорисованные конечности, незаконченность или непомерное увеличение кистей и стоп.

В пространственно-символическом аспекте анализируется направление линии и характер контура. «Падающие линии» и преимущественное направление сверху вниз влево свидетельствуют о быстро истощаемом усилии, низком тонусе, возможной депрессии (Werner, 1965). «Поднимающиеся линии», преобладание движения снизу вверх направо отражают хорошее энергетическое обеспечение движения, склонность к трате энергии, агрессивности.

Контур фигуры традиционно трактуется как граница «Я» и социума, символизируемого окружающим пространством (Elkish, 1960; Machover, 1950). Фигура круга, особенно ничем не заполненного, символизирует тенденцию к сокрытию, замкнутость, закрытость своего внутреннего мира, нежелание сообщать о себе сведения окружающим, нежелание подвергаться тестированию. Такие рисунки дают очень ограниченное количество информации о себе.

Контур фигуры анализируется по наличию или отсутствию выступов типа шипов, панцирей, игл, прорисовке или затемнению линии контура. Это – защита от окружающих: агрессия, если они выполнены в острых углах (см. рис. 8.4); страх и тревога, если имеет место затемнение, «запачкивание» линии контура; опасение и подозрительность, если поставлены «щиты», заслоны, линия удвоена (например, рис. 8.7, справа). Направленность такой защиты интерпретируется соответственно пространственному положению по схеме на рис. 8.4. Верхний контур – реакция против вышестоящих, против лиц, реально имеющих возможность наложить запрет, ограничение, осуществить принуждение, т. е. против старших по возрасту, родителей, учителей, напальников, руководителей (см. рис. 8.4 и 8.7). Нижний контур – защита против насмешек, отсутствия авторитета, т.е. против нижестоящих, младших, подчиненных, боязнь осуждения. Боковые контуры – недифференцированная опасливость, готовность к самозащите любого порядка и в разных ситуациях; то же самое – элементы защиты, расположенные не по контуру, а внутри контура, на самом корпусе животного. Справа – больше в процессе реальной деятельности, слева – больше защита своих мыслей, убеждений, вкусов.

¹ Этот признак не нашел подтверждения в экспериментах на подростках, которые были разделены по признаку высокой и низкой личностной тревожности. (Дипломная работа Курбатовой М. Г. Науч. рук. Лапатина О. В., ф-т психологии СамГУ, 2001 г.

² Исследования М. Г. Курбатовой (2001) подтвердили в качестве признаков личностной тревожности у подростков: штриховку, многократные стирания, локализацию рисунка внизу и в верхнем правом углу листа, прорисовку глаз с радужкой и зрачком, приоткрытый рот округлой формы, интенсивно затушеванные волосы (или грива) фигуры.

Степень агрессивности выражена количеством, расположением и характером острых углов в рисунке, независимо от их связи с той или иной деталью. Особенно весомы в этом отношении прямые символы агрессии – когти, клювы, зубы (см. рис. 8.4). Контур также может рассматриваться как «оболочка», символ контроля со стороны «Я» за собственной аффективностью, ее проявлением вовне. Укрупненные рисунки могут свидетельствовать о повышении аффекта, эгоцентризме, придании повышенного значения собственной персоне. При этом следует учитывать, что дети рисуют крупнее взрослых, девочки – крупнее мальчиков. Мелкие рисунки – свидетельство наличия депрессии, подавленности, угнетенности, чувства собственной малозначимости, повышенного самоконтроля.

Уверенные, хорошо стыкующиеся линии, упругая пластичность контура является показателем хорошего контроля аффективности. В случае повышенной возбудимости, плохой контролируемости аффективных проявлений по интенсивности появляются увеличенные рисунки с плохо пристыкованными, имеющими перерывы, но энергичными линиями контура, создающими впечатление «разрывания» оболочки изнутри наружу. Ощущение ригидности, хрупкости оболочки при отсутствии теплоты в общем впечатлении от рисунка может являться признаком длительно подавляемой эмоциональности либо нивелирования, уплощения эмоциональной сферы (см. рис. 8.3 и 8.4)

Содержательный анализ рисунка

1. Центральная смысловая часть фигуры (голова или ее заместители).

Значение расположенных на голове деталей, соответствующих органам чувств.

«Уши» – заинтересованность в информации и значимость мнения окружающих о себе (см. рис. 8.5). Дополнительно по другим показателям можно определить: предпринимает ли испытуемый что-либо для завоевания положительной оценки или только дает на оценки окружающих соответствующие эмоциональные реакции – радость, обиду и пр.

Приоткрытый рот в сочетании с языком (при отсутствии прорисовки губ) трактуется как повышенная речевая активность (болтливость); в сочетании с прорисовкой губ – чувственность, иногда – и то, и другое вместе (см. рис. 8.5). Открытый рот без прорисовки языка и губ, особенно зачерненный, трактуется как облегченность возникновения опасений, страхов, недоверия. Рот с зубами – вербальная агрессия, в большинстве случаев – защитная («огрызается», грубит в ответ на обращение к нему высказывания отрицательного содержания, осуждения или порицания). Для детей и подростков характерен рисунок зачерненного рта округлой формы (в случае боязливости, тревоги).

Особое значение придается глазам как символу присущего человеку переживания страха¹.

Это значение особо подчеркивается резкой прорисовкой радужки.

Ресницы – истероидно-демонстративные манеры в поведении, для мужчин – женственные черты характера (с прорисовкой зрачков совпадает редко). Ресницы также – заинтересованность в восхищении окружающими внешней красотой и манерой одеваться, придавание большого значения внешности (см. рис. 8.5).

На голове бывают также дополнительные детали:

- ◆ рога: защита или агрессия (определяется в сочетании с другими признаками агрессии – когтями, щетиной, иглами и пр. Характер этой агрессии: спонтанный или защитно-ответный);
- ◆ перья: тенденция к самоукрашению и самооправданию, демонстративность;
- ◆ грива, шерсть, подобие прически: чувственность, подчеркивание женщинами своего пола, иногда – ориентация на свою социальную роль (см. рис. 8.5, 8.6).

2. Несущая, опорная часть фигуры (ноги, лапы и пр.).

Рассматривается «основательность» этой части по отношению к размеру всей фигуры и по форме.

Согласно М. З. Дукаревич, основательность опорной части – обдуманность, рациональность в принятии решений, основательность в суждениях, опора на существенные положения. В обратном случае – поверхностность суждений, легкомыслие в выводах, неосновательность суждений (см. рис. 8.6); иногда – импульсивность в принятии решения, ; особенно при отсутствии или почти отсутствии ног. Следует обратить внимание на характер соединения ног (лап) с корпусом: соединены точно, тщательно, небрежно, слабо, не

¹ На рис. 8.5 так трактуются расположенные вдоль корпуса «животного» глаза, которые, по словам испытуемой, «никогда не бывают полностью закрыты».

соединены вовсе – все это есть метафорическое описание контроля за своими рассуждениями, выводами, решениями. Однотипность и однонаправленность, повторяемость формы «ног», лап, любых элементов опорной части – конформность суждений и установок, их стандартность, банальность. Разнообразие в положении этих деталей – своеобразие установок, суждений, самостоятельность, иногда (соответственно необычности формы) – творческое начало или инакомыслие.

3. Части, поднимающиеся над уровнем фигуры (могут быть функциональными или служить украшением):

1) крылья, дополнительные ноги, щупальца, детали панциря;

2) перья, бантики, завитушки, кудри и пр.

Первые – энергия охвата разных областей человеческой деятельности, уверенность в себе, «самораспространение» с неделикатным, неразборчивым утеснением окружающих либо любознательность, «соучастие» как можно в большем количестве мероприятий, завоевание себе «места под солнцем», увлеченность своей деятельностью, смелость предприятий (соответственно значение детали-символа: крылья или щупальца). Вторые – демонстративность, склонность к обращению на себя внимания, манерность.

Согласно М. З. Дукаревич, хвосты отражают отношение к собственным действиям и решениям, размышлениям, выводам, к своей вербальной продукции, судя по тому, повернуты ли эти хвосты вправо (см. рис. 8.4) или влево (см. рис. 8.5 и 8.6). Вправо – по поводу своих действий и поступков (поведение), влево – по поводу мыслей, решений, пропущенного момента, собственной нерешительности. Положительная или отрицательная оценка этого отношения выражена в направлении хвоста. Вверх – уверенно, положительно, бодро; падающим движением вниз – недовольство собой, подавленность, сожаление, сомнение по собственному поводу, раскаяние и т. п. Особенно следует обратить внимание на хвосты, состоящие из нескольких, иногда повторяющихся звеньев, особенно пышные, длинные, разветвленные.

4. Общая энергия оценивается количеством изображенных деталей.

◆ просто примитивный абрис;

◆ только необходимое количество деталей, чтобы дать представление о придуманном животном (тело, голова, конечности, хвост и т.д.);

◆ с заполненным контуром;

◆ имеет место изображение не только необходимых, но и усложняющих конструкцию дополнительных деталей.

Соответственно, чем больше составных частей и деталей (помимо самых необходимых), тем выше энергия. И наоборот – экономия энергии, астенизированность.

5. Тематический аспект. Тематически животные делятся на угрожающих, угрожаемых и нейтральных. Это относится к собственной персоне, к своему «Я», представлению о своем положении в мире. Сюда же относится представление о защищенности-беззащитности, способности опекать/потребности в заботе, дружелюбности/агрессивности и т. д. Тематический аспект выявляется в процессе опроса и составления испытуемым рассказа на тему «Один день из жизни животного».

Об инфантилизме и эмоциональной незрелости свидетельствует уподобление рисуемого животного человеку, начиная с постановки животного в положение прямохождения (на две лапы вместо четырех, одевание в человеческую одежду) и кончая похожестью морды на лицо, конечностей на ноги и руки. Механизм этого сходен с аллегорическим значением животных и их характеров в сказках и притчах. Но это не следует путать с наделением животного разумом и признаками человеческих взаимоотношений с себе подобными, что, напротив, является одним из признаков неформального отношения к обследованию и, следовательно, хорошей проекцией.

Следует обратить внимание на акцентировку признаков пола – вымени, сосков, груди (при человекоподобной фигуре). Это относится к полу, вплоть до фиксации на сексуальных проблемах. Рисунок одноименного с собой пола считается признаком хорошей идентификации со своей сексуальной ролью; в обратном случае – может сигнализировать об имеющихся здесь нарушениях. Здесь следует иметь в виду то, что женщины в большей степени склонны рисовать существ противоположного пола, нежели мужчины.

6. Необычные детали. Следует обращать внимание на вмонтирование механических частей в ткань животного:

- ◆ постановка животного на постамент;
- ◆ тракторные гусеницы;
- ◆ прикрепление к голове пропеллера;
- ◆ вмонтирование в тело проводов, электроламп и т. п.

Это характерно не обязательно) для больных шизофренией и глубоких шизоидов (если не продиктовано установкой на особую оригинальность).

7. Творческие возможности. Выражены обычно характером сочетания элементов фигуры. Банальность, отсутствие творческого начала принимает форму готового, существующего животного, к которому лишь приделываются также «готовые детали» – чтобы существующее животное стало несуществующим (см. рис. 8.6). Оригинальность выражается в форме построения фигуры из элементов, а не из «заготовок».

8. Название. Может выражать рациональное содержание смысловых частей («летающий заяц», «бегакот», «мухожор»); другой вариант – словообразование с «книжно-научным», иногда с латинским суффиксом или окончанием («реталетус», «наплиолярия»). Первое – рациональность, конкретная установка при ориентировке и адаптации; второе – демонстративность, направленная главным образом на подчеркивание своего разума, эрудиции. Встречаются названия поверхностно-звуковые, без всякого осмысления («грягэкр», «ла-лио»), знаменующие легкомысленность отношения к окружающему, неумение учитывать сигналы опасности, наличие аффективных критериев в основе мышления, перевес эстетических элементов над рациональными. Иронически-юмористические названия («риночурка» «пельмеш») – при соответственном иронически-снисходительном отношении к окружающим и/или процедуре обследования. Инфантильные названия обычно имеют повторяющиеся элементы («тру-тру», «кус-кус»). Склонность к фантазированию (чаще защитного порядка) выражена непомерно удлиненными названиями.

9. Беседа. Рисование животного завершается беседой-опросом. Выясняется происхождение, пол, возраст, габариты, уточняется предназначение необычных органов, а также органов, носящих агрессивный характер. Выясняется способ добывания пищи (плотоядное или не?), взаимоотношение с сородичами и само наличие таковых, способ обзаведения потомством (брачные отношения), наличие и характер поведения в опасных ситуациях, борьба с врагами или жертвами. Принцип интерпретации рассказа в общем аналогичен таковому для ТАТ. Если испытуемый не готов к ответам на эти вопросы, можно попросить его описать «один день из жизни животного», задавая по ходу нужные вопросы.

Как показали наши исследования, одним из индикаторов силы неосознанной идентификации с образом животного является его принятие либо отвержение испытуемым. Это особенно проявляется в ситуации затрудненного контакта (например, ситуация принудительной экспертизы). Как правило, испытуемый тем тесней идентифицируется с образом, чем выше его оценивает. Однако степень идентификации и наличие проекции не тождественные явления. Так, во время интерпретирующей беседы (подачи психологической обратной связи испытуемому) можно столкнуться с отвержением в рисунке ряда черт собственной личности (агрессивность, подозрительность, враждебность), в то время как перечисленные признаки реально присущи поведению испытуемого (см. рис. 8.4). Вероятнее всего подобное поведение свидетельствует о контридентификации испытуемого с этими характеристиками при плохом их осознании. Таким образом, прицельное выяснение степени принятия или отвержения испытуемым различных особенностей или всего образа в целом создает возможность выяснить степень идентификации, а также предположить наличие и определить характер отвергаемых (вытесненных из сознания) черт личности.

10. Модификация проведения. Рекомендую проведение РНЖ вслед за проведением «Рисунка человека».

Как показывает практика и экспериментальная проверка, кроме проекции «Я-образа», рисунок может воплощать идеальный «Я-образ», образ значимого другого, отношение к экспериментальной ситуации и к личности экспериментатора. Сравнительные замеры показали, что описание образа в «Рисунке человека» ближе к «идеальному образу "Я"» и теснее связано с ним. Степень идентификации в «Рисунке человека» Значимо связана со степенью удовлетворенности собой (т. е. обратно пропорционально расстоянию между

актуальной самооценкой и идеальным «Я-образом»). В то же время образ «животного» ближе к образу «Я», чем к идеалу, и мало зависит от их соотношения. На практике это выражается в том, что «Рисунок человека» фиксирует какой-либо социально одобряемый и соответствующий легко актуализируемым установкам испытуемого стереотип поведения. В подобных случаях РНЖ является более информативным, что проявляется в большем разнообразии продукции (сравните рис. 8.3 и 8.4, принадлежащие одному испытуемому).

11. Общее впечатление. Существует разделяемое большинством специалистов по проективному рисунку мнение (Koppitz, 1984), что интерпретация должна начинаться с осознания общего впечатления рпг рисунка: переживания эмоционального тона и целостности содержащегося в нем сообщения. Это интуитивный эмпатический процесс, Приходящий только с опытом. Психотехника вживания в рисунок состоит в том, чтобы позволить свободно войти в сознание первому впечатлению, не «зашумляя» его какими-либо предпосылками со стороны рассудка. Согласно К. Боландеру (Bolander, 1977), это первое впечатление позволяет получить первичное понимание индивидуальных эмоциональных реакций испытуемого, степени его эмоциональной зрелости, наличия или недостатка внутреннего баланса.

Первое впечатление является той целостностью, из которой эксперт исходит, приступая к интерпретации, и к которой обязан вернуться, пройдя этап анализа деталей изображения. Любые отклонения и противоречия в толковании частного признака с целостным впечатлением должны быть специально проанализированы, помня, что приоритет всегда – за общим впечатлением. Важным правилом интерпретации можно считать следующее положение: все приведенные в данном руководстве толкования частных признаков имеют ценность только как одна из более доступных форм осознания и конкретизации общего целостного впечатления, как форма его вербализации. Устойчивость общего впечатления демонстрируется его константностью при рассмотрении рисунка человека и РНЖ одного и того же испытуемого (сравни рис. 8.3 и 8.4).

Следующие ниже образцы интерпретации служат примером того, как анализ кажущихся противоречий между общим впечатлением и рядом характеристик изображения помогает углубиться в конфликтные сферы личности испытуемого.

Примеры интерпретации с опорой на общее впечатление от рисунка

Случай № 1 (см. рис. 8.3 и 8.4). Рисунки принадлежат одному испытуемому. Общим здесь является ощущение ригидности, неподвижности, тяжести изображения. Это скорее изображение статуй, а не живых существ. Такой рисунок может принадлежать субъекту, характеризующемуся ригидностью эмоциональных установок, аффектов, либо с признаком эмоциональной отчужденности в поведении, трудностями в установлении контактов, либо – личности с сильной склонностью к вытеснению глубинного аффективного комплекса. То, что в общем впечатлении от этих рисунков присутствуют скорее отрицательные, нежели положительные эмоции, свидетельствует о некотором снижении фона настроения испытуемого. Все это присутствовало в клинической картине, что подтверждалось и параллельным обследованием рядом проективных методик и ММРІ.

Опора на общее впечатление часто помогает устранить многозначность отдельного признака. Так, в данном примере расположение на вертикали листа соответствует норме, что, на первый взгляд, противоречит впечатлению снижения фона настроения от рисунка, так как «депрессивные» рисунки, как правило, тяготеют к нижнему срезу листа. В данном случае это противоречие должно быть отнесено в счет собственно внутриличностных противоречий испытуемого. При ана-Яизе личности этого испытуемого мы столкнулись с борьбой сильных ригидных установок на достижение успеха – с одной стороны, и ситуативно обусловленным снижением настроения, сочетающимся с фрустрацией временной перспективы в связи с грозящим уголовным наказанием, – с другой. С «временной» осью (ориентация в прошлое, рефлексивность) здесь связан поворот рисунка влево и заметный наклон передней части корпуса вниз.

Одной из главных особенностей на рис. 8.4 является обилие признаков агрессивности. Поскольку агрессия считается скорее выражением стеничности (активности), это также, на первый взгляд, противоречит общему впечатлению неподвижности рисунка. Однако необходимо четко дифференцировать пассивность от ригидности. Первая – признак расслабленности, отсутствия тенденции к активности; вторая есть следствие торможения и подавления существующих тенденций к действию. Это как раз и создает внутреннее

напряжение. Отдавая Приоритет общему впечатлению, агрессивность данного испытуемого должна трактоваться как подавляемая, импульсивная. Склонность К вытеснению агрессии, как указывалось, проявлялась и в отрицательном отношении к рисунку самого испытуемого.

Рисунки 8.3 и 8.4 принадлежали внешне хорошо социально адаптированному и, на первый взгляд, гиперсоциальному молодому мужчине, имевшему выраженные установки на достижение успеха в плане карьеры. В поле зрения клиники он попал в связи с необычным типом криминального поведения, внешне противоречащего его повседневному образу среди родственников и сослуживцев. Оно проявлялось в форме немотивированных как со стороны жертвы, так и со стороны сознания испытуемого грубых агрессивных действий, направленных против случайных женщин (прохожих) и имевших импульсивный характер. В момент агрессивного эпизода испытуемый не контролировал себя, а впоследствии считал поступки чуждыми своей личности, но испытывал ощущение разрядки и облегчения. Код его профиля MMPI: 68270-91534 X 4:24:4 (6-я шкала - 107 Т-баллов, 4-я - 61).

Случай № 2 (см. рис. 8.5). Контраст общего впечатления от рисунка хорошо заметен, если сравнить рисунки 8.4 и 8.5. Как по личностным особенностям, так и по характеру клиники пациентка, которой принадлежит рис. 8.5, почти во всем противоположна предыдущему испытуемому. На первый план в ее рисунке выступает детскость и незащищенность, желание понравиться, потребность в протекции. Если в предыдущем примере эмоциональный фон характеризовался тревогой и напряжением (с элементами депрессии), то в данном случае фон настроения близок к астено-депрессивному с выраженным преобладанием астенического компонента. Это впечатление от рисунка находится в тесной связи с поведением испытуемой в эксперименте, где приведенные характеристики выражались очень рельефно.

По результатам методик и клинической беседы пациентка характеризовалась как обладающая нереалистическими представлениями о себе, заметно завышенным уровнем притязаний и самооценкой, притязанием на особое эстетическое чутье и высокий интеллект. На первый план выступал истероидный радикал при склонности к демонстративностиTM, стремлении показать себя в ситуативно-выгодном свете, достаточно тонким и нюансированным восприятием личностных особенностей людей, в мнении которых она заинтересована. Длительная психотравмирующая ситуация привела ее к стойкой декомпенсации имевшихся психопатических черт характера. Поведение испытуемой в целом подчинялось неосознанным установкам на разрешение психотравмирующей ситуации путем «ухода в болезнь». Код ее профиля MMPI: 32871450-9 X 6:7:22.

Высокая оценка персонажа своего рисунка испытуемой свидетельствовала о ее тесной идентификации с «Духом лесного утра». Это подтвердил и двукратный замер ассоциируемого с рисунком и собственной личностью цвета (зеленый) по методике ЦТО, который к тому же стоял первым в восьмицветовом ряду теста Люшера. Из этого совпадения следует, что в рисунке мы имеем дело с теми чертами, с которыми испытуемая сознательно и неосознанно идентифицируется и которые она согласна открыто представить исследователю. Завышенная самооценка, стремление подать себя в наиболее выгодном свете и высокое расположение рисунка взаимно коррелируют. Завышенная оценка своих интеллектуальных способностей коррелирует с поднятым вверх хвостом в левой части пространства листа и большой головой животного. Последнее, как и вертикальная постановка корпуса, связано также с несомненным инфантилизмом личности испытуемой. Она идентифицируется с чертами собственной беспомощности и детскости, что и в повседневной ее жизни рассчитано на провокацию заботы со стороны психотерапевта и окружающих.

Наиболее заметной особенностью данного рисунка является обилие декоративных деталей, о чем свидетельствует и фрагмент описания, данного испытуемой: «...Зрачки – как утренние звезды, они излучают перламутровые лучи. Рот похож на цветок весенней фиалки: голубой и примерно такой же формы. Крылья такие прозрачные и приятные, как воздух вокруг чайной розы... Хвост – как перья папоротника. И весь он покрыт цветами и травой...» Излишняя склонность к декорам в рисунке и рассказе могут говорить о дезадаптивности соответствующих черт в поведении, что полностью подтверждается данными MMPI, где 3-я шкала (демонстративность) поднята до 93 Т-баллов, а К (склонность представлять себя в выгодном свете) – до 68 Т-баллов.

В пользу склонности к астеническим реакциям говорит направление штрихов – сверху вниз, общая неуверенность графики, элементы пунктирности внутри контура. В рассказе с

этим коррелировала склонность «Духа» «...исчезать при появлении людей». Последняя склонность к эскапизму подтверждается положением рисунка в левой верхней части листа.

Случай № 3 (см. рис. 8.7). Этот пример представляет материал для уяснения трех ярко представленных в нем моментов. Первый – заметная неустойчивость психосексуальной идентификации нарисовавшей его девушки. Это следует не только из того, что ему атрибутируется средний род (это «оно»), но и из общего впечатления «мужественности» стиля рисования. Этому впечатлению во многом способствует чистая геометричность и лаконизм линии контура, а также некоторая схематичность, рассудочность образа. Вторым характерным моментом – почти физически ощутимое движение (падение) по направлению к нижнему правому углу листа и одновременное вращение против часовой стрелки. Последнее правомерно прямо связывать с проецируемой испытуемой на персонаж РНЖ «потребностью в ориентации» как следствие ее собственной плохой ориентации в социуме. Третий момент – хорошо заметное различие между деталями, органично включенными в целостную конструкцию, и теми, которые «прикреплены» как бы искусственно. В первую очередь это относится к «опорам», выполненным в форме кистей рук. Подобная неорганичность этих деталей может свидетельствовать об их компенсаторном характере. Это подтверждается тем, что кисти рук, символизирующие обычно активное взаимодействие и контакт с социумом, не осознаются самой испытуемой как руки, но как «опоры»(!). Сюда же относится и невозможность «опорам» таковыми служить, поскольку они «спрятаны» внутри контура и, в крайнем случае, на них можно разве что висеть¹.

В совокупности перечисленные особенности создают картину достаточно выраженной микросоциальной дезадаптации испытуемой при выраженных затруднениях социальных контактов. Этот вывод хорошо соотносится с главной особенностью рисунка: замкнутым контуром, четко ограничивающим рисунок от среды.

В приведенных примерах мы специально останавливались только на наиболее характерных особенностях рисунков. Желающие могут продолжить интерпретацию, опираясь на перечисленные в руководстве признаки.

Резюмируя, можно сказать, что для использования общего впечатления необходимо не только развитие чувствительности к нему, но и внимание к тому, как сам испытуемый относится к рисунку.

Описание патопсихологических симптомокомплексов РНЖ

Следующее ниже описание симптомокомплексов некоторых психопатологических расстройств мы еще раз предваряем предупреждением, исходящим от классика проективного рисунка К. Махвер: проективный рисунок не предназначен для психопатологической диагностики и не должен валидизироваться через сопоставление с психиатрическим диагнозом. Однако применение проективного рисунка в качестве инструмента клинической психодиагностики своим следствием имело накопление практического опыта, позволившего сделать определенные обобщения. Следующий ниже текст заимствован из методических рекомендаций, составленных Т. Н. Краско².

Целесообразнее всего использовать проективный рисунок для решения задач дифференциальной диагностики. Безусловно, проективный рисунок должен использоваться наряду с другими патопсихологическими методами, поскольку невозможно постулировать клинический диагноз с помощью только одной методики, какой бы информативной она ни была. При оценке данных любой методики на первый план должен выступать синдромальный подход, основанный на принятых патопсихологических регистр-синдромах, являющихся аналогами основных клинических синдромов. Такой подход – это результат своеобразного вклада психиатрии в патопсихологию, и при сотрудничестве психолога и психиатра он является наиболее адекватным.

Проективный рисунок имеет неодинаковую чувствительность к различным патопсихологическим симптомокомплексам. Диагностическая валидность проективного рисунка наиболее высока при выделении психогенно-невротического регистр-синдрома. Затем (в порядке убывания): психопатологического (лично-аномального); органического; шизофренического; аффективно-эндогенного.

¹ Испытуемая занималась дельтопланеризмом.

² Краско Т. Н. Применение проективного рисунка в патопсихологическом обследовании больных неврозами и психопатиями. – Харьков, 1992.

На основе данного положения будет изложено два рисуночных симптомокомплекса: невротический и психопатологический.

1. Рисунки больных неврозами.

<...> Для рисунка невротиков, независимо от клинической формы невроза, характерны статистически подтвержденные отличия от нормативной группы.

В области композиционного строения рисунка: краевое расположение, тяготение к левому верхнему углу и мелкий размер. В области техники: отсутствие сплошной линии, слабый нажим и наличие выделенных или заштрихованных участков. Детали рисунков закруглены, зрительно завершены, могут быть наведены несколько раз. Отсутствует размашистая штриховка и крупные элементы. Сами образы чаще всего тривиальны, построены по принципу объединения деталей различных животных, дублирования или отсутствия какого-либо органа у обычного животного. В рисунках больных неврозами не встречаются подчеркнута нереальные образы и животные, имеющие сходство с неживыми объектами. Образный ряд в рисунках невротиков беден, животные воспринимаются как статичные «бесхарактерные» и характеризуются обычно как «пассивные».

У больных неврастенией (а также при наличии в структуре невроза депрессивного синдрома) перечисленные особенности проявляются наиболее полно. В процессе выполнения встречаются такие высказывания: «Я не смогу, не умею, опозорюсь». Готовый рисунок часто производит впечатление незавершенного. Сами больные могут бросить работу, не завершив рисунок, с высказываниями типа: «Ну, хватит», а после дополнительного мотивационного стимулирования – продолжить.

Очень характерно профильное расположение рисунка, микрография, направленность деталей вниз, падающие линии. Несмотря на бедность и лаконичность рисуночного образа, у таких больных не встречаются рисунки, состоящие из одного только контура, как не встречаются также рисунки «масочные» и контрпроективные. Преобладают названия типа «Одноухий заяц», «Летающий стрекозел», «Кошкмышь» и т.п.

Рисунки больных неврастенией близки к рисункам астенизированных органиков. Дифференциальная диагностика в таких случаях весьма затруднена и определяющим является наличие или отсутствие органического графического симптомокомплекса.

У больных с истерическим неврозом рисунки разнообразны. Ведущими факторами, формирующими тот или иной вариант выполнения, являются эмоциональная оценка ситуации, мотивация на обследование и интеллектуальный уровень.

Если нет заинтересованности в результатах обследования и задание выполняется по принципу «только отвяжись», то возможно появление контурных рисунков и рисунков, близких к кругу. Если мотив обследования выражен значительно, то работа выполняется старательно, с попыткой угадать оценку экспериментатора и найти его поддержку. Только для этих больных характерно повышенное внимание к изобразительной стороне рисунка.

Основная отличительная особенность рисуночных образов – объединение черт обычных животных, примитивная комбинация их органов или других признаков. Возможны также изображения известных животных с отсутствием каких-либо деталей (например утка без ножных перепонки, корова без вымени), что и делает, по мнению авторов, этих животных «несуществующими».

Кроме того, характерно наличие на примитивно изображенном животном, у которого может не хватать функциональных частей, каких-то украшающих декорирующих элементов, животные зачастую неустойчивы в опорной части, могут быть косо расположены на листе, какая-то часть рисунка может быть многократно наведена или подчеркнута при непрорисованности остальных элементов.

Самые распространенные названия – уменьшительные с окончанием на «-ик» («Носатик», «Пушистик», «Геркулесик») или сочетания без всякого смысла («Колб», «Чуф»). Чем ниже интеллектуальный уровень, тем вероятнее прямая проекция внутренних конфликтов в ходе беседы-опроса. При высоком интеллекте это тоже возможно, но в этом случае больной, как правило, понимает, что рассказывает о себе и особенно ярко демонстрирует и акцентирует свои проблемы.

Проективные рисунки больных неврозом навязчивых состояний более однородны, чем при любой другой патологии. Как правило, эти рисунки – проекция психастенических черт. Для них высоко специфичны композиционная упорядоченность, небольшой размер, четкие

завершенные линии, зачерненные или заштрихованные детали и участки, равномерный нажим. Характерна «защита» контура шерстью, иглами, панцирем. При этом контур может быть прерывистым: с разрывами, незамкнутостью. Гораздо чаще, чем при других формах невротозов, животные расположены анфас, всегда прорисованы или зачернены глаза. В целом рисуночные образы производят беззащитно-трогательное впечатление, хотя при беседе-опросе авторы рисунков могут подчеркивать их активность и приспособленность.

При дифференциальной диагностике невротоподобной патологии органического генеза и невроза важно выявить не столько наличие Невротического симптомокомплекса, сколько отсутствие органического.

2. Проективные рисунки больных психопатиями.

<...> Важно отметить, что по одним параметрам рисунки нормативной группы находятся между рисунками невротиков и психопатов, а по другим – рисунки больных этих двух нозологии почти совпадают друг с другом, резко отличаясь от нормативных.

Тем основным признаком, по которому проективные рисунки невротиков и психопатов достоверно отличаются от рисунков здоровых, является наличие выделенных или заштрихованных участков (свидетельство тревоги, внутренней напряженности и эмоциональной неустойчивости).

Если наличие в рисунке этого признака сочетается с отсутствием четкой непрерывной линии, а также с расположением в верхней части листа (или с краевым расположением), то такой рисунок является достоверным свидетельством пограничной или невротической психопатологии.

Из тех параметров рисунка, по которым нормативная группа занимает промежуточное положение между невротиками и психопатами, следует отметить характеристики рисуночного образа. Рисунки психопатов воспринимаются в целом более «фантазийными», чем рисунки здоровых людей, не говоря уже о рисунках больных невротозами. Кроме того, у них больше стремления дать объем, подчеркнуть деталь штриховкой, нарисовать животное в динамике, придать ему «внутреннее выражение». При этом более характерны крупный размер и центровая композиция; направленность анфас или вправо.

Следует также указать, что рисунки психопатических личностей в целом демонстрируют снижение адаптационных возможностей у этих больных. Это часто выступает в гиперкомпенсаторном варианте: резкое усиление «внешней защиты», агрессивные тенденции, наличие дополнительных органов и частей тела, резкое несовпадение рисуночного образа животного с тем, что рассказывается о нем в беседе (например, слабому, мелкому и неустойчивому животному могут приписываться сверхъестественные возможности).

Сравнительный анализ рисунков при психопатиях различных кругов демонстрирует ряд особенностей, отличающих рисунки каждой подгруппы от других. Так, рисунки психопатов тормозимого круга во многом близки рисункам невротиков и больных невротозом навязчивости. Эти рисунки не бывают крупными, не отмечены богатством деталей, однако от рисунков невротиков их отличает наличие приспособительных органов, «характерность» образа при бедности графических характеристик. Кроме того, среди графических показателей встречается такой, который не присущ никаким другим рисункам: своеобразная линия, начинающаяся резким нажимом с последующим его ослаблением до полного исчезновения. Отличие от рисунков больных невротозом навязчивости в том, что резче выражена потребность в защите: не «пассивная» защита в виде игл или шерсти, а «активная» (специальные органы, выполняющие защитную функцию, удвоение контуров и т. п.). Кроме того, психопатические личности тормозимого типа чаще отказываются давать пояснения в ходе опроса, часто не удовлетворены собственным рисунком, так как им «не нравится» придуманное животное.

Рисунки психопатов истероидного круга во многом близки к рисункам больных истерическим невротозом, однако отличаются от них большими размерами, энергичной линией и тем, что примитивизм образа может скрадываться подчеркиванием, укрупнением или разрисовкой отдельных деталей. Рисунки могут иметь массу элементов, дополнений, деталей. При этом в беседе обычно подчеркивается беззащитность животного, неперспективность вида в целом. Вообще для этой группы больных особое значение приобретают данные беседы-опроса. Особое внимание следует обращать на несовпадение впечатлений от рисунка с тем, что говорит о нем автор: приписывание «слабому» образу агрессивных или хищнических

тенденций, или, наоборот, подчеркивание слабости, уязвимости, безобидности животного, которое кажется сильным и активным.

Еще одна особенность рисунков истероидных психопатов – часто встречающиеся большие выразительные глаза. Они могут быть единственной деталью, которая в рисунке обращает на себя внимание, вплоть до изображений животных, состоящих только из головы с глазами. Такие образы, как и рисунки животных, имеющих сходство с человеком, являются, как указывалось выше, показателями сензитивности, инфантильности, эмоциональной незрелости. Их противоположностью являются «масочные» рисунки и подчеркнута нереальные образы, которые тоже могут встречаться у истероидных психопатов и являются проекцией эгоцентрических или негативных личностных установок.

Рисунки психопатов возбудимого круга отличаются, прежде всего, крупными размерами, часто для них характерна резкая, прерывистая «летающая» линия. Бывают случаи, когда рисунки даже не помещаются на листе бумаги из-за того, что композиция не спланирована заранее. В образах много динамики, характерно внутреннее напряжение, животные могут быть нарисованы бегущими, приподнимающимися на задние лапы, ощерившимися, с открытым ртом. Часто встречаются избыточные приспособительные органы, подчеркивающие агрессивность. Рисунки и их названия могут быть нарочито вызывающими, циничными, эти тенденции могут особенно четко проявляться в беседе-опросе.

Также следует отметить, что у больных этой группы встречаются и очень мелкие профильные рисунки (микрография) со сплошным зачернением или штриховкой, что является признаком выраженных эмоциональных нарушений в форме тревоги или подавляемой агрессии. Кроме того, рисунки могут выполняться быстро, небрежно, встречается сочетание тщательно прорисованных участков или деталей с непрорисовкой других участков или даже с обрывом рисунка в неожиданном месте.

Рисуночные образы разнообразны, однако часто встречаются животные, напоминающие крупных ящеров, летающих птиц. Бывают также рисунки с элементами каких-то технических устройств (антенны, локаторы; датчики со стрелками и т. п.).

Перечисленные особенности выполнения РНЖ встречаются наиболее часто и отражают более или менее устойчивые личностные образования, характерные для указанных нозологических групп. Вместе с тем не следует забывать, что проективный рисунок подвержен влиянию мотивационных факторов и ситуационных переменных не менее, чем другие методики проективного типа, особенно при исследовании больных неврозами и пограничными расстройствами, у которых мотивационные нарушения и ситуативная реактивность выражены особенно четко. Поэтому необходимо еще раз подчеркнуть, что конкретные рисунки должны рассматриваться только в контексте результатов всей батареи патопсихологических методик, используемых при обследовании больного. Однако при достаточном уровне владения методикой РНЖ ее данные могут стать своеобразной «точкой отсчета», по отношению к которой оцениваются остальные результаты.

До тех пор, пока интерпретатор не будет чувствовать себя достаточно уверенным, следует к оценке каждого рисунка подходить следующим образом: посмотрев на рисунок, задать себе вопрос: «Если бы я шел по лесу, а навстречу мне вышло бы вдруг это животное, что бы я сделал и что бы я о нем подумал?» Затем, приводя беседу-опрос, определить, с каким типом проекции он имеет дело (ауто-, контр- или экстрапроекция) и насколько авторская характеристика животного совпадает с собственным впечатлением от рисуночного образа, после чего – использовать интерпретационные критерии.

Возможный способ закрепления навыков владения методом и дополнительная валидизация

Любой способ овладения диагностическим методом предполагает наличие обратной связи. Поскольку в данном случае валидность метода и его достоверность тесно связаны со степенью практического освоения навыков интерпретации рисунка, возможным представляется следующий путь.

Предлагаемый способ отработки навыков является комбинацией метода экспертной оценки и самоотчета. Для его проведения необходимо наличие минимум двух испытуемых, хорошо и неформально знакомых друг с другом¹.

¹ В практикуме студенты могут пройти такой тренинг, объединившись для этого в тройки.

Им одновременно задается инструкция, причем исключаются подглядывания и любой обмен информацией. После выполнения ими рисунков экспериментатор, имея оба рисунка перед собой, старается выявить в них те особенности личности испытуемых, по которым они в наибольшей степени отличаются друг от друга. Например: экстраверсия – интроверсия, общительность – замкнутость, уверенность – тревожность, оптимизм – пессимизм. Далее эти различия формулируются в виде антонимических шкал типа самооценки Дембо-Рубинштейн так, чтобы они были однозначно поняты обоими испытуемыми. Испытуемым разрешается задавать уточняющие вопросы, на которые экспериментатор должен давать разъяснения, избегая наводящих подсказок. В отличие от этапа рисования животных, этап уяснения содержания «шкалы», как и последующий поиск ответа (взаимная оценка), проводится совместно с обоими испытуемыми при их свободном общении. После уяснения содержания очередной «шкалы» экспериментатор задает вопрос: «К какому полюсу шкалы или типу людей вы могли бы отнести самих себя и друг друга?»

Такая форма проведения эксперимента способствует большей валидности по сравнению с самоотчетом и экспертной оценкой. Это обеспечивается как взаимным контролем, так и живым взаимодействием в процессе решения задачи, т. к. ситуация обеспечивает взаимную обратную связь и взаимную коррекцию представлений о себе.

Поскольку в данном эксперименте рисунок служит опорой для выдвижения гипотез относительно черт личности каждого испытуемого, результатом всей процедуры может служить процент совпадений этих само-взаимооценок и предварительно выдвинутых экспериментатором гипотез на основании особенностей рисунков.

Дополнительные материалы к теме

Валидизация метода

Проективный рисунок как проявление канала невербальной коммуникации

Проблема. Целью данной работы является изложение одного из возможных подходов к теоретико-экспериментальному обоснованию проективного рисунка. Проективное рисование является частью широкого класса психодиагностических методов, основывающихся на известной зависимости от прошлого опыта испытуемого его фантазийной и ассоциативной продукции, а также его интерпретации неоднозначной стимуляции. Одно из широких определений проекции, как первичного механизма, детерминирующего восприятие внешнего мира, было дано З. Фрейдом. В отечественной литературе содержится общее определение проекции как частного случая включения «внутренних условий» в образ внешнего мира (Бурлачук, 1978). Неразрывная связь трояния с индивидуальностью творца – факт общепризнанный. Проективное рисование является конкретизацией этого положения в применении к выполнению испытуемым заданий на рисование («Рисунок человека», «Дерево-Дом-Человек», «Рисунок несуществующего животного» и т.п., см.: Levi, 1959; Machover, 1948; Buck, 1948; Handbook of projective Technique, 1965).

Согласно мнению Х Хермана (Hermann, 1966), «область проективных методов – точка пересечения и область столкновения обширных, но и очень расходящихся, резко отличных друг от друга теоретических систем, это область, где сталкиваются и накладываются друг на друга психоанализ и экспериментальная психология, психология теоретическая и эмпирическая» (цит. по: Л. Ф. Бурлачук, 1979, с. 4). Эта оценка полностью приложима и к проективному рисунку.

Несмотря на относительно широкое употребление методики «Рисунок человека» в США (Crenshaw, Bohn et al, 1968), отсутствие единства в интерпретации и множество противоположных данных рождает закономерный скепсис в отношении валидности и пригодности рисуночной проективной техники как психодиагностического инструмента (Swenson, 1965). Вместе с тем анализ литературы свидетельствует о том, что исследования по валидизации рисуночной проекции основаны исключительно на экспериментально-психологической феноменологии, т. е. ограничены рамками конкретно-эмпирических данных¹.

Например, экспериментально проверяются связи отдельных аспектов рисунка с какими-либо аспектами личности рисующих (Rosen, Bol, 1968); сравниваются оценки группы интерпретаторов с экспертными оценками черт личности и клиническими данными (Watson,

¹ Исключение составляют работы основоположников метода проективного рисунка (Buck, 1948; Machover, 1948), основанные на концепции традиционного психоанализа, где способ интерпретации аргументируется исключительно ссылками на богатый клинический опыт авторов.

1967) и т.д. Несмотря на то, что «проективное» направление в психодиагностике развивается как своеобразная реакция протеста против бихевиоризма и психометрии (Бурлачук, 1979; Rabin, 1960), в основе способов валидации лежит достаточно искусственное вычленение отдельных признаков из целого. В этом нельзя не заметить противоречия между изначальной методологической установкой «проективного направления» на исследование уникальной целостности личности (идеографическая парадигма) и способами валидации, основанными на номотетической парадигме.

Для того чтобы продвинуться в понимании проективного рисунка, необходимо вполне отдавать себе отчет в том, что принципы функционирования этого диагностического инструмента в корне отличны от таковых в психометрической технике. В первую очередь это касается практически неограниченной свободы самовыражения испытуемого. Если осознать, что и в «диалоге» со стандартным опросником испытуемый все же остается субъектом общения, можно сказать, что тест постоянно «направляет» речь испытуемого туда, куда нужно экспериментатору. Тестовые опросники – форма высокоформализованного интервью. Проективная же ситуация по своей сути направлена на стимуляцию неформального общения. Любое поведение человека в своей глубинной основе – есть поведение социальное, направленное на некоего «другого». Так же и ситуация личностного тестирования, даже самого формализованного, может и должна рассматриваться как процесс коммуникации: деятельность испытуемого всегда является более или менее активным и осознанным самовыражением (самораскрытием), а роль психолога заключается в ее структурировании (выборе режима, релевантного канала и языка коммуникации)¹.

Искусство конструирования диагностического метода и заключается в создании такого режима общения, который позволит узнать то, что нужно психологу.

Работа с проективным образом фантазии, в частности с проективным рисунком, в этом смысле отличается тем, что язык коммуникации не задается экспериментатором. Это интуитивно понятно каждому, кто хотя бы раз побывал в «шкуре» интерпретатора проективного рисунка. Субъективно это выражается в чувстве растерянности и в паническом «цеплянии» за подсказки, изложенные в правилах интерпретации. Вместе с тем экспериментатор неосознанно исходит из предположения, что этот язык существует и «известен» испытуемому и ему самому. Следовательно, для получения необходимой информации об испытуемом психолог должен не создавать свой язык, а исследовать предположительно уже имеющийся канал невербальной коммуникации и овладеть им. Использование же стандартизированных личностных методик для валидации проективного рисунка без осознания этого качественного отличия может привести лишь к иллюзии того, что язык известен, тогда как на самом деле это всего лишь навязывание некоему явлению концептуального аппарата той или иной теории личности (например, психоаналитической) либо терминологии того или иного валидирующего опросника.

Итак, с излагаемых здесь позиций, валидизация рисуночных проективных методов по существу заключается в разработке теории невербального языка², опосредствующего коммуникативный процесс «испытуемый – экспериментатор» в проективной ситуации.

Только в этом случае могут приобрести свое истинное значение частные корреляционные связи параметров рисунка и параметров личности.

Доверие или недоверие к проективному рисунку как к диагностической технике во многом зависит от признания Доверия или от отрицания гипотезы о наличии языка невербальных значений и возможности его дешифровки.

Думается, не будет большой ошибки в утверждении, что доверие или недоверие к проективному рисунку как к диагностической технике во многом зависит от признания или от отрицания гипотезы о наличии языка невербальных значений и возможности его дешифровки.

Теоретические предпосылки исследования.

Мы основываемся на предположении о символической природе образа, запечатленного в рисуночной продукции, понимая, вслед за С. С. Лверинцевым, под символом «выхождение образа за свои пределы при наличии некоего смысла, интимно слитого с образом, но ему не

¹ Под «языком» здесь традиционно понимается система знаков, служащих средством человеческого общения.

² См.: Яньшин П. В. Модель образа-знака в функции метафоры и символа в герменевтике душевных и духовных феноменов // Психология искусства. Материалы всероссийской конференции 3-5 сентября 2002. – Самара, 2003. Т. 2. - С. 18-30.

тождественного» (1971, с. 326). При этом предполагается, что смысл не «навязывается» образу интерпретатором, а вытекает из семантической, смысловой природы этого образа как отражение глубинных смысловых структур личности его творца. В свою очередь это означает, что, порождая рисунок, испытуемый неосознанно использует некий язык невербальных значений, «высказывается» на нем.

О существовании такого языка довольно давно известно из этнографических (Байбурин, 1983; Леви-Строс, 1983) и искусствоведческих (Арнхейм, 1981; Лосев, 1982) исследований. Он же в различных аспектах функционирует в невербальных видах искусства. Последние психосемантические исследования позволяют говорить о наличии глубинного «кода», универсального для различных сенсорных модальностей и о механизме синестезий, являющихся «наиболее простой формой категоризации», что позволяет понять, «почему одни и те же коннотативные значения могут реализовываться в графических, вербальных, музыкальных, пластических формах» (Петренко, 1983, с. 128). Наличие такого кода предполагает неслучайность синестетических взаимосвязей, что отражено в концепции «перцептивных универсалий» Е. Ю. Артемьевой (1980), а также ярко продемонстрировано в межкультурных исследованиях вербально-невербальных соответствий (Osgood, 1969). На принципиальную возможность перевода языка иконической семиотики¹ на естественный язык указывает сформулированное В. Ф. Петренко (1983) положение о единстве на уровне глубинной семантики «языка» восприятия и естественного языка, а также работы по воссозданию графических структур на основании их коннотативно-метафорических описаний (Артемьева, 1980).

А. Н. Леонтьев назвал образ мира субъекта «узлом модальных ощущений» (1983). Но межмодальные взаимодействия – это как раз та сфера, за существование которой ответствен глубинный синестетический код. Иными словами, предполагаемая амодальность образа мира логически включает в себя аспект синестетических взаимосвязей на уровне глубинной семантики. Это позволяет снять на этом уровне не только деление на различные перцептивные модальности, но и противопоставление «восприятие – движение» (Зинченко, 1983). Таким образом, формой репрезентации невербальных значений может являться движение, что хорошо согласуется с представлением о предметном движении как о возможной единице анализа психики, в частности с положением о знаковой функции предметных движений (Зинченко, Смирнова, 1983). Это всецело относимо к рисунку как к запечатленному движению.

Сказанное делает достаточно теоретически обоснованным предположение о символической природе рисуночного образа. Однако наиболее уязвимым аспектом проективного рисунка по-прежнему остается алгоритм его расшифровки (Watson, 1967), т. е. основания «перевода» языка невербальных значений на естественный язык. Впрочем, подобная проблема остро стоит и в других областях человекознания, имеющих дело с невербальными текстами (Байбурин, 1983), в том числе и в клинике неврозов и психосоматической медицине².

Далее мы попытаемся наметить один из возможных путей разрешения этой проблемы.

По мнению Ч. Осгуда, в образовании языковых метафор ведущая роль принадлежит тому же явлению синестезий, которые, как было сказано ранее, участвуют в формировании невербальных значений. Согласно Осгуду, то, что на уровне межмодальных взаимодействий существует в форме синестезий, на языковом уровне эксплицировано в форме метафор (Osgood, 1969). Таким образом, правомерно предположить, что устойчивая метафорика языка может своеобразно дублировать невербальный образный канал коммуникации. Сопоставление приведенных теоретических положений, а также данных иконографических исследований (Шапиро, 1972) говорит в пользу возможности приведения в соответствие вербально-метафорического и образно-графического рядов. Поскольку синестезия является также одним из механизмов, реконструирующих целостный образ на основе восприятия одной модальности (Петренко, 1983), образ мира испытуемого, явленный через посредство «двигательной модальности», не только может быть (в теории) реконструирован, но и будет представляться метафорой самого себя. Этот вывод подтверждается известным фактом

¹ Понятие «иконический знак» было введено Ч. Пирсом и используется в качестве рабочего термина для обозначения единиц языка невербальных значений (Петренко, 1983).

² Подробнее о семиотическом аспекте психоанализа см.. В. Н. Цапкин, 1986.

образно-метафорического отображения мировосприятия в искусстве, корнями своими уходящим в мифологию как исконный источник метафорической образности (Дьяконов, 1977; Леви-Строс, 1983; Мелетинский, 1983; Фрейденоберг, 1978)¹.

Для того чтобы пояснить, что есть в нашем понимании «метафора», необходимо ввести понятие «первичный контекст». Это контекст той первоначальной деятельности, к которой традиционно принято относить возникновение того или иного слова. Перенесение слова в иной контекст превращает его в метафору. В этом случае всегда возможно проследить наличие в структуре значения коннотативного (эмоционального) компонента, лежащего в основе межмодального и межконтекстуального переходов. Например, понятие «высокая самооценка» является метафорическим, так как предполагает приложение пространственной размерности к непространственному явлению.

Теоретическая гипотеза состоит в том, что устойчивая имплицитная метафорика, релевантная контексту образа, может служить эвристической опорой при расшифровке проективной рисуночной продукции.

Практически любой аспект рисунка может быть рассмотрен в качестве символа. В нашем исследовании мы рассматриваем в качестве такового пространство листа бумаги и особенности расположения и ориентации рисунка в нем. Пространство листа бумаги, получающее знаково-символическую нагрузку, теряет свою однородность, изотропность и становится само «внешним представителем» некой координатной сетки значимости, которую неосознанно «навязывает» ему испытуемый. Этим пространство с философского пьедестала «формы существования материи» низводится до положения иконического знака и, указывая на некий смысл, стоящий за ним, становится символом скрытых смысловых структур личности испытуемого.

Если наши предварительные теоретические выкладки верны, они конкретизируются в предположение (экспериментальную гипотезу), что, во-первых, семантика пространства проективного рисунка должна в общих чертах совпадать с семантической «сеткой» пространственных языковых метафор. Во-вторых, восстановленный через посредство этой метафорической «сетки» рисунок указывает на определенные аспекты личности испытуемых.

Структура исследования. В эксперименте, результаты которого будут кратко изложены, использовалась проективная методика «Рисунок несуществующего животного». Анализу подвергались следующие формальные характеристики выполненного испытуемым рисунка: расположение на листе бумаги по вертикали и горизонтали и ориентация (вправо, влево, прямо). Эти параметры могут быть выделены в каждом рисунке и количественно измерены. С указанными параметрами пространственного расположения рисунка сопоставлялись результаты самооценки испытуемых (личностный семантический дифференциал) и характеристики реакций в ситуации препятствия к удовлетворению потребности (тест рисуночной фрустрации С. Розенцвейга). Параметрами самооценки служили традиционные факторы семантического дифференциала – «оценка», «сила», «активность» (Эткинд, Бажин, 1983). При проведении семантического дифференциала испытуемых просили оценить свой характер (актуальный «Я-образ»), а также – «какими они хотели бы быть в идеале» («идеал-Я»). Характеристики реакций в ситуации фрустрации потребностей получались посредством теста Розенцвейга (Тарабрина, 1984). Оба метода создают возможность статистического контроля данных. При обработке использовался метод линейной корреляции и относительно различной ориентации рисунка, метод разбиения на группы с применением t-критерия Стьюдента. Всего в эксперименте участвовало 33 человека².

Эксперимент проводился в естественных условиях клинического (патопсихологического) обследования.

Изложение результатов исследования. 1. Проверка выявила слабую связь фактора «оценка» в структуре актуальной самооценки («Я-образ») со сдвигом всего рисунка вверх по

¹ Интересно, что использование «экспрессивного коэффициента частей изобразительного поля», как и наличие их лингвистических эквивалентов («величайший», «высочайший» и т.п.), зафиксировано, в частности, в средневековой иконографии (Шапино, 1972).

² При проверке связи горизонтального смещения рисунка с параметрами теста –вейга не учитывались протоколы с атипичным расположением рисунка. К таковым относились рисунки, занимающие площадь более 200 см²; неполные, выходящие за срез листа бумаги; мелкие (менее 35 см²), расположенные в верхнем левом углу листа. Как выяснилось при статистической обработке, эти типы рисунков не подчиняются общим закономерностям. В обработке участвовал 21 протокол.

вертикали ($p < 0,1$) и устойчивую связь этого же фактора в структуре уровня притязаний («идеал-Я») с тем же сдвигом по вертикали ($p < 0,01$). Со сдвигом по вертикали, но отрицательно, коррелировал параметр OD («фиксация на препятствии») в тесте Розенцвейга ($p < 0,05$).

2. Со сдвигом по горизонтали вправо положительно коррелировали показатели E – «экстрапунитивность суммарная» и «экстрапунитивность в рамках эго-защитных реакций» ($p < 0,05$ и $p < 0,02$ соответственно), а также комплексные показатели E/M и E/I – «степень открытой агрессивности» и «направленность агрессии вовне» ($p < 0,05$ оба). Со сдвигом рисунка влево положительно был связан параметр I – «интрапунитивность» ($p < 0,05$).

3. Ориентация тела и головы нарисованного животного сопоставлялась с уровнем притязаний («идеал-Я», факторы «оценка» и «сила»). Уровень притязаний у испытуемых, рисовавших с ориентацией вправо, значительно превосходил таковой у тех, кто рисовал с ориентацией влево по t-критерию Стьюдента ($p < 0,05$, $n = 26$). Разницы в уровне притязаний между группами испытуемых, рисовавших с ориентацией в фас и влево, не обнаружено, а сравнение этих совмещенных групп с группой правосторонней ориентации еще более повысило различие в идеальной самооценке ($p < 0,01$, $n = 33$).

Обсуждение результатов. Таким образом, результаты, изложенные в п. 1, свидетельствуют, что «повышение» рисунка на листе бумаги закономерно совпадает с повышением уровня притязаний и, отчасти, с повышением самооценки рисовавших. Вместе с этим происходит ослабление фиксации на препятствиях к достижению потребности.

В обыденном языке именно с вертикалью связана область оценочных суждений, а к «идеалам» из пространственных категорий применима только вертикаль. Применение пространственной размерности к этим внепространственным категориям является устойчивой метафорой, зафиксированной в большинстве языков. В свете изложенного в теоретическом разделе исследования полученные результаты приобретают особое значение, а именно: они буквально перефразируют метафорические обороты естественного языка.

Связь экстрапунитивных реакций с оппозицией «право-лево», на первый взгляд, не является столь очевидной. Однако если присмотреться к операциональным признакам выявления этих реакций в продукции испытуемых, легко заметить, что основным здесь является обвинение другого лица либо отрицание собственной виновности. Интрапунитивность заключается в противоположном – в принятии вины за случившееся на себя. На наш взгляд, разительным доказательством связи этих реакций с оппозицией «право-лево» является тот факт, что единственным устойчивым метафорическим противопоставлением понятию виновности в русском (как и других) языке является устойчивая пространственная метафора «прав». Последнее свидетельствует в пользу правомерности связывания чувства «правоты» с тем, что проявляется в тесте Розенцвейга в форме экстрапунитивных, а чувство «неправоты» – в интрапунитивных реакциях (конечно, в той степени, в которой «виноват» и «неправ» являются синонимами).

Согласно историко-культурным сопоставлениям, семантическое противопоставление «право-лево» относится к архетипическим индоевропейским лингвистическим универсалиям (Гамкрелидзе, Иванов, 1984). При этом «левому» соответствует «неблагоприятное, плохое, отрицательное, нижнее, женское, защищающееся, неагрессивное, пассивное, несчастливое и т. п.» (там же, с. 784-785)¹.

Большинство этих семантических связей можно наблюдать и в повседневной лексике: «управлять», «целенаправленность», «правильность», «правда» и т.д.

Можно видеть, что с приведенным семантическим тезаурусом во многом совпадают и данные п. 2, полученные в нашем эксперименте (а они, в свою очередь, совпадают с классическими рекомендациями по интерпретации проективного рисунка – см.: Buck, 1948; Levi, 1959; Machover, 1948). А именно, при сдвиге рисунка вправо увеличивается агрессивность, причем она более открыто начинает проявляться вовне; вина за случившееся в большей степени и более открыто перекладывается на окружение. Связь «правого» с «верхом», также являющаяся архетипической, в нашем эксперименте ярко проявилась в связи ориентации фигуры вправо с повышением уровня притязаний («идеал-Я») и наоборот.

Итак, наше исследование выявило достаточно отчетливую гомологию между семантикой устойчивой пространственной метафоры и семантикой пространства листа бумаги в

¹ «Право» соотносится с противоположными качествами.

проективном рисунке. К наиболее общим чертам обеих топологий (речевой и пространственной) относятся:

- ◆ противопоставление «верха» и «низа» в связи с оценочными параметрами (самооценка) и «идеалами» (идеал-«Я», уровень притязаний);
- ◆ противопоставление «правого» и «левого», причем связи этих полюсов достаточно разнообразны: в нашем исследовании выступили связи «правого» с проявлением активности, возрастанием агрессивности, отрицанием своей виновности в противоположность «левому»;
- ◆ связь «верха» и «правого» и противопоставление их «нижнему» и «левому». Если уровень притязаний правомерно отнести к категории идеальных целей, то ориентация тела и головы нарисованного животного вправо в связи с повышением уровня притязаний весьма точно характеризуется понятием «целенаправленность».

Таким образом, гипотеза о наличии вербальных параллелей образно-графическому ряду подтверждается так же, как гипотеза о связи процесса изображения с процессами, лежащими в основе метафоризации в целом. Этим одновременно подтверждается и гипотеза об отсутствии различий на глубинном уровне между восприятием и движением, а также положение о том, что проективный рисунок правомерно рассматривать как иконический текст.

В начале изложения мы пытались показать, что гипотеза о том, что проективный рисунок является частным случаем проявления гораздо более общих закономерностей, лежащих в основе функционирования канала невербальной коммуникации, возможно обосновать теоретически. С развиваемых нами позиций, рисунок допустимо рассматривать как графическое «высказывание» испытуемого о своем внутреннем мире и чертах характера. В основе же его расшифровки (прочтения) лежит гипотеза о параллелизме вербально-метафорического и образно-графического рядов. Верность последнего положения в применении к проективному рисунку доказывается сопоставлением семантики пространства рисунка с лингвистическими культурными архетипами метафоризации пространства.

Сама гомология этих пространств заслуживает, на наш взгляд, пристального внимания. В литературе имеется немало авторитетных указаний на ее мифологические корни метафоры (Дьяконов, 1977; Меле-тинский, 1983; Фрейденберг, 1978; Шапиро, 1972). Не исключено, что такое частное явление, как проективный рисунок, сможет способствовать осознанию механизмов трансляции архаичного образа мира, черты которого донесли до нас устойчивая языковая метафорика.

Исследование связи «Я-образа» испытуемых и рисунка несуществующего животного

При всем многообразии рисуночных проективных методов их возможности недостаточно хорошо раскрыты. В частности, остается открытым вопрос о валидности рисуночных методов, равно как и всех проективных тестов. Как указывает Л. Анастаси (1982), во многих работах по их валидации устанавливается критериальная текущая валидность, в то время как конструктивная валидность рисуночных методов практически не рассматривалась исследователями. Этот тип валидности устанавливается путем экспериментального подтверждения гипотез, выдвигаемых на основе теоретического анализа в сущности измеряемого свойства. Подобного рода исследования в литературе встречаются достаточно редко (Габидулина С. Э., 1986; Яньшин П. В., 1990).

В связи с этим проблема конструктивной валидации проективных рисуночных методов представляется достаточно актуальной, а ее разрешение позволит вполне обоснованно использовать проективный рисунок в качестве эффективного психодиагностического средства.

Принимая во внимание актуальность и практическую значимость вышеизложенной проблемы, предметом нашего исследования мы избрали основные положения проективной техники об отражении в рисуночной продукции «Я-образа» испытуемых и о способности экспериментатора увидеть этот образ в рисунке.

Объектом нашего исследования является конструктивная валидность методики «Рисунок несуществующего животного».

Цели исследования:

- ◆ проверка основной гипотезы проекции, предполагающей отображение в проективном рисунке «Я-образа» испытуемых;

♦ проверка основной гипотезы проективной диагностики о том, что прототипом образа, с которым работает экспериментатор, служит «Я-образ» испытуемого, воплощенный в проективном рисунке;

♦ подтверждение теоретического положения о метафорическом отражении образа «Я» в рисунке.

В основе нашего исследования лежат следующие гипотезы:

♦ в проективном рисунке находит отражение «Я-образ» испытуемого, представляющий собой единство телесного образа и самооценки;

♦ для детей характерна большая точность проекции «Я-образа» по сравнению со взрослыми;

♦ точность проекции связана с отношением испытуемых к процедуре обследования, т. е. положительное отношение к обследованию способствует более точному проецированию личностных черт испытуемых в проективный рисунок;

♦ мы предполагаем, что экспериментатор способен увидеть в проективном рисунке черты «Я-образа» испытуемого;

♦ к образу несуществующего животного правомерно относиться как к метафорическому самоописанию, для расшифровки которого допустимо буквальное применение устойчивых речевых метафор.

Испытуемые. Исследование проводилось на базе школы №25 г. Самары. В процедуре исследования приняло участие 33 ученика шестых классов (средний возраст – 12 лет). Испытуемым предлагалась стандартная инструкция РНЖ.

Описание структуры эксперимента. Одной из целей нашего исследования является доказательство факта отображения «Я-образа» (самооценка личности + «телесное Я») в образе несуществующего животного, точнее, в его телесных характеристиках, поскольку испытуемый рисует именно «тело» животного. Второй целью было доказательство метафоричности проективного образа относительно «Я-образа». Исходя из этого, в эксперименте было использовано два различных набора антонимических шкал семантического дифференциала (по 21 шкале в каждом наборе), далее в тексте обозначенные как «личностный дифференциал» (ЛД) и «метафорический дифференциал» (МД). Шкалы личностного дифференциала адресовались к морально-этическим характеристикам личности испытуемых (например, «обаятельный – непривлекательный», «честный – лживый», «добрый – злой», «смелый – робкий» и т. д.), а шкалы метафорического дифференциала – к внешнему облику, физическим и динамическим характеристикам тела испытуемых и несуществующего животного («теплый – холодный», «угловатый – закругленный», «светлый – темный», «мягкий – твердый», «чистый – грязный» и т. п.). Этот дифференциал был сконструирован Яньшиным П. В. (Яньшин, 1990) на основании изучения вербально-навербальных си-нестетических соответствий (Osgood, 1969), факторной структуры семантического шкалирования бесформенных объектов (Elliott, 1963), невербального семантического дифференциала (Петренко, 1983). Все шкалы имели 7-балльную размерность от «-3» до «+3».

Условимся, что далее в тексте самооценку по личностному дифференциалу мы будем обозначать как «Я-личность», а самооценку по метафорическому дифференциалу как «образ собственного тела» или «Я-телесное». Термином «Я-образ» будем обозначать совокупность этих характеристик.

Процедура шкалирования заключалась в том, что после знакомства с испытуемым, т. е. после установления контакта с ним, ему предлагалось рассказать о себе, о своем характере, и под предлогом облегчения поставленной задачи предлагался бланк со шкалами личностного дифференциала (в дальнейшем эти оценки будут обозначаться как «ЛДЯ»). После этого испытуемым предлагалось описать свое тело, каким они его себе представляют. Для этого предлагался бланк со шкалами метафорического дифференциала (полученные оценки обозначаются как «МДЯ»). Затем экспериментатор предлагал нарисовать несуществующее животное и по окончании рисования описать его телесность по шкалам метафорического дифференциала (эти оценки обозначаются как «МДЖ»).

Обследование проводилось индивидуально, в тихой, спокойной обстановке. Отношение экспериментатора ко всем испытуемым было одинаково доброжелательным. Отказов от обследования не было. Однако разные испытуемые по-разному относились к самой процедуре обследования. У одних задание вызывало интерес, а другие работали неохотно, без видимых

причин выражали некоторое раздражение в общении с экспериментатором. Поскольку это наблюдение оказалось соотносимым с третьей гипотезой нашего исследования, экспериментатором были постфактум даны рефлексивные оценки отношения испытуемых к психодиагностической процедуре по шкале, подобной антонимическим шкалам СД. В «-3» балла оценивалось отрицательное, а в «+3» балла – адекватное, положительное отношение к обследованию; промежуточные баллы (-2; -1; +1; +2) характеризовали различные степени негативного или позитивного отношения. Оценка «0» баллов, соответствующая понятию «нейтральное отношение», не использовалась.

Для разрешения вопроса о том, насколько образ, с которым работает экспериментатор, близок к тому прототипу образа испытуемого, который воплощен в рисунке, т. е. для достижения второй цели нашего исследования, были привлечены три независимых эксперта. В их качестве выступили студенты пятого курса СамГПУ, уже имеющие опыт работы с проективным рисунком. Экспертам предлагалось описать «тело» нарисованных животных по шкалам метафорического дифференциала. В дальнейшем эти оценки будут обозначаться нами как «МДЖ1», «МДЖ2» и «МДЖ3».

Таким образом, в нашем эксперименте объектами шкалирования выступили: с точки зрения испытуемых – «Я-личность» (ЛДЯ), образ собственного тела (МДЯ) и образ тела несуществующего животного (МДЖ); с точки зрения экспериментатора – отношение к обследованию (ОТН); с точки зрения независимых экспертов – телесность несуществующего животного (МДЖ1, МДЖ2, МДЖ3). Кроме того, нами была предпринята попытка исследования связи некоторых графических признаков рисунка с особенностями самооценки испытуемых с целью проверки следующих положений интерпретации проективного рисунка: 1) положение рисунка выше средней линии, т. е. ближе к верхнему краю листа, трактуется как высокая самооценка, и, наоборот, положение в нижней части листа – обратный показатель – неуверенность в себе, низкая самооценка; 2) размер свыше 200 см² считается крупным и свидетельствует о чувстве собственной значимости, в то время как «мелкие» рисунки являются показателями переживаний собственной незначительности, малоценности.

Для доказательства этих положений нами были использованы следующие характеристики:

- ◆ положение рисунка по оси «верх – низ», в сантиметрах (от центра);
- ◆ площадь, занимаемая рисунком, в квадратных сантиметрах.

Эти объективные параметры рисунка, получившие числовое выражение, исследовались на корреляцию с показателями самооценки испытуемых (ЛДЯ).

Для обработки результатов экспериментального исследования использовались следующие процедуры:

- ◆ метод линейной корреляции переменных, соответствующих исследуемым в эксперименте образам (МДЯ, ЛДЯ, МДЖ, МДЖ1, МДЖ2, МДЖ3 и ОТН), с целью измерения тесноты или степени сопряженности между ними;

- ◆ составление корреляционной матрицы и ее факторизация методом главных компонент с целью выявления более общих связей между описанными переменными.

Процесс обработки результатов может быть представлен в виде 4 этапов:

- ◆ исследование корреляционных связей между «Я-личностью», образом тела испытуемых и телесными характеристиками «животного»;

- ◆ исследование корреляционных связей между отношением испытуемых к обследованию, их «Я-личностью», образом собственного тела и тела животного;

- ◆ исследование связи экспертных оценок с оценками, данными испытуемым при описании телесности несуществующего животного;

- ◆ исследование методом линейной корреляции связи графических параметров рисунка с самооценкой испытуемых.

Результаты и их обсуждение. В зависимости от этапа обработки полученных данных исследование делится на четыре части.

Первая часть исследования посвящена анализу связей между «Я-личностью», образом тела испытуемых и телесными характеристиками животного.

Поскольку наше исследование проводилось с участием испытуемых подросткового возраста, то крайне интересным, на наш взгляд, представляется вопрос о различиях в связях «Я-образа» и образа тела животного у детей и взрослых. В данном разделе будет

произведено сравнение результатов нашего исследования с аналогичными данными, полученными в работе Я. В. Яньшииа «Психосемантические механизмы рисуночной проекции» (1990) на взрослой выборке (они будут даны в скобках).

На индивидуальном уровне исследовались корреляции школьных оценок в рамках одноименных шкальных наборов МДЖ <=> МДЯ. В состав МД, как и ЛД, входило по 21 шкале В данном случае для каждого испытуемого подсчитывался коэффициент корреляции между шкальными оценками собственного тела и тела «животного» (для $n = 21$). Наличие и величина корреляции свидетельствуют о наличии и силе идентификации с образом «животного» (в случае положительной корреляции) либо контридентификации (при отрицательном знаке корреляции). Выше 5 %-ного уровня значимости было связано: положительно – 52 % (у взрослых – 37 %), с наибольшим коэффициентом корреляции $r = 0,83$ (у взрослых – 0,875); значимые отрицательные связи отсутствовали, а для взрослых испытуемых они составили 7 % с максимальным коэффициентом $r = -0,547$.

Эти результаты свидетельствуют о том, что у более чем половины детей имела место прямая проекция телесного образа «Я» в рисунок, что, безусловно, доказывает базовую гипотезу К. Махвер о том, что процесс рисования представляет собой акт трансляции образа тела в графические термины. Сопоставление полученных данных с результатами обследования взрослых испытуемых показало, что психологическая проекция у детей представляет собой более однородное явление, поскольку обратная проекция (контридентификация) практически отсутствует.

Интересные подтверждающие факты были получены также в результате анализа средних расстояний между исследуемыми образами в трехмерном пространстве «Оценка – Сила – Активность» семантического дифференциала.

Расстояние между двумя оценками образов в трехмерном семантическом пространстве факторов «Оценка», «Сила», «Активность» вычисляется по формуле Пифагора:

$$L = \sqrt{(O_1 - O_2)^2 + (C_1 - C_2)^2 + (A_1 - A_2)^2},$$

где L – семантическое расстояние;

O_1 и O_2 – координаты объектов на оси «Оценка»;

C_1 и C_2 – координаты объектов на оси «Сила»;

A_1 и A_2 – координаты объектов на оси «Активность».

На основании расстояний между этими оценками для каждого испытуемого были вычислены средние расстояния. Семантическое расстояние от МДЯ до МДЖ составляет 9,56 условных единиц; от ЛДЯ до МДЖ – 12,03 условных единиц, а от МДЯ до ЛДЯ -10,02 условных единиц, что, в среднем, составляет не более 0,2 максимально возможного (большая диагональ трехмерного куба). Таким образом, расстояния между тремя оценками отличаются друг от друга незначительно.

С точки зрения семантического подхода к проекции (Osgood, Luna, 1969), описанные соотношения свидетельствуют о факте бессознательной идентификации испытуемых с воображаемым образом несуществующего животного. Сопоставление расстояния от МДЖ до ЛДЯ с аналогичной величиной в эксперименте П. В. Яньшина с участием взрослых испытуемых показал, что в нашем исследовании «Я-образ» расположен несколько ближе к образу фантазии (12,03 и 14,75 – соответственно у детей и взрослых).

Принимая во внимание тот факт, что самооценка и образ тела являются составляющими «Я-образа», а также то, что эти две оценки незначительно удалены друг от друга в семантическом пространстве, мы можем сделать вывод о том, что, во-первых, в проективном образе отражается «Я-образ» испытуемых, а во-вторых, точность этого отражения (проекции) у испытуемых детского возраста гораздо выше, чем у взрослых, особенно это касается телесного «Я». Но при этом следует помнить, что далеко не у всех детей семантические расстояния были столь малы.

С точки зрения гипотезы о метафорическом отражении образа «Я» в рисунке интерес представляет и содержательный анализ процесса проекции. Он проводился путем исследования корреляционных связей между отдельными факторами «Оценка – Сила – Активность» для личностного (ЛД) и метафорического (МД) дифференциалов при оценке себя (ЛДЯ) и рисунка (МДЯ).

Были выявлены следующие связи. По фактору «Оценка» для МДЖ <=> МДЯ - $r = 0,46$, $p < 0,01$, и МДЯ <=> ЛДЯ - $r = 0,50$, $p < 0,01$. Это можно интерпретировать следующим образом:

как «внутри» «Я-образа» (МДЯ \Leftrightarrow ЛДЯ), так и между телесным «Я-образом» и образом «тела» несуществующего животного (МДЖ \Leftrightarrow МДЯ) морально-этические характеристики («хороший – плохой», «честный – лживый», «добрый – злой» и т. п.) закономерно трансформируются в температурно-световые и эстетические черты телесного «облика». Например, это выражается в том, что дети, имеющие высокую самооценку морально-этических качеств, описывают собственное тело и «тело» несуществующего животного как «светлое», «теплое», «мягкое», «чистое» и т. п., и наоборот.

По фактору «Активность» МДЖ \Leftrightarrow МДЯ - $r = 0,49$, $p < 0,01$ и МДЯ \Leftrightarrow ЛДЯ - $r = 0,56$, $p < 0,01$. То есть, как «внутри» «Я-образа» (МДЯ \Leftrightarrow ЛДЯ), так и между телесным «Я-образом» и образом «тела» несуществующего животного (МДЖ О МДЯ) черты коммуникативной активности и экстравертные тенденции («открытый – замкнутый», «шумный – тихий», «общительный – необщительный» и т.п.) закономерно трансформируются в динамические характеристики тела несуществующего животного. Например, дети, оценивающие себя как «активных», «общительных», «веселых» и т. п., описывают свое тело и тело «животного» как «порывистое», «подвижное», «упругое» и т.п., и наоборот.

Были выявлены множественные связи между разноименными факторами личностного и метафорического дифференциалов. Например, фактор «Активность» в МДЖ коррелировал с фактором «Сила» в МДЯ ($r = 0,39$, $p < 0,05$) и ЛДЯ ($r = 0,46$, $p < 0,01$). Последнее можно интерпретировать таким образом, что волевые и «силовые» черты образа «Я» закономерно трансформировались в энергетические и динамические черты телесного облика несуществующего животного.

Наблюдались также разнообразие взаимосвязей МДЯ и ЛДЯ («Я-телесного» и «Я-образа») по различным факторам СД (более 10 значимых корреляций). Подобное многообразие связей отсутствовало в нашем предыдущем исследовании (Яныпин, 1990) со взрослыми испытуемыми, где имела место лишь корреляционная зависимость по фактору «Активность» между МДЖ и ЛДЯ ($r = 0,479$, $p < 0,01$), что значительно ниже аналогичного коэффициента в нашем исследовании (МДЖ-А \Leftrightarrow ЛДЯ-А - $r = 0,65$, $p < 0,001$).

Эти данные, во-первых, еще раз подтверждают имеющиеся в литературе сведения о тесном единстве «телесного опыта» и «Я-образа» на глубинном уровне, и, во-вторых, они свидетельствуют о том, что в проективном образе воображения испытуемых детского возраста находит отражение более широкий, чем у взрослых, спектр личностных и телесных характеристик.

Важный вывод, касающийся базового принципа интерпретации проективного рисунка, состоит в том, что трансляция личностного содержания в образ фантазии происходит по принципу и психологическим механизмам метафоры. Это особенно очевидно для морально-этических характеристик, где и в обыденном языке при положительной оценке мы зачастую используем выражения «теплый человек», «светлый человек», «мягкий человек». Таким образом, для характеристик «Я-образа» самого испытуемого буквально вполне пригодны характеристики, которые он дает несуществующему животному.

Поскольку, как было сказано выше, расстояние в семантическом пространстве выступает в качестве операционального индикатора идентификации испытуемого с образом «животного», интересно было проанализировать зависимость этой идентификации от отношения к созданному образу (фактор «Оценка» в структуре МДЖ) и от самоотношения (фактор «Оценка» в структуре ЛДЯ).

Анализ связей образа животного с расстоянием между исследуемыми образами в семантическом пространстве позволил выявить следующую закономерность:

1) По фактору «Оценка» наблюдались обратные корреляционные связи образа тела животного (МДЖ) с семантической близостью между образом «животного» и образом своего тела (МДЖ-0 \Leftrightarrow [МДЖ \Leftrightarrow МДЯ-0]1, $r = -0,50$, $p < 0,01$); оценки МДЖ с семантической близостью образа животного и «Я-личности» (МДЖ-0 \Leftrightarrow [МДЖ \Leftrightarrow ЛДЯ-0]: $r = -0,66$, $p < 0,001$); оценки МДЖ с семантической близостью оценок «Я-образа» по двум различным наборам шкал – МДЯ и ЛДЯ (МДЖ-0 \Leftrightarrow [МДЯ О ЛДЯ-0], $r = -0,61$, $p < 0,001$).

2) По фактору «Сила» наблюдалась обратная корреляционная зависимость между МДЖ и семантической близостью образа животного и «Я-личности» (МДЖ-С \Leftrightarrow [МДЖ \Leftrightarrow ЛДЯ-С]: $r = -0,39$, $p < 0,05$).

3) Аналогичная зависимость прослеживалась и по фактору «Активность», но с гораздо большим значением коэффициента корреляции (МДЖ-А \Leftrightarrow [МДЖ \Leftrightarrow ЛДЯ-А]: $r = -0,65$, $p < 0,001$).

Из этих взаимосвязей наиболее важными, на наш взгляд, являются корреляции по фактору «Оценка». В данном случае отрицательные корреляционные связи свидетельствуют о том, что высокие оценки внешнего облика животного, его телесности связаны с семантической близостью всех трех исследуемых оценок: оценки себя как личности, собственного тела и тела несуществующего животного. Чем более «красивым», «теплым», «чистым» и т.д., с точки зрения самого испытуемого, является нарисованное им животное, тем более вероятно, что в рисунке находят выражение его (испытуемого) личностные свойства и телесные характеристики. По-другому: высокая оценка «животного» свидетельствует о точности проекции, однако проецируются в этом случае в основном позитивные характеристики «Я-образа». Кроме того, высокая оценка испытуемым своего животного является признаком его собственной внутриличностной гармонии, единства «телесного Я» и самооценки, указывает на удовлетворенность собой.

Этот вывод представляется нам очень важным, поскольку он не только раскрывает качественное своеобразие психологической проекции у детей, но и дает экспериментатору реальную возможность без дополнительных исследований определить, насколько информативен проективный рисунок каждого испытуемого, т. е. насколько полно отражен в нем «Я-образ». Достаточно попросить ребенка описать внешний облик животного, его цветовые, температурные и эстетические качества, и чем более эмоциональным и образным будет это описание, чем более красивым будет представляться ребенку нарисованное животное, тем больше информации будет нести проективный рисунок о восприятии ребенком самого себя (своей личности и телесности) и тем больше оснований будет у экспериментатора, чтобы говорить о внутренней гармонии данной личности.

Аналогичным образом могут быть проанализированы корреляционные связи МДЖ с семантической близостью МДЖ и ЛДЯ по факторам «Сила» и «Активность». Обратная корреляция указывает на то, что чем выше оценивает испытуемый силовые и динамические характеристики тела животного, тем вероятнее отражение в рисунке таких параметров детской самооценки, как характеристики волевой сферы и личностной активности (экстравертированности). Однако в отношении «телесного Я» подобные закономерности не проявляются. Это свидетельствует о том, что фактор «Оценка» является наиболее значимым, т. е. несет большую информативную нагрузку, нежели факторы «Сила» и «Активность».

В целом высокие оценки нарисованного животного по различным параметрам (оценочным, силовым и динамическим) свидетельствуют о большей информативности рисунка. «Отвергаемые» животные менее связаны с осознаваемыми представлениями ребенка о себе, а потому экспериментатор, работая с такими рисунками, должен привлекать дополнительные психодиагностические средства с целью проверки выводов, сделанных на основе анализа рисунка несуществующего животного (РНЖ).

Итак, в первом разделе, основываясь на полученных экспериментальных данных, нам удалось, во-первых, доказать правомерность основной гипотезы рисуночной проекции об отражении в проективном рисунке «Я-образа» испытуемых, которая совпала с первой гипотезой нашего исследования; а во-вторых, раскрыть особенности психологической проекции у детей, ее качественное своеобразие и, в частности, получить подтверждение второй выдвинутой нами гипотезы о большей точности проекции у испытуемых детского возраста.

Можно с уверенностью утверждать, что к образу несуществующего животного правомерно относиться как к метафорическому самоописанию, для расшифровки которого допустимо буквальное применение устойчивых речевых метафор. Этот вывод совпадает с таковым в нашем первом исследовании (выше по тексту учебника).

Вторая часть исследования посвящена анализу связей между тремя исследуемыми образами и отношением испытуемых к процедуре обследования (ОТН). Напомним, что этот показатель получен в результате субъективного шкалирования экспериментатором отношения детей к обследованию.

Для этого нами исследовались корреляции между соответствующими оценками (ОТН, МДЖ, МДЯ, ЛДЯ) в контексте факторов «Оценка»-«Сила»-«Активность» семантического

дифференциала. Были выявлены следующие зависимости: отношение к обследованию коррелировало с фактором «Активность» как в личностном, так и в метафорическом дифференциалах, т. е. по этому фактору оценки себя (ЛДЯ), своего тела (МДЯ) и тела животного (МДЖ) оказались связанными на высоком уровне значимости с отношением испытуемых к процедуре обследования : МДЖ-А \Leftrightarrow ОТН: $r = 0,546$, $p < 0,001$; МДЯ-А \Leftrightarrow ОТН: $r = 0,638$, $p < 0,0001$; ЛДЯ-А \Leftrightarrow ОТН : $r = -0,4039$, $p < 0,0197$.

Из этого следует вывод о влиянии отношения испытуемого к проективной ситуации на характер продуцируемых в этой ситуации образов воображения. При позитивном и заинтересованном отношении к обследованию продуцируются образы, заряженные активной позитивной динамикой. Однако это влияние распространяется лишь на динамические признаки этих образов. Помимо этого, позитивное отношение к обследованию сочетается с представлением о себе как о деятельной, общительной (экстравертированной) личности, обладающей к тому же высокой физической активностью. Такие испытуемые подобным же образом описывают и своих животных, выводя на первый план их динамические характеристики. Напомним, что, как уже было доказано в первом разделе, высокие оценки динамических признаков тела несуществующего животного являются показателем более точного отображения в них «Я-образа» испытуемого. Таким образом, учитывая прямую зависимость между высокими оценками тела животного по фактору «Активность» и позитивным отношением испытуемых к процедуре исследования, можно сделать вывод о том, что положительное отношение, скорее всего, увеличивает точность воплощения характеристик личностной активности (общительности) в динамические характеристики тела животного, т. е. увеличивает точность проекции «Я-образа»- в рисунок.

Этот вывод подтверждается наличием обратной корреляционной связи между отношением к обследованию и семантической близостью «Я-образа» и образа животного по фактору «Активность» ([МДЖ \Leftrightarrow ЛДЯ-А] \Leftrightarrow ОТН). Для выборки из 30 человек показатель этой связи составил $r = -0,444$, $p < 0,05$, а при увеличении выборки на три человека $r = -0,31$, $p > 0,05$. Тем не менее, можно говорить о тенденции наличия зависимости точности проецирования личностных черт в рисунок от отношения к обследованию. Но для «телесного Я» подобные тенденции отсутствовали.

Исходя из этого, следует признать лишь частичную правомерность наших предположений о том, что сам феномен проекции связан с отношением испытуемого к процедуре обследования, а также о том, что адекватное отношение способствует более точному отражению «Я-образа» в рисунке. Тем не менее создание у испытуемого положительного отношения к ситуации проективного взаимодействия является одной из важнейших задач экспериментатора, поскольку этот фактор, бесспорно, оказывает влияние на образы, продуцируемые в проективном процессе.

Третья часть исследования посвящена проверке основной гипотезы проективной диагностики о том, что образ, с которым работает экспериментатор, соответствует «Я-образу» испытуемого, который воплощен в проективном рисунке. Иными словами, хотелось бы понять, способен ли экспериментатор «увидеть» («прочувствовать») в проективном рисунке «Я-образ» испытуемого?

Поскольку в нашем исследовании приняли участие трое независимых экспертов, то, прежде всего, нас интересовала степень их взаимной согласованности в оценках рисуночной продукции. Для этого исследовалась корреляция экспертных оценок по факторам семантического дифференциала. Результаты показали, что оценки всех экспертов коррелировали между собой на высоком уровне значимости по всем факторам СД.

Кроме того, нами исследовалась корреляция шкальных оценок в рамках одноименных шкальных наборов: МДЖ1, МДЖ2 и МДЖ3. В результате были получены три корреляционные матрицы: МДЖ1 \Leftrightarrow МДЖ2, МДЖ1 \Leftrightarrow МДЖ3, МДЖ2 \Leftrightarrow МДЖ3, для каждой из которых были выделены диагональные коэффициенты корреляции, указывающие на степень взаимной согласованности экспертов в оценке каждого из 33 нарисованных животных по каждой из 21-ой шкал метафорического дифференциала. Наиболее согласованными в своих оценках были 1-й и 3-й, а также 2-й и 3-й эксперты (значимые положительные корреляционные связи составили 67 % и 58 % соответственно); в меньшей степени совпали оценки 1-го и 2-го экспертов (42 % положительных корреляционных зависимостей).

В целом полученные результаты свидетельствуют о том, что эксперты, описывая тело животного, давали не случайные оценки, а руководствовались некими общими основаниями.

Сам процесс проверки основной гипотезы проективной диагностики состоял из нескольких этапов.

1. Нами исследовалась корреляция шкальных оценок в рамках шкальных наборов МДЖ \Leftrightarrow МДЖ1, МДЖ \Leftrightarrow МДЖ2, МДЖ \Leftrightarrow МДЖ3, то есть осуществлялась процедура, аналогичная вышеописанной, только эталоном здесь служили Шкальные оценки рисунка, сделанные самими испытуемыми. Были получены три корреляционные матрицы Выделенные диагональные показатели корреляции свидетельствовали о наличии согласованности испытуемых и экспертов в оценках телесных образов нарисованных животных. Выше 5 %-ного уровня значимости было положительно связано: 21%, 18% и 27% (соответственно номерам экспертов) с максимальными коэффициентами корреляции $r = 0,67$; $r = 0,61$; $r = 0,72$ соответственно для каждой из трех корреляционных матриц. При этом имели место и отрицательные показатели корреляции, из которых значимые составили примерно 3 % в каждом случае.

Эти факты свидетельствуют о том, что образ «животного», который оценивали эксперты, лишь частично соответствует образу воображения испытуемого, созданному в проективной ситуации. Поскольку в качестве экспертов в нашем исследовании выступили студенты-психологи, то подобное явление может быть объяснено отсутствием достаточного опыта работы с проективным рисунком. Но более правдоподобно объяснение, согласно которому само изображение редко полностью соответствует образу воображения во внутреннем плане сознания самих испытуемых. Как бы то ни было, выявленные достоверные связи, хоть их было и немного, принимая во внимание множество неучтенных обстоятельств и разницу в отношении испытуемых к обследованию» влияющую на точность проекции, мы склонны рассматривать оптимистично.

2. С целью выяснения того, какие характеристики образа воображения ребенка попадают в поле зрения экспериментатора, нами исследовалась корреляция оценок испытуемыми и экспертами телесного образа животного по факторам СД.

Оказалось, что эти оценки коррелировали на высоком уровне значимости ($p < 0,01$) только по фактору «Сила»: МДЖ-С \Leftrightarrow МДЖ1-С ($r = 0,45$); МДЖ-С \Leftrightarrow МДЖ2-С ($r = 0,44$); МДЖ-С \Leftrightarrow МДЖ3-С ($r = 0,46$). Оценки экспертов и испытуемых по факторам «Активность» и «Оценка» не коррелировали, но зато были выявлены значимые отрицательные связи фактора «Оценка» в экспертных оценках с фактором «Сила» в оценках детей, а также положительные корреляции фактора «Активность» в МДЖ1 и МДЖ2 с силовым фактором в МДЖ.

Из сказанного следует, что эксперты, работая с проективным рисунком, из всего многообразия характеристик, данных ребенком животному, воспринимают лишь силовые. В образе животного, который возникает у экспериментатора в процессе восприятия рисунка, лишь силовые и динамические признаки телесности соответствуют аналогичным характеристикам образа воображения испытуемых. По остальным параметрам эти образы не совпадают. Физически «слабые» по замыслу детей животные в оценках экспертов фигурируют как «красивые», а животные с выраженными силовыми признаками рассматриваются экспертами как подвижные и активные.

Таким образом, эксперимент показал, что психолог, работающий с проективным рисунком, из всего многообразия признаков образа животного, созданного ребенком в ответ на предлагаемую инструкцию, способен выделить лишь силовые признаки телесности этого животного, причем эти же признаки он часто ошибочно принимает за параметры активности. Но, как известно из первого раздела нашей работы, наиболее информативными являются не силовые, а цвето-световые, температурные и эстетические характеристики этого образа, поскольку именно в них наибольшим образом трансформируются морально-этические черты личности и представление ребенка о своей внешности. Следовательно, в процессе восприятия экспериментатором проективного рисунка много важной информации остается незамеченной, и, наоборот, многое интерпретируется неверно, вследствие несовпадения образов во внутреннем плане сознания экспериментатора и ребенка. Впрочем это вполне объяснимо тем, что оценочные характеристики и не представлены в графических характеристиках рисунка, а могут быть получены только в беседе с испытуемым

Но, несмотря на значительные упущения и искажения, Некоторые параметры этих образов все же совпадают. Как уже было показано, в силовых признаках тела животного, созданного испытуемым, отображаются волевые черты его личности и силовые характеристики «телесного Я»* Таким образом, экспериментатор, анализируя пространственные характеристики нарисованного образа, может получить информацию о некоторых аспектах «Я-образа», следовательно, личность испытуемого не остается непостижимой даже для начинающего специалиста, использующего проективный рисунок в целях психодиагностики.

Существует простой путь повысить конгруэнтность образов испытуемого и экспериментатора: больше уделять внимание в беседе с испытуемым цветовым, температурным и эстетическим характеристикам несуществующего животного.

3. В рамках нашего эксперимента представилась возможность исследовать соответствие образа, с которым работает экспериментатор, «телесному Я» испытуемых, которое в наибольшей степени отображается в РНЖ. Это позволило нам опровергнуть или подтвердить правомерность основной гипотезы проективной диагностики в отношении методики «РНЖ». Она состояла в том, что интерпретатор способен увидеть в рисунке в качестве прототипа «Я-образ» испытуемого.

Анализ показателей МДЖ1 о МДЯ, МДЖ2 \Leftrightarrow МДЯ и МДЖ3 \Leftrightarrow О МДЯ, т. е. связей между оценками РНЖ со стороны экспертов и самооценками образа тела не способствовал подтверждению нашей гипотезы, поскольку в каждом из трех случаев процент значимых положительных связей был очень мал и составил 3 %, 9 % и 9 % соответственно. При этом было обнаружено большое число незначимых отрицательных связей. Вывод неутешителен: образ, с которым во внутреннем плане сознания работает экспериментатор, имеет весьма отдаленное сходство с образом тела, сформированным во внутреннем плане сознания испытуемого.

Это потребовало углубленного анализа причин подобного положения вещей. Например, следовало попытаться установить влияние отношения к обследованию на взаимное рассогласование оценок экспертов, на рассогласование их оценок с образами, продуцированными детьми, и т.д.

С этой целью нами была построена матрица, включившая 12 переменных. В качестве этих переменных выступили: отношение к обследованию (ОТН), диагональный коэффициент корреляции МДЖ и МДЯ, диагональные коэффициенты корреляции экспертных оценок между собой и с оценками испытуемых (МДЖ \Leftrightarrow МДЖ1, МДЖ \Leftrightarrow МДЖ2, МДЖ \Leftrightarrow МДЖ3); расстояние в семантическом пространстве между исследуемыми образами для каждого испытуемого ([МДЖ \Leftrightarrow МДЖ], [МДЖ \Leftrightarrow ЛДЯ], [МДЯ \Leftrightarrow ЛДЯ]) и диагональные коэффициенты корреляции экспертных оценок с оценками испытуемых, данные при описании своего тела по шкалам МД (МДЖ1 \Leftrightarrow МДЯ, МДЖ2 \Leftrightarrow МДЯ и МДЖ3 \Leftrightarrow МДЯ).

Полученные результаты в основном подтвердили уже сделанные нами выводы о связи «Я-образа» с образом воображения, а также о степени взаимной согласованности экспертных оценок, но были выявлены и новые закономерности.

Так, в частности, коэффициенты корреляции оценок «животного» и своего тела испытуемыми (МДЖ $\&$ МДЯ) положительно коррелировали с коэффициентами корреляции экспертных оценок и оценок «телесного Я» испытуемых на достаточно высоком уровне значимости ($r = 0,417$, $p < 0,01$). В частности, это наблюдалось в случае второго эксперта (МДЖ2 о МДЯ). Эти данные можно интерпретировать так. Чем ближе друг к другу образ животного и «телесное Я» испытуемых (чем теснее проекция или идентификация ребенка с образом), тем в большей степени образ, с которым работает экспериментатор, соответствует представлениям ребенка о своем теле. Поскольку связь образа тела испытуемых с образом «животного» была нами неоднократно подтверждена ранее, эти результаты приводят к выводу о принципиальной возможности для экспериментатора увидеть в рисунке некий прототип «телесного Я» детей.

Это подтверждается и значимыми обратными корреляционными связями исследуемых показателей (МДЖ1 \Leftrightarrow МДЯ, МДЖ2 \Leftrightarrow МДЯ, МДЖ3 \Leftrightarrow МДЯ) с семантической близостью образа животного с «Я-образом» испытуемых [МДЖ \Leftrightarrow МДЯ]. Из этого следует, что экспертные оценки в большей степени оказываются сопряженными с «телесным Я» в оценках ребенка в том случае, если расстояние между «Я-личностью», образом тела испытуемых и

образом животного невелико. Другими словами, чем точнее проекция «Я-образа» в рисунок и более интегрирована самооценка в целом, тем более вероятно, что экспериментатор, работающий с этим рисунком, увидит в нем в качестве прототипа «Я-образ» самого ребенка.

Результаты свидетельствуют также и о том, что чем более согласованы в оценках животного испытуемый и экспериментатор, тем более вероятна, Я-образ, возникающий у исследователя, является прототипом «телесного Я» ребенка. Следовательно, положение о том, что для экспериментатора рисунок животного – путь к личности испытуемого, правомерно и доказано. Вопрос лишь в том, насколько он прямой?

4. С целью упрощения описания полученных данных корреляционная матрица перечисленных выше параметров подверглась процедуре факторного анализа методом главных компонентов. В результате наиболее значимыми для объяснения эмпирических результатов оказались только четыре фактора (суммарная объясняемая дисперсия – 68 %). Первый объяснял 30 % общей дисперсии, остальные – 18%, 11 % и 9% соответственно.

По первому фактору наиболее нагруженными оказались следующие переменные: показатели связи оценок тела животного экспертами с самооценкой собственного тела испытуемыми, а также расстояние в семантическом пространстве от МДЖ до МДЯ и от МДЖ до ЛДЯ, причем последние показатели получили отрицательную нагрузку. Этот фактор отражает уже охарактеризованную выше зависимость точности интерпретации рисунка экспериментатором от тесноты идентификации испытуемых с образом несуществующего животного.

Фактор 2 оказался нагружен следующим образом: в него вошли (1) показатели корреляции оценок экспертами и испытуемыми тела животного, (2) корреляции оценок испытуемыми своего тела и тела животного.

По фактору 3 отрицательную нагрузку получил коэффициент взаимной согласованности оценок 1-го и 3-го экспертов, а положительно нагруженным оказалось семантическое расстояние от МДЖ до ЛДЯ.

Четвертый фактор был значимо нагружен только параметром «ОТН» – отношение к обследованию.

Эти результаты в общем виде могут быть интерпретированы следующим образом: с уменьшением расстояния между образом воображения и «Я-образом» испытуемого увеличивается степень соответствия образа животного в восприятии экспериментатора образу тела в представлении испытуемого. Это подтверждает уже сделанный нами вывод о том, что образ, с которым работает психолог, в том случае соответствует прототипу «телесного Я» ребенка, если имеет место проекция этого «Я» в рисунок. Параметр отношения испытуемого к обследованию (ОТН) не влияет на описанные закономерности.

Таким образом, экспериментатор, работающий с проективным рисунком, способен «увидеть» в нем некоторые стороны личности испытуемого, поскольку образ, порожденный в процессе восприятия нарисованного животного, по ряду параметров соотносится с образом воображения самого ребенка, а также и с его прототипом – «Я-образом». Кроме того, процедура факторного анализа позволила нам связать воедино два основных положения, лежащих в основе применения проективных рисунков в диагностических целях, а именно: то, что «вкладывается» в проективный рисунок ребенком, может быть «извлечено» из «него» экспериментатором. Этот вывод представляется крайне важным для доказательства диагностической значимости методики «Рисунок несуществующего животного».

Описанные нами ограничения в понимании проективного рисунка экспертами могут быть, отчасти, объяснены отсутствием большого, опыта работы с рисуночной продукцией у наших экспертов, но еще в большей степени должны служить предостережением против излишне оптимистичной оценки валидности метода.

Четвертая часть исследования посвящена исследованию связи, некоторых формальных аспектов рисунка с самооценкой испытуемых.

Анализировалась корреляция таких параметров, как площадь рисунка (в квадратных сантиметрах) и положение его по вертикальной оси «верх/низ» (в сантиметрах от центра) с оценками испытуемым своей личности по шкалам личностного семантического дифференциала (ЛДЯ). Поскольку значимые связи отсутствовали, можно сделать вывод о том, что для испытуемых детского возраста искомые композиционные параметры не имеют связи с «Я-образом».

В большинстве пособий по интерпретации РНЖ большой размер рисунка (свыше 200 см²), а также его положения в верхней части листа расцениваются как показатели высокой самооценки, чувства собственной значимости. Однако, как показал наш эксперимент, для рисунков детей это положение неправомерно. Из этого следует, что целостный анализ проективного рисунка в процессе доверительной беседы с самим ребенком гораздо эффективнее его поддетальной интерпретации.

На основании проделанного нами исследования считаем возможным сделать следующие выводы.

1. У детей имеет место прямая проекция в рисунок «Я-образа», представляющего собой единство самооценки и образа тела.

2. Психологическая проекция у детей имеет ряд особенностей, отличающих ее от аналогичного феномена у взрослых:

- ◆ характеризуется большей точностью;
- ◆ представляет собой более однородное явление;
- ◆ охватывает более широкий спектр личностных и телесных характеристик.

3. Сам феномен проекции прямо связан с отношением испытуемых к процедуре обследования, однако у детей влияние этого фактора на точность проекции «Я-образа» в рисунок не является определяющим фактором.

4. Экспериментатор, работающий с проективным рисунком несуществующего животного, способен «увидеть» в нем «Я-образ» испытуемого, поскольку образ, с которым он работает, соотносится не только с образом воображения испытуемого, но и с его «Я-образом». Последнее впрочем, влияет на интерпретацию, к сожалению, весьма незначительно.

5. Трансляция личностного содержания в образ фантазии происходит по принципу и психологическим механизмам метафоры.

6. Композиционные параметры рисунка – размер и положение его по вертикальной оси «верх/низ» – не связаны с самооценкой испытуемых исследованного возраста.

Сформулированные выводы в целом доказывают все выдвинутые нами предположения и, следовательно, позволяют признать определенный диагностический потенциал методики «Рисунок несуществующего животного» в качестве психодиагностического средства в работе с детским контингентом испытуемых. Однако психолог-практик, применяющий РНЖ, должен принять во внимание некоторые рекомендации, вытекающие из особенностей психологической проекции у детей и особенностей восприятия проективного рисунка экспериментатором.

Во-первых, экспериментатор должен стремиться создать у ребенка позитивное отношение к процедуре проективного взаимодействия, поскольку этот фактор, хотя и не является определяющим, но все же оказывает влияние на характеристики продуцируемых образов.

Во-вторых, более эффективен целостный анализ рисунка и опора на общее впечатление от рисунка.

В-третьих, анализируя рисуночную продукцию, важно выяснить отношение ребенка к созданному им животному, поскольку наиболее информативным будет являться тот рисунок, который нравится испытуемому, в частности, характеризуется им как красивый. Из этого следует, что в процессе расшифровки рисунка должен принимать участие и ребенок. Доверительная беседа с ним позволит экспериментатору получить много ценной информации, способствующей пониманию проективного рисунка.

В-четвертых, с проективным рисунком должен работать опытный экспериментатор, поскольку начинающему специалисту сложно увидеть в рисуночном образе прототип «Я-образа» испытуемого. Из этого следует, что психологу, не имеющему достаточного навыка в работе с рисуночными методами, следует привлекать дополнительные психодиагностические средства с целью проверки выводов, сделанных на основе анализа РНЖ.

Исследования валидности графических индикаторов агрессивности в «Рисунке несуществующего животного»¹.

Стратегия исследования:

- ◆ отбор испытуемых на основе возрастного критерия (от 8 до 12 лет);

¹ Воинова Е. Ю. Валидизация рисуночного теста «Несуществующее животное» с помощью теста рисуночной фрустрации С. –вейга относительно параметра агрессивности как характерологического свойства личности. Дипломная работа на ф-те психологии. СамГПУ. – Самара, 2000.

- ◆ проведение рисуночного теста «Несуществующее животное»;
- ◆ диагностика агрессивности с помощью теста рисуночной фрустрации С. Розенцвейга;
- ◆ организация наблюдения за поведением испытуемых в повседневной жизни;
- ◆ сравнительный анализ всех полученных данных.

На первом этапе экспериментального исследования мы отобрали испытуемых на основе возрастного критерия (от 8 до 12 лет). В экспериментальную группу вошли 25 мальчиков, что составляет 53 % от общего числа детей, и 22 девочки – 47 % соответственно. Диагностика проводилась в детском санатории-профилактории Автозаводского района города Тольятти, где дети находились круглосуточно. Они были знакомы с кабинетом, где проводилось тестирование в ходе экспериментального исследования. Наблюдение за поведением испытуемых осуществлялось в течение дня во время различных видов деятельности: отдыха, прогулки, занятий, во время лечебных процедур и т. д. В психологическом словаре термин агрессивность толкуется как враждебность, черта личности, подчеркивающая ее тенденцию причинять неприятности, нападать, наносить вред другим людям и окружающему миру. Однако нужно отметить, что агрессивность нами понимается как внутренняя направленность, предрасположенность личности, а не ее характерная форма поведения в повседневной жизни. С понятием агрессивности тесно связаны такие свойства личности, как общая активность, самооценка, стремление к самоутверждению, деятельности и т. п.

В соответствии с задачами и стратегией исследования на втором этапе с испытуемыми проводилось тестирование с помощью проективного метода «Рисунок несуществующего животного». Данный тест направлен на выявление личностных особенностей. Для проведения экспериментальной части нашего исследования необходимо было выделить те аспекты анализа рисунка, которые имеют прямое или косвенное отношение к такому характерологическому свойству личности, как агрессивность. В качестве таковых были избраны: зубы, клюв, шипы, жало, оружие, щупальца, когти, клешни, копыта, рога, углы.

Необходимо отметить, что, несмотря на полученные результаты, подтверждающие нашу гипотезу, наш подход не лишен недостатков. К ним можно отнести то, что все признаки агрессивности в рисунках уравнивались по своему значению. Каждый признак, его наличие или отсутствие, кодировался соответственно как «1» или «0». Но насколько они соизмеримы (например 1 зуб и 1 клюв, 1 копыто и 1 коготь и др.), нами не рассматривалось.

На третьем этапе нашей работы проводилось тестирование с помощью теста рисуночной фрустрации С. Розенцвейга (детский вариант). Тест проводился в соответствии с требованиями, указанными в руководстве по использованию (Лукина, Суворова А. В., 1993)¹.

На четвертом этапе осуществлялось внешнее, стандартизированное наблюдение за поведением испытуемых в повседневной жизни. Цель наблюдения: выявить наличие признаков агрессивности в поведении испытуемых. Выраженная тенденция к агрессивным реакциям (вербальной и невербальной агрессии) или ее отсутствие (стремление ребенка идти на компромисс, избегание конфликтов) кодируется соответственно как 1 или 0. Под агрессивным поведением мы понимали следующее: конфликтность детей, т. е. разрешение каких-либо вопросов через крик, оскорбление других, драчливость, задиристость. Такие дети редко идут на компромисс. Особенно данные качества проявляются во взаимоотношениях со сверстниками.

Результаты исследования. Изучая детские рисунки «Несуществующего животного», можно выделить следующие факты: 78,2 % из них содержат те или иные признаки агрессии, причем у мальчиков их количество превышает число признаков агрессии в рисунках девочек (56,7 % и 43,2 %). Относительно контура изображенных животных в рисунках детей отметим, что большинства их (97,9 %) содержат выступы и углы. Причем опять прослеживается такая тенденция, что у мальчиков общее число рисунков, содержащих выступы, углы в контуре изображенного животного, больше, чем у девочек (54,3 % и 45,7 %). В некоторых рисунках детей при отсутствии конкретных признаков агрессии (когти, клюв, рога и т. д.) наблюдаются углы и выступы в контуре изображенного животного. В методических руководствах к проведению данного теста такой показатель тоже считается признаком агрессивности. Подсчитав общее количество конкретных признаков агрессии (клюв, когти, зубы и т. д.) и число углов и выступов в контуре изображенных животных во всех полученных рисунках, построим график в соответствии с подгруппами (высокоагрессивные, среднеагрессивные,

¹ См. раздел данного пособия, посвященный валидации рисуночного теста С. –вейга.

низкоагрессивные, которые образовались при анализе ответов-реакций детей в тесте С. Розенцвейга (рис. 8.8).

Рис. 8.8. Общее количество признаков агрессивности в рисунках детей по подгруппам, выделенным с помощью теста С. Розенцвейга

Данный график наглядно иллюстрирует следующий факт: с уменьшением числа реакций «Е» (эго-защитная экстрапунитивность) снижается общее количество признаков агрессивности в рисунках детей. В первой подгруппе их общее количество – 246, во второй подгруппе их насчитывается 229, а в третьей – всего 182.

Вычислив среднее арифметическое признаков агрессии в рисунках на одного ребенка от общего количества в каждой условной подгруппе (1,2,3), мы получили следующий график (рис. 8.9).

Кривая снижается с уменьшением реакций «Е», т. е. в первой условной подгруппе наибольший показатель количества признаков агрессивности (18), а в 3 – наименьший (13). Во 2 подгруппе их оказалось 14.

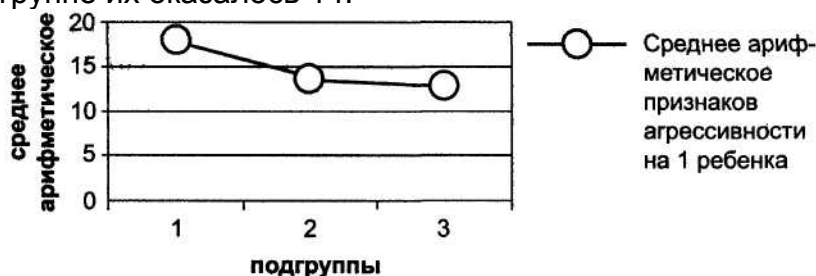

Рис. 8.9. Среднее арифметическое общего количества признаков агрессивности в рисунках детей на 1 человека по подгруппам, выделенным с помощью теста С. Розенцвейга

На следующем этапе обработки нами был применен метод ранговой корреляции Ч. Спирмена. Полученные результаты корреляционного анализа представлены в таблице 8.1. С наличием агрессии в открытом поведении коррелировало только количество углов в рисунке ($p < 0,05$). Остальные корреляции только с показателями теста С. Розенцвейга.

Результаты корреляционного анализа обобщенно можно представить следующим образом.

С экстрапунитивными реакциями высокую корреляцию имеют такие признаки агрессивности в рисунке, как «рога», «шипы» и «углы». В рисунках детей их количество увеличивается с повышением экстрапунитивных реакций в ответах на тест С. Розенцвейга.

Увеличение интропунитивных реакций в тесте Розенцвейга отрицательно коррелирует с количеством «зубов», «жал» и общим количеством признаков агрессивности в рисунках детей.

Наблюдается высокая обратная корреляция между количеством импунитивных реакций и наличием «шипов», «рогов», «углов» и общим количеством признаков агрессивности в рисунках.

Наиболее сильно коррелирует друг с другом количество углов и шипов в рисунках. Эти же признаки вносят наибольший вклад в суммарный показатель признаков агрессивности в рисунке.

Более детальный анализ выглядит следующим образом. Количество углов и шипов в рисунках на высоком уровне значимости ($p < 0,005$) коррелирует с показателем «е» («конструктивная агрессивность») теста С. Розенцвейга, на достоверном уровне значимости коррелирует с показателем «Е/е» («переработка агрессии»), но не коррелирует с суммарной агрессивностью. Это значит, что «угловатость» рисунков и наличие шипов связаны не с открытой, а с сублимированной агрессивностью в форме атрибутирования ответственности за разрешение конфликта и удовлетворение потребности партнеру по ситуации. Наличие и

количество шипов связано также с несклонностью отрицать наличие фрустрации (низкий «М'»).

Таблица 8.1

Результаты ранговой корреляции признаков агрессивности в РНЖ и тесте С. Розенцвейга (только статистически значимые)

Взаимосвязанные параметры рисунка и теста Розенцвейга	Spearman R	p-level
e & УГЛЫ	0,407056	0,004517
e & ШИПЫ	0,398248	0,005564
e & РОГА	0,341238	0,018907
e & ВСЕГО	0,354549	0,014476
Г & ЗУБЫ	0,306287	0,036272
l & ЗУБЫ	-0,336091	0,020904
l & ЖАЛО	-0,287375	0,050157
l & ВСЕГО	-0,348920	0,016228
М' & ШИПЫ	-0,302346	0,038868
М' & ОРУЖИЕ	0,377516	0,008896
М' & ВСЕГО	-0,300123	0,040398
m & КЛЮВ	-0,293061	0,045591
m & РОГА	-0,305790	0,036591
Е% & РОГА	0,294248	0,044682
Е% & ОРУЖИЕ	-0,290230	0,047820
М% & РОГА	-0,358541	0,013333
М% & ОРУЖИЕ	0,313921	0,031648
М% & ВСЕГО	-0,378430	0,008719
Е-Е & РОГА	0,332476	0,022410
Е/е & УГЛЫ	-0,287888	0,049730

С суммарной агрессивностью, с атрибуцией ответственности партнеру и «чистой» агрессией коррелирует наличие и количество рогов в рисунках. Их наличие также отрицательно связано с несклонностью детей надеяться на то, что ситуация разрешится «сама собой» («т») и несклонностью «сглаживать острые углы» ситуаций.

Наличие зубов отрицательно связано со склонностью к самообвинению.

Дети, рисующие жало, не склонны к самообвинению, а рисующие клюв, не надеются, что ситуация разрешится сама собой.

Парадоксально, но появление в рисунках оружия отрицательно связано с суммарной экстрапунитивностью и на высоком уровне значимости связано со склонностью отрицать наличие препятствия и значимость проблемы («т»).

Клешни, копыта и щупальца не дали значимых корреляций ни с тестом С. Розенцвейга, ни с признаками агрессивности в поведении.

На основании всех полученных результатов можно сделать вывод, что выдвинутая нами гипотеза о том, что существует зависимость между результатами теста рисуночной фрустрации С. Розенцвейга и рисуночного теста «Несуществующее животное»- относительно параметра агрессивности, подтвердилась.

Однако, рассматривая данные по тесту «Рисунок несуществующего животного» и наблюдая за реальным поведением испытуемых, нужно отметить, что между ними такой высокой корреляции нет. То есть существует тенденция проявления агрессивности в поведении детей 8-12 лет при повышении количества признаков агрессивности (особенно углов) в рисунках, однако это не значит, что поведение таких детей обязательно будет агрессивным.

Рекомендуемая литература по теме

БукДж. Тест «Дом – Дерево – Человек» (ДДЧ) // Проективная психология. - М., 2000. - С. 260-344.

Леей С. Рисунок человека как проективный рисунок // Проективная психология. - М., 2000. - С. 238-259.

Маховер К. Проективный рисунок человека. – М., 1996.

Применение проективного рисунка в патопсихологическом обследовании больных невротами и психопатиями. – Харьков, 1992.

Романова Е. С. Графические методы в практической психологии. – СПб., 2001.

Хоментаскас Г. Т. Методика «Рисунок семьи» // Общая психодиагностика. Основы психодиагностики, немедицинской психотерапии и психологического консультирования. – М., 1987. – С. 206-210.

Список цитированной литературы

- Аверинцев С. С. Символ // Краткая литературная энциклопедия. – М., 1971. – С. 826-831.
- АнастасиА. Психологическое тестирование. – М., 1982. Т. 2.
- Арнхейм Р. Визуальное мышление // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления. – М., 1981. – С. 97-107.
- Артемьева Е. Ю. Психология субъективной семантики. – М., 1980.
- Бажин Е, Ф., ЭткиндА. М. Личностный дифференциал. Методические рекомендации. – Л., 1983.
- Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. - Л., 1983.
- Берне Р. Развитие Я-концепции и воспитание – М., 1986.
- Беспалько И. Г., Гильяшева И. Н. Проективные методы // Методы психологической диагностики и коррекции личности. – Л , 1983. – С. 116-144.
- Блейхер В. М. Клиническая патопсихология. – Ташкент, 1976.
- Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации. – М., 1977.
- БукДж. Тест «Дом – Дерево – Человек» (ДДЧ) // Проективная психология. - М., 2000. - С. 260-344.
- Бурлакова Н. С, Олешкевич В. И. Проективные методы: теория, практика применения к исследованию личности ребенка. – М., 2001.
- БурлачукЛ. Ф. Исследование личности в клинической психологии. – Киев, 1979.
- Бурлачук Л. Ф. Проблема исследования бессознательного психического проективными методами // Бессознательное. – Тбилиси, 1978. Т. 3. - С. 638-643.
- БурлачукЛ. Ф. Введение в проективную психологию. – Киев, 1997.
- Бэллак Л. О проблемах концепции проекции // Проективная психология. - М., 2000. - С. 10-29.
- Выготский Л. С. Психология искусства. – М., 1987.
- Габидулина С. Э. К обоснованию методики «Рисунок несуществующего животного» // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. – 1986. №4.-С. 56-57.
- Гамкрелиозе Т. В\, Иванов'В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. В 2 т7-Тбилиси, 1984. Т. 2.
- ГриндерД., Бэндлер Р. Структура магии. *- М, 1995.
- Данилова Е. Е. Детский тест «Рисуночной фрустрации» С. Розен-цвейга. Практическое руководство. – М., 1992.
- Дукаревич М. З., Яныиин П. В. Рисунок несуществующего животного // Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции. – М., 1990. – С. 54-73.
- Дьяконов И. М. Введение // Мифологии древнего мира. – М., 1977. – С. 8-54.
- Журавлев А. 77. Звук и смысл. – М., 1981.
- ЗинЧенко В. П. От генезиса ощущения к образу мира // А. Н. Леонтьев и советская психология. – М., 1983. – С. 140-148.
- Зинченко В. П., Смирнов С. Д. Методологические вопросы психологии. - М., 1983.
- Корнер А. Ф. Теоретические исследования пределов возможностей проективных методик // Проективная^психология. – М., 2000.
- Леей С. Рисунок человека как проективный рисунок // Проективная психология. - М., 2000. - С. 238-259.
- Леви-Строс К. Структурная антропология. – М., 1983.
- Леонтьев А. Н. Образ мира. Избр. психол. произв. в 2-х томах. – М.: 1983. Т. 2.-С. 251-261.
- Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1975.
- Леонтьев Д. А. Тематический апперцептивный тест. – М., 1998.
- Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. – М., 1982.
- Лосев А. Ф. Философия имени. – М., 1927.
- Маховер К. Проективный рисунок человека. – М., 1996.
- МелетинскийЕ.М. Мифология и фольклор в трудах К. Леви-Строса// Леви-Строс К. Структурная антропология. – М., 1983. – С. 467-622.
- Петренко В. Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. – М., 1983.
- Петровский А. В. Общая психология. – М., 1977.

- Применение проективного рисунка в патопсихологическом обследовании больных невротами и психопатиями: Методические рекомендации // Сост. Т. И. Краско. – Харьков, 1992.
- Ранк О., Сакс Х. Значение психоанализа в науках о духе. – СПб., 1913.
- Романова Е. С., Гребенников Л. Р. Механизмы психологической защиты. Генезис. Функционирование. – Мытищи, 1996.
- Романова Е. С. Графические методы в практической психологии. – СПб., 2001.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – М., 1940.
- Рубинштейн С. Я. Экспериментальные методики патопсихологии и опыт их применения в клинике. – М., 1970.}
- Сакс Дж. М., Леей С. Тест «Завершение предложений» // Проективная психология. – М., 2000.
- Свасьян К. А. Философское мировоззрение Гете. – Ереван, 1983.
- Семещова Э. Д. Дионисийско-аполлоническое мироощущение в эгейском искусстве Ш-И тыс. лет до н. э. // Культура и искусство. Випперовские чтения. Материалы научно-практ. конф. – М., 1980. – С. 15-29.
- Соколова Е. Т. Проективные методы исследования личности. – М., 1980.
- Столин В. В. Самосознание личности. – М., 1985.
- Тарабрина Н. В. Экспериментально-психологическая методика исследования фрустрационных реакций. Методические рекомендации. – Л., 1984.
- Тарабрина Н. В. Экспериментально-психологическое и биохимическое исследование состояния фрустрации и эмоционального стресса при невротозах. Дисс.... канд. психологических наук. – Л., 1973.
- Тащева А. И. Методические рекомендации к методике Р. Кеттелла (16 PF) форма А. – М., 1990.
- Теплое Б. М. Психология. – М., 1948.
- Франк Л. Проективные методы изучения личности // Проективная психология. – М., 2000. – С. 68-83.
- Франселла Ф., Башистер Д. Новый метод исследования личности. – М., 1987.
- Фрейд З. Психопатология обыденной жизни. – М., 1924.
- Фрейд З. Толкование сновидений. – М., 1913.
- Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. – М., 1978.
- Хоментаскас Г. Т. Использование детского рисунка для исследования семейных отношений // Вопросы психологии, 1986. – № 1. – С. 165-171.
- Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. – СПб., 1997.
- Цапкин В. Н. Семиотический подход к проблеме бессознательного // Бессознательное. – Тбилиси, 1986. Т. 4. – С. 265-276.
- Шапиро М. Некоторые проблемы семантики визуального пространства. Пространство изображения и средства создания знака-образа // Семиотика и искусствометрия. – М., 1972. – С. 136-163.
- Эткинд А. М., Бажин Е. Ф. Личностный дифференциал. Методические рекомендации. – Л., 1983.
- Экспериментально-психологическая методика изучения фрустрационных реакций. Методическая рекомендация // Сост. Н. В. Тарабрина. Ред. Б. Д. Карвасарский. – Л., 1984.
- Яньшин Н. В. (З)Шантика проективного рисунка в контексте языка невербальных значений // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1989. – №1.-С. 45-51.
- Яньшин П. В. Психосемантические механизмы рисуночной проекции. Дисс... кандидата психол. наук. – М., 1990.
- Яньшин П. В. Модель образа-знака в функции метафоры и символа в герменевтике душевных и духовных феноменов // Психология искусства. Материалы всероссийской конференции 3-5 сентября 2002. – Самара, 2003. Т. 2. – С. 18-30.
- Яньшин П. В. Эмоциональный цвет. – Самара, 1986.
- Яньшин П. В. Введение в психосемантику цвета. – Самара, 2000.
- Ястребова Н. А. Пространственно-тектонические основы архитектурной образности // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. – Л., Д970. – С. 220-228.
- Arnheim R. Art and visual perception. Psychology of creative eye // Bercley and Los Angeles, 1974.

- Bellak L. On the problems of the concept of projection // Projective Psychology / Ed. by L. E. Abt, L. Bellak. - N. Y., 1950. - P. 3-32.
- Bolander K. Assessing personality through tree drawings. - N. Y., 1977.
- Brown W. R., McGuire J. M. Current psychological assessment practices. - Professional Psychological, 1976, 7, p. 475-484.
- Buck J. N. The H-T-P technique: a qualitative and quantitative scoring manual // J. of clin. psychol. 1948^ Vol. 4. - P. 317-396.
- Buck J. N. The H-T-P technique. A qualitative and quantitative scoring manual // J. of clin. psychol. Monograph supplement. 1948. Vol. 5.
- Coleman J. C A preliminary study of the relation between fantasy and behavior // J. of project, techn. 1958. - P. 338-340.
- Crenshaw D. A., Bohn S., et al. The use of projective methods in research 1945-1965 // J. of project, psychol. 1968. - Vol. 32. № 1. - P. 3-9.
- Crenshaw D. A., Bohn S., Hoffman M. R., Matheus J., Offenbach S. G. The use of protective methods in research 1947-1965 // J. of project, techn., 1968. Vol. 32.-№1.-P. 3-9.
- Elkish P. Free art expression // Projective techniques with children. - N. Y.-London, 1960. - P. 237-288.
- Elliott L. L. Factor-structure of semantic differential responses to visual form and predictions of factor scores from structural characteristics of the stimulus-shapes // Amer. J. of psychol. 1963. Vol. 76. - №4. - P. 589-597.
- Encyclopedia of psychology / Ed. by H. Y. Eysenck. London-Glasgow: Fontana - Collins} 1975. - Vol. 1,2.
- Feher E., Vandecreek L, Teglassi H. The problem of art quality in the use of Human Figure Drawing Test // J. of clin. psychol. 1983. Vol. 39. - P. 268-274.
- Frank L. K. Projective methods for study of personality // Handbook of projective technique / Ed. by B. I. Murstein. - N. Y., 1965. - P. 1-22.
- Freud S. Totem and Taboo. - L., 1955.
- Goldberg P. A. A review of sentence completion method on personality assessment // Handbook of projective psychology / ed. by B. I. Murstein. - N.Y., 1965. -P. 777-821.
- Hammer E. P. The House-Tree-Person (H-T-P) drawings as a projective technique with children // Projective techniques with children. - N. Y.London, 1960. - P. 258-272.
- Handbook of projective Technique / Ed. by Murstein B. J. (Eds.). - K.Y., 1965.-P. 932.
- Handler L. Anxiety indexes in the Draw s Person Test: A scoring manual // J. of project. Techn. And personality assessment. - 1967. Vol. 31. - N. 3. - P. 46-57.
- Hermann H. Theoretische Grundlagen der projectiven Tests // Handbuch der Psychologie. Bd. 6. Gottingen. Verlag fur Psychologie. - 1966. - P. 71-112.
- Klopfner W. G. The metamorphosis of projective methods // J. of project, techn. and pers. asses. - 1968. Vol. 32. - P. 402-404.
- Koppitz E. M. Psychological evaluation of human figure drawings by middle school pupils. - N. Y., 1984.
- Korner A. F. Theoretical considerations concerning the scope and limitations of projective technique // Handbook of Projective Technique / Ed. by B. I. Murstein. - N. Y.-London, 1965. - P. 23-34.
- Levi S. Figure Drawing as a Projective Test // Projective Psychology / Ed. by L. Edwin Abt and L. Bellak. - N. Y. 1959. - P. 258-289.
- Lord E. Experimentally induced variations in Rorschach performance // Psychol. Monograph. - 1950. Vol. 64. - № 10.
- Luft C. Interaction and projection // Project. Techn. - 1953. Vol. 17. - P. 489-492.
- Machower K. Personality Projection in the drawing of Human Figure. Springfield. - 1948. - P. 170.
- Masling J. M. The influence of situational and interpersonal variables in projective technique // Handbook of Projective Technique / Ed. by B. I. Murstein. - N. Y.-London, 1965.
- Mehlman B., Witman S. The relationship between certain pictures of Rosenzweig P-F study and corresponding behavioral situations // J. of clin. psychology. - 1955. Vol. 11. - P. 15-19.
- Melhman B., Witeman S. Characteristics of House-Tree-Person drawings by college men and women // J. of project, techn. and pers. assess. - 1970. Vol. 34.-P. 138-145/

Moss C. S. Experimental paradigms for the hypnotic investigation of dream symbolism // Semantic Differential Technique. A sourcebook // Ed. by S. G. Sicler & Ch. E. Osgood. - Chicago, 1969. - P. 546-561.

Murray H. A. Thematic Apperception Test Manual. – Cambridge, 1943.

Osgood Ch. E. Semantic Differential technique in comparative study of cultures // Semantic Differential Technique. A Sourcebook / Ed. by J. G. Snider and Ch. Osgood. - Chicago, 1969. - P. 303-333.

Osgood Ch. E., Luria Z. A blind analysis of a case of personality multiple using the semantic differential // Semantic Differential Technique. A Sourcebook / Ed. by J. G. Snider and Ch. Osgood. - Chicago, 1969. - P. 505-518.

Paivio A., Yuillf. C, Madigan S. Concreteness imagery and meaning fulness for 925 nouns //J. of exp. psychol. Monograph supplement. – 1968. – №76(1).

Projective psychology / Ed. by L. E. Abt & L. Bellak. - N. Y., 1950. -P. 3-32.

Rabin A.J. Projective Methods and Projection in children // Projective technique with children / Ed. by A. J. Rabin and M. R. Haworth. – N. Y. Grune and Stratton. Cop. 1960. - P. 2-11.

Rapaport D. Projective techniques and the theory of thinking // J. of projective technique. - 1952. Vol. 16. - P. 269-275.

Rosen A., Boll E. E. Frequency of Nude figure drawings //J. of project, techn. and personal assess. - 1968. Vol. 32. - № 5. - P. 483-485.

Swenson G. U. Empirical evaluation of Human Figure Drawing // Handbook of Projective Technique / Ed. by B. J. Murstein – N. Y., 1965. – P. 609-654.

Rosenzweig S. An Outline of Frustration Theory // Personality and the Behavior Disorders. A handbook based on experimental and clin. research / Ed by J. McV. Hunt. Ronald Press Company. - N. Y., 1945. Vol. 1. -P. 188-379.

Sacks]. M., Levy S. The sentence completion test // Projective psychology / Ed. by L. E. Abt, L. Bellak. - N. Y., 1950. - P. 357-402.

Watson Ch. G. Interjudge agreements of Draw-a-Person diagnostic interpretations //J. of project, techn. and personal, assess. – 1967. Vol. 31. – №3.-P. 42-45.

Werner W. Diagrams of the Unconscious // Handwritings and personality in measurement and analysis. – N. Y., 1965.

Признаки реакций в ситуации фрустрации по типам и направлениям

Таблица 1

Классификация реакций по типам и направлениям (PF-Розенцвейга)

НАПРАВЛЕННОСТЬ РЕАКЦИЙ	ТИПЫ РЕАКЦИИ		
	О-В препятственно-доминантный	Е-D эго-защитный	N-P потребностно-настойчивый
Е экстрапунитивная (внешне-обвинительная)	Е' - определено выделяется, подчеркивается наличие фрустрирующего обстоятельства, препятствия: «Это ужасно!»; «Я не могу ждать!»	Е - обвинение, враждебность, сарказм и т. п. проявляется в отношении внешнего окружения: «Вы виноваты в том, что произошло»; «Не повторяйте этого больше». Е - субъект активно отрицает свою вину, часто проявляя враждебность к обвинителю: «Я не делал того, в чем меня обвиняют!»	е - в ответе содержится требование к другому конкретному лицу исправить фрустрирующую ситуацию или удовлетворить потребность: «Вы должны решить этот вопрос, помочь мне»
І интропунитивная (самообвинительная) М импунитивная (необвинительная)	І' - фрустрирующая ситуация истолковывается как благоприятная или как заслуженное наказание, либо же подчеркивается смущенность беспокойством других М' - отрицается значимость или неблагоприятность препятствия, обстоятельство фрустрации: «Ничего страшного!»	І - обвинение, осуждение субъект предъявляет самому себе: «Я сам виноват в том, что случилось!» І - субъект признает свою вину, но отрицает ответственность, ссылаясь на смягчающие обстоятельства. «Я виноват, но сделал это без злого умысла» М - осуждение кого бы то ни было явно избегается; объективный виновник фрустрации оправдывается субъектом: «Вы (он, она, они) не виноваты в том, что случилось!»	і - субъект, признавая свою ответственность за исход ситуации, берется самостоятельно исправить положение, компенсировать потери другому лицу. «Я сам все исправлю» m - субъект надеется на благополучное разрешение проблемы со временем, «самой собой». Характерны уступчивость и конформность

Примечание: дополнительные категории ответов (Е и І), как правило, появляются в ответ на прямое или косвенное обвинение персонажа («супер-эго-блокинговая» ситуация).

Таблица 2

Бланк первичной обработки протокола с ключом GCR

Ключ Тарабриной			№ ответа	Шифровка ответов испытуемого			
О-D	Е-D	N-P		О-D	Е-D	N-P	Баллы GCR
M'	E		1				
	I		2				
			3				
			4				
		1	5				
		e	6				
	E		7				
			8				
			9				
	E		10				
			11				
	E	m	12				
		e	13				
			14				
E'			15				
	E		16				
			17				
E'		e	18				
	I		19				
			20				
			21				
M'			22				
			23				
M'			24				
			Сумма баллов (GCR)				
			GCR, % (от 14 ответов ключа)				
			(Норма GCR >45%,				

Алгоритм подсчета баллов GCR

Количество символов в протоколе	0	2	2	2	1	1
Количество символов в ключе	0	2	1	2	2	1
Число совпадений ключа и протокола	0	2	1	1	1	1
Количество баллов (перенести в «Баллы GCR»)	0	1	0,5	0,5	1	1

Таблица 5.4

Матрица результатов первичной обработки протокола

	O-D	E-D	N-P	Сумма	%	Стандарт	<, >, =, «,»
E	E'	E	E			46-52%	
I	I'	I	I			25-27%	
M	M'	M	M			23-26%	
Сумма				24	Образцы		
%					E=	I=	E + I =
Стандарт*	32-34%	35-39%	27-30%		E-E =		
<, >, =, «,»					I - I=		
					ΣM + I =		
Общие образцы				Тенденции			
1.	2.						
3.	4.						

Список сфер и ключ к методике «Незавершенные предложения»

1. Отношения с отцом	1	16	31	46
2. Отношение к себе	2	17	32	47
3. Нереализованные возможности	3	18	33	48
4. Отношения с подчиненными	4	19	34	49
5. Отношение к будущему	5	20	35	50
6. Отношения с вышестоящими лицами	6	21	36	51
7. Страхи и опасения	7	22	37	52
8. Отношения с друзьями	8	23	38	53
9. Отношение к своему прошлому	9	24	39	54
10. Отношения с лицами противоположного пола	10	15	40	55
11. Сексуальные отношения	11	26	41	56
12. Отношения с членами семьи	12	27	42	57
13. Отношения с сотрудниками	13	28	43	58
14. Отношения с матерью	14	29	44	59
15. Чувство вины	15	30	45	60

Текст незавершенных предложений**Незавершенные предложения (для мужчин)**

1. Думаю, что мой отец редко ..	Я хотел бы, чтобы мой отец...
2. Если все против меня, то...	Моя наибольшая слабость заключается
ВТОМ...
3. Я всегда хотел...	Моим скрытым желанием в жизни...
4. Если бы я занимал руководящий пост...	Мои подчинённые...
5. Будущее кажется мне...	Наступит тот день, когда...
6. Моё начальство...	Когда ко мне приближается мой начальник...
7. Знаю, что глупо, но боюсь...	Хотелось бы мне перестать бояться...
8. Думаю, что настоящий друг...	Больше всего люблю тех людей, которые...
9. Когда я был ребёнком...	Если бы я снова стал моложе...
10. Идеалом женщины для меня является...	Считаю, что большинство женщин...
11. Когда вижу женщину вместе с мужчиной...	Если бы у меня была нормальная половая жизнь...
12. По сравнению с большинством других семей, моя
семья...	Большинство известных мне семей...
13. Лучше всего мне работается с ...	Люблю работать с людьми, которые...
14. Моя мать и я...	Считаю, что большинство матерей...
15. Сделал бы все, чтобы забыть...	Когда я был моложе, то чувствовал себя виновным,
если...
16. Если бы мой отец только захотел...	Думаю, что мой отец...
17. Думаю, что я достаточно способен, чтобы...	Когда мне начинает не везти, я...
18. Я мог бы быть очень счастливым, если бы...	Больше всего я хотел бы в жизни...
19. Если кто-нибудь работает под моим
руководством...	Когда я даю другим поручения...
20. Надеюсь на...	Когда я буду старым...
21. В школе мои учителя...	Люди, превосходство которых над собой я признаю...
22. Большинство моих товарищей не знают, что я
боюсь...	Мои опасения не раз заставляли меня...
23. Не люблю людей, которые...	Когда меня нет, мои друзья...
24. Раньше я...	Моим самым живым воспоминанием детства
является...
25. Считаю, что большинство девушек...	Мне очень не нравится, когда женщины...
26. Супружеская жизнь кажется мне...	Моя половая жизнь...
27. Моя семья обращается со мной, как с...	Когда я был ребёнком, моя семья...
28. Люди, с которыми я работаю...	Люди, которые работают со мной...
29. Моя мать...	Я люблю свою мать, но...
30. Моей самой большой ошибкой было...	Самое худшее, что мне случилось совершить, это...

Незавершенные предложения (для женщин)

1. Думаю, что мой отец редко... Я хотела бы, чтобы мой отец...
2. Если все против меня, то... Моя наибольшая слабость заключается в том...
3. Я всегда хотела... Моим скрытым желанием в жизни...
4. Если бы я занимала руководящий пост... Мои подчиненные...
5. Будущее кажется мне... Наступит тот день, когда...
6. Мое начальство... Когда ко мне приближается мой начальник...
7. Знаю, что глупо, но боюсь... Хотелось бы мне перестать бояться...
8. Думаю, что настоящий друг.. Больше всего люблю тех людей, которые..
9. Когда я была ребенком . Если бы я снова стала моложе...
10. Идеалом мужчины для меня является.. Считаю, что большинство мужчин....
11. Когда вижу женщину вместе с мужчиной... Если бы у меня была нормальная половая жизнь...
12. По сравнению с большинством других семей, моя Большая часть известных мне семей...
семья..
13. Лучше всего мне работается с ... Люблю работать с людьми, которые...
14. Моя мать и я... Считаю, что большинство матерей...
15. Сделала бы все, чтобы забыть... Когда я была моложе, то чувствовала себя виновной, если...
16. Если бы мой отец только захотел... Думаю, что мой отец...
17. Думаю, что я достаточно способна, чтобы... Когда мне начинает не везти, я...
18. Я могла бы быть очень счастливой, если бы... Больше всего я хотела бы в жизни...
19. Если кто-нибудь работает под моим Когда я даю другим поручения...
руководством...
20. Надеюсь на... Когда я буду старой...
21. В школе мои учителя... Люди, превосходство которых над собой я признаю...
22. Большинство моих товарищей не знают, что я Мои опасения не раз заставляли меня...
боюсь...
23. Не люблю людей, которые... Когда меня нет, мои друзья...
24. Раньше я... Моим самым живым воспоминанием детства является...
25. Считаю, что большинство юношей... Мне очень не нравится, когда мужчины...
26. Супружеская жизнь кажется мне... Моя половая жизнь..
27. Моя семья обращается со мной, как с... Когда я была ребенком, моя семья...
28. Люди, с которыми я работаю... Люди, которые работают со мной...
29. Моя мать... Я люблю свою мать, но...
30. Моей самой большой ошибкой было... Самое худшее, что мне случилось совершить, это...

В приложение к данному руководству вошли сокращенные переводы руководств по ТАТ, написанные в разное время авторитетными авторами. Руководство Г. Мюррея (Murray, 1943) в оригинале включает 20 страниц текста. Г. Мюррею принадлежит авторство ТАТ, и это — первое на то время наиболее полное руководство. В нем также излагается оригинальная теория мотивации с классификацией потребностей и «давлений», что явилось важным вкладом автора в теорию личности. Это — классика в своем жанре, знание которой желательно любому диагносту. Последующие исследования подтвердили большинство положений этого руководства. Меньшее распространение получил предложенный Г. Мюрреем метод количественного измерения силы потребностей.

С. Томкинс (Tomkins S.S., 1947) — современник Г. Мюррея, развивавший собственную систему интерпретации, основанную на скрупулезном анализе формальных характеристик рассказов. В нашем приложении приводится список «культурных клише» рассказов, т. е. наиболее распространенных их сюжетов.

Д. Рапапорт (Rapaport, 1946) — также был современником Г. Мюррея. Предлагаемый текст (к сожалению, это только конспект) дополняет и уточняет интерпретационные категории автора метода. В нем приводится детальное описание поведения экспериментатора в сложных ситуациях, классифицируются признаки отношения испытуемого к рассказам, характеризуется патологическая продукция и т.д.

В заключение стоит подчеркнуть, что ни чтение этих руководств, ни наличие тестовых картин не позволяет правильно применять ТАТ без курса обучения методу у опытного руководителя. ТАТ был и остается клиническим методом исследования, что предполагает знание диагностом не только нормальных, но и патологических проявлений личности, как и разностороннюю и глубокую подготовку по различным разделам общей психологии.

Тематический апперцепционный тест (ТАТ)

Руководство (Г. Мюррей и состав Гарвардской психологической клиники)

Назначение. Тематический апперцепционный тест, обычно обозначаемый как ТАТ, является методом, посредством которого опытный интерпретатор раскрывает некоторые из доминирующих импульсов, эмоций, чувств, комплексов, конфликтов определенной личности. Особой его ценностью является то, что он в состоянии вскрывать запрещенные определяющие мотивы, которых испытуемый или пациент не хотел бы открывать или не может открыть, потому что их не осознает.

Применение. ТАТ применяется при углубленном исследовании личности, для истолкования расстройства поведения, психосоматических заболеваний, неврозов и психозов. Как установлено, он не подходит для детей моложе четырех лет.

Особенно рекомендуется использование этой техники в качестве первой стадии и серии психотерапевтических бесед или к краткому психоанализу. Поскольку ТАТ и тест Роршаха дают взаимодополняющую информацию, комбинация этих двух тестов, как указывают Харрисон и другие, крайне эффективна.

Описание. Процедура состоит в том, что испытуемому показывают ряд картин и предлагают придумать сюжет на основании увиденного без долгого размышления. Факт, что собранные таким образом истории часто раскрывают существенные компоненты личности, зависит от двух психологических тенденций: тенденции людей интерпретировать неопределенную человеческую ситуацию в соответствии с прошлым опытом и наличными потребностями и тенденции поступать таким же образом при написании рассказа: черпать из фонда своего опыта и выражать свои чувства и потребности как сознательные, так и бессознательные.

Если картины представляются как тест способности воображения, интерес вместе со стремлением заслужить одобрение может настолько сосредоточить испытуемого на выполнении задачи, что он забывает о своих зонах повышенного внимания и необходимости защиты их от исследователя. Не сознавая этого, он высказывает определенные вещи о выдуманных персонажах, относящиеся к нему самому, которые он не был бы склонен признать в ответ на прямой вопрос. Как правило, испытуемый заканчивает тест в счастливом неведении, что он дал психологу то, что равнозначно рентгеновскому снимку его внутреннего «Я»

Материал теста. Материал состоит из 19 картин, отпечатанных на белом картоне, и одной белой карты, требующих в целом составления 20 рассказов. Хотя, конечно, возможно обойтись без картин, просто предлагая испытуемому «придумать рассказ». Было установлено следующее:

- ◆ картины возбуждают воображение;
- ◆ они побуждают испытуемого выражать свое отношение к классическим человеческим ситуациям присущим только ему способом;
- ◆ существенное значение имеет использование стандартных стимулов, как и в других тестах.

Длительный опыт показал, что рассказы дают больше информации и обоснованность интерпретации возрастает, если большинство картин содержат персонаж того же пола, что и испытуемый. Большинство из них подчинено принципу, чтобы одна из фигур картины была не только того же пола, что и испытуемый, но и ненамного старше, не настолько старше, чтобы, скажем, быть ровесником его (или ее) родителей. Это не означает, что необходимо иметь две совершенно различные совокупности картин для испытуемых различных полов. Некоторые картины, ценность которых доказана, вообще не содержат человеческих персонажей, другие представляют индивидов обоего пола, пол третьих неясен. Действительно, одиннадцать картин (включая белую карту) оказались пригодны для обоих полов.

Вся совокупность картин разбивается на две серии по десять в каждой. Картины второй серии нарочито более необычны, драматичны, странны. Для каждой серии дается час \ две встречи разделяются днем или больше.

Подготовка испытуемого. Большинство испытуемых (пациентов) не нуждаются в какой-либо подготовке, кроме приемлемого объяснения для проведения теста. Но для тупых, необщительных, сопротивляющихся, подозрительных испытуемых, которые никогда не подвергались учебным или психологическим тестам, до применения ТАТ лучше дать менее внушительную задачу (тест интеллигентности, механической способности, тест Роршаха и т. д.). С детьми тесты обычно проводить лучше после нескольких встреч, в которых дается возможность устно проявить фантазию в игре с глиной или игрушкой.

Атмосфера проведения опыта. Атмосфера дружелюбия (создаваемая секретарем и другими сотрудниками), эстетический тон помещения и мебели, а также пол, возраст, манеры и личность экспериментатора должны быть способны воздействовать на свободу, силу и направление воображения испытуемого. Поскольку целью экспериментатора является получение наибольшего объема материала наивысшего качества, возможного при данных обстоятельствах, и поскольку достижение этой цели зависит от готовности и творческой способности испытуемого в данный момент, и поскольку творчество является деликатным, главным образом, произвольным процессом, который нельзя заставить проявиться в натянутой, холодной, интеллектуально подавляющей или каким-либо другим образом неблагоприятной атмосфере, важно, чтобы испытуемый имел основания ощущать атмосферу сочувствия, внимания, добрую волю и понимание со стороны экспериментатора.

Инструкции

1-й сеанс. Испытуемый усаживается в удобное кресло или ложится на диване, предпочтительно (за исключением детей и психологических пациентов) спиной к экспериментатору, и ему медленно читаются инструкции в одной из двух следующих форм:

«Это тест на придумывание рассказов. У меня несколько картин, которые я хочу показать вам и я хочу, чтобы по каждой картине вы придумали рассказ. Расскажите, что случилось раньше и что происходит сейчас. Расскажите, что думают и чувствуют люди и чем это кончится. Вы можете придумать любой рассказ, какой пожелаете. Вам ясно? Итак, вот первая картина. У вас пять минут, чтобы придумать рассказ, подумайте, как лучше это сделать».

Точный текст этих инструкций может быть изменен в соответствии с возрастом, развитостью, личностью и обстоятельствами испытуемого.

После окончания первого рассказа следует похвалить испытуемого (если для этого есть какие-либо основания) и затем напомнить об инструкциях (если он не следовал им полностью). Например, экспериментатор может сказать: «Это действительно интересный рассказ, но вы забыли сказать, как мальчик вел себя, когда мать упрекала его, и рассказ повис в воздухе. Здесь нет настоящего конца. На этот рассказ вы потратили 3,5 минуты. Следующие могут быть несколько длиннее. Посмотрим, как вы справитесь со второй картиной».

Как правило, для экспериментатора лучше больше ничего не говорить, кроме трех случаев:

1) когда испытуемый значительно отстает или опережает график, что важно, чтобы он закончил все 10 рассказов и посвящал примерно одно и то же количество времени каждому рассказу;

2) кратко подбодрять его время от времени, поскольку нет лучшего стимула для воображения;

3) если испытуемый пропускает некоторые существенные детали, предшествующие события или результат, — подсказывать ему при помощи кратких замечаний типа: «Что привело к этой ситуации?»

Экспериментатор ни в коем случае не должен позволять себе вступать в дискуссию с испытуемым.

Дети, люди иных культур, психотики часто нуждаются в значительном поощрении, чтобы они начали говорить свободно. При проведении теста с крайне сдержанными детьми допустимо предлагать вознаграждение. Экспериментатор может сказать: «Я сделаю тебе подарок, если ты расскажешь мне сегодня несколько хороших рассказов», — или: «Если ты хорошо справишься, я расскажу тебе очень интересную историю, когда ты закончишь», — или: «Для тех, кто составит хороший рассказ, есть приз».

Одним из критериев, по которым экспериментатор может судить о своей способности выполнить свои функции, является длина рассказов, которые испытуемый составит для него. 300 слов являются стандартной средней длиной рассказа для взрослых, 150 — для десятилетних.

Большинство экспериментаторов, не имеющих ассистентов, должны пытаться, насколько возможно, записать точные слова испытуемого, используя обычные или собственные сокращения. Но только специалист может таким образом записать все, что говорится. Так же может осуществляться магнитофонная запись.

При назначении второй встречи испытуемому не следует говорить или давать понять, что ему снова придется придумывать рассказы, поскольку, если он будет ожидать этого, он может подготовить себе сюжеты прочитанных книг или виденных кинофильмов и таким образом полностью прийти вооруженным большим количеством безличного материала, чем мог бы располагать, когда ему придется составлять рассказы экспромтом.

2-й сеанс. Между первой и второй встречей должен пройти, по крайней мере, один день. Процедура второй встречи подобна первой, кроме одной детали: в инструкции должен быть сделан акцент на полной свободе воображения (фантазии).

Инструкция второй серии. «Сегодня я собираюсь показать вам еще несколько картин. На этот раз вам будет легче, потому что сегодняшние картины интереснее. В прошлый раз вы рассказали несколько прекрасных историй. Сегодня я хочу посмотреть, как вы справитесь еще с несколькими. Сделайте их еще более захватывающими, чем в прошлый раз, если сможете — подобно сну или сказке. Вот первая картина»

Карта № 16 сопровождается специальной инструкцией: «Посмотрите, на этот чистый лист бумаги. Представьте на нем какую-либо картинку и опишите мне ее детально». Если испытуемый не в состоянии сделать это, экспериментатор говорит: «Закройте глаза и нарисуйте что-либо». После того как испытуемый дал полное описание того, что он представил, экспериментатор продолжает: «Теперь придумайте об этом рассказ».

Последующее интервью. При интерпретации материала часто полезно знать источники различных рассказов. В зависимости от обстоятельств, это можно сделать сразу или отложить на несколько дней. Экспериментатор может оправдать свои вопросы тем, что его интересуют факторы, действующие в составлении литературного сюжета, либо он скажет что-либо иное, чтобы добиться сотрудничества. Во всяком случае, испытуемого следует побудить попытаться вспомнить источники его идей: была ли тема заимствована из его личного опыта, опыта его друзей или родных, либо из книг, кинофильмов. Затем ему напоминают сюжет каждого существенного рассказа и побуждают говорить свободно и открыто. Рассказы ТАТ дают много провоцирующих отправных точек для свободных ассоциаций.

Анализ рассказов

Тренировка интерпретатора. Дилетант, обладающий тонкой интуицией и удачей начинающего, часто даже при отсутствии опыта проведения, может делать существенные и

важные выводы, вчувствуясь в духовную атмосферу автора рассказов, и даже опытный человек должен полагаться на тот же процесс эмпатической интуиции, освобожденной, насколько это возможно, от личных элементов. Никакой подлинный ученый не станет отказываться от использования функции, которая при надлежащей дисциплине способна давать точную и соответствующую информацию. Разумеется, что одна только интуиция крайне ненадежна, здесь требуется строго тренированная критическая интуиция.

Помимо чутья, интерпретатор ТАТ должен полагаться на клинический опыт, наблюдение, тесты и беседы с различного рода пациентами, и, если он хочет проникнуть достаточно глубоко под поверхность, он должен обладать знанием психоанализа и некоторой практикой перевода продуктов воображения в сны и обычной речи в элементарные психологические категории. Кроме того, у него должно быть несколько месяцев тренировки в применении данного теста, практики анализа рассказов, когда возможно сопоставить каждое заключение с известными фактами подробно исследованных личностей. Скоропалительная интерпретация часто приносит больше вреда, чем пользы, поскольку мнимая очевидность разумной интерпретации создает впечатление, которое служит только для подтверждения ошибочной точки зрения интерпретатора. Рассказы ТАТ дают неограниченные возможности проекции собственных комплексов или любимых теорий, и психоаналитик-любитель, не уважающий солидные факты, способен оказаться в глупом положении, когда при интерпретации ТАТ он дает волю своему воображению.

Основные необходимые данные. Прежде чем приступить к интерпретации совокупности рассказов, психолог должен знать следующие основные факты: пол и возраст испытуемого, живы ли его родители, живут ли они отдельно, возраст его братьев и сестер, его профессию и женат ли он (замужем ли она). Без этих легкодоступных публичных фактов (которые ТАТ и не предлагает открывать) интерпретатору трудно будет ориентироваться в материале. Слепой анализ — это трюк, который может быть удачным или неудачным; он не имеет места в клинической практике. формы анализа содержания

1. Герой. Первым шагом в анализе рассказа является выделение персонажа, с которым субъект идентифицирует себя. Это:

1) персонаж, в котором автор истории, по-видимому, наиболее заинтересован, чья точка зрения принята, чьи чувства и мотивы изображаются наиболее интимно;

2) он (или она) обычно являются тем, кто в наибольшей степени подобен испытуемому, индивид того же пола, того же возраста, статуса и роли, разделяющий некоторые чувства и цели испытуемого.

Этот персонаж обычно является:

- ◆ личностью (или одной из личностей), изображенной на картине;
- ◆ личностью, играющей ведущую роль в драме (герой в литературном смысле слова), тот, кто проявляется с самого начала и принимает наиболее существенное участие в результате. Хотя большинство рассказов имеет больше, чем одного героя (легко выделяемого при помощи этих критериев), интерпретатор должен быть готов столкнуться с определенными общими трудностями.

Варианты идентификации:

1) идентификация испытуемого с характером иногда смещается в течении рассказа: имеет место цепь героев (1-й, 2-й, 3-й и т. д.);

2) две личности испытуемого могут быть представлены двумя различными характерами, например: антисоциальный импульс у преступника и сознание агента справедливости. В этом случае мы говорим об эндопсихической теме (внутренняя драматическая ситуация) с двумя компонентными героями;

3) испытуемый может рассказывать историю, например, рассказ, в котором герой наблюдает или слышит о событиях, в которых ведущее положение занимает другой характер (к которому он испытывает симпатию). В этом случае мы говорим о первичном или вторичном герое;

4) испытуемый может идентифицировать себя с характером личности противоположного пола, выражая часть своей личности; таким образом (в мужчине обычно имеется женственный компонент и в женщине — мужской);

5) наконец, может не быть различного единственного героя, герой распределяется: а) либо среди определенного количества одинаково значительных, одинаково

дифференцированных частичных героев (группа людей); б) либо главный характер (герой в литературном смысле) явно принадлежит к объективной стороне ситуации субъект-объект, он не является компонентом личности автора историй, а элементом среды. Субъект, таким образом, не идентифицирует себя ни в малейшей степени с основным характером и рассматривает его как чужую или неприятную личность, с которой он должен иметь дело. Сам испытуемый здесь не представлен или представлен менее значительным характером (герой в нашем смысле).

Характеристика героев интерпретатором должна включать следующие моменты: превосходство (сила, способность), неполноценность, преступность, умственная ненормальность, одиночество, принадлежность (идентификация), лидерство, склонность к ссорам, степень вовлечения в межличностные конфликты.

2. Мотивы, стремления и чувства героев. Первая задача интерпретатора состоит в детальном рассмотрении того, что чувствует, думает или делает каждый из двадцати героев, фиксации свидетельств о личностных типах или умственных заболеваниях, а также всего того, что является необычным, не общепринятым или уникальным, или низким по интенсивности или частоте. (Чтобы быть в состоянии различать необычное, интерпретатор должен иметь большой опыт проведения тестов, должен изучить по крайней мере 50 или более совокупностей рассказов, поскольку еще не имеется удовлетворительных стандартов или таблиц частоты).

В описании и формулировании реакций героев интерпретатор обладает свободой в использовании любой совокупности переменных, которую он выбирает. Он может анализировать поведение при помощи некоторой обширной концептуальной схемы, которая отводит либо психологически значимой переменной ее место, либо ограничивается наблюдением нескольких черт. Это зависит от того, что он хочет знать об испытуемом. Он может быть заинтересован в данных об экстраверсии — интроверсии, маскулинизме — феминизме, стремления к руководству или подчинению, либо он может искать признаков тревоги, вины или неполноценности; либо он может хотеть проследить определенные, глубоко коренящиеся чувства до их источника; либо он может желать включить в план исследования все эти и другие моменты.

В нашей практике мы применяем обширный список из 28 потребностей или импульсов, классифицированных в соответствии с направлением или непосредственной личной целью (мотивом) деятельности. Потребность может выражаться субъективно как импульс, желание или объективно как тенденция внешнего поведения. Потребности могут сливаться так, что одно действие может одновременно удовлетворять две или более количество потребностей. Потребность может также функционировать как инструментальная сила, содействующая удовлетворению другой, доминирующей потребности. Помимо потребностей, наш список переменных включает несколько внутренних состояний или эмоций.

Сила каждой вариации потребности или эмоции измеряется по пятибалльной системе, пять является высшим возможным баллом любой переменной в каждом рассказе. Критерием силы является интенсивность, длительность (вспышка или раздражительность, например), характеризуемая баллом в 1, в то время как интенсивная форма (гнев), или длительное, или повторяющееся проявление более мягкой формы (например, постоянные ссоры) оцениваются баллом 5. Баллы 2, 3, 4 характеризуют промежуточные интенсивности проявления К

Здесь нет места для полного рассмотрения используемых переменных. Достаточно краткого списка. Можно утверждать, что психолог может пользоваться этими переменными безотносительно к тому, какую теорию импульсов он принимает.

Подавленность. Подчиняться насилию или давлению, чтобы избежать упреков, наказаний, боли или смерти. Страдать под давлением (оскорбление, рана, поражение) без сопротивления. Раскаиваться, оправдываться, обещать сделаться лучше, исправиться. Пассивно принимать едва посильные условия. Мазохизм.

Успех. Работать над чем-либо важным с энергией и постоянством. Стремиться совершить что-то значительное, быть первым в деле, убеждать или вести группу, заниматься творчеством, проявлять в деятельности уверенность.

Агрессия. Следует различать такие ее разновидности, как:

а) эмоциональная и вербальная. Ненавидеть (выражать это в словах или нет). Раздражаться, вступать в словесные споры, оскорблять, критиковать, унижать, упрекать, высмеивать. Возбуждать агрессию по отношению к другим людям публичной критикой;

б) физическая, социальная. Драться или убивать при самозащите или при защите любовного объекта. Мстить за неспровоцированное оскорбление. Бороться за свою страну или за доброе дело. Наказывать за нарушение. Преследовать, арестовывать преступника или врага;

в) физическая, асоциальная. Задерживать, нападать, ранить или убить человека незаконно. Вязываться в борьбу без причины. Мстить за оскорбление с чрезмерной жестокостью. Бороться против законных властей. Бороться против своей страны. Садизм;

г) деструкция. Нападать или убивать животное. Ломать, портить, сжигать или разрушать физические объекты;

д) доминирование. Пытаться влиять на поведение, чувства и мысли других. Добиваться исключительного положения. Вести, руководить, управлять. Подвергать насилию, ограничивать, арестовывать;

е) интроагрессия. Упрекать, критиковать, унижать себя за неправильные поступки, тупость и неудачи. Страдать чувством неполноценности, вины, раскаяния. Физически наказывать себя. Совершать самоубийство.

Забота. Выражать симпатию в действии. Быть добрым и считаться с чувствами других, воодушевлять, жалеть и утешать. Помогать, покровительствовать и охранять, защищать или спасать.

Пассивность. Пребывать в состоянии покоя, релаксации, расслабления, сна. Ощущать усталость или лень после небольшого усилия. Наслаждаться пассивным созерцанием или восприятием чувственных впечатлений. Отдаляться от других из апатии или инертности.

Секс. Стремиться получать удовольствие от общества противоположного пола. Иметь сексуальные отношения. Влюбляться, жениться.

Беспомощность. Искать помощи или утешения. Зависеть от другого, просить одобрения, прощения, поддержки, протекции, заботы. Испытывать удовольствие от симпатии, угощения или ценных подарков. Чувствовать неудобство в одиночестве, стремиться домой из чужого места, беспомощность в критических обстоятельствах. Под эту рубрику подходит и самозабота: беспокоиться о себе, жалеть себя, получать наслаждение от собственного горя. Искать утешение в напитках (наркотиках).

Другими потребностями являются: приобретение, присоединение, автономия, стремление избежать упреков, познание, творчество, уважение, экзальтация, выдвижение, стремление избегать неприятностей и т. д.

Из списка внутренних состояний и эмоций мы выбираем следующие.

Конфликт. Состояние неопределенности, нерешительности, смущения. Мимолетная или продолжительная противоположность импульсов, потребностей, желаний, целей. Моральный конфликт. Парализующие запрещения.

Эмоциональные сдвиги. Ощущать выраженное изменение чувств по отношению к кому-либо, быть порывистым, непоследовательным или нестабильным в своих чувствах. Проявлять флуктуации настроения. Проявление экзальтации и депрессии в рассказе, быть нетерпимым по отношению к однообразию и постоянству. Искать новых знакомств, новых интересов, новых мест.

Подавленное настроение, уныние. Переживать чувство разочарования, утраты иллюзий, печали, горя, несчастья, меланхолии, отчаяния.

Другими внутренними состояниями являются тревога, экзальтация, недоверие, ревность.

3. Силы среды, окружавшей героев. Интерпретатор должен следить как за деталями, так и за общей природой ситуации, в особенности человеческих ситуаций, с которыми сталкиваются герои. Здесь он снова должен быть нацелен на то, чтобы оценивать уникальность, интенсивность и частоту, отмечать важное отсутствие определенных общих элементов. Особое внимание должно быть обращено на физические (и человеческие) объекты, которые не показаны на картинке, но придуманы воображением рассказчика. Отмечаются те черты, которые характеризуют людей, с которыми имеет дело герой. Дружественны они, по большей степени, или недружественны, являются ли, к примеру,

женщины более или менее дружелюбными, чем мужчины. Какие черты характеризуют более пожилых женщин (фигуры матери) в рассказах или старых мужчин (фигуры отца).

В нашей практике мы используем обширный список видов давлений сил или ситуаций среды, которые классифицируются в соответствии с действиями, которые они производят. В нашем списке больше половины давлений, направленных на героев, являются тенденциями активности, проистекающими из других характеров, т. е. они являются потребностями людей, с которыми имеют дело герои. Имея в виду это, не трудно видеть, что понятие «пресс» (давление) может быть расширено, чтобы включить отсутствие необходимого положительного пресса (отсутствие чего-то, лишение, потеря, необладание), а также включить телесные повреждения, к которым должна приспособливаться личность (физическая боль, рана, членовредительство, болезнь). Сила каждого пресса, имеющего место в рассказе, оценивается по пятибалльной системе, 5 — высшая оценка любого пресса в отдельном рассказе. Обычно критериями силы являются интенсивность, продолжительность, частота и общее значение в сюжете. После оценки 20 рассказов общая оценка для каждого пресса сравнивается со стандартной оценкой для лиц данного пола и возраста, и пресс, который необычно высок или низок, отмечается в сравнении с другими.

Здесь нет места для более чем краткого упоминания нескольких из 30 или более прессов.

Присоединение. Различают такие его виды, как:

а) ассоциативное. У героя имеется один или более друзей или приятелей. Он является членом родственной ему по духу группы;

б) эмоциональное. Кто-то (один из родителей, родственников, возлюбленная) аффективно предан герою, герой любит (взаимно) или женится.

Агрессия. Различают такие ее виды, как:

а) эмоциональная и вербальная. Кто-то ненавидит героя или гневается на него, героя критикуют, упрекают, унижают, высмеивают, оскорбляют, ему угрожают. Люди злословят о нем за его спиной. Словесная перепалка, ссора;

б) физическая социальная. Герой неправ (он является агрессором или преступником) и кто-то защищает себя, обороняется, преследует, арестовывает или убивает героя, какая-то законная власть (родители, полиция) наказывает его;

в) физическая асоциальная. Преступник или банда нападает на героя или ранит его. Кто-то начинает борьбу, и герой защищает себя;

г) разрушенные собственности. Кто-то разрушает или портит собственного героя.

Господство, преобладание (доминирование). Различают такие их виды, как:

а) подавление. Кто-то пытается заставить героя сделать что-либо, он подчиняется командам, приказам, сильным аргументам;

б) ограничение. Кто-то пытается помешать герою сделать что-либо. Он ограничен или арестован;

в) увлечение, соблазнение. Кто-то пытается воздействовать на героя, заставить его сделать что-то мягким убеждением, воодушевлением, умной стратегией или соблазнением.

Забота. Кто-то заботится, опекает, воодушевляет, помогает, утешает, прощает героя.

Отрицание. Кто-то отрицает, презирает, отказывается помогать, бросает или оказывается равнодушным по отношению к герою, любимый предмет оказывается неверным. Герой не популярен или не способен занять определенную позицию. Его увольняют с работы.

Отсутствие, потеря. Различают такие их виды, как:

а) отсутствие. Герой лишен того, в чем он нуждается для жизни, для успеха или для счастья. Он беден. Семья неустойчива. У него отсутствуют положительный статус, влияние, друзья. Нет возможности для наслаждения или продолжения;

б) потеря. Все то же самое, что в предыдущем пункте, за исключением того, что герой здесь теряет что-то или кого-то, смерть любимого объекта в ходе рассказа.

Физическая угроза. Различают такие ее виды, как:

а) активная. Герой подвергается активной физической угрозе от Нечеловеческих сил — диких животных, столкновения поездов, молнии, шторма на море, бомбардировки;

б) случайная (пассивная) ненадежность. Герой подвергается опасности падения или опасности утонуть, его автомобиль переворачивается, его корабль ломается, его самолет поврежден, он на грани опасности. Герой на краю пропасти.

Физические повреждения. Герой ранен кем-то (агрессия) — или животным, или случайно (реальная физическая угроза). Его тело покалечено.

Следует иметь в виду, что отдельная сила среды нередко состоит из слияния двух или более различных давлений (прессов).

4. Результаты. Следующий важный момент, на который должен обратить внимание интерпретатор, — это сравнительная оценка сил, исходящих от героя, и сил, исходящих от среды. Какую силу проявляет герой (энергию, решительность, продолжительное усилие, компетентность)? Какова сила, содействующая благоприятным силам среды

по сравнению с противоположными или вредоносными силами? Легким или трудным является путь героя? Борется ли герой с новой силой или отступает? Делает ли герой вещи или вещи делают героя? До какой степени герой справляется или преодолевает противоположные силы? И до какой степени эти силы ведут героя или преодолевают его? Подавляют ли его или он подавляет? По большей части активен он или пассивен, при каких условиях он добивается успеха, когда ему помогают другие или когда он борется один? В каких условиях он терпит поражение?

Оскорбив кого-то или совершив преступление, подвергается ли герой действительному наказанию? Чувствует ли он вину, раскаяние, преобразование? Или преступление рассматривается как дело, не имеющее морального значения, и герой позволяет себе забыть об этом, не подвергается наказанию, и проступок не влечет за собой роковых последствий? Какова величина энергии, которую герой направляет против себя самого?

Рассматривая каждое событие, каждое взаимодействие давлений (прессов) и потребностей с точки зрения героя, интерпретатор должен иметь величину напряжения и разочарования, переживаемого героем, относительную степень успеха и неудачи.

5. Тема. Взаимодействие потребности героя (или совокупности потребностей) и давлений (пресса) среды (или совокупности прессов) вместе с результатом (успех или неудача героя) составляют простую тему. Комбинация простых тем, переплетающихся или образующих последовательность, обозначается как сложная тема. Если употреблять этот термин в точном значении, то он обозначает абстрактную динамическую структуру эпизода, а употребляемый неопределенно, он означает сюжет, мотив, тему, главные драматические черты рассказа.

Раздельное рассмотрение героя и среды, как это было сделано выше, связано с расчленением каждого конкретного события на два фундаментальных элемента. Это полезно, поскольку существенно важно знать, что герои данного испытуемого проявляют, например, необычную тревогу, пассивность или униженность, или знать, что их среда населена большим количеством угрожающих, господствующих фигур. Теперь интерпретатор достиг того пункта, где необходимо вновь объединить эти моменты реальности, и он делает это тем, что последовательно берет каждую необычно выраженную потребность и отмечает давление (пресс), с которым она обычно связана в рассказе. После этого он отмечает, с какими потребностями и эмоциями связаны необычно высокие давления (прессы). Таким путем интерпретатор получит

список преобладающих тем (комбинаций потребностей — давлений), к которому он добавит некоторые другие темы, которые, хотя могут и не давать высоких оценок по потребностям или прессам, заключенным в них, но могут представляться по той или иной причине важными: по уникальности, живости, интенсивности, объяснительной ценности.

Возможно также проводить общий тематический анализ без оценки отдельных элементов. При этом каждый рассказ рассматривается как целое, и выбираются главные и неглавные темы, сюжет и подсю-жеты. Вопрос состоит в том, какие вопросы, конфликты, дилеммы составляют из себя предмет заботы автора. Имеются общие темы, например, концентрирующиеся вокруг проблемы достижения, соперничества, любви, лишения, подавления, ограничения, оскорбления, наказания, конфликт устремления (желания), исследования и т.д.

6. Интересы и чувства. Эти моменты рассматриваются отдельно, потому что автор проявляет свои интересы и чувства не только тем, что приписывает их своим героям, но и выбором тем и способов рассмотрения. Особое значение имеют позитивное и негативное отношение (оценка, обращение) к пожилым женщинам (фигура матери), пожилым мужчинам (фигура отца), женщинам или мужчинам того же пола (некоторые из которых могут быть фигурами братьев или сестер).

Интерпретация. Совокупность рассказов анализируется и оценивается первоначально безотносительно вероятного личностного значения их содержания. Результатом является список необычно высоких и необычно низких переменных (потребностей, эмоций и прессов) и список превалирующих тем и результатов вместе с рядом наблюдений слишком специфичных, чтобы быть охваченными какой-либо удобной краткой концепцией. Затем, если это окажется необходимым, делаются два существенных предположения, которые должны быть в дальнейшем скорректированы.

Первое предположение состоит в том, что атрибуты героев (потребности и эмоциональные состояния, чувства) представляют тенденции личности испытуемого. Эти тенденции принадлежат к его прошлому или предполагаемому будущему и, следовательно, представляют потенциальные силы, которые пока что дремлют или действуют в настоящем (испытуемый может более или менее осознавать эти прошлые, настоящие или ожидаемые тенденции). Они представляют (большей частью не буквально, а символически):

- ◆ действия, которые испытуемый совершал;
- ◆ действия, которые он хотел сделать или был склонен делать;
- ◆ элементарные силы в его личности, которые он никогда вполне не осознавал, хотя они пробуждали фантазии или сны в детстве или позднее;
- ◆ чувства и желания, которые он испытывает в данный момент;
- ◆ предвосхищение своего будущего поведения, то, что он хотел бы или может оказаться вынужденным делать, или что-то, что он не хочет делать, не чувствует, что может сделать, благодаря наполовину осознаваемой своей слабости.

Второе предположение состоит в том, что переменные прессы составляют силы воспринимаемой испытуемым среды в прошлом, настоящем или будущем. Они относятся буквально или символически к следующему:

- ◆ ситуациям, с которыми он действительно сталкивался;
- ◆ ситуациям, с которыми он сталкивался в воображении или во сне из страха или надежды;
- ◆ временным ситуациям (прессы) экспериментатора или его задачи, как он себе ее представляет;
- ◆ ситуациям, которые он ожидает встретить, хотел бы встретить или боится встретить.

Грубо говоря, — прессы, которые могут интерпретироваться как точка зрения субъекта на мир, впечатления, которые он склонен проецировать в своих интерпретациях существующих ситуаций, и предвосхищение будущих ситуаций.

Для того чтобы решить, является ли данный элемент принадлежащим к прошлому или настоящему, или предвосхищаемому будущему испытуемого, требуется некоторое знание прошлого испытуемого, его настоящего плюс небольшая интуиция. Но различие временной связи не является вопросом критической важности.

Все, что может быть предложено дальше для руководства интуицией интерпретатора в этой короткой брошюре, представляет собой несколько направляющих принципов, вытекающих из нескольких лет практического опыта. Проверка этих и других предположений представляет программу на будущее. Во всяком случае, заключения, полученные на основе анализа рассказов ТАТ, должны рассматриваться как рабочие гипотезы, которые должны проверяться другими методами, а не как доказанные факты.

При выводе окончательных заключений интерпретатор должен принимать во внимание следующие моменты:

1. Если тест проведен нетехнично, испытуемый не включился в задачу, рассказы короткие и фрагментарные, содержание не имеет психологического значения и состоит, главным образом, из безличных элементов:

- ◆ элементов, содержащихся в картинке;
- ◆ элементов событий, наблюдавшихся испытуемым;
- ◆ фрагментов из читавшихся испытуемым книг или виденных фильмов;
- ◆ изобретений данного момента — ни один из этих моментов не представляет детерминирующей тенденции в его личности.

2. При обычных условиях 30 % рассказов (из 20) оказывается в категории безличных, хотя обычно из них можно выделить несколько важных моментов.

3. Не следует придавать слишком большое значение суждению испытуемого о том, является данный момент личным или безличным. В соответствии с нашими наблюдениями, большая часть содержания, которую испытуемый относит к газетам, журналам, книгам и кинофильмам, является объективным эквивалентом бессознательных воспоминаний или комплексов в составе его личности. В привлечении внимания, регистрации и воспроизведении испытуемым именно данных, а не бесчисленных других элементов опыта, действует определенный внутренний селективный фактор.

4. ТАТ дает не более 20 примеров мысли испытуемого. Полагая, что они всегда представляют структуру целостной личности, будет неоправданным оптимизмом. Так же как в серии интервью или психоанализе имеются совершенно бесплодные часы, так имеются совокупности рассказов ТАТ, состоящих из безличных или поверхностно личных элементов, по которым нельзя судить об определенных детерминантах характера.

5. Удобно различать два уровня функционирования:

- ◆ физическое и вербальное поведение (действительные, явные поступки);
- ◆ идеи, планы, фантазии, сны относительно поведения.

Поведение испытуемого в отношении экспериментатора и задачи относятся к первому уровню, а содержание его рассказов — ко второму. Поскольку субъекты чрезвычайно различаются в идеомоторной проводимости (степень объективирования в действии идей и фантазий), поэтому интерпретатор должен быть готов столкнуться с испытуемым с низкой проводимостью, чьи рассказы представляют преобладающие умственные интересы испытуемого, но не их внешнее поведение, действительное или потенциальное.

6. Удобно также различать три, если не больше, слоя у нормально социализированных личностей: внутренний, средний, внешний.

Внутренний слой состоит из подавленных бессознательных тенденций, которые в их собственной форме никогда или редко выражаются в мысли (второй уровень) и никогда или редко объективируются в действии (первый уровень).

Средний слой состоит из тенденций, которые проявляются в мысли в незамаскированной форме и, возможно, могут быть признаны одному или нескольким подходящим и могут также объективироваться в действии (первый уровень), но часто тайно.

Внешний слой состоит из тенденций, которые публично утверждаются или признаются (второй уровень) и открыто проявляются в поведении (первый уровень). Делом интерпретатора является решить, к какому из этих трех слоев принадлежит каждая выделенная в ТАТ переменная

7. Нужно установить как грубое обобщение, что содержание совокупности рассказов ТАТ представляет второй уровень, скрытый (внутренний и средний слой личности), а не первый уровень, явное или публичное личности (внешний слой). Имеется множество путей обнаружения наиболее типичных внешних черт. ТАТ является одним из нескольких наличных методов для раскрытия скрытых тенденций. Лучшее понимание целостной структуры личности достигается в том случае, если психолог рассматривает характеристики явного поведения в совокупности с результатом ТАТ.

8. Наполовину не осознан тот факт, что мы имеем дело с продуктами воображения, а не с проявлениями действительного поведения. Некоторые интерпретаторы склонны предполагать, что необычно сильные или необычно слабые переменные в ТАТ в рассказах соответствуют необычно сильным или необычно слабым при явном поведении личности. Существует прогностическое основание для такого ожидания, поскольку статистические исследования показали, что для большинства переменных имеется позитивная корреляция между силой их проявления в воображении ТАТ и силой их выражения в поведении. Но на это общее соображение нельзя полагаться слишком сильно, не только благодаря наличию многочисленных индивидуальных исключений, но также и потому, что в случае определенных других важных импульсов и эмоций, в особенности тех, которые обычно подавляются, как правило, истинной является прямая противоположность. Здесь следует вспомнить принцип, что на течение мыслей большее внимание оказывает запрещенная потребность или действовавшая дольше, чем те, которые недавно получили удовлетворение, или разрядившиеся во внешнем поведении. То, что выявляет ТАТ, часто является прямой противоположностью тому, что испытуемый делает и говорит сознательно и как бы

произвольно в своей обыденной жизни. Таким образом, гипотеза, возникающая на основе теста, может не признаваться испытуемым и даже близкими, знакомыми испытуемого.

9. Хотя ТАТ не был предназначен для раскрытия первого уровня, внешнего слоя личности (общественного поведения), интерпретатор может часто указывать некоторые характерные его черты, принимая во внимание следующие моменты:

- ♦ рассказы первой серии (по первым 10 картинам), как правило, более тесно связаны с внешним слоем личности, чем рассказы второй серии, многие из которых символически выражают тенденции к комплексам внутреннего слоя;

- ♦ тенденции, не ограничиваемые культурными санкциями, по-видимому, одинаково сильны как во внешнем, так и во внутреннем проявлениях. Например, у студентов колледжа имеется позитивная корреляция (более 0,40) между следующими проявлениями в ТАТ и в поведении: униженность, творчество, доминирование, демонстрация, забота, пассивность, отрицание, уныние (см. выше). С другой стороны, согласно нашим исследованиям, секс в ТАТ и во внешнем поведении дает корреляцию между 0,33 и 0,74 в зависимости от типа активности, которая подвергается рассмотрению. Статистически вообще не обнаруживается корреляция между интенсивностью скрытых проявлений второго уровня и открытыми проявлениями первого уровня агрессии и достижения (возможно, это связано с вариациями фактора усталости);

- ♦ зная некоторые факты об испытуемом, вчувствуясь в атмосферу рассказов, замечая и подтверждающие элементы (конгруэнтные, совпадающие), интерпретатор обычно без труда может выделить части (обычно около 15 % рассказов), которые почти буквально и сознательно личностны по своему характеру. Обычно на основании этого ядра впечатлений возникает представление о внешнем и среднем слое личности. Части, требующие глубинной интерпретации, обычно проистекают из внутреннего слоя.

10. Эксперименты показали, что следует принимать во внимание пол экспериментатора, в особенности это относится к анализу рассказов испытуемых и испытывающих в значительной степени враждебность к членам того пола, к которому принадлежит экспериментатор. До некоторой степени на ход рассказов может оказать влияние престиж и позиция экспериментатора.

Можно предсказать, что стандартные оценки не будут в точности одинаковы для всех экспериментаторов. Например, некоторые в большом количестве опытов могут стимулировать большую степень присоединения и меньшую степень агрессивности.

11. Еще более важными детерминантами являются жизненные ситуации и эмоциональные состояния испытуемого в данный момент. Средний студент колледжа, которому предстоит служба в армии, включает тему войны по крайней мере в 2 из 20 рассказов. Брачные конфликты будут занимать большое место в рассказах женщины, предвидящей развод. Молодой человек, получивший отказ у своей девушки, дает необычайно высокий балл по переменной уныния, разочарования и т.д.

Формальный анализ

В этот пункт мы включаем рассмотрение совокупности атрибутов, характеризующих тему, структуру, стиль, характер, степень реализации и силы замысла, язык рассказов. В этих атрибутах мы ищем свидетельство о темпераменте, эмоциональной зрелости, способности наблюдения, интеллектуальности, эстетического воображения, литературных способностей, легкости вербализации, психологической глубины, чувства реальности, интрацепции, целостности (нормальности познания) и т. д. Нетрудно распознать тенденции одержимости, мании и депрессии. Разорванность темы и языка, наличие в рассказе рассогласования чувства и действительности, странных элементов, — все это говорит о наличии умственной дезорганизации.

С. Томкинс. Культурные клише ТАТ

I.

1. Учебные неудачи. Невыученный урок.

а) нежелание учиться — давление учителей;

б) нежелание учиться — неуверен в себе.

2. Варианты переживаний мальчика:

а) боязнь наказания;

б) важность своей значимости;

в) не думает ни о себе, ни о своих родителях; музыка и отношение к ней.
Разновидность клише: до музыки нет дела, хочет играть в футбол.

II.

1. Девушка — учительница или агроном, обучилась в городе, ее неудачи по приезде в деревню, обоснование неудач:

а) непонимание;

б) трудно привыкнуть к обстановке, неуверенность в себе.

Окончание: или преодоление трудностей, или привыкла, или, ничего не добившись, уезжает в город (обратно).

2. Любовный треугольник — две соперницы и один мужчина. Варианты: женился, пока девушка уезжала учиться, просто две соперницы.

3. Отношения поколений: мать, сын и девушка, семье нужна работница, неприязнь к девушке.

Вариант: она его жена, мать к ней плохо относится — конфликт внутри семьи. III. М: выявляет аутоагрессию.

1. Социальное затруднение (потеряна работа и т.д.), окончание рассказа: преодоление трудностей или нет, зависит от испытываемого.

2. Смерть кого-то из близких.

3. Человек устал, набегался за день.

Указание на револьвер выявляет депрессию или подавленность. Для эмоционально незрелых: «юноша превращается в ребенка, весь сюжет отражает детские огорчения, тогда говорят: «игрушечный револьвер».

Ж:

1. Несчастье в семье, смерть близкого человека.

2. Ссора с любимым.

3. Девушка пережила социальную несправедливость.

4. В экзаменационный период — провал на экзамене. IV.

1. Выяснение отношений между супругами, сцена ревности.

2. Он терпел социальную несправедливость, она его утешает.

3. Случайная встреча: ее оскорбили хулиганы, он рвется отомстить, она его удерживает.

Этот вариант дается людьми с агрессивной установкой.

V.

1. Бытовая тема. Женщина заглядывает в комнату, чтобы посмотреть, как себя ведут дети.

2. Отношение матери к ребенку и его воспитанию:

а) ребенок маленький и она его проверяет;

б) дети большие и она вникает в их переживания.

3. Прислуга заглядывает за указаниями по хозяйству.

Патологическое клише: у испуганных, боязливых, недоверчивых —" вариант с ворами. Выявляет склонность к продуцированию страхов.

При психотике: мистика, неизвестное, непредвиденное, неожиданное, видение духа, покойники.

VI.

M:

1. Сын собирается жениться, мать недовольна.

2. Сын невнимателен к матери, она недовольна.

3. Сын совершил антисоциальный поступок, пришел исповедоваться, попав в тяжелое положение (тогда это не обязательно мать). Испуг перед последствиями, чувство вины.

4. Момент расставания. Он уезжает либо на войну, либо по назначению. Оба расстроены.

Ж:

1. Секретарша разговаривает с начальником, который за ней ухаживает.

2. Жена, застигнутая мужем за разборкой реликвий. Варианты: шпионские, спекулянтские и т. д.

3. Одинокая женщина, которой мужчина делает предложение (нескромное), она отказывается.

Вещь перед ней («шкатулка»): у людей, плохо справляющихся с деталями, она срывает, и они обязательно спрашивают, что это такое?

VII. М:

1. Разные по возрасту люди ведут важный разговор, обычно старший не согласен с младшим.

2. Отец и сын: процесс воспитания, наставления сыну, отец советует в затруднительной ситуации, обычно сын не прав.

3. Научные работники претерпевают неудачу или крах в своей совместной работе.

4. Двое переживают ненадежность или предательство-третьего (политическое или любовное — в конструкции это не имеет значения) — при выраженной недоверчивости. В патологии — паранойя.

Ж:

1. Подростковая дочь, мать читает нравоучительную книгу, дочь занята другим.

2. Больная девочка, за ней присматривает мать или гувернантка.

3. Одиноким ребенок, которого отрывают от его сверстников.

4. Первая влюбленность девочки (подростковый вариант). VIII.

М:

1. Операция во внемедицинских условиях: война, партизанский отряд (мотивировка).

2. Драма на охоте: мальчик — сын раненого.

У неконтактных, замкнутых: разведение на различные планы — воспоминания юноши (временной план), перед плакатом (пространственный план). При нерешительности, педантизме, эпилептоидности — обязательно подчеркнуто, что эпизод произошел на охоте, т. е. изображено ружье. Если сюжет обыгрывает ружье — напряженность.

Ж:

1. Женщина мечтает о своем будущем (возможно: о семье, работе, поездке и т. п.).

2. Одиноким женщина, девушка, у которой в опасности близкий (муж на войне, отец на севере).

3. Нейтральный рассказ: женщина убиралась, устала, думает о том, что ей надо сделать.

IX. М:

1. Сезонные рабочие, отдыхающие после труда.

2. Солдаты, отдыхающие в каких-то экзотических местах.

3. Ковбои, бандиты: отдыхают не то после, не то перед нападением. Ж:

1. Ревность, любовный треугольник с участием отсутствующего мужчины.

2. Жены рыбаков после бури, застигшей их.

3. Две сестры, младшая и старшая: у младшей любовь и она хочет сделать что-то, старшая пытается ее остановить.

4. Какая-то беда у одной (бросил любовник, заболел ребенок). X.

1. Расставание (мотивировки могут быть разными).

2. Встреча после долгой разлуки.

3. Любовное свидание.

4. Близкие (мать с сыном, отец с дочерью). XI.

1. Место, где прошли геологи, туристы, альпинисты.

2. Сказка, легенда. Дают люди, склонные к фантазированию (снятие психологического напряжения).

3. Отход в исторические соображения; описание руин, разрушенного замка, покинутых археологических раскопок.

4. У лишенных воображения — реалистическое описание природы. XII.

М:

1. Болезнь, стоящий ухаживает за тем, кто лежит.

2. Двое людей, оторванных от общества и населенных пунктов (дают замкнутые, трудно переносящие соприкосновение с большими группами, стремящиеся к расширению или сужению контактов).

Вариант с гипнозом на границе норм и патологии (у заинтересованных в лечении). Ж:

1. Конфликт поколений, установки младшей не одобряются.

2. Воспоминания старухи при виде молодой женщины (если нет разделения на разные временные планы — затруднение в ориентировке).

3. Страх перед старостью («что время делает с людьми»).
 4. Часто (в норме) молодую женщину принимают за юношу, тогда это — сын, а мать гордится сыном.
 5. Реже (в норме) — зависть, злоба, выраженное недоброжелательство старой женщины к молодой.
- XIII.
1. Убийство из ревности.
 2. Первое падение, первая сексуальная связь юноши.
 3. Болезнь любимой женщины, отчаяние (прикрытие сексуальной провокации).
 4. Смерть (бывает и в норме), при тяжелом состоянии испытуемого — самоубийство.
 5. Усталость, срочная работа, невозможность лечь спать (прикрытие сексуальной провокации).
- XIV.
1. Человек работал, утомлен, открыл окно.
 2. Юноша вернулся со свидания, его переживания.
 3. Человек, мечтающий о будущем (чаще отдаленном и с размахом).
 4. У людей, склонных к подавленности, депрессии: человек не ночевал у себя дома, ночует в темноте, вылезает из окна к свету.
- XV.
1. Человек на кладбище, потерял кого-то из близких.
 2. Кого-то отпевает священник.
- В норме других интерпретаций нет.
- XVI.
1. Снег, арктика, туман, все остальное индивидуально.
- XVII.
- М:
1. Циркач на репетиции.
 2. Спортсмен на тренировке (т.к. раздет).
 3. Побег из заключения. Ж:
1. Контрабандисты, девушка наблюдает.
 2. Одинокая девушка, погруженная в мысли о своей потерянной любви. Вариант: девушка уехала из села и тоскует в городе.
 3. Констатация обоих вариантов: изображены контрабандисты, одного из них девушка любит.
- XVIII. М:
1. Разбойничье нападение на улице.
 2. Приятельская шутка.
 3. У алкоголиков: выпихнули из ресторана или ведет приятель. Вариант: человек подавлен, его поддерживает друг.
- Провоцируется агрессия, однако — в норме. Ж:
1. Одна женщина упрекает другую и вымещает на ней свое горе и гнев.
 2. Болезнь, несчастье с человеком, желание оказать помощь другому.
 3. Отмщение сопернице, душит из ревности. XIX.
1. У людей, не склонных к фантазии: север, землянка и люди в тяжелых условиях.
 2. У склонных к фантазии: сказка о добрых и злых людях. XX.
1. Неудавшееся свидание, грустная поза.
 2. Одиночество, человек прячется от людей.

Л* Рапапорт. Тематический Апперцепционный Тест

Методика ТАТ была введена Г. Мюрреем в качестве проективного метода, дающего возможность посредством анализа свободного рассказа, продуцируемого испытуемым, познакомиться с самыми значительными для человека темами, волнующими его так или иначе ситуациями, кругом и направлением его интересов, возможностями оценки и самооценки и т.д., выявить его потребности и затруднения, понять динамику личности. <...> Методика ТАТ была опубликована Мюрреем и Морган в 1935 году. Ряд исследований этих авторов,

проведенных по этой методике, привели к оформлению теории личности, вслед за тем появилась инструкция относительно интерпретации полученных результатов, основанная на вышеупомянутой теории личности. Основные работы по изучению и применению этой методики проводились группой исследователей в Гарвардской психологической клинике. <...>

Методика, на которой остановимся мы и которая оправдала себя, — это методика ТАТ. Задачи в ней определены: точно обозначен исходный и конечный пункт. Легко удерживается равномерность общения (речевого). Раскрытие своего внутреннего мира происходит более безболезненно, чем при прямом опросе, и не требует от исследующего столь идеального контакта с испытуемым. Испытуемый частично лишен возможности сознательного отбора выдаваемой информации и поэтому она оказывается более полной. А наглядность картин стимулирует (если это необходимо) инертных и заторможенных субъектов ввиду своего дополнительного чувственного воздействия.

Прежде чем приступить к описанию теста, следует подчеркнуть его коренное отличие от диагностических тестов, применяемых для исследования понятийного мышления, интеллекта, ассоциативного процесса, и от теста Роршаха. Во всех перечисленных исследованиях испытуемый строго ограничен областью поиска нужного ответа, он знает, что обязан координировать свой ответ, выбор и решение со строго определенными образцами, принятыми практикой, логикой, кругом научных знаний. <...> ТАТ отличается от всех вышеупомянутых методик своей исключительной свободой выбора направления.*Здесь вступает в действие уже не формальная, а содержательная сторона мышления, т. е. демонстрируется динамический строй личности. <...>

Человек по природе своей отличается способностью думать и говорить с одинаковым успехом как о делах очень для него важных, так и о предметах, мало его интересующих и несколько не волнующих. Поэтому чем менее ограничен для него сектор выбора содержания его мышления, тем он шире, тем более очевидной и демонстративной становится его внутренняя организация, сила и направления мотивации, основные интересы, потребности, позиция, т. е. строй личности.

Описание методики. Тест состоит из трех серий картин, по 10 в каждой. Одна серия дается как мужчинам, так и женщинам, другая — только мужчинам, третья, — только женщинам. Все эти картины принадлежат к разным областям содержания мышления и имеют различную чувственную окраску. Есть картины, больше подталкивающие к проявлению агрессии, к чувству опасности и страха, к сексуальности, депрессии и суициду, трактовке взаимоотношений «отцов и детей» и т. п. При исследовании детей и подростков обычно изымаются картины с более яркими чертами сексуальной окраски. Следует избегать избирательного предъявления картин неполной серии, т. к. это ограничивает область выбора направления испытуемым и тем самым обесценивает полученный материал, а к тому же, если выбор исследующего падет на картины, вызывающие у него отрицательные эмоции или из области несколько не волнующей, либо наоборот — слишком волнующие картины, то это сильно затруднит исследование, так как продукция в таких случаях становится либо слишком лаконичной, либо слишком обильной, рассказ слишком растягивается — во всяком случае, продукция носит в этих случаях черты какой-то диспропорциональности. Останавливать же испытуемого нельзя, так как это несет в себе элемент оценки со стороны исследующего в этом эксперименте. Не допускаются и наводящие вопросы. Приведение примеров рассказов возможно лишь до предъявления картины, на совсем другом материале, в момент дачи инструкции.

Порядок предъявления. Предъявление теста распадается на две части: собственно предъявление и опрос.

Собственно предъявление. Обычно исследование проводится в два приема, так как одно продолжительное исследование ведет обычно к появлению утомления у лиц со средней продуктивностью, к искусственному сокращению получаемых ответов, снижению внимания. Одно исследование может быть достаточным только для лиц, продуцирующих очень сжатые сюжеты. Для лиц, разрабатывающих сюжеты детально или строящих их очень сложно и многокомпонентно, недостаточно и двух исследований — обычно их приходится проводить 3-4 раза. В таких случаях испытуемых удобно прерывать после 5-й или 6-й картины, чтобы не начинать следующее исследование с трудной картины. Мужскую серию удобно прерывать после 14-й картины, женскую — после 15-й. Исследование обычно проводится в течение 90-

120 мин. Инструкция звучит следующим образом: «Я покажу вам несколько картин, а вы составите рассказ, историю вокруг каждой из них (отталкиваясь от них). Расскажите, пожалуйста, какова ситуация на картине, какие события привели к этой ситуации и такому положению и каков будет исход, что из этого выйдет. Вы должны рассказывать не литературно обработанную историю, рассказ, а только основу сюжета, краткую основу истории. Опишите также чувства и мысли людей, о которых будете рассказывать, поэтому не торопитесь». Инструкцию можно повторить в случае надобности или по просьбе испытуемого либо полностью, либо в сокращенной форме, в виде вопросов: «Что здесь происходит?», «Что привело к этому?», «Что случится дальше?», «Каковы чувства и мысли людей?»

При исследовании отмечается время как от момента предъявления каждой картины до начала рассказа, так и от момента предъявления каждой картины до окончания рассказа. Время, потраченное на дополнительный вопрос после рассказа, не включается в расчет времени. Длительные паузы отмечаются особой записью.

Записываются все оговорки, неправильное употребление слов, неправильные грамматические конструкции, своеобразные выражения, повторения.

Из технических трудностей чаще встречаются следующие.

1. Необходимо преодолеть слишком быстрый или слишком медленный темп рассказа, предложенный испытуемым. Повторение той части инструкции, где говорится о том, что экспериментатор будет записывать речь испытуемого, не дает нужного эффекта, хотя это первая мера, которая применяется в таких случаях. Слишком быстрый темп речи обычно продиктован его страхом (иногда и смущением) или агрессивной настроенностью по отношению к экспериментатору, поэтому просьба должна прозвучать как можно мягче и спокойнее. Так как просьба говорить медленнее обычно не приводит к успеху, то следующей мерой в этих случаях служит повторение за испытуемым всего, что он говорит, мешающее ему практически продолжать раньше, чем экспериментатор повторит соответствующую часть фразы. К тому же эта мера позволяет дифференцировать лиц, которые чувствительны к таким искусственным перерывам больше, чем к их собственному страху или неприязни, от других лиц, для которых их собственные эмоции важнее. Если этого не сделать, то экспериментатор рано или поздно будет вынужден попросить испытуемого о повторении сказанного, а при повторении тот обычно меняет не только форму фразы, но часто и весь сюжет. Робких или колеблющихся испытуемых следует подтолкнуть вопросами: «Ну?..», «Что же вы хотите сказать?», «О чем вы думаете?»

2. Необходимо преодолеть отказ испытуемого. Обычно отказ звучит в форме заявления: «Человек стоит у окна. Только я никакой истории не вижу». Тогда экспериментатор напоминает: «вы и не можете ее здесь увидеть. Припомните: я просил вас придумать, создать историю, только отталкиваясь от картин. Постарайтесь!». Если за таким разъяснением следует немедленный отказ без попытки выполнить задание, остается только прямо припомнить: «Это исследование. Мне надо получить материал вашего рассказа, чтобы судить о вашем состоянии. Учтите это». Если же отказ имеет другую основу: трудность мобилизации круга понятий и представлений, их природную бедность, болезненную ригидность, депрессивную или неврастеническую инертность, подозрительность, то испытуемому следует оказать помощь в виде вопросов: «Вы сейчас расскажите мне, какова ситуация на картине. Что вы об этом думаете? Что они чувствуют? О чем они думают? Как вы предполагаете?»

Если испытуемый увяз в описании деталей, ему нужно напомнить инструкцию, что нужно рассказывать только основу всей истории, без разработанных деталей. Если испытуемый после этого продолжает говорить в том же духе, надо прервать его и попросить продолжать историю, не описывая деталей.

В случае колебания между несколькими вариантами описания надо попросить: «Решите, какой из них вы выбираете и продолжайте». Испытуемых, говорящих неопределенно, следует вынудить к уточнению вопросов: «Каких именно? Куда же? Какой? Где?» и т.п., но вопрос при этом может касаться момента или упоминания персонажа или черты, уже высказанной испытуемым, но ни в коем случае не подсказывать развитие сюжета. Так, при упоминании: «...у него умер кто-то из близких» можно задать вопрос: «Кто же?», но нельзя спрашивать: «Это очень для него тяжело или нет?»; при наличии указания: «Он куда-то хочет пойти» — спросить «Куда?», но нельзя — «Зачем?»

Еще одна форма ухода от рассказа представляет собой формальное исследование инструкции, когда рассказ испытуемого выглядит примерно так: «Мальчик сидит со своей скрипкой. Что его к этому привело? Он учится играть на скрипке. Дальше будет... то, что он опять будет играть. Он думает о том, что будет играть...» и т.д. В случае, если эта формальность обусловлена инертностью представлений или их бедностью, следует помочь дополнительными, но не наводящими вопросами: «Почему же он сейчас не играет на скрипке?», «Как это случилось, что он стал учиться музыке?», «Что он чувствует, когда играет?» и т.п. Если же перед вами недостаточно развитый интеллектуально испытуемый, который прибегает к такому способу ухода сознательно, ничего не остается, как прервать исследование, так как оно не дает никаких результатов.

3. Как поступить в случае заявления, что испытуемый может рассказать не одну, а две или несколько истории? Их следует выслушать, записать все, предложив испытуемому в качестве первой взять самую значительную для него. При этом следует обратить внимание на первую и последнюю истории (если их несколько), т. к. статистика показывает, что наиболее значимые для испытуемого темы были именно первыми (чаще) или последними (реже) и почти никогда не стоят в середине.

Опрос. Принципов опроса четыре.

1. Опрос должен выяснить неясные моменты и общие места.

2. В отличие от теста Роршаха и ассоциативного эксперимента, опрос по методике ТАТ не должен ограничиваться выяснением только полученного материала, а преследует также цель — по возможности получить дополнительный материал.

3. Опрос проводится после выполнения, окончания спонтанного рассказа, но возможны исключения.

4. Следует избегать искусственной объективности, выходящей за рамки спонтанной активности испытуемого.

Выяснительная часть опроса должна выявить:

♦ ошибки восприятия. Так, при заявлении: «Они сидят в узенькой тени от домика», — опрос может выявить ошибку пространственного восприятия — тень узка, значит дом находится далеко, или наоборот — далеко расположенный дом большого размера принят за близко расположенный маленький. Испытуемый употребляет местоимение «они» («они так подумали» и т. д.) На картине уже изображен один персонаж. Что скрывается за местоимением «они»? Безграмотность испытуемого (тип построения «Барышня кивнула головой») или восприятие двух персонажей вместо одного? Все эти неясные места следует проверить при опросе;

♦ ошибки и неясности речевого характера. Проверяются все оговорки. Это делается простой просьбой о повторении. Если оговорка исправляется, то это — временная невротическая недостаточность. Если же она повторяется неисправленной, то это может быть нарушением восприятия или признаком утраты смысла понятия, т. е. признаком психотической дезорганизации мышления. Может выявиться тенденция к образованию неологизмов;

♦ смысловые неясности. Самой очевидной формой нарушения такого рода является несогласованность некоторых моментов сюжета. Но это бывает редко, только при выраженном психозе. В этих случаях попытки выяснить при опросе причины несогласованности отдельных элементов сюжета ведут только к появлению новых неясностей. При этом опрос должен закончиться. Более мягкой формой того же нарушения (также психологической

природы) является введение в рассказ новых персонажей, когда это не оправдано картиной. Так, испытуемый кроме изобретенного персонажа может предполагать наличие в темноте второго, от которого изображенный убегает. Введение в рассказ несуществующих на картине персонажей всегда должно настораживать экспериментатора.

Другая форма смысловой ошибки — это несогласованность частей рассказа. Так, рассказывая (картинка 2), испытуемый говорит о том, что женщина испугалась привидения, а позже ее самое называет привидением. Опрос должен выявить, результат ли это незаконченности выбора варианта в начале рассказа или нарушение смысловых связей. В первом случае испытуемый сам дает пояснения такого рода («Я передумал... Так правильной»), и это явление не выходит за границы нормы. Если же испытуемый при опросе отрицает сказанное им ранее или утверждает, что было сказано то, чего не было, — это

признак нарушения мышления: в более мягких случаях – истерии, сильной психопатизации, в явных же многочисленных случаях безусловное наличие психопатии*.

Упомянутые типы неясностей и нарушений встречаются наиболее часто, но отнюдь не исчерпывают возможных нарушений и их выражения в рассказе. Выражения эти весьма многочисленны. Приметы их привести трудно – они очень многообразны. Следует только помнить, что экспериментатор должен быть особенно чуток к форме выражения мысли испытуемого, она может служить указанием на серьезные нарушения. Так, например, испытуемый говорит: «У нее испуганное лицо». Вы спрашиваете его – «Почему?», – получаете ответ: «Потому, что у нее приоткрыт рот и широко раскрыты глаза». Что это: непонимание вопроса, изменение направления мышления и его переход в другую область или другой уровень? Следует твердо помнить, что при исследовании этой методикой не существует просто «недоразумений», «непониманий».

Опрос проводится после окончания рассказа по каждой картине. Проводить его после окончания всего исследования нецелесообразно, т. к. варианты и сюжеты перепутываются и необходимые моменты забываются. В то же время все, что можно, надо перенести на время после окончания рассказа, чтобы не прерывать испытуемого вопросами во время исследования. Если опрос получается длительным, то исследование надо прервать раньше, т. к. беседы на темы создаваемых картин-сюжетов сильно утомляют испытуемого, его дальнейшая работа над картинами становится непродуктивной.

В заключение следует напомнить, что опрос преследует только цель выяснения неточностей и неясностей, суггестивный же, руководящий характер опроса сводит на нет все результаты исследования.

Некоторые соображения по данным теста. Очень трудно определить, насколько сюжеты, продуцируемые испытуемым, следует считать продуктами фантазии и воображения и в какой мере они представляют собой привычные штампы. Однако нельзя считать, что в случае получения в виде продуцируемого материала большей частью штампов материал этот ничего не говорит о личности испытуемого, его установках и возможностях. В этом случае следует обратить внимание на то, какие именно штампы и в силу каких внутренних законов выбирает испытуемый. Такое ограничение штампа от существенного содержательного материала, а затем, по возможности, установление оснований и законов отбора штампов испытуемым и является одной из первых задач при анализе полученного материала.

Существенная содержательная сторона мышления (индивидуальное содержание сюжетов, продуцируемых испытуемым, – в отличие от штампов) представляет собой так называемую «специфическую психическую энергию», т. е. идет от побуждений, потребностей и аффектов человека. «Неспецифическая же психическая энергия» (в материале ТАТ это штампы) – характеризуется знаниями и сведениями, навыками, полученными и усвоенными в течение жизненного опыта человека. Положение это (о специфической и неспецифической психической энергии) и его применение при оценке материала, полученного при исследовании ТАТ, станет яснее, если вспомнить теорию о соотношении эмоций и памяти.

Человек запоминает и удерживает в памяти (и даже в ее поверхностном слое, в состоянии готовности) прежде всего то, что его затрагивает эмоционально, материал, закрепляемый в памяти интересом и значимостью для человека. Это и связывает специфическую психическую энергию потребности с выбором, сделанным испытуемым из числа штампов в этом наборе.

Стоя на позициях различных теорий (психоаналитической, реалистической и др.), можно по-разному оценивать проявляющуюся в продуцируемых историях психическую энергию: как выражение неудовлетворенных потребностей и желаний, как комплексов личности, как защитную реакцию против опасностей и трудностей и т.д. Но как бы это ни называлось, выражение специфической психической энергии в норме всегда хорошо контролируется, у измененных или ригидных личностей контролируется слабо, а у лабильных, импульсивных личностей не контролируется, а непосредственно руководит и управляет их поведением. Этот последний случай большей частью встречается при психотике, меньший процент таких случаев мы наблюдаем при истероидном строе личности и психопатических личностях.

Поэтому в первом случае (в норме) продукция по ТАТ представляет собой смесь стереотипных штампов с фантазиеподобной продукцией. Во втором случае (несколько измененные личности) – это большей частью стереотипы, и только самые основные, самые

значительные потребности защитные линии личности прорываются сквозь массу штампов. В третьем же случае (патология, отсутствие контроля, лабильность) истерии, продуцируемые испытуемым, прямолинейно выявляют его стремления, опасения, потребности: они противоречивы, фантазиеподобны, часто лишены внутренних связей. Разумеется, что все перечисленные случаи надо Понимать как случаи идеальные, случаи чистых типов продукции, на деле же продуцируемые истории представляют собой весьма сильно сдвинутые и смешанные комбинации этих типов, так что охарактеризовать их более или менее точно можно только обладая большим опытом и интуицией и проводя скрупулезный анализ всей получаемой продукции.

Примеры выводов, которые можно сделать из анализируемых с таких позиций «историй». Картинка 1: «Мальчик сидит над скрипкой, но он вовсе не хочет играть, гораздо охотнее он пошел бы сыграть в бейсбол со своими сверстниками-мальчиками».

Можно сделать вывод о том, что человек, рассказавший эту историю, расположен скорее к подвижности, не созерцателен, не имеет склонности к занятиям гуманитарного направления, музыкой он не интересуется, она чужда ему, он не сентиментален и не склонен часто вспоминать о своих обязанностях и о своем будущем; связи с близкими не являются для него постоянным руководством к действию; он живет в мире реальности, а не фантазии.

Но без подтверждения другими продуцируемыми тем же испытуемым историями этот вывод может оказаться совершенно ошибочным: человек дал позицию образа, от которого он отгораживается, который ему чужд или даже противоположен. Он мог нарисовать позицию и стремление человека, чем-то «насолившего» ему в жизни.

Если такая же интерпретация повторяется в других историях, рассказанных этим испытуемым, то это не только подтверждает правильность выводов, но и дает возможность сделать более широкое обобщение:

человек этот не удовлетворен и тяготеет своим положением в жизни, хотел бы избежать его, тянется к другому, отличному от своего постоянного занятия.

Та же картина, другой вариант: «Отец мальчика был большим музыкантом. Он умер. Мальчик решил занять его место в музыкальном мире. Он посвятит свою жизнь музыке и заботам о матери – заменит погибшего отца».

Это также штамп. Но он выбран потому, что сквозь него прорывается озабоченность человека судьбой его близких, его теплые эмоциональные привязанности, чувство долга, твердость позиции, стремление к самостоятельности. Этот штамп носит явно аффективную окраску.

Более всего должно фиксироваться внимание на анализе материала, на каждой фразе, на каждом слове, хоть сколько-нибудь отходящем от штампа. (В данном случае следует, вероятно, обратить внимание на фразу, включающую выражение «решил заменить», а не «заменит отца», «заботиться о матери», а не «содержать ее».)

Продуцируемые истории можно рассматривать с другой, удобной для анализа материала точки зрения. Сам факт дачи довольно точной инструкции (какой должна быть создаваемая история) и факт предъявления картины сами по себе толкают к штампу. На первый взгляд – это недостаток данного теста. На самом деле – это его основное достоинство, без этого он не был бы тестом. Штамп как бы становится той нормальной основой, от которой можно и следует отталкиваться. Таким образом, механизм создания вариантов рассказа по картине всегда становится (или почти всегда – за вычетом патологических случаев) механизмом защитным, так же, как и в жизни человек склонен выбирать защитную позицию, организовывать свою жизнь, выбирать себе место в реальном мире, создавая максимум доступных ему благоприятных условий существования, но руководствуясь при этом индивидуально различными границами возможных и невозможных для него действий. Исключения из этого правила составляют опять-таки патологические случаи.

Формы защиты при создании сюжета различны. Именно поэтому материал теста и становится диагностическим и характерологическим показателем.

Примеры:

Случай формальной защиты. Картина 5: «Женщина стоит в дверях комнаты. Ей надо войти туда. Она откроет дверь и войдет. Она думает о том, что ей надо войти в комнату».

Это формальное следование инструкции имеет в виду одну цель –

защиту от угрозы появления тягостных эмоций, которых может быть удастся избежать при создании более разработанного* варианта рассказа.

Другой путь избежать того же – создание варианта без вступления и исхода. Например, картина 10 «Мужчина и женщина любят друг друга. Это все». Картина 17 «Человек карабкается по канату. Больше нечего добавить».

Третья форма защиты – детальное описание картины, когда каждый ее фрагмент используется для обеспечения ухода от нежелательных эмоций, мыслей, воспоминаний. Картина 18: «Это похоже на картину, где человек помоложе... А здесь может быть мать(отец) или кто-нибудь из родственников. Вот, видите, тоже глаз, бровь... Вот тут видно ухо... рука... Там только рука не нарисована... Вижу еще нос...» и т.д.

В других случаях испытуемый создает вариант истории, но все время следит, чтобы каждый поворот ее был обусловлен какой-нибудь деталью картины. Здесь каждая деталь нагружена как бы своим значением и из нее делаются далеко идущие выводы. В этих случаях можно утверждать наличие патологического параноидного характера почти безошибочно. Картина 6: после колебаний между двумя вариантами – встреча изображена или прощание – испытуемый утверждает, что прощание: «За это говорит то, что в руках у женщины платочек. Если бы это была встреча, платок вовсе не понадобился бы. Если это какая-то ссора или неожиданная печальная сцена, то она не запаслась бы заранее платком. А так как она им запаслась и держит в руке, то значит, она эту сцену предвидела, знала, что она будет печальной». Такое рассуждение обнаруживает привычку постоянно предвидеть эмоциональную Опасность и заранее принять меры для ее предупреждения, к тому же – это опасность, идущая из окружающего мира.

Все эти примеры обнаруживают бедность или ограниченность идейного содержания, все они построены на материале из разных источников; они отражают обедненность идейного уровня, параноидную ригидность, склонность к переживанию страха и т. п.

Совсем другие формы принимает защитная позиция у испытуемых, склонных к детализации, к подробной разработке создаваемых историй. Здесь встречаются многословные рассуждения, наивное бахвальство, инфантильная радость передачи своих наблюдений, введение массы новых элементов, не содержащихся в картине, – до какой-то степени эксгибиционистическая продукция, доходящая иногда до явно патологической степени.

Картинка 5: «Это происходит где-то во Франции. Женщина открывает дверь и видит молодого человека, пришедшего к ее дочери. Еще раньше он ухаживал за ее дочерью, затем они поссорились, девушка была горда и не хотела признавать его. Он уехал, а девушка за это время вышла замуж. Теперь он пришел и просит, чтобы она пошла погулять с ним в их старый парк, где они часто в прошлые времена бывали. Они уйдут, а мать, которой дочь рассказала, будет сидеть и волноваться. В это время придет муж дочери... Между приехавшим молодым человеком и мужем произойдет разговор» и т. п.

Другой вариант широко разработанных многословных рассказов представляет собой тип сюжета, включающий сразу несколько вариантов. Колеблющийся, нерешительный, скользкий характер такого сюжета обычно очевиден.

Картинка 5: «Эта женщина заглядывает в комнату, может быть, под наплывом воспоминаний о муже, которого она потеряла. Она не может свыкнуться с мыслью, что его больше нет, что он не будет сидеть за этим столом, что он не принес ей цветы. Она вспоминает давно пережитые эпизоды... А может это прислуга?.. Я не могу понять по одежде: это костюм прислуги или хозяйки дома? Она услышала странный шум в комнате и пришла посмотреть, что же тут случилось. Ей показалось, что кто-то двигает стулья, уронил со стола книгу». <...>

Основные типы показателей, свидетельствующие о личностных изменениях испытуемого или о болезненном процессе, выражаются в следующих формах:

1. Ядро, основа рассказа, сдвинуто с центральной позиции по отношению к ситуации картины:

а) картинка 7: Двое мужчин на темном фоне с лицами, повернутыми к зрителю. «Это два брата, встретившихся в день похорон отца. Живут в разных городах. При встречах рассказывают друг другу, один – о своих неудачах и своих бедах и нищете, и о причинах, приведших его к этому, а другой – о своих удачах и процветании и о путях достижения такого положения»;

б) та же картинка 7: «Два брата, шедшие по улице, являются свидетелями уличной катастрофы: экипаж, управляемый пьяным возницей, сбил и искалечил человека, переходившего улицу. Пострадавший человек – отец пятерых детей. Мать их умерла, простудившись во время работы на улице. Дети попадут в приют, а отец их сопьется». Это вариант, представляющий собой явное нарушение инструкции.

2. Картина воспринимается как «рисунок», модель для художника, «театральная сцена», «сон», «гадание на картах», «ночное видение», «галлюцинация».

Другой вариант того же нарушения: картина служит толчком к воспроизведению знакомой истории (литературной или просто воспоминания). Напр.: «Это напоминает мне о Синдбаде-Мореходе, когда он, отчалив от берегов...» и т. п. – рассказ продолжается в виде фрагментов сказки о Синдбаде-Мореходе.

3. Одна или несколько частей рассказа, требуемых инструкцией, опускается не только при спонтанном рассказе, но и после просьбы дополнить рассказ недостающей частью.

4. Одна из частей рассказа (предшествующие события, чувства, исход и т. п.) непомерно разрастаются, вытесняя остальные.

5. Несколько картин объединяются в один сюжет, вопреки инструкции создать рассказ вокруг каждой картины.

6. Ситуация на картине не создается как самостоятельный сюжет, а только описывается формально, и положение не исправляется после напоминания экспериментатора о том, что сюжет следует создать.

7. В рассказ вводятся ненужные для данного сюжета, лишние, несуществующие на картине персонажи.

8. В рассказ вводится собственное отношение испытуемого к данной аналогичной ситуации.

Варианты того же нарушения: в рассказ вводятся собственные имена, даты, указания на географические пункты, исторические справки и т. п., рассказ ведется от первого лица.

Очень близки к нарушению схемы, указанной инструкцией, и нарушения, включающие элемент искажения восприятия: смешение возраста изображенных персонажей, неправильное установление их пола, распознавание в них точных примет определенной географической зоны или определенной исторической эпохи, неправильная ориентировка в пространстве, изображенном на картине, и т. д. Очень существенным нарушением такого рода является перенос центра внимания с центральных фигур на несущественную деталь (например создание рассказа вокруг сюжета картин, висящих на стене картины), а не вокруг лежащего на кровати человека; создание рассказа о книгах, лежащих на столе на картине, а не вокруг людей, изображенных на ней). Существенным нарушением восприятия, как и инструкции является утверждение о наличии на картине дополнительных персонажей, не присутствующих на ней (например, утверждение о наличии на картине второго человека «в темноте»(!) на месте черного фона картины, от которого убегает изображенный персонаж).

Превалирующий эмоциональный фон рассказов достаточно легко читается при внимательном отношении к языковым и конструктивным выразительным средствам рассказа – характеру и количеству эпитетов законченности предложений, наличию и количеству вопросительных и восклицательных знаков, выбору лексики и т.д. Учитываются также подробности описания, увязания в деталях, слишком короткий или слишком длинный рассказ (для сравнения: приблизительные пределы нормы – около 10 сек. после предъявления картины начинается рассказ, он содержит приблизительно 100 слов, излагается в среднем за 3 мин., паузы обычно не более 20-30 сек.), удовольствие от из-

ложения или трудность составления сюжета, смущение, волнение, сензитивность, настороженность относительно того, как воспринимает рассказ экспериментатор, степень уверенности в себе и в своем варианте, черты бахвальства, оговорки и реакции на них и т. д.

Указанные отступления от нормы оцениваются только в совокупности и только в целом эксперимента; случайное одноразовое появление того или иного из указанных признаков диагностическим показателем явиться не может. Кроме того, из указанных нарушений, которые являются явными свидетельствами болезненных процессов или патологических характерологических особенностей, нельзя считать специфическими для какого-либо одного типа заболевания или состояния психики, если они не подтверждены другими,

сопутствующими им нарушениями, и не оценены в совокупности с результатами других тестов, – дифференциально-диагностическими показателями считаться не могут. <„.>

Некоторые диагностические показатели¹. Обилие восклицаний, вставки в виде собственного отношения к изображенному («Как это прекрасно!», «Противные картины вы мне показываете!», «Боже мой, смотрите-ка!»), наличие воспоминаний по поводу излагаемого сюжета указывает на эмоциональную лабильность испытуемого. Такие испытуемые часто сопровождают свой рассказ смущением, удлинением пауз, учащением дыхания, слезами. Однако надо помнить, что анализ данных должен быть основан на речевой продукции испытуемого, все же остальное – только дополнения и нюансы.

При депрессии различного происхождения мы видим обычно бедность продукции, почти полное отсутствие спонтанной продукции (чаще всего ответы на вопросы экспериментатора), почти всегда отсутствие одной из частей рассказа, требуемых инструкцией, наибольшую фиксацию на темах счастья и неудач, часто описание картины вместо создания сюжета, много отказных ответов («Не знаю, почему...», «Откуда мне знать?»), оценки изображенных материалов типа: «Зачем вы мне задаете глупые вопросы?», «Это не имеет значения», «По-моему, все равно...»: мрачную окраску сюжетов (самоубийство, грусть, расставание, одиночество и т.д.). Надо, однако, помнить, что в этом случае следует обратить особое внимание на количество про-

дукции и темы изложения, т. к. при острой психотике также повторяются те же темы. В языке много повторений, персеверирующие фразы, почти полное отсутствие определений. Часто морализирующая, назидательная интонация.

Тип навязчивости мы встречаем обычно при обстоятельных описаниях. Обязанность часто включает акцентируемые испытуемыми моменты, иногда основанные на какой-нибудь детали картины и чаще не основанные ни на чем. Один испытуемый подробнейшим образом описал все, что было изображено на переднем плане, но несколько раз возвращался к тому, что задний план не должен поглощать внимание: «Там все темно... я не рассматривал, что изображено на заднем плане». Больные с навязчивостями часто открывают в картинах противоречия. Так, по картинке 5 испытуемый говорит: «Я вижу женщину, открывающую дверь в комнату. В комнате вижу небольшой стол, покрытый скатертью, срезанные цветы в вазе, занавеску на окне... А женщина, вероятно, думает скорее о прошлом, чем о настоящем. Но на ее лице удивление. Она не поражена, а скорее задумчива. Но к чему же она удивляется, если она думает о прошлом? Не совсем понятно. В картине какое-то противоречие».

Часто у таких испытуемых наблюдается легкое перескакивание с одного аспекта явления на другой. Очень часто психологизирование, и «рассуждательство». Так, испытуемый говорит о картине: «Это конфликт между мыслью и инстинктом... или скорее страстью. Я предпочитаю сказать "страстью" потому, что "страсть" – лучший термин, чем "инстинкт". В психологии об инстинкте много написано, как вы знаете...» и т. п. Такие больные часто сомневаются в своих выводах, легко их меняют, проверяют по нескольку раз и почти всегда констатируют это вслух: испытуемая говорит в рассказе по картинке 8-ж «Эта женщина, смотрящая на луну... кажется, с удовольствием... но грустная ли она? Нет, это, по-видимому, не грусть... А может быть, она прощается с жизнью и думает о самоубийстве? Но у нее лицо скорее не отчаявшегося, а размышляющего человека... Как страшно, не правда ли, высказывать такие мысли, когда на лице собственно можно прочесть так мало!.. Я не знаю, как это выразить, но мне кажется...» и т. п.

Часты такие случаи критики по поводу картины: испытуемый о картинке 5: «Букет цветов почему-то стоит здесь на краю стола, вместо того чтобы находиться посередине!».

И наконец, одной из характерных черт продукции таких больных следует считать смесь педантичности с отступлениями в форме свободных ассоциаций.

Образец такой продукции – рассказ к картинке 1. «Здесь изображен мальчик, обучающийся играть на скрипке... не знаю, с увлечением или отвращением. Если с ним обстоит дело так же, как со многими нашими детьми, то это, пожалуй, бесполезная трата времени. Может быть, он задумался сейчас, сможет ли когда-нибудь стать хорошим музыкантом или как ему выбрать какое-нибудь другое занятие. Или мальчика тянет на простор, поиграть. Это тоже бывает со многими большими артистами: их в детстве тянуло тоже к играм. Мне эта картина напоминает о Фриде Крейслере, о котором я недавно прочел статью в журнале. Там, кстати, говорится о Крейслере не только как о великом музыканте, но и

как о талантливом государственном деятеле. То же самое и о Падеревском – он музыкант и государственный деятель, который послужил во многом своей стране. Вообще, музыканты, мне кажется, разносторонние, одаренные люди. В моей семье, благодаря тому, что мать хорошо играла, многие дети музыкально одарены. Обычно в больших семьях дети оказываются более одаренными музыкально, чем в других.. Нет?» ..

Признаки параноидности в рассказах выражены следующими чертами: в самой тематике рассказов часто звучат мотивы страха, подозрительности, затаенной агрессии, которыми испытываемый наделяет своих персонажей; тематика эта мрачна, и если из двух вариантов больной выбирает один, то выбирает худший, более тяжелый.

О картинке 15: «По виду он больше похож на убийцу, чем на вора». Такие больные стараются оспорить доводы экспериментатора, они очень настойчивы. В картине они находят преднамеренность, провоцирующие моменты. Так, испытываемая говорит о картинке 2-ж: «Ноги этой женщины художник нарисовал неточно, чтобы мы увидели реакцию сексуального характера. Нет, у меня это не вызывает никакой реакции»; о картинке 6-ж «Ключ ко всему здесь, вероятно, эта тень... но я не знаю, что она значит».

Часто мы видим у таких больных осуждающее морализирование о картине: «Она сделала что-то постыдное, я это отлично вижу по выражению ее лица и всему виду ее...», «Это мучение всей ее семье, как всегда бывают такие люди без совести и чести». От изложения похожих вариантов больными с депрессией эти рассказы параноидальных больных отличаются большим многословием (у депрессивных больных очень скудная речевая продукция), наличием осуждения в адрес персонажей картины и частотой упрямства и противоречия при вмешательстве экспериментатора.

Характерным часто встречающимся признаком параноидальности является нарушение восприятия, среди которых особенное значение имеет ошибочное восприятие пола персонажа. <...> Достаточно достоверным признаком параноидности можно считать восприятие разных планов картины (переднего, заднего, среднего) как разных во времени моментов: «На заднем плане – это его будущая судьба», «Рядом

с ним он стоит таким же, каким бы он хотел себя видеть», «Позади него – его воспоминания о юности», «Левый край символизирует его угрызения совести при мысли о прошлом» и т. п. Параноидальным показателем является и обнаружение одного и того же персонажа на разных картинах. Таким же показателем следует считать упорное отрицание агрессии во всех картинах, где можно найти намек на нее. <...> В том же направлении должно настораживать экспериментатора появление на общем фоне (обычном и логичном) остальных рассказов одной необычной обращающей на себя внимание истории.

Признаки шизофренического процесса в рассказах больных шизофренией многочисленны и разнообразны, их следует искать в самом содержании рассказов, в реакции больного на картину, в речевом оформлении сюжетов, в позиции испытываемого относительно экспериментатора и ситуации исследования.

Прежде всего, это необычное, неприемлемое содержание рассказов: гомосексуальность, перверзии, извращение агрессии: братоубийство, отцеубийства и др. Например, на картинке 7-м испытываемый видит гомосексуальных любовников, или: «Человек, который насилует маленьких девочек» – о картинке 15, или: «Женщина плачет, потому что человек, который только что ее изнасиловал, убил также и ее мужа» – о картинке 2-ж.

Очень характерным для шизофрении признаком является восприя'-тие персонажей и предметов на картине как символов и последующее подробное описание их значения. Так, например, о картинке 17-ж: «Мост представляет собой границу между жизнью и смертью. Верхняя часть картины – это солнце, это жизнь, а нижняя – смерть. Девушка не знает, что ей выбрать. Если она заслуживает место под солнцем, т. е. в жизни, она не сможет спасти одного из этих тяжело работающих людей (под мостом) и дать ему право на жизнь». О картинке 17-ж: «Эта пара символизирует жизнь. Фигура справа – это мать одного из любовников и бабушка ребенка. Таким образом, жизнь вечна и непрерывна в поколениях. Женщина передает ребенку свою жизненную силу, а дальше ребенка воспитывает культура и цивилизация, что символизируется тем, что женщина справа одета».

Часто в рассказах таких больных встречаются тенденции к уходу от жизни. Так, о картинке 14 больной говорит: «Этот человек – владелец крепостной башни. Из нее он через

окно наблюдает жизнь. Он размышляет, творит философию. Ненадолго выходя из башни, он возвращается в нее и в полутьме выполняет свой долг мыслителя».

Очень часты фантастические истории. <...> Встречаются также и нереальные фантазии. Испытуемый говорит о картинке 19: «Я вижу поля, цветы. Все освещено солнцем, но тени растений направлены не в ту сторону. Солнце идет в обратном порядке. Это утро, а солнце идет с запада». О картинке 18-м: «У него галлюцинация, что его кто-то погребает. Он шел по улице и кто-то дотронулся до него пальцем, он опустился на мостовую, и был там впоследствии найден мертвым».

Характерным признаком является также обилие неопределенных утверждений общего характера. О картинке 14: «Он стоит, смотрит в открытое окно, надеясь, что решение проблемы удастся ему... Оно действительно удалось (Экспериментатор: какое же решение?)... Решение, которое поможет ему добиться успеха (Экспериментатор: какого успеха?)... Того, которое поможет ему быть счастливым. В том смысле, как он понимает счастье».

Встречается нелогичность изложения, как, например, в рассказе по картинке 13: «Молодой человек застрелил свою подругу. У нее была коллекция ружей, а он был пьян... Она забыла вынуть пулю. (Экспериментатор: это несчастный случай?) Нет, он хотел ее убить, потому что ему не нравилась ее коллекция ружей!». О картинке 1: «У мальчика большой желудок, поэтому мать заставляет его учиться играть на скрипке и хочет сделать великого скрипача».

Иногда большую часть рассказов занимает одно какое-нибудь суждение. Так, один больной по картинке 6-м рассказывает только о том, что пожилая женщина хорошо сохранилась и была в молодости красива. Другой больной по картинке 2 пространно доказывает, что лицо девушки красиво, т. к. на нем лежит отпечаток гуманитарности. По картинке 15 больной создает несколько понятий о человеке, смерти, кладбище и отношении живых к умершим.

Часто встречается увязывание нескольких картин в один сюжет (каждая картина как бы является продолжением предыдущей).

Нередко больные испытывают смущение или растерянность при необходимости изложить свой сюжет экспериментатору. Так, один из больных отказался составлять рассказ по картинке 13, т. к. «... доктор – женщина... Хорошенькое дело! Я не могу рассказывать такие неприличные вещи женщине!» Другой больной в течение всего исследования возвращался к мысли об «аморальности» сюжета картинки 13: «Если признаться, то меня шокирует аморальность этого сюжета... Может быть, вы разрешите рассказать совсем короткую историю?.. Нет... Лучше я не буду говорить об этом...» Испытуемые, не страдающие шизофренией, также иногда отказываются от изложения сексуально окрашенных сюжетов, но никогда не обосновывают своего отказа неприемлемостью его для себя: они излагают сюжет, пользуясь эвфемизмами, не говоря прямо.

Следует отметить также частоту высказывания своей позиции или оценки сюжета (большей частью отрицательной), высказываемой больным в резкой форме или ведущей к отказу: «Это какой-то религиозный конфликт. Это мне неинтересно! Я не буду составлять рассказ по картине», или: «Женщина на переднем плане зла, хитра, коварна, ревнива и жестока... Мне противно думать о ней... Дайте мне другую картину!»

Характерен язык шизофренических больных, который мы наблюдаем в исследовании. Он изобилует вычурными, высокопарными выражениями, фразы сложны по конструкции, определенные члены предложения обычно плохо согласованы с другими членами предложения, к которым они относятся. Встречаются неологизмы. Чаще всего – неуместное и неправильное употребление слов. «Он стоит в лесу памятников» (о картинке 15), «чудовище, напоминающее образец старины» (картинка 11), «фигуры, представляющие только частичный взгляд» (картинка 10), «у женщин скудно сложенное тело, своего рода блошиная талия» (картинка 9-м), «водяной туннель» (картинка 11), «у этой девушки коварная болезнь» (картинка 8-м), «она не делала работу на дому, т. к. у нее много социальной работы» (картинка 2), «он отчаялся в использовании мира» (картинка 14) и др. <...>

Надо, однако, помнить, что единственный признак, как бы характерен он ни был, диагностически достоверным считаться не может. Признаки и показатели, полученные при исследовании, оцениваются только в комплексе, в совокупности.

Программа семинарско-практических занятий по курсу «Клинические методы исследования личности»

Полный курс включает 2 лекции, 15 четырехчасовых занятий, в сумме — 64 часа.

Пояснительная записка

Личность — центральная проблема и объект исследования в психологии. Это определяет значение данного курса в ряду других психологических дисциплин. Теоретической основой курса являются курсы «Дифференциальная психология» и «Психология личности».

Предметом курса является ознакомление и практическое овладение студентами основными навыками и приемами психологической диагностики особенностей личности испытуемых, разработанными в клиническом (идиографическом) направлении психодиагностики.

В задачи курса входит усвоение студентами теоретических основ и овладение навыками:

♦ установления и поддержания контакта с испытуемым в процессе психодиагностического обследования;

♦ практического применения следующих методик:

• методика исследования самооценки по Дембо-Рубинштейн с элементами клинической беседы;

• методика исследования уровня притязаний по Ф. Хоппе;

• проективный метод Рисуночной фрустрации С. Розенцвейга;

• проективный метод Незаконченных предложений;

• Тематический Апперцепционный Тест (ТАТ);

♦ анализа сочетаний диагностических показателей указанных методик;

♦ составления и оформления психологических заключений по результатам проведенного обследования.

В течение курса студент обязан отчитаться по каждой экспериментальной методике, предоставив заключение по обследованию генерального испытуемого.

Обоснование подбора методик

Основанием подбора диагностических методик курса служит охват различных методических приемов и объектов исследования внутри широкой области диагностики личности. Усвоив курс, студент получает основные навыки, достаточные для самостоятельного квалифицированного проведения обследования и составления заключения по личностным особенностям испытуемого. В дидактическом плане основой этого практического курса являются лекционные курсы «Дифференциальная психология» и «Психология личности». На каждом занятии студенты получают не только практические навыки, но и теоретические сведения в необходимом объеме. Основу курса составляют методы, разработанные клиническим направлением в психодиагностике, и проективные техники. Каждая методика является характерным представителем в своей подгруппе.

Методика исследования самооценки с элементами клинической беседы по Дембо-Рубинштейн — клинический метод, основанный на субъективном отчете с элементами проекции, входит в активный инструментарий практического психолога; используется на взрослом и детском контингенте. При ее проведении отрабатываются навыки установления и поддержания контакта с испытуемым, эмпатического слушания, первичной ориентировки в индивидуальных ценностях, смыслах и проблемах испытуемого, навык анализа вербальной продукции в ходе живого диалога.

Исследование уровня притязаний по Ф. Хоппе — клинический метод, представитель «объективных методов действия», являет собой уникальный пример психодиагностического эксперимента, позволяющий предсказывать поведение вне экспериментальной ситуации; используется на взрослом и детском контингенте. В ходе проведения отрабатываются новые навыки: координация стратегии собственного поведения со стратегией поведения испытуемого; регистрация эмоциональных реакций испытуемого; соотнесение диагностически значимых параметров поведения испытуемого с его психологическими характеристиками.

Фрустрационный тест С. Розенцвейга — самый стандартизованный из проективных методов (исключая тест Роршаха), основан на элементах классического психоанализа и оригинальной фрустрационной теории С. Розенцвейга; имеются модификации для проведения

на взрослом и детском контингенте. Студент усваивает навык работы с проективной методикой: проведение обследования, первичная интерпретация протокола, алгоритм

подсчета диагностических показателей, психологическая интерпретация и составление заключения по результатам.

Метод незаконченных предложений — очень информативный проективный тест, совмещающий достоинства ассоциативного эксперимента с простотой проведения; направлен на изучение проблемных сфер личности и неосознаваемых аффективных комплексов; существуют различные модификации теста. Студент приобретает навык диагностической беседы, самостоятельного поиска областей психологического неблагополучия испытуемого, навык сопоставления формальных и содержательных признаков внутриличностных конфликтов, усваивает признаки степеней осознанности проблем.

Тематический Апперцепционный Тест — второй по распространенности после теста Роршаха проективный тест. Относится к разряду «универсальных диагностических техник». Позволяет ознакомиться с практическими приемами герменевтики текста, получить теоретические и практические представления о целостной структуре личности, получить уникальные навыки сопоставления множества диагностически значимых характеристик поведения и воображения испытуемого.

Содержание практических занятий

№	Основное содержание	Кол-во часов
1	Исследование самооценки методикой Дембо-Рубинштейн	
	Теоретическое введение	0,5
	Демонстрация проведения методики на добровольце	0,5
	Объяснение основных принципов и категорий интерпретации	3
	Задание на дом: провести исследование самооценки на генеральном испытуемом	
2	Исследование уровня притязаний по Ф. Хоппе	
	Проверка и обсуждение протоколов исследования самооценки	1,5
	Теоретическое введение в исследование уровня притязаний	2,5
	Задание на дом: провести исследование У. П. на генеральном испытуемом	
№	Основное содержание	Кол-во часов
3	Исследование уровня притязаний по Ф. Хоппе	
	Проверка и обсуждение протоколов исследования.	3
	Ознакомление со структурой заключения по исследованию личности	1
	Задание на дом: написать заключение по результатам исследования личности генерального испытуемого по методу Дембо-Рубинштейн и Ф. Хоппе	
4	Фрустрационный тест С. Розенцвейга	
	Проверка заключений по предыдущим исследованиям	1,5
	Проведение теста на добровольце	0,25
	Введение в теорию фрустрации С. Розенцвейга и первичный анализ протоколов исследования	2,25
	Задание на дом: провести тест и первичную обработку протокола	
5	Фрустрационный тест С. Розенцвейга	
	Тренировка первичного анализа на полученных протоколах	2
	Теория второго и третьего этапа обработки и интерпретации #	2
	Задание на дом: написать психологическое заключение по результатам теста Розенцвейга	
6	Фрустрационный тест С. Розенцвейга	
	Проверка заключений по тесту С. Розенцвейга	4
7	Тест незаконченных предложений	
	Проверка заключений по тесту С. Розенцвейга	3
	Теоретическое введение в тест незаконченных предложений	1
	Задание на дом: провести тест незаконченных предложений на генеральном испытуемом и провести первичную обработку протокола	
8	Тест незаконченных предложений	
	Тренировка в первичной обработке протокола	2
	Теория интерпретации теста незаконченных предложений	2
	Задание на дом: написать заключение по тесту	
№	Основное содержание	Кол-во часов
9	Тематический Апперцепционный Тест (ТАТ)	
	Проверка заключений по тесту незаконченных предложений	2

	Теоретическое введение в теорию ТАТ: категории интерпретации по Г. Мюррею	2
	Задание на дом: провести первую серию теста на генеральном испытуемом; самостоятельная работа с руководством Г. Мюррея	
10	Тематический Апперцепционный Тест (ТАТ)	
	Опрос и обсуждение категорий обработки по руководству Г. Мюррея	2
	Введение в теорию интерпретации ТАТ: схема категорий первичной обработки протокола	2
	Задание на дом: провести вторую серию теста на генеральном испытуемом; самостоятельная работа с руководством С. Томкинса	
11	Тематический Апперцепционный Тест (ТАТ)	
	Тренировка в анализе рассказов	3
	Введение в теорию интерпретации ТАТ: схема категорий первичной обработки протокола	1
	Задание на дом: провести первичный анализ протоколов; самостоятельная работа с руководством Д. Рапапорта	
12	Тематический Апперцепционный Тест (ТАТ)	
	Тренировка в анализе рассказов	2
	Теоретическое введение в диагностику личности на основании первичных категорий анализа рассказов; структура заключения по ТАТ	2
	Задание на дом- написать заключение по ТАТ	
13	Тематический Апперцепционный Тест (ТАТ)	
	Проверка заключений по ТАТ	4
14	Тематический Апперцепционный Тест (ТАТ)	
	Проверка заключений по ТАТ	4
15	Тематический Апперцепционный Тест (ТАТ)	
	Проверка заключений по ТАТ	3
	Подведение итогов практических занятий	1
	Итого:	60

Несколько слов об этой книге.....	3
Тема 1. Методологические аспекты клинической психодиагностики личности.....	4
Личность как объект клинического исследования.....	4
Клинический диагноз.....	4
Клинический стиль мышления в противовес психометрическому.....	5
Понятие «личность» в клиническом подходе.....	6
Личность психодиагноста.....	7
Феномен проекции и проективная техника.....	8
Проективный метод – это не тест.....	8
Теория измерения: краткий обзор теорий проекции.....	9
Теории объекта: эволюция взглядов на объект проективного исследования.....	10
Подводные камни интерпретации проекции.....	12
Условия, влияющие на проекцию.....	13
Рекомендуемая литература по теме.....	13
Тема 2. Исследование самооценки по Дембо-Рубинштейн с элементами клинической беседы.....	15
Вводные замечания.....	15
Самооценка и защитные механизмы личности.....	15
Процедура проведения.....	16
Основы интерпретации.....	17
Основные параметры самооценки.....	18
Высота актуальной самооценки.....	18
Неравномерность самооценки.....	21
Высота идеальной самооценки.....	22
Соотношение между высотой актуальной и идеальной самооценки.....	23
Уровень объективной оценки своих возможностей.....	24
Соотношение между параметрами самооценки.....	25
Шкалы «удовлетворенность собой» и «оптимизм».....	26
Анализ степени искажения самооценки.....	26
Дополнительные материалы к теме.....	26
Исследование валидности метода.....	26
Рекомендуемая литература по теме.....	29
Тема 3. Исследование уровня притязаний по Ф. Хоппе.....	30
Вводные замечания.....	30
Процедура исследования.....	31
Основы интерпретации.....	33
Оценка параметров профиля.....	33
Оценка высоты профиля.....	33
Оценка устойчивости профиля.....	34
Оценка реалистичности уровня притязаний.....	36
Оценка адекватности уровня притязаний.....	36
Психологическая интерпретация.....	36
Характеристики процессов целеполагания у испытуемого.....	37
Оценка мотивации достижения успеха или избегания неуспеха.....	37
Анализ самооценки.....	37
Задания для проведения исследования.....	37
Дополнительные материалы к теме.....	38
Валидизация методики.....	38
Исследование валидности качественных параметров методики.....	38
Рекомендуемая литература по теме.....	40
Тема 4. Структура психологического заключения.....	41
Характеристика отношения к обследованию.....	41
Признаки адекватного отношения к обследованию.....	41
Признаки неадекватного отношения к обследованию.....	41
Признаки формального отношения к обследованию.....	42
Характеристики контакта с испытуемым.....	42

Тема 5. Тест рисуночной фрустрации С. Розенцвейга.....	46
Вводные замечания.....	46
Назначение теста.....	46
Фрустрационная теория С. Розенцвейга.....	47
Процедура исследования.....	49
Подготовка к интерпретации.....	49
Первичная обработка протокола.....	49
Подсчет диагностических показателей.....	50
Пример подсчета показателей.....	52
Интерпретация показателей матрицы результатов (таблицы профилей).....	53
Об уровнях интерпретации типов и направлений реакций.....	53
E-D-реакции.....	54
N-P-реакции.....	55
O-D-реакции.....	56
Интерпретация направлений фрустрационных реакций E-реакция (экстрапунитивность).....	56
I-реакция (интропунитивность).....	56
M-реакция (импунитивность).....	57
Интерпретация образцов реакций в ситуации прямого обвинения.....	58
Интерпретация формул.....	59
Интерпретация GCR и признаков внутриличностной и/или микросоциальной дезадаптации.....	59
Пример заключения Пример 1.....	60
Пример 2.....	60
Дополнительные материалы к теме.....	61
Валидизация методики.....	61
Связь параметров теста Розенцвейга с самооценкой и тревожностью.....	61
Результаты исследования состояли в следующем.....	61
Исследование индикаторов агрессивности.....	62
Полученные результаты.....	64
Исследование формирования фрустрационных реакций в онтогенезе.....	65
Рекомендуемая литература по теме.....	67
Тема 6. Методика незавершенных предложений.....	68
Вводные замечания.....	68
Назначение методики.....	68
Процедура проведения.....	69
Обработка результатов.....	70
I этап – обработка протокола.....	70
II этап – психологическая интерпретация.....	71
Интерпретация формальных показателей.....	71
Содержательный анализ проблем.....	72
Структура заключения.....	74
Анализ смыслового пересечения сфер.....	75
Пример 1.....	76
Пример 2.....	76
Пример 3.....	77
Рекомендуемая литература по теме.....	78
Тема 7. Тематический апперцепционный тест.....	79
Вводные замечания.....	79
Инструкция и основные правила проведения.....	80
Категории первичной обработки текста рассказов.....	82
Структура заключения по ТАТ.....	89
1. Оценка динамики продуктивности.....	89
2. Характеристика интеллектуальной сферы.....	89
3. Характеристика эмоциональной сферы.....	91
4. Характеристика «Я-концепции».....	93

5. Контактная сфера испытуемого.....	95
6. Сфера конфликтов.....	95
7. Мотивационная сфера.....	97
8. Сфера планирования.....	98
9. Защитные механизмы личности Вытеснение. Признаками вытеснения являются:	98
10. Резюме.....	99
Примеры заключений по ТАТ	99
Пример 1.....	99
Пример 2.....	103
Пример 3.....	105
Рекомендуемая литература по теме.....	106
Тема 8. Рисунок несуществующего животного (РНЖ).....	107
Вводные замечания.....	107
Теоретические основания интерпретации.....	107
Правила проведения РНЖ.....	110
Интерпретации.....	111
Аспекты анализа рисунка.....	113
Семантика пространства проективного рисунка.....	113
Графологические аспекты интерпретации.....	115
Содержательный анализ рисунка.....	117
Примеры интерпретации с опорой на общее впечатление от рисунка.....	120
Описание патопсихологических симптомокомплексов РНЖ.....	122
Дополнительные материалы к теме.....	126
Валидизация метода.....	126
Проективный рисунок как проявление канала невербальной коммуникации.....	126
Теоретические предпосылки исследования.....	127
Исследование связи «Я-образа» испытуемых и рисунка несуществующего животного	131
.....	131
Рекомендуемая литература по теме.....	144
Список цитированной литературы.....	146
Признаки реакций в ситуации фрустрации по типам и направлениям.....	150
Текст незавершенных предложений.....	153
Незавершенные предложения (для мужчин).....	153
Незавершенные предложения (для женщин).....	154
Тематический апперцепционный тест (ТАТ).....	155
Инструкции.....	156
Анализ рассказов.....	157
Варианты идентификации:.....	158
Формальный анализ.....	165
С. Томкинс. Культурные клише ТАТ.....	165